

Вятский государственный гуманитарный университет

**ВЕСТИК
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Филология и искусствоведение

Научный журнал

№ 1(2)

Киров
2009

Главный редактор
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО

Редакционная коллегия:
B. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор (зам. главного редактора);
A. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент (отв. секретарь);
K. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
Л. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
M. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
B. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
B. А. Поздеев,
доктор филологических наук, профессор;
C. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор;
O. Ю. Поляков,
доктор филологических наук, профессор;
H. О. Осипова,
доктор филологических наук, профессор

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 370-892 (научно-исследовательский отдел),
(8332) 673-674 (Издательский центр)

Редактор О. Редькина
Компьютерная верстка – Ю. Клыгина

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Колесникова О. И. О некоторых вопросах новейших исследований в отечественной лингвистике	8
--	---

ЛИНГВИСТИКА

Теория языка. Русский язык: история и современность. Языковое разнообразие России. Вопросы славянского языкоznания

Парадигматика языка. Языковой символизм. Интерпретация текста

Виноградов С. Н. Парадигматика языка как модель оценочной деятельности	14
--	----

Темиршина О. Р., Абилова Е. Р. Символистский код в поэзии Д. Ревякина: анаграмма как способ семантической организации	18
--	----

Чевела О. В. Литургическая поэзия в контексте гомиетики	20
---	----

Дискурсивный анализ. Концепт. Речевая деятельность как междисциплинарная область исследований. Этнолингвистика

Босов А. Е. Юридический язык и юридический дискурс: сущность и особенности анализа	25
--	----

Наумова Н. Г. Образ П. И. Чичикова как вербализация концепта «предприниматель» (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»)	29
--	----

Калинина Л. В. Квантификация неисчисляемых существительных в русском языке как когнитивный процесс	32
---	----

Плотникова Ю. А. Реконструкция семантической модели концепта INTEREST на основе словарных дефиниций	35
--	----

Лексическая и грамматическая семантика языковых единиц

Карданова А. А. Композиционная семантика фразеологических единиц с опорным компонентом-соматизмом	38
--	----

Дружинина С. И. О синкетизме некоторых атрибутивных сложноподчиненных предложений	41
--	----

Попова Н. В. Понятие «безобразие» в русском языке как нарушение эстетических и этических ценностей	46
---	----

История языка. Диалектология

Ерофеева И. В. Лексико-грамматические особенности прилагательного божии в летописном тексте	51
--	----

Герасимова И. В. Особенности грамматической семантики претеритов в старорусской письменной речи XV–XVII вв.	55
---	----

**Языки мира. Сопоставительное языкознание.
Сравнительно-исторические и типологические исследования.
Проблемы межкультурной коммуникации. Переводоведение**

*Структурно-семантический и функциональный анализ слова.
Метафорический перенос. Коммуникативное взаимодействие носителей разных языков*

Калинчева Е. В. Роль факторов контекстной реализации в определении лексического значения слова в рамках АСГ	60
Панкратова С. А. Момент озарения-инсайта как подтверждение верности метафорического выбора	65
Ковязина Е. Н. Античная философия в зеркале метафор (на материале произведения В. Татаркевича «История философии»)	69
Карнишина В. В. Функции клише английского и русского языка в метакоммуникации (на примере коммуникативного события «Приветствие»)	74
Шатилова Л. М. Имплицитные способы выражения благопожеланий в немецком и русском языках	80
Алатырцева Л. В. К вопросу исследования эвазии в немецкой разговорной речи	84

*Словообразование в языках разных структур. Анализ грамматических единиц.
Лингвистические аспекты перевода*

Файзуллина А. Г. Словосложение как способ образования инвективной лексики в разноструктурных языках	87
Файзуллина А. Г. Лакунарная инвективная лексика в разноструктурных языках	92
Бонн Ю. В. Графические и фонетические характеристики английских числительных в дискурсе (на материале фразеологических единиц)	96
Рахматуллина Д. Э. Роль предлога в темпоральных предложно-именных группах с семантикой следования в английском языке	101
Тарнаева Л. П. Теория дискурса и перевод в сфере делового общения.....	104

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Литература России. Современный литературный процесс

*Фольклор. Структура текста. Мотивационный и концептуальный анализ.
Традиции и их отражение в современной прозе*

Пчеловодова И. В. Особенности композиции удмуртских лирических песен	108
Лутовинова Е. И. Образ слова в русских волшебных сказках.....	114
Роготнев И. Ю. «Карнавал» и «сатира» в русской литературе Нового времени (о своеобразии комизма М. Е. Салтыкова-Щедрина)	118
Афустамова А. А. «Очарованная даль», или Путешествие в Америку (рецепция США в русской очерковой литературе последней трети XIX в.)	123

<i>Васильева О. В. Мотивный комплекс раннего творчества Н. С. Лескова</i>	127
<i>Шестакова Т. А. Структура и функции музыкальной ситуации в литературном произведении (на материале романа «Обойденные» Н. С. Лескова)</i>	131
<i>Серопян А. С. Концепт «Время» в романе Ф. М. Достоевского. Культурологический аспект</i>	137
<i>Кудрявцева Р. А. Концепт «долг» в марийском рассказе конца ХХ в.</i>	145
<i>Казанцева И. А. Традиции духовного реализма в прозе В. Н. Крупина</i>	150
<i>Моисеев А. А. «Чужие» скитальцы в русском общественном сознании второй половины XIX в. (на примере художественных образов героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы»)</i>	154
<i>Казиев М. Р. Гармония и драматизм жизни в художественном мире К. Ходова</i>	159

Зарубежная литература. Темы, основные мотивы, жанры. Проблемы перевода и интерпретации текста

<i>Современный зарубежный роман. Традиции готической литературы. Мировоззренческие аспекты анализа текста</i>	
<i>Кучумова Г. В. Немецкоязычный роман 1980–1995 гг.: новые формулы вуайеризма</i>	162
<i>Черномазова М. Ю. Готические мотивы в цикле «Рождественские рассказы» Ч. Диккенса</i>	165
<i>Шмелева Т. Н. Образ мулатки в новеллах Кейт Шопен «Дитя Дезире» и «Прекрасная Зораида»</i>	170
<i>Бячкова В. А. Литературные аллюзии как диалог с читателем в романе «Мисс Макензи» Э. Троллопа</i>	172
<i>Павлова М. Н. «История с воздушным шаром»: научная мистификация Эдгара По</i>	176
<i>Вышкун А. Л. Маркеры времени в романах А. Дюма «Королева Марго», «Графиня Монсоро», «Сорок пять»</i>	179

CONTENTS

- Kolesnikova O. I.* On some aspects of latest investigations in Russian linguistics
Vinogradov S. N. Paradigmatics of language as model of appraisal activity
Temirshina O. R., Avilova E. R. Symbolical Code in Revjakin's Poetry: Anagram as the Principle of Semantic Organization
Chevela O. The liturgical poetry in context of gomiletics
Bossov A. *The legal language and the juridical discourse:* some essential features and peculiarities of analysis
Naumova N. G. The character's image of Chichikov as the verbalization of the concept "Businessman" (based on the novel "The dead souls" by N. V. Gogol)
Kalinina L. V. Quantification of the incalculable nouns in Russian language as the cognitive process
Plotnikova Y. A. The reconstruction of the semantic model of the concept INTEREST on the basis of lexicographic definitions
Cardanova A. A. Compositional semantics of phraseology with support component-somatic
Druzhinina S. I. About syncretism of some attribute complex sentences
Popova N. V. The notion "ugliness" in Russian as the breaking of aesthetic and ethical values
Erofeeva I. V. Lexiko-grammatical peculiarities of the adjective *божий* in an annalistic text
Gerasimova I. V. Grammatical semantics' peculiarities of preterits in old Russian written speech of XV–XVII centuries
Kalinycheva E. V. Role of contextual factors in definition of the word meaning within a semantic group
Pankratova S. A. The point of aha-reaction-insight as a proof of metaphoric choice correctness
Kovyazina E. N. Antique philosophy mirrored in metaphors (based on "The history of philosophy" by Vl. Tatarkevich)
Karnyushina V. V. The English and Russian Cliché Functions seen in Meta-communication in the Form of Greetings
Shatilova L. M. Implicit means of expressing wishes of good in German and Russian
Alatyrtseva L. V. To the Survey of Evasion in Colloquial German Speech
Faizyllina A. G. Compound word as mode of building invective names in different structured languages
Faizyllina A. G. Lacuna invective vocabulary in the different structured languages
Bopp J. V. Graphic and phonetic description of the present-day numerals as they are seen in the authentic idioms in discourse
Rabmatullina D. E. The role of the preposition in temporal preposition-noun groups with future / successive semantics in English
Tarnaeva L. P. Discourse analysis and translation in business communication
Pchelovodova I. V. Peculiarities of composition of Udmurt lyric songs
Lutovinova E. I. The word image in folk fairy tales
Rogotnev I. Yu. "Karnival" and "satire" in Russian literature of new ages (on specifics of M. E. Saltykov-Schedrin's comism)
Arustamova A. A. The fascinated distance, or travel to America (perception of the USA in Russian sketches of the third part of the XIX c.)
Vasiljeva O. V. The motif complex of the N. S. Leskov's early creative work

Shestakova T. A. Structure and functions of musical situation in work of literature (on the material of the novel “Obojdyonnye” by N. S. Leskov)

Seropjan A. S. Concept “Time” in Dostoevsky’s novel. Kulturological aspect.

Kudryavtseva R. A. The concept “The debt” in mari story of the end XX centurys

Kazantseva I. A. The traditions of ecclesiastical realism in Krupin’s creative

Moiseev A. A. “Strange” wanderers in Russian public consciousness of the second half of the 19-th century (the artistic image of the characters in F. M. Dostoyevsky’s novel “Demons”, as an example)

Kaziev M. R. Harmony and dramatizm of life in artistic world of K. Hodov

Kuchumova G. V. New Forms of Voyeurism in the Novels of 1980–1995 by German-Speaking Writers

Chernomazova M. Yu. Gothic themes in the cycle of «The Christmas Books» by C. Dickens

Shmeleva T. The image of mulatto in Kate Chopin’s early short stories “Desire’s Baby” and “La Belle Zoraide”

Byachkova V. A. Literary allusions and dialogue with the reader in “Miss Mackenzie” by A. Trollope

Pavlova M. N. *The Balloon-Hoax:* Edgar Poe’s Scientific Hoax

Vyishkin A. L. Time markers in the novels “Queen Margot”, “Countess Monsoreau”, “Forty five” by Duma

О. И. Колесникова

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Мысль о коммуникативном предназначении, коммуникативной востребованности современных лингвистических исследований находит подтверждение своей справедливости прежде всего в четко осознаваемой (и зачастую неосознаваемой) *прагматической направленности научного изыскания*. В интерпретационном поле книжного по стилю глагола совершенного вида «изыскать» в сознании русскоговорящего человека актуализируется, в соответствии со словарной дефиницией, значение «*найти, отыскать путем старательных поисков, усилий*» (например, изыскать меры, материалы и т. д.) [1]. Но – лингвистический парадокс! – в искомом в рамках данной статьи значении «*производить научные исследования в какой-л. области*» этот глагол не является видовой парой глагола «изыскивать». Лексикографически закрепленный факт отсутствия формы выражения значения достижения предела рассматриваемого действия служит не только частным случаем языковой асимметрии, отраженным в аспектологии. Факт отсутствия члена грамматической оппозиции содержит информацию, значимую для любого поколения исследователей: как нет абсолютной границы в семантике глагола, так нет и предела в познании. В науке возможно «изыскивать» – а «изыскать», в отличие от действия, обозначенного лексико-семантическим вариантом с менее абстрактной семантикой, невозможно. Кроме того, следует отметить еще одну – экстралингвистическую – информацию, а именно приоритетность конкретно-процессного значения как ценностный компонент любого целенаправленного действия, здесь – значимость временного отрезка самого исследования. (Не потому ли ключевой, концептуально важный элемент нашего коллективного сознательного – *счастье* – в русской культуре интерпретируется в процессуальной плоскости:

благословенно время, сам процесс достижения цели, а не переживание достигнутого?) Стоит подчеркнуть дар научного предвидения наших выдающихся русистов, которые задолго до официального поворота к когнитивистике, в рамках традиционного подхода интерпретировали языковые явления в единстве с ментальными механизмами. Например, отмечая отсутствие видовой корреляции у ряда глаголов несовершенного вида, Ю. С. Маслов писал: «Мысль вообще не мирится не только с моментализацией процесса, но и вообще с ограничением длительности протекания процесса какими бы то ни было рамками времени» [2]. Даже один красноречивый случай презентации в языке свойств картины мира народа и человека – прямое подтверждение точки зрения о том, что грамматический строй языка является производным от форм нашего мышления, в которых «мы запечатлеваем свои категории» [3].

Черты концептуальной интерпретации действительности обнаруживаются исследователями как на морфологическом, так и на других языковых уровнях: в семантической сфере, словообразовании, синтаксисе. Так, Т. И. Вендина рассматривает словообразовательную систему языка в виде своеобразной классификации человеческого опыта и видит в «означивании» качеств и свойств предметов и явлений внешнего мира с помощью словообразовательных средств результаты «измерения их значимости для носителей языка» [4]. Рассматривая динамику синтаксической системы, З. Д. Попова ставит ее в зависимость от постижения носителями языка связей и отношений объектов реальной действительности. Представляется важным, что в процессе решения задачи когнитивного описания синтаксической концептуализации в русском языке ученым не только устанавливается национальная специфика в выборе референтов для их синтаксического представления при отражении в языке бытия / инобытия / небытия объекта, равно как и других концептов, о которых свидетельствует функционирование в языке определенных структурных схем. «Изыскивается» выход в случаях, имеющих проблематичные трактовки. Например, в вопросе о

главном члене односоставных предложений сейчас нет единства взглядов. В своей монографии З. Д. Попова, в частности, показывает, что нет оснований выделять номинативные предложения как особый тип: с когнитивной точки зрения, это лишь речевая реализация ядерной схемы, вербализующий концепт «бытие объекта» [5].

Наряду с наиболее часто практикуемым сегодня лингвокогнитивным подходом к описанию разноуровневых единиц языка, в русле которого в целом прослеживается воздействие национального сознания, национальной картины мира на язык народа, перспективным представляется и изучение воздействия языка на человека. Способность языка предопределять речевое поведение его носителя исследуется, в основном, на материале межличностного дискурса как прагмалингвистического феномена, что позволяет составить *речевой портрет носителя русского языка – коммуниканта* практически во всех его проявлениях: этических, возрастных, социальных, профессиональных. Немаловажно для нашего самосознания, что русскому дискурсу свойственна фатическая модальность, в основе которой находится установка на взаимность, проявляющаяся в эмоциональной открытости, искренности, создающая особый доверительный контекст общения. Отмечается и хорошо развитая у носителей русского языка способность интуитивно понимать информацию при ее недостаточно четкой формулировке [6]. Опираясь на данные собственных исследований, можем утверждать, что благодаря прагмасемантической интуиции даже не обладающий большим жизненным и читательским опытом ребенок – младший школьник преодолевает семантические барьеры при декодировании поэтически репрезентируемого смысла [7]. Чертты речевого портрета могут быть положены в основу разрабатываемой в лингвистике модели коммуникативной компетенции личности. Поуровневое представление компонентов этой функциональной системы способностей как целостного образования в сознании человека находится сейчас в стадии исследования, в частности онтолингвистического [8]. Основным объектом в психолингвистических работах выступает

коммуникативное (речевое) поведение, дискурс, по замечанию К. Ф. Седова, «явленный ученому в виде процесса и продукта – в конкретных речевых произведениях, будь то связные и цельные тексты или результаты ассоциативных или любых иных экспериментов» [9].

Отношение к языку вкупе с его кумулятивными возможностями, в том числе в рамках национальной самоидентификации, как к глобальному дискурсу носителей культуры, психологии и духовных ценностей – важнейшая примета времени и современной научной мысли [см., например, работы Н. Ф. Алефиренко, В. И. Карасика, Ю. Н. Каурова, В. В. Колесова и др.]. Свойства языка – хранилища этноспецифичной информации – обнаруживаются сегодня как на уровне прецедентности, так и (воспользуемся игрой слов) на беспрецедентном уровне, то есть в режиме on-line, в текущем коммуникативном процессе: в порождающем, сиюминутно творимом событии речепроизводства и речепонимания. Такое событие есть многоуровневая работа языкового сознания, чьи гендерные, возрастные, социально-ролевые, корпоративные особенности, а также особенности, реализуемые в межкультурной коммуникации, стали и продолжают становиться объектами многочисленных исследований. В широком измерении результаты таких исследований складываются в общую картину национального сознания, концептосферы и составляют этнографию речи.

Как отмечает И. А. Стернин, «уровень традиционного лингвистического описания языкового сознания предполагает обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания» [10]. Объектом при этом являются факты, зафиксированные в текстах, словарях, письменной и устной речи. Вместе с тем, по мнению самих языковедов, значение слова или фразеологизма представляет лишь один (или несколько) из аспектов концепта – по определению Н. Ф. Алефиренко, «многомерного этнопсихологического образования». В процессе семиотизации, то есть в ходе репрезентации концепта, «лингвокреативное

мышление наращивает различные смыслы оценочного, эмотивного и экспрессивно-образного характера» [11]. Стоит заметить, что точно так же на уровне понимания речи, в ходе реконструкции концепта, результат этого понимания получает во «внутреннем контексте» воспринимающего субъекта дополнительные эмоциональные, коммуникативно-прагматические элементы.

В основе методологических установок авторов работ, выполняемых в русле лингвоконцептологии, находится положение о трехкомпонентном составе полевой модели концепта З. Д. Поповой и И. А. Стернина [12]. Семантическое моделирование, являясь традиционным методом лингвистических исследований, остается одним из востребованных современными исследователями методов. В системоцентрической парадигме он часто находит свое применение при изучении словарного состава языка, идиостилей. Использование метода семантического поля признается сейчас и средством релевантного представления практически любой подсистемы единой структурированной функциональной системы – концептуальной картины мира. Полевое описание концепта позволяет выявлять большой объем исследуемых единиц, семантически структурировать объект научного исследования, показать различные виды отношений единиц исследуемого поля не только на уровне лексико-семантических вариантов, но и на уровне экстралингвистических особенностей дискурса, отражаемых средствами естественного языка. При этом методом компонентного анализа исследуется семная структура лексем, репрезентирующих разнообразные аспекты концептуальной системы человека.

Однако словарные дефиниции, лексикографическое значение не только недостаточны для описания реального функционирования слова в речи, но и не исчерпывают содержания концепта, ведь концепт может быть и не вербализован языковыми средствами (в этом случае говорят об отсутствии коммуникативной релевантности концепта) [13]. Доступ к отражению человеческого сознания в языке открывает обращение к языковой личности, когда человек предстает, по выражению Ю. Н. Каравалова, как специфически си-

стематизированный продукт языковой деятельности. Понятие языковая личность, по мнению ученого, предполагает «такой способ представления языка, в котором находят отражение не только свойства и законы языкового строя, но и отпечатленные в языке знания о мире, высокие человеческие ценности, равно как и низшие проявления человеческого духа» [14]. Поэтому антропоцентрический характер имеют и исследования вторичного смыслопорождения, в том числе в русле семантического онтогенеза, исследующего становление способности понимать речь в ее различных языковых модусах.

Нельзя не обратить внимания на мнение В. А. Пищальниковой о том, что переход современной «системоцентрической» лингвистики в другую парадигму осуществляется «путем медленного, постепенного заимствования психолингвистических экспериментальных методик»; отмечается быстро возросшее доверие лингвистов к категориям интерпретации, моделям научного объекта, наконец, к ассоциативному эксперименту [15]. Думается, что научный прогресс на основе конфронтации невозможен, и это было очевидно уже на начальном этапе выхода лингвистики на уровень текста. Так, А. И. Новиков, характеризуя позицию И. Р. Гальперина, пишет, что его представление о целостности текста занимает «промежуточное, компромиссное положение между грамматическим подходом и психолингвистическим. С грамматическим подходом его связывает то, что признаки интегративности он ищет, хотя и на более высоком уровне, но все же на уровне формальных признаков связности... С психолингвистическим подходом его связывает то, что в качестве интегративных признаков им также рассматриваются такие признаки, которые базируются на ассоциациях, пресуппозициях, коннотациях и других средствах не грамматического, а психологического плана» [16]. Стремление к научному постижению объекта лингвистических исследований, который бы представлял даже *«в относительно чистом виде»* (то есть вне человека, вне его психофизиологических свойств), сегодня не только непродуктивно, но и лишено объективной методологической ос-

новы. Процитированное выражение принадлежит одному из учеников Фердинанда де Соссюра Альберу Сеше, который, как известно, выступил в роли посредника в донесении миру идей своего учителя. Еще в начале XX в. А. Сеше говорил о двух типах языка – аффективном и организованном, ориентируя тем самым лингвистическую науку на учет психологических факторов, и мотивировал это тем, что «действие дограмматических факторов никогда не прекращается» [17]. Поиск «чистого» объекта наблюдается, например, в попытках некоторых исследователей отмежеваться от прагматики. Под этим углом зрения, к примеру, при обосновании «специфики интерпретационного подхода в лингвистике», интерпретационным фильтром оказывается языковая система, выступающая тем инвариантом, на основе которого формируется результат интерпретационной деятельности коммуниканта [18].

Едва ли не одной из первых идею о необходимости интегративного подхода к анализу языковых явлений в отечественной лингвистике последнего периода стала высказывать А. А. Залевская. Сегодня науки о языке, пишет известный психолингвист, «столкнулись с задачами, которые не могут решаться в рамках какой-либо отдельной специальности: назрела необходимость объединения усилий представителей разных наук» [19]. В практике научных изысканий лингвистов можно увидеть не только наметившийся, но зафиксированный в многочисленных трудах докторантов выход за рамки языковой системы и обращение к речемыслительной деятельности субъекта. Так, в одном из новых направлений, сформировавшемся на основе системного подхода, – лингвистической аксиологии – на основе выделяемых знаками языка элементов концептосферы научное осмысление получают ценностные ориентации этноса. Речементальные свойства этнического сознания исследуются при описании и анализе языковой модели, репрезентирующющей мировидение, мировосприятие и мирочувствование народа [20].

Другим, но столь же благодатным полем для междисциплинарных исследований сегодня становится дискурсивный подход. Границы исследова-

тельского поля дискурса, как институционального типа, так и личностно ориентированного, а также число объектов научных изысканий здесь неисчерпаемы. Так, посвящая свою книгу белым пятнам современной лингвистики [21], В. К. Харченко открывает молодым исследователям широкий круг объектов, среди которых, к примеру, лингвистика стресса, такие разновидности разговорного дискурса, как детская игра, внутрисемейное общение, общение с животными и многие другие. Выявление языковых особенностей этих и многих других сфер приложения языковой личности – вполне достойная цель как прикладной, так и фундаментальной филологии.

Одним из дискуссионных вопросов в современной лингвистике является понимание объекта таких исследований – дискурса. Как нам представляется, в контексте интеграции предпочтительнее широкое понимание дискурса, которое мы находим, в частности, в лингвистической модели языкового взаимодействия А. Е. Кибрика [22]. Дискурс в трактовке ученого рассматривается как коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создаваемый в процессе общения текст. В этом ключе можно установить когнитивную основу научной работы и увидеть реальное отражение дискурсивных процессов в текстовой форме, констатировать эволюционное движение науки о языке. Если раньше, по свидетельству Дж. Гринберга, лингвистику интересовал «непосредственно сам код, в соответствии с правилами которого строятся сообщения» [23], то сейчас без выхода в социальный контекст, вне широкого коммуникативного плана, в котором едва ли не решающую роль играет порождающий текст и воспринимающий его человек, наука о языке развиваться не может. Поясним наш тезис на примере дискурса, в котором язык выступает в модусе художественного существования, более близком проблематике наших исследований. Говоря о художественности, Д. Серль подчеркивал: «Не существует никакого синтаксического или семантического свойства текста, которое позволило бы идентифицировать текст в качестве художественного произведения, это, так сказать, иллокутив-

ная установка, которую автор принимает по отношению к нему, и эта установка определяется совокупностью иллокутивных намерений, которые имеет автор, когда он пишет или иным образом сочиняет данный текст» [24].

В отечественной лингвистике взгляд на текст в рамках коммуникативного события обосновал, как известно, М. М. Бахтин. Оставаясь в координатах такого объекта исследования, как художественный дискурс, дословно приведем следующее высказывание ученого: «Понятие эстетического нельзя извлечь интуитивным или эмпирическим путем из художественного произведения: оно будет наивно, субъективно и неустойчиво; для уверенного и точного самоопределения ему необходимо взаимоопределение с другими областями в единстве человеческой культуры [25].

На первый взгляд вполне понятной выглядит и точка зрения сторонников более узкого понимания дискурса как тождественного тексту, хотя их исходная позиция – взгляд на текст как единственный доступный для традиционного лингвистического анализа источник показаний языкового сознания автора – ограничивает рамки исследуемого пространства. Не случайно в качестве дополнительного средства задействуется такой метод психолингвистики, как свободный ассоциативный эксперимент, позволяющий выявлять структуру концепта, вербализуемого словом.

Интересный подход в решении проблемы столкновения парадигм продемонстрировал при построении лингвистической теории аналитического понимания текста А. Г. Васильев, который весьма оригинально построил свое обоснование аргументативного дискурса, нейтрализуя те возражения, которые могут быть выдвинуты с психолингвистических позиций [26]. В данной работе мы находим пример того «межпарадигмального диалога», который, по идеи ее автора, сможет предупредить некорректность вывода о проявлении традиционализма в лингвосемиологическом подходе.

К сожалению, тот факт, что текст является только отражением дискурсивных процессов, а не самим дискурсом, многими исследователями игнорируется. Пример жонглирования терминами «текст» и «дискурс» можно найти в рекомендуе-

мом студентам-филологам толковании художественного дискурса. Автор учебного пособия, посвященного современным исследованиям в лингвистике (М., 2008), дословно воспроизводит рассуждение Л. В. Миллер в ее диссертации [27] о сущности явления, правда, заменяя слово *дискурс* на слово *текст*. «С одной стороны, художественный текст – это поле для функционирования языковых единиц, с другой – это речемыслительный процесс (выд. мной. – О. К.), заключающийся в специфическом способе организации речевой деятельности в сфере художественного», – говорится в работе [28]. Но текст, как известно, скорее продукт этого процесса (если не иметь в виду под текстом фиксации «потока сознания», как, например, в «Улиссе» Джойса). Без pragматических, социокультурных, психологических и других факторов дискурс, являясь коммуникативным образованием, теряет свою сущность. Исследовательская плоскость дискурса (в широкой трактовке понятия) позволяет сфокусировать внимание на живом интерпретационном процессе. Он происходит – несмотря на решение в разных парадигмах лингвистической науки вопроса о главенствующей роли языковой системы либо языка как «достояния индивида» – и в изменяющейся языковой системе, и в динамичной и индивидуальной деятельности коммуникантов.

Примечания

1. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1. С. 658.
2. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // «Известия» АН СССР. Отдел литературы и языка. 1948, 7. № 4. С. 310.
3. Труфанов С. Н. Грамматика разума. Самара: Гегель-фонд, 2003. 621 с.
4. Вендина Т. И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование // Слово и культура: в 2 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. М.: Индрик, 1998. Т. 1. С. 41.
5. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Истоки, 2009. 209 с.

6. Владимирова Т. Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. М.: КомКнига, 2007. 304 с.
7. Колесникова О. И. Художественный модус языка и языковая компетенция ребенка. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. 275 с.
8. См., например: Казаковская В. В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок» / отв. ред. А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова. СПб.: Наука, 2006. 456 с.; Лемяскина Н. А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника (на материале речевого поведения учащихся 1–4 классов). Воронеж: ВГУ, 2004. 330 с.
9. Седов К. Ф. Теоретическая модель психолингвоперсонологии // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 13. Режим доступа: <http://iling-ran.ru/library/voprosy/7.pdf>.
10. Стернин И. А. О понятии коммуникативного сознания и некоторых особенностях русского коммуникативного сознания // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 38.
11. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. С. 63.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
13. Там же. С. 67.
14. Кафаулов Ю. Н. Структура языковой личности и место литературы в языковом сознании // Русская литература в формировании современной языковой личности: м-лы Междунар. конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2007. Т. 1. С. 286.
15. Пищалярникова В. А. Хождение в варяги, или Об использовании категории деятельности в современной лингвистике // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: сб. ст. / Институт языкоznания РАН. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. С. 144.
16. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. М.: Ин-т языкоznания РАН, 2007. С. 18.
17. Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка / пер. с франц. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
18. Матханова И. П., Трипольская Т. А. Проблемы интерпретационных исследований: типы и режимы интерпретации // Вестник МГУ. Сер. Филология. 2005. № 5. С. 88–105.
19. Залевская А. А. Понимание и интерпретация: вопросы теории // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 68.
20. Например, в коллективной монографии: «Русские и “русскость”. Лингво-культурологические этюды» / сост. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2006. 335 с.
21. Харченко В. К. «Белые пятна» на карте современной лингвистики: книга рисков. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2008. 168 с.
22. Кибрек А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 287–301.
23. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: Вводный курс / пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 224 с.
24. Серль Д. Р. Логический статус художественного дискурса. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_04.htm.
25. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит-ра, 1975. С. 6–71.
26. Васильев А. Г. К формированию лингвоаргументологической парадигмы // Дискуссионные вопросы современной лингвистики. Вып. 1: сб. науч. тр. / под ред. проф. А. Г. Васильева. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. С. 20–27.
27. См.: Миллер Л. В. Лигвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. С. 12.
28. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2008. С. 50.

ЛИНГВИСТИКА

Теория языка. Русский язык: история и современность. Языковое разнообразие России. Вопросы славянского языкознания

Парадигматика языка. Языковой символизм. Интерпретация текста

УДК 81'232

С. Н. Виноградов

ПАРАДИГМАТИКА ЯЗЫКА КАК МОДЕЛЬ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается функционирование парадигматических отношений как деятельность по выбору языковых вариантов на основе систем оценок. Констатируется наличие в речи структур, выражающих механизм указанного выбора. Приводятся примеры систем оценок, участвующих в функционировании языковых единиц и в создании культурных моделей с использованием языка.

Paradigmatic functioning as choosing of lingual variants, based on appraisal systems, is discussed. The existence of speech structures, expressing the mechanism of that choice, is stated. Some examples of appraisal systems, taking part in functioning of language units and in creating of cultural models as expressed by means of language, are given.

Ключевые слова: парадигматика, аксиологическая деятельность, выбор языковых вариантов, инвариант, шкалы оценок.

Keywords: paradigmatics, axiological activity, choice of linguistic variants, invariant, appraisal scales.

Понятие парадигматики связывается с представлением о классе языковых единиц. Внутри этого класса его элементы обладают некоторой общностью, которая отражена в понятии инварианта. Члены одной и той же парадигмы связаны тождеством инварианта и противопоставле-

ны теми или иными различиями [1]. «Единицы, находящиеся в оппозиции друг к другу, или, что то же самое, входящие в один класс, – это, конечно, те единицы, между которыми говорящий должен каждый раз делать выбор для того, чтобы получить нужное ему сообщение» [2]. Таким образом, понятие парадигматики носит функциональный характер и связывается с деятельностью, предполагающей выбор одного варианта из некоторого их набора. Представляется наиболее приемлемым определение парадигматики как системы вариантов, из числа которых автор речи на каждом шаге её развёртывания делает выбор.

В лингвистических работах не прояснён вопрос, является ли инвариант идеальной сущностью, материальным образованием или единством того и другого [3]. Будем далее рассматривать инвариант как материальное образование – как название класса относительно однородных объектов [4], как материальный результат интерпретации, отражающей общность объектов (подробная аргументация в пользу такого понимания дана в работах [5]). В таком случае инвариант выступает как знаковая единица, денотатом которой является парадигматический класс.

Если парадигматический класс – набор альтернатив выбора, то естественно возникает вопрос: каковы причины этого выбора? Что заставляет говорящего осуществлять эту деятельность? Ясно, что выбор парадигматического варианта отражает некоторую осознанную или неосознанную оценку. Под оценкой будем понимать материальную форму, в которой проявляется существование ценностей, а под ценностью – идеальное образование, представляющее собой важность (значительность, значимость) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей [6]. Среди свойств ценности, помимо её выраженной

ВИНОГРАДОВ Сергей Николаевич – докторант кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
© Виноградов С. Н., 2009

(в частности, в языковых формах), следует отметить наличие альтернатив выбора (ценное – неценное, более ценное – менее ценное) и иерархическую организованность, которая отражает многоуровневый, многоаспектный характер ценности и возникла закономерным путём, вследствие эволюции биологических и психологических основ человеческого существа (мозга, высшей нервной деятельности) и в процессе развития общественного сознания. В результате этого развития высшие проявления ценности своими корнями уходят в биологическую предысторию человека – в биологическую целесообразность или нецелесообразность, в различие полезных и вредных проявлений, в механизм естественного отбора. Поэтому при изучении высших ценностей – добра, справедливости, красоты и т. д. – нельзя игнорировать явления низших уровней иерархии, над которыми надстраиваются различные проявления человеческого духа. Одно не исключает другого: будучи высоконравственным, духовным существом, человек остается связанным условиями своего существования и осуществляет свои выборы во многом автоматически, руководствуясь зачастую весьма примитивными интересами и даже не осознавая, что он делает какой-либо выбор. Эти соображения следует учесть при рассмотрении парадигматики в аксиологическом аспекте.

Аксиологический подход к парадигматическим отношениям, на наш взгляд, предполагает, что парадигматический класс – набор альтернатив выбора, который говорящий осуществляет, оценивая эти альтернативы в некоторой системе ценностей. Результат этого выбора – единица парадигматического класса, получившая «наилучшую оценку» и ставшая речевой единицей. Из единиц парадигматического класса формируется шкала, моделирующая диапазон оценок (подобно тому как шкала измерительного прибора моделирует диапазон температур или других физических величин). Как упорядочены парадигматические единицы на этой шкале, определяется коммуникативной ситуацией – сферой, целями, задачами общения, личностью автора речи, который сам выбирает (или творчески вырабатывает) ту систему упорядоченности, которая ему нужна. Системы ценностей общества и индивида чрезвычайно сложны, поэтому при оценивании «работает» (или создается) не одна шкала, а система шкал, по которым «выставляется» оценка. Достаточно вспомнить, что к хорошей речи предъявляется целый ряд требований: она должна быть правильной, точной, логичной, чистой, выразительной и т. д. Все эти коммуникативные качества речи учитываются при выборе парадигматических вариантов. Требования, которые предъявляются на основе этих качеств, могут быть детализированы, например, по уровням языка или по сферам его употребления.

Важен вопрос о бытованиях шкал оценок: являются ли они конструктами исследователя или имеют объективное существование? Для лингвиста эмпирической данностью является речь, из которой извлекается информация об употреблении речевых структурных элементов. Линейный принцип развертывания речи предполагает, что на каждом шаге этого развертывания выбирается только один речеобразующий элемент. При идеальном соблюдении данного принципа оказывается, что в речи нет наборов альтернатив выбора, а есть только его результаты. Однако на практике для речи характерно появление в ней структур, выражающих механизм выбора речеобразующих единиц. В этих структурах проявляется метаязыковая функция речи [7]. В состав таких структурных образований может входить набор парадигматических вариантов, полностью или частично данный в речевой последовательности. Иногда наличие парадигматических вариантов в речи играет определяющую роль в её построении. Так, для поэтической речи перенесение эквивалентности единиц с «оси селекций» на «ось комбинации» рассматривается как конституирующий принцип [8]. Научная речь изобилует метаязыковыми структурами, отражающими рефлексию автора над речью и её содержанием. Дефиниции включают термины и другие лексические единицы, находящиеся в родо-видовых отношениях, т. е. взаимозаменяемые в определённых коммуникативных условиях. Перечисления однородных членов включают лексические единицы, которые выбираются для квалификации, называния различных изучаемых и описываемых фактов, отнесения их к определённым классам классификации. Лексические единицы, находящиеся в синонимических, родо-видовых отношениях или отношениях соподчинения, по определению связаны парадигматическими отношениями. Значит, речь может выступать как форма бытования шкал оценок (постольку, поскольку она содержит наборы парадигматически связанных единиц и указания на причины парадигматического выбора; обычно в тексте присутствует не вся шкала оценок, а фрагменты, следы, «осколки» множества оценок [9]).

Возможны ли другие формы бытования шкал оценок? Что собой представляют словарная статья словаря синонимов, перечисление классов лексических единиц в идеографическом словаре, формальная модель парадигматических отношений? Все эти объекты по сравнению с метаязыковыми средствами в речи воспринимаются как в той или иной степени «неестественные» – искусственные, искусственно созданные, сконструированные. Но с точки зрения своей структуры эти формы сближаются с обычной письменной речью благодаря сходным свойствам – матери-

алной выраженности, линейной организации (развертыванию в пространстве и во времени). Что же касается «неестественности» словарных статей и формальных моделей, то данное их свойство выглядит очень расплывчатым. С одной стороны, в обычной речи также встречаются метаязыковые вкрапления, подобные перечислениям синонимов в словарях. С другой стороны, многие элементы формальных моделей (названия классов, наполнение таблиц и др.) представляют собой текстовые единицы и текстовые (речевые) фрагменты, а отношения внутри этих моделей формулируются как синтаксические структуры, взятые из обычной речи. Может быть, словарные статьи идеографических словарей, формальные модели и т. п. следует рассматривать как особые формы речи, которые приобретают всё большее значение в современном информатизированном и компьютеризованном мире. Исходя из сказанного, противопоставление речевой реальности и конструктов, созданных исследователем, представляется слишком категоричным. Скорее, здесь имеет место градация степеней «естественности» речи.

Инвариант парадигматического класса иногда может быть представлен в речи. Например, в предложении «К коммуникативным качествам речи относятся правильность, точность, логичность и т. д.» словосочетание «коммуникативные качества речи» является названием класса терминов, следовательно, инвариантом (ср. понимание инварианта как названия класса однородных объектов). В таком случае инвариант является метаязыковым знаком – общим названием класса инвариантных единиц. Но, по-видимому, совершенно не изучена способность инварианта обозначать ситуацию выбора. Дело в том, что парадигматический инвариант как общее свойство обязательно воплощается в одном из способов его языкового выражения. Необходимость выбора одного из таких способов представляет собой проблемную ситуацию, которая разрешается в процессе развёртывания речи. Тогда, по-видимому, наличие инварианта как названия является необходимым условием и в то же время способом осознания и индикатором некоторой проблемной ситуации при построении речи: если есть инвариант, то есть и проблема выбора одного из речевых вариантов. Связь между парадигматическим выбором и проблемной ситуацией, приведшей к порождению речи (текста), на наш взгляд, представляет интерес в плане исследования функционирования языка в его соотношении с различными механизмами деятельности [10]. Яркий пример этой связи можно найти в одной из книг известного писателя и врача В. Л. Леви [11]. Врач-психотерапевт предлагает своим пациентам кратко ответить на вопрос, что они по-

нимают под искусством общения. Ответы оказываются чрезвычайно разнообразными: уверенность в себе, умение слушать и смотреть, непрерывное тонкое ощущение собеседника, творческая вежливость, умение себя поставить, равновесие серьёзности с юмором, чувство меры и т. д. Из этих ответов можно извлечь информацию о том, как отвечающие решают (каждый по-своему!) проблему выбора способа вербализации абстрактного содержания. «Искусство общения» – инвариант, в ответах пациентов содержатся лексико-семантические парадигматические варианты. Психотерапевт работает с текстом, составленным из таких ответов, фактически из толкований выражения «искусство общения». Благодаря этому тексту врач ищет ответы на вопросы, которые В. Л. Леви считает очень важными для психотерапевта: что для больного значимо? Что для него важно? Для врача данный текст является инструментом анализа психологических проблем его пациентов. Совершенно ясно, что языковой механизм выражения указанного инварианта связан с лечебными задачами, которые приходится решать психотерапевту, и с проблемами общения, которые стоят перед его посетителями. Действительно, что можно сказать в психологическом плане, например, о пациенте, который определяет искусство общения как умение управлять людьми незаметно? Что он за человек? Психотерапевт умеет находить ответы на подобные вопросы.

В приведённом примере высказывания выражают оценку различных сторон искусства общения с точки зрения их значимости для пациентов: что является значимым, то и вербализуется. Рассмотрим некоторые примеры участия парадигматических классов в создании шкал оценок. Традиционно набор падежно-числовых форм именной части речи рассматривается как парадигма. Инвариантом класса падежно-числовых форм является единство грамматических категорий падежа и числа (или, если представить инвариант как название, – формулировка «падеж и число»). При каждом употреблении слова именной части речи выбирается только одна падежно-числовая форма. Этот выбор определяется в первую очередь требованием правильности речи, и с позиции правильности формируется оценка. Например, в сочетании прилагательного «русский» с существительным «язык», стоящим в единственном числе и именительном падеже, прилагательное также должно стоять в этих формах. В терминах оценок это значит, что среди возможных форм прилагательного форма единственного числа именительного падежа в данной коммуникативной ситуации оценивается положительно, а все остальные формы – отрицательно. Выбор числовой формы существительного

(«язык» или «языки») обычно определяется другим коммуникативным качеством речи – её точностью. Здесь может быть не двузначная логика оценки, а градация (разная степень точности). Например, во фразе «Одна из проблем общего языкознания – проблема развития языка» форма «языков» возможна, но менее точно выражает понятийное содержание фразы, потому что главный объект общего языкознания – «язык вообще», а не отдельные языки. Оценки разных сообществ носителей языка могут вступать в конфликт (ср. «согласно приказу» и «согласно приказа»; родительный падеж в этой конструкции, не соответствующий грамматической норме, многие говорящие воспринимают как правильный, то есть оценивают его положительно). В строчке из стихотворения поэта-пародиста А. Иванова «Велик могучим русской языка!» обнаруживается «извращённая» шкала оценок: чем неправильней, тем лучше. Использование такой шкалы обусловлено особой коммуникативной задачей – подчеркнуть, оттенить грамматические неправильности в пародируемом поэтическом произведении.

Парадигматика на лексическом уровне может быть иллюстрирована набором синонимов, формальным представлением которого является, например, словарная статья синонимического словаря. Кстати, в этой словарной статье с помощью различных помет отчасти заданы условия выбора синонима, следовательно, частично осуществлена деятельность по ценностному упорядочению вариантов. Критерием выбора лексического синонима обычно является стремление к точности и выразительности речи. Процесс этого выбора наглядно представлен в черновиках писателей, которые иногда по несколько раз зачёркивают выбранное слово, стремясь к наилучшему варианту. Это множество зачёркнутых и выбранных слов можно рассматривать как некоторую специфическую для жанра черновика модель оценки.

Парадигматика проявляется во всех уровнях языка, в том числе и в фонологии. Выбор фонемы, её варианта или оттенка обеспечивает правильность речи на фонетическом уровне (ср. фонетические дефекты речи вроде шепелявости или произнесение [л] вместо [р]), чистоту речи (ср. литературное и диалектное произношение). По-видимому, фонология теснее других уровней языка связана со шкалой оценок, определяющей, насколько правомерно считать воспринимаемый акустический феномен звучащей речью. Эта шкала позволяет носителю языка проводить границу между звучащей речью и тем, что похоже на звучащую речь, но ею не является.

Акцентирование аксиологических аспектов парадигматики представляет интерес с точки зрения обучения словесности. Понятие выраженной

в языковых формах шкалы оценок – средство осознания языка как отдельного, самостоятельного явления, способ рефлексии над языком и речью. Носитель языка может осуществлять речевой выбор автоматически, не осознавая его, на уровне навыка. Но осознание наличия множества вариантов выбора, умение упорядочить варианты на этом множестве, т. е. построить шкалу оценок, – это творческая задача, опирающаяся на знание языка и в процессе своего решения позволяющая углубить и расширить это знание. Например, чтобы подобрать эпитет-характеристику для образа литературного героя, нужно, вообще говоря, задать множество возможных эпитетов и оценить их приемлемость на основе ряда критериев, в том числе чисто лингвистических. Шкала оценок с использованием парадигматического класса может выступать в разных ипостасях: как часть правил выбора заранее заданных приемлемых речевых вариантов, то есть как готовая модель, являющаяся алгоритмом, «руководством к действию», или как результат деятельности – модель, творчески созданная самим деятелем.

Аксиологический взгляд на парадигматические отношения в языке может быть рассмотрен и в более широком контексте. Общество заинтересовано в таком обучении и воспитании своих членов, которое формировало бы системы ценностей, конструктивные для данного общества, цементирующие его. Огромную роль в создании таких систем ценностей играют гуманитарные дисциплины, в частности литературоведение. Язык, по-видимому, выступает как универсальная форма, воплощающая ценности, формирующая и передающая их. Умение пользоваться готовыми культурными моделями и умение создавать и воссоздавать их – необходимые качества полноценного члена общества. В создании этих качеств изучение и использование аксиологических свойств парадигматики языка играет не последнюю роль.

Примечания

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979. С. 205.
2. Мартине А. Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965. С. 455–466.
3. Виноградов С. Н. Инвариант как результат интерпретации языковых знаков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. Выпуск 1(6). Н. Новгород, 2005. С. 83.
4. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 32.
5. Виноградов С. Н. Инвариант как результат интерпретации языковых знаков. С. 83–84; Виноградов С. Н. Термин как средство и объект описания. Н. Новгород, 2005. С. 39–40.
6. Виноградов С. Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте

- мирои культуры: м-лы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород, 2007. С. 93–95.
7. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций. М., 2004. С. 241.
8. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 204.
9. Виноградов С. Н. Аксиологический аспект словоупотреблений и текстовых повторов // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. № 6. Н. Новгород, 2007. С. 268.
10. Виноградов С. Н. Текстовый лексический выбор как отражение проблемной ситуации // Языковая семантика и образ мира: м-лы Междунар. науч. конф., г. Казань, 20–22 мая 2008 г.: в 2 ч. Ч. 1. Казань, 2008. С. 182–184.
11. Леви В. А. Искусство быть другим. М., 1980. С. 44–46.

УДК 81'37

O. P. Темиршина, E. P. Авилова

СИМВОЛИСТСКИЙ КОД В ПОЭЗИИ Д. РЕВЯКИНА: АНАГРАММА КАК СПОСОБ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме звуковых структур, которые на семантическом уровне выполняют интегрирующую функцию в поэзии Д. Ревякина. Такой подход позволяет выявить важный аспект «поэтики символа». Предполагается, что развертывание анаграммы – это один из главных факторов генезиса поэтического текста.

The article is devoted to the problem of the sound structures that play an integration role in D. Revjakin's poetry on semantic level. This approach reveals an important aspect of the "poetic of symbol". It is considered that realization of anagrammatic principles is one of the main factor of poetic text's genesis.

Ключевые слова: звуковая структура, символ, анаграмматические принципы, поэтика, парадигма, семантика.

Keywords: sound structure, symbol, anagrammatic principles, poetics, paradigm, semantics.

Поэтика символа является поэтикой по преимуществу парадигматической. Это обозначает, что образы, входящие в символическую систему смысла в творчестве того или иного автора, как бы рассыпаны по всему корпусу его текстов. Поэтому для адекватного восприятия тексты символистского типа нужно читать не столько «по горизонтали» (то есть линейно), сколько – воспользуемся метафорой К. Леви-Строса – как «оркестровую партитуру», «по вертикали» [1]. Так в

ТЕМИРШИНА Олеся Равильевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской филологии Технического института г. Нерюнгри
АВИЛОВА Елена Равильевна – аспирант кафедры русской филологии Технического института г. Нерюнгри
© Темиршина О. Р., Авилова Е. Р., 2009

символистских текстах возникают обратно пропорциональные отношения между семантикой и синтаксисом. При этом установка на семантические парадигмы ослабляет синтагматическую связность текста, что приводит к доминированию семантических факторов над синтаксическими [2].

Тем не менее, символистские тексты характеризуются исключительной семантической целостностью, что связано с тем, что все элементы той или иной парадигмы представляют собой один топически варьируемый образ. Такой способ построения текста заставляет искать дополнительные способы связности текста, не относящиеся к традиционным синтаксическим. Один из таких способов – анаграмма [3].

Анаграмматическое построение текста зачастую связано с поэтикой символа. Если предположить, что в соответствии с мифopoетическим принципом все элементы семантической парадигмы пронизывает некое общее значение (которое делает их тождественными), то эта смысловая структура с необходимостью проявляется в анаграмме. Анаграмма в таком контексте выражает центростремительные семантические тенденции, обеспечивающие «нераздельность-неслияность» символа.

С точки зрения создателя текста, анаграмма – это проекция звуков с оси синтагмы на ось парадигмы. То есть ключевое слово разбивается на звуковые комплексы, которые затем обнаруживаются в других словах. Задача читателя (исследователя) – проделать обратную работу: с парадигмы перевести в синтагму и прийти к ключевому слову.

Трудность выявления анаграмм связана с тем, что существуют смежные явления ассонанса и аллитерации, которые не предполагают семантической составляющей. Возможно, что при выявлении анаграмматических построений необходимо ориентироваться на синтаксический и семантический критерии в их взаимообусловленности: скорее всего, анаграмматической зашифровке будет подвергаться слово, (1) либо связанное с основным мотивно-тематическим комплексом текста, (2) либо стоящее в сильной текстовой позиции (начало текста, конец, рама текста), (3) либо так или иначе маркированное. Эти критерии сильно ограничивают поле выявления анаграмм, но, тем не менее, позволяют корректно выявить те или иные анаграмматические построения.

Мы считаем, что использование анаграмм связано с «прагматикой» текста. Другими словами, слово в подобном поэтическом контексте должно быть действенным. Прагматика здесь – прямое воздействие через поэтическую форму, которая на уровне морфемики и фонетики позволяет воссоздать ключевое слово.

Анаграммное письмо характерно, прежде всего, для религиозно-мифологических текстов, где

изначальная функция слова – воздействовать на сознание реципиента. Интересно отметить, что Вяч. Иванов, исследуя в звукосемантическом аспекте поэзию Пушкина, также выделял это «качество» художественного слова. Ср.: «Это общее явление, которое прежде всего имеют в виду, когда говорят о так называемой “инструментовке стиха”, уместно рассматривать как “прием” лишь поскольку речь идет о сознательном применении технических средств художественной выразительности. Но корни его лежат глубже, в первоначальном импульсе к созданию неизменной и магически-действенной, не благозвучием (в нашем смысле), а нерасторжимым созвучием связанной и связующей волю богов и людей словесной формулы, какою в эпоху, еще чуждую художества, является стих в его исконной цели и древнейшем виде заклинания и зарока» [4].

Ярким примером анаграммного письма является поэзия Д. Ревякина, специфика которой заключается в том, что в ней прослеживаются литературные традиции русского модернизма, реализующиеся не только на мотивно-образном, но и на структурном уровне.

В символизме и поэтическом авангарде отчетливо проявляются теургические тенденции, с которыми связывается концепция слова, основанная на намеренном разрушении традиционных лингвистических единиц с целью воссоздания архаической (исходной) знаковой системы. Следовательно, в данном контексте поэтический текст становится чем-то большим, чем обыкновенное художественное произведение, – он создается по принципу религиозной молитвы, гимна. Отсюда обращение в творчестве Д. Ревякина к анаграмматическим принципам письма.

У Ревякина поэтический текст не просто самодостаточен с точки зрения его художественных особенностей – его художественность реализуется только тогда, когда он выполняет свою основную задачу – прямо или опосредованно воздействует на реципиента. И принцип анаграммы, с этой точки зрения, является наиболее удачным, так как дает возможность посредством языковых звукообразов реализовать pragматическую направленность произведения.

Руководствуясь тремя принципами выделения анаграмм, обратимся к песенной поэзии Д. Ревякина.

(1) В композиции «С боевыми глазами» возникает анаграмма, которая раскрывает основное мотивно-тематическое содержание текста. Ревякин использует традиционный для религиозно-мифологической поэзии мотив инициации, который подразумевает под собой тотальное разрушение прежнего состояния, посредством которого возможно создание нового мира. Следовательно, ключевыми словами здесь могут быть: разрыв, смерть, огонь и др.

В данном случае мы имеем дело с рекомбинацией ключевого слова «разрыв». В частности, морфема «раз», которая вбирает в себя значения разрушения, разрыва, упадка, соотносится с корнем **рыв**, как вариант **рв**. Следовательно, в совокупности перед нами ключевое слово **разрыв**, определяющее мотивно-тематическую основу данного текста, которая соотносится с инициационным мотивом. Данная языковая структура отсутствует в тексте как целостная лингвистическая единица, но она является потенциальным воссоздаваемой:

Раздирали бока, раны сыпали пеплом,
Благородным порывом загорались юнцы:
Разбивались замки, раскрывались ларцы, –
Вековую завесу срывали
Своими руками [5].

Еще один пример использования анаграммы, раскрывающей тематику текста, мы находим в композиции «В устье Лены». Эта анаграмма состоит из двух частотно употребляющихся сегментов **ре** и **ка**, дающих слово «река» (на что косвенно указывает само название текста):

Даром молчит черный камень.
Повезло – в долгих сумерках
В крик обошел мутный омут.
А вчера горем умер как [6].

(2) Ключевое понятие может заключаться уже в самом заголовочном комплексе, а в тексте реализоваться по принципу анаграммы. Пример такой «зашифровки» обнаруживаем в тексте «Сладко петь».

Глагол «петь» уже в самом тексте неоднократно «проявляется» в виде морфемы **ть** (употребляется 11 раз), связанной с категорией несовершенного вида, и звукового комплекса **пе** (употребляется 7 раз):

Корни испепелить, –
Потакать разнудзанной дряни.
Сунуть уши под плеть
И душой умереть, –
В кулаки не сжать
Сильные длани.
Эх, мне бы тихо прожить,
Рот песком заложить,
Заковать разум в звоны-вериги [7].

(3) Третий принцип использования анаграммы связан с тем, что анаграмматической зашифровке подвергается маркированное слово – в случае с поэзией Ревякина это либо авторский неологизм, либо слово из другого языка. Интересно отметить, что такого рода слова часто об-

наружаются в сильных текстовых позициях. В качестве примера можно привести альбом «Дарза». Здесь маркированное слово «дарза» на звукосмысловом уровне проявляется практически во всех текстах, входящих в данный альбом, в виде повторяющихся сегментов «дар» и «за». Сегмент *дар* встречается 12 раз, *за* – 18 раз.

Даром закалить румяны,
Щебет заплести в моряны,
Исцелить рассерженных дождем.
Бусы расподарить в нитки.

Таким образом, в поэзии Д. Ревякина анаграмматической зашифровке подвергаются важнейшие смысловые комплексы, а само обращение к приему анаграммы связано с символистскими принципами построения его поэзии. Возможно, что развертывание анаграммы в диахроническом плане указывает на сам процесс создания песни: такие синкетические интуитивные глассолали всегда «просвечивают» в самом тексте, как бы указывая на историю его создания, заключенную в нем самом. Как правило, они реализуются в ключевом сочетании песни, звуковой комплекс из которого как бы пронизывает весь текст, являясь его семантическим каркасом и структурой.

Примечания

1. См. подробнее: Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 183–208.
2. Ср. мнение Т. М. Николаевой: «Чем текст п-мернее, тем его собственная синтаксическая опора менее значительна» (*Николаева Т. М. От звука к тексту*. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 436–437).
3. Подробнее об анаграмме в проекции на особенности древней индоевропейской поэзии см.: Иванов В. Б. Очерки по предыстории и истории семиотики // Избранные работы по истории и семиотике культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 617–628.
4. Иванов В. К проблеме звукообраза у Пушкина // Собр. соч. в 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. С. 343.
5. Калинов мост: сб. статей и текстов песен. М.: Антао, 2001. С. 35.
6. Там же. С. 206.
7. Там же. С. 56.

УДК 82-1

О. В. Чевела

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ГОМИЛЕТИКИ

В статье ставится проблема влияния патристики и гомилетики на литургическую поэзию. На материале византийской гимнографии рассматриваются способы передачи «чужого слова». Обосновывается значимость «первичного» текста для интерпретации оригинала и анализа разноточений в славянских переводах.

In the article is raised a problem of the influence of patristics and gomiletics on liturgical poetry. On the material of Byzantine hymnography are considered the ways of the transmission of “somebody else’s word”. It is motivated a value of the “primary” text for the interpretation of the original and for the analysis of the alternative versions in Slavonic translations.

Ключевые слова: герменевтика, гимнография, перевод, греческий язык, древнеславянский язык.

Keywords: hermenevtics, hymnographics, translation, grec, ancient Slavonic languages.

Византийская гимнография, развивавшаяся под влиянием святоотеческой письменности, содержит немало извлечений из творений вселенских учителей. Используя данные источники в качестве структурных элементов для своих произведений, гимнографы опирались на современную им христианскую доктрину и древнее учение Церкви. Как отмечает протоиерей Н. И. Флоринский, особенно сильное влияние на гимнографию оказали творения Григория Назианзина, Григория Нисского и Иоанна Златоуста, самая проповедь которых «была высокою песнью веры и благочестия по дару Св. Духа» [1].

На зависимость гимнографии от гомилетики, в особенности же творений Григория Богослова и Иоанна Златоуста, указывали G. Grosdidier de Matons (1974), Ф. Детаракис (1978), В. Василик (2006). Это влияние проявлялось не только в «записывании» тех или иных выражений и текстовых фрагментов, но и в особенностях авторской экзегезы. Как отмечает В. Василик, «наиболее догматичными авторами канонов (в смысле четкости формулировок – как триадологических, так и христологических и мариологических), являются Свв. А. Критский, К. Майумский и И. Дамаскин» [2].

Особо тесная связь существовала между гимнами, приуроченными к тому или иному празд-

ЧЕВЕЛА Ольга Всеволодовна – кандидат филологических наук, соискатель ученой степени доктора филологических наук, доцент по кафедре русского языка как иностранного Казанского высшего артиллерийского командного училища
© Чевела О. В., 2009

нику, и гомилиями на этот же день. Цель данной работы – рассмотреть способы передачи «чужого слова» в гимнах Цветной Триоди и показать значимость гомилематики для интерпретации переводов гимнографии. В качестве источников привлекались славянские рукописи XI–XV вв. [3]

Выделяются два основных способа передачи «чужого» слова – прямое заимствование (в форме цитат) и непрямое (в виде реминисценций и перифразов). В древних славянских рукописях сохранились песнопения, включающие не только цитаты, но целые блоки из творений Святых Отцов.

Известно влияние «Слова на Пасху» Григория Богослова на Пасхальный канон Иоанна Дамаскина. В Цветной Триоди XI в. Типографского собрания нами обнаружены стихиры, включающие фрагменты из двух его произведений – «Слова на Пасху и о своем замедлении» и «Слова на Святую Пасху», где христианское содержание облечено в изысканные формы античной риторики. Русский перевод дан в редакции Московской духовной академии [4].

Бια στοιού βελικουγιού ήδη πασχαί εχρήι γλάδι α σαμβό

Δῆτε επισπίνε : μηρού ιερικού βιδιμωνινης και ιερικού νεκιδιμωνινης . χεις ιζ μερτακαιχια εκεκρεσετα . χεις εια σεκέ η πριδικτε . χεις ω γρογα εκοδονια . ει καιμαρτα φαρουσαετα . ει κετχχιανη αδαμη ιζκονιτα . ει νοκαιη εκεκραετα . ιακο ο χει νοκαια τκαρη . οεκονιια . πασχα γηια πασχα πακαι ρεκου πασχα . υαστα τρονια . ειη ιαμη πραζδηνικομι πραζδηνικα . ειη ταρχαστκο ιετα ταρχαστκομι . ειη το εο χει εκεκρεση ιζ μερτκαιχια . προσκεψαλ ει καιμαρτα . ει εκεινη . ει επασαλ ειναι ζεμηδιχια . ιεκο ελγαιη ει καικολκεια .

Σήμερον σωτηρία τω κόσμω, ὅσος τε δρατός, καὶ ἀδρατός, Χριστὸς ἐκ νεκρῶν, συνεγείρεσθε· Χριστὸς εἰς ἔαυτὸν, ἐπανέρχεσθε· Χριστὸς ἐκ τάφων, ἐλευθερώθητε τῶν δέσμων τῆς ἀμαρτίας. Πύλαι ἄδου ἀνοίγονται, καὶ θάνατος καταλύεται, καὶ ὁ παλαιὸς Αδὰμ ἀποτίθεται, καὶ ὁ νέος συμπλυροῦται ἐι τις ἐν Χριστῷ καινὴ κτίσις, ἀνακαινίζεσθε... Πάσχα Κυρίου, Πάσχα, καὶ πάλιν ἐρῶ Πάσχα, τιμῇ τῆς Τριάδος. «Ныне спасение миру, видимому и невидимому! Христос *возстал* из мертвых: возстаньте и вы с ним; Христос *восходит* к Себе: восходите и вы; Христос *воскрес* из гроба: освобождайтесь и вы от уз греха. Врата ада отверзаются, смерть ниспровергается, отлагается ветхий Адам и совершенствуется новый. Аще кто во Христе, нова тварь (2 Кор. 5,17), обновляйтесь» («Слово на Пасху»).

Εκεκρεσηνη Δηνη πλοδα σιτκοριμη σεκέ . χειτνε Ζιδανιε и εκοινικαιοε . ώδαδιμη οεραζου εηε πο οεραζου . ποζνιμη ιασε ιεδοστοιηαστκο . ποχαστιμη αρεκλε οεραζνοε . φαζογμφιμη ταιηιαστκα ειλου . ει ζα καιχια χει ουμαρε : αιασια . ουμαρηιενια καιζεδε . ει αικο ελγαιη ει καικο [Τηπ. 54 οβ.] – Αναστάσεως ήμερα ... Καρποφορήσωμεν ήμας αυτούς, τό

τιμιώτατὸν Θεῶ κτῆμα καὶ οἰκεότατον· ἀποδῶμεν τῇ εἰκόνι τὸ κατ’ εἰκόνα, γνωρίσωμεν ἡμῶν τὸ ἀξίωμα, τιμήσωμεν τὸ ἀρχέτυπον, γνῶμεν τοῦ μοστηρίου τὴν δύναμιν, καὶ ὑπέρ τίνος Χριστὸς ἀπέθανε. «Принесем самих себя – стяжение самое драгоценное пред Богом и Ему наиболее свойственное, воздадим Образу сотворенное по образу, познаем наше достоинство, почтим Первообраз, уразумеем силу таинства и за то, за кого Христос умер» («Слово на Пасху и о своем замедлении»).

Несколько слов о трансформации исходного текста. В первой стихире речь Ангела объединяется с заключительными строками Слова, которые св. Григорий Богослов произносит от своего имени. Языковая компрессия связана с законами гимнической поэзии [5] и троичным принципом построения:

Χριστὸς ἐκ νεκρῶν, συνεγείρεσθε,
Χριστὸς εἰς ἔαυτὸν, ἐπανέρχεσθε
Χριστὸς ἐκ τάφων, ἐλευθερώθητε
(καὶ) ὁ θάνατος καταλύεται,
καὶ ὁ παλαιὸς Αδὰμ ἀποτίθεται,
καὶ ὁ νέος συμπλυροῦται.

Отметим, что в каноне на Пасху прямые цитаты единичны, те же исходные формулы представлены в виде реминисценций – ἀναστάσεως ἡμέρα, λαμπρυνθῶμεν *Λαοὶ* (п. 1, ирм.), *ἔορταζέτω* δέ κόσμος, δρατός τὲ *ἄπας* καὶ ἀδρατός (п. 1, тр. 2). Общим для стихиры и Пасхального канона является и *figura etymologica* πραζδηνικομι πραζδηνικα · ειη ταρχαστκο ιετα ταρχαστκομι – ἔορτῶν *ἔορτή*, καὶ πανήγυρείς ἐστι πανηγύρεων [6] (п. 8, ирм.), позволяющая реконструировать оригинал.

Во второй стихире начало «Слова на Пасху и о своем замедлении» объединяется с центральной частью. В роли *καδанса* выступает традиционная формула *ιακο ελγαιη* и *καικολκεια*.

В переводе находят отражение характерные особенности доафонских редакций Триоди. Описательно переводятся греческие *composita*: *πλοδα σιτκοριμη* – карпофорήσωμεν, *αρεκλε οεραζνοε* – ἀρχέτυπον. Термин ἀρχέτυπος «архетип, Первообраз», по всей видимости, был неясен переводчику. Формы суперлатива переданы прилагательными в положительной степени. Как инновацию можно отметить использование *pronominia demonstrativa* в функции артикля: *ώδαδιμη οεραζου εηε πο οεραζου* – ἀποδῶμεν τῇ εἰκόνι τὸ κατ’ εἰκόνα. Неудовлетворительно переведены формы императива, наряду с единоначатиями выполняющего текстообразующую функцию.

В оригинале как риторический прием использована фигура умолчания (*ἀποσιώπησις*), встречающаяся при особенно оживленном изложении и предоставляющая слушателю или читателю восполнить эллипсис подразумеваемого члена словесной последовательности. Авторы русского перевода свободно подошли к переводимому

тексту, «восстановив» предикат: Χριστὸς ἐκ νεκρῶν – *Христос восстал из мертвых*; Χριστὸς εἰς ἑαυτὸν – *Христос восходит к Себе*, Χριστὸς ἐκ τάφου – *Христос воскрес из гроба*. Первые переводчики, скованные рамками пословного принципа, оказались перед дилеммой: перевести текст буквально или восполнить пробел, «пожертвовав» императивом – *κλεψησθετъ, сководися, обновитеся* (вместо *свободитесь, обновитесь*). В результате утрачивается риторическое сопоставление двух планов. В то же время, строгое соблюдение пословного принципа позволяет сохранить ритмический рисунок оригинала. Синтаксис упрощается и в составе апостольской цитаты, где также представлена эллиптическая конструкция.

Контекстуально переводится глагол ἀποτίθημι «слагать с себя, оставлять» (термин, частотно используемый по отношению к «ветхому человеку»). Имеют место паронимические и антонимические замены: *честное здание* – тιμώτατὸν Θεῷ κτῆμα «честнейшее Божие приобретение» (переводчик перепутал κτῆμα «приобретение» и κτίσμα «созданное, творение, тварь»), *познания наше недостоинство* (вм. достоинство – ἀξίωμα). В современных печатных изданиях стихиры отсутствуют, и славянский перевод может служить материалом для реконструкции греческого оригинала.

Гораздо чаще исходный текст представлен в гимнах в виде аллюзий. Существующие параллели иногда настолько затенены в переводе, что обнаруживаются только при обращении к оригиналу. В каноне на Антипасху Иоанна Дамаскина аллюзируется «Слово Григория Назианзина на Новое Воскресенье» – Обновление Воскресения Христова (ἐγκαίνια τῆς Χριστοῦ Ἀναστάσεος):

ἡ βασιλὶς τῶν ὥρῶν τῇ λαμπροφόρῳ ἡμέρᾳ, ἡμέρων τὲ βασιλίδι φανότατα, δοριφοροῦσα τέρπει – царь часомъ · скѣтоноснамъ же днѣмъ · днѣмъ же щѣки скѣтъ · дары приноса оукрашаѧ · [Вол. 93] // царь времене, скѣтоноснамъ дѣнь, днѣмъ же царскіи мѣлസ · дары носа, краси людн црквила [КТ 282].

В целом перевод весьма неудовлетворителен, что обусловлено рядом факторов, затрудняющих понимание оригинала: многозначностью ключевых слов, несовпадением падежного управления, дистанцированием артикля. Вариант доафонских рукописей царь часомъ неверно передает греческое ἡ βασιλὶς τῶν ὥρῶν (царица временам), где ώρα – «час, время (года)». Выражение является períphraseм ключевого слова первого тропаря – єфор «весна». Неадекватно передан значимый для образной системы канона глагол δορύφερω «составляю свиту, сопровождаю». Термин, образованный на основе глагольного словосочетания с прямым объектом (δόρυ «жезл, копье» + φέρω «ношу»), по происхождению связан с византий-

ской и римской государственностью, употребляется применительно к почетной страже, сопровождающей верховных правителей при их торжественных появлении. Термин передан описательно, при этом первая часть – δόρυ – интерпретирована как δώρον «дар». Существование глагола δωροφορέω «приношу дары» допускает предположение о паронимии в греческих рукописях. Как отмечает Н. Ф. Фокков, аналогичные разночтения существовали в «Херувимской песне» [7]. Конечным итогом переводческой деятельности явилась неясная полукалька *дориносиги*.

Обращение к исходному тексту Слова позволяет не только установить первоначальное чтение, но и «прояснить» темные места славянского перевода:

ἡ βασίλισσα τῶν ὥρῶν τῇ βασιλίδι τῷ ἡμέρων πομπεύσει, καὶ δωροφορεῖ παρ' ἑαυτῆς πᾶς ὅτι κάλλιστον καὶ τερπνότατον Τσαριца времен года сопровождает царя дней и раздает щедрои рукой все самое прекрасное и радостное, что у нее есть (перевод С. С. Аверинцева).

Текст Слова претерпевает в каноне ряд трансформаций, не затрагивающих корневых морфем, несущих «смысл»: синонимические замены ἡ βασίλισσα – ἡ βασιλίς, изменение порядка слов τῇ βασιλίδι τῷ ἡμέρων – ἡμέρων τὲ βασιλίδι, смена категориальной принадлежности δωροφορεῖ.. τερπνότατον – δорифороūσα τέρπει. Текст расширен за счет лексического повтора и эпитетов-определений. Отметим, что в исходном фрагменте стоит δωροφορεῖ «приносит дары, дарит», что подтверждает наше предположение о наличии вариантов в греческих списках канона. Таким образом, древний славянский перевод может быть свидетелем несохранившейся греческой рукописной традиции. Разночтения *дорифороūσа / δωροφороūσа* проясняются на основе варьирования в «общих местах» гомилии, объединенных темой Царствия, где говорится о *сопровождающей Царя почетной страже*:

ἄπειρ βασιλεῖ, προύπτηνα τὰ βασίλεια, καὶ οὕτως εἰσαχθῆναι τὸν βασιλέα πάσιν ἵδη δοριφορούμενον – «ибо для него, как для Царя, подлежало приготовить царскую обитель, и потом уже ввести в нее Царя в сопровождении всех тварей (букв. сопровождаемого всеми)».

Образно-символическая система канона также непосредственно связана с текстом Слова, и в первую очередь ключевые символы «зима» и «весна».

Διῆς кесна дшми яко χά из гроба · яко санце касниакъ триднекно · мрачнико зиму (шгона) грѣха нашего [Вол. 96 об.] // днѣ проксещенїе дшами яко χά ѿ гроба · яко же санце касиа триднекно · мрачнико кзрю шгоналъ єї грѣха нашего [КТ 282] – Συμέρων єαρ ψυχῶν τὸν ζοφερὸν χειμῶν ἀπήλασε τῆς ἀμφιτίας ἡμῶν.

Символическое значение ключевого слова эксплицируется при помощи распространителя в

родительном падеже. В тексте Слова метафора ἔαρ τῶν ψυχῶν представлена в составе риторической амплификации:

Συμέρων ἔαρ ψυχῶν, ἔαρ κοσμικὸν, ἔαρ πνευματικὸν, ἔαρ ψυχᾶς, ἔαρ σώμασιν «δνεσίς весна душам», весна всемирная, весна духовная, весна душевная, весна телам». Метафора встречается и в других литургических текстах, например в составе службы Трем Святителям: ἔαρ χελιδῶν οὐ καθίστησι μία, αἱ τρεῖς ἀηδόνες δὲ τῶν ψυχῶν ἔαρ...».

Символическое значение существительного χειμῶν «зима» разъясняется Григорием Богословом в составе экзегетического приема типологии:

ἐγένετο δὲ Ἑγκαίνια ἐν Ἱεροσολύμοις, καὶ χειμῶν ἦν, ὁ τῆς ἀπίστιας, καὶ Ἰησοῦς παρῇ, Θεὸς καὶ ναὸς «Настал же (праздник) *Обновления* в Иерусалиме, и *была зима, то есть (зима) неверия*, и Иисус пришел, Бог и Храм, Бог Вечный, *храм Новый*». Применяя по отношению к «осьмому» (воскресному) дню название Обновление – Ἑγκαίνια, Ἑγκαινισμός, Григорий Богослов соотносит его с ветхозаветным праздником Обновления (Ἑγκαίνια) Иерусалимского храма. Перед нами тот типичный случай, когда патристика выступает в роли посредника между библейским текстом и гимнографией. Аллюзируется текст Евангелия от Иоанна [Ин. 10: 22]. Как сказано в комментарии Феофилакта Болгарского, «была зима, и в первый весенний месяц Господь пострадал». На реальную основу евангельского повествования накладывается символика, уясняемая из слов самого Христа, где под храмом он разумеет Свое Тело [Ин. 2: 19–20], на основании чего в Священной герменевтике Иерусалимский храм рассматривается как прообраз тела Господнего [8]. Синкетизм термина Ἑγκαίνια, Ἑγκαινισμός – Пасха и Неделя Фомина, первый и последний день, сохраняет столь же синкетичного представления древней Церкви. На связь между Фоминой неделей и праздником Обновления указывает и В. М. Лурье, основываясь на материалах древнего Иерусалимского лекционария [9]. В связи с этим нельзя не признать, что новое соответствие κύρῳ, хотя и передающее «внутреннюю форму» греческого χειμῶν «зима как дождливое и бурное время; пер. *буря*», затемняет образно-символическую структуру текста и евангельский затекст. Заметим, что при исправлении перевода Пентикостариона профессор П. П. Мироновицкий, внося правку *зиму* вместо κύρῳ, комментирует ее евангельской параллелью [10]. Как видим, такое переводческое решение уже существовало. Новые переводчики нарушили принцип учета исторических и культурных условий: если для древнего грека, как для жителя теплой страны, *зима и буря с дождем* являются смысловыми эквивалентами, то в других языках представле-

ние о зиме основано на иных ассоциациях. Не мотивировано оригиналом и соответствие *проскеψеніє*, «развертывающее» центральный символ – Солнце-Христос.

Как и образная система канона, экзегеза Иоанна Дамаскина опосредована текстом Слова, где раскрывается богословие «осьмого дня», «Освемицы – ὁδοῦ» – Дня Господнего, первого и последнего, «образа будущего века»:

ὅς πρώτη ὑπάρχει, ἡμερῶν καὶ κυρίᾳ, ἥ λαμπρόφρος αὔτῃ, ἐν ᾧ ἀγάλλεσθαι ἄξιον, τὸν καὶνὸν καὶ θεῖον λαὸν, ἐν τρόμῳ φέρει γὰρ, καὶ αἰῶνος τὸν τύπον, ὃς ὁδοῖς τελοῦσα τοῦ μέλλοντος. Сложность выражаемого содержания, синтаксические особенности (дистанцирование определения) сказались на славянских переводах: *ιακο περκι κεστα δημει ϰε γε · εκετονοсни си · конь же радоватися достоинно · ноктим же и ежткеням людемя · ся трапетомы бо носить бѣка образъ · осмормица же ткораши будущаго [Вол. 95] // ся трапетомы кв приноси^т бѣчныи образъ. осмали събранша боудъшаго [КТ 285].*

В данном случае также аллюзируется текст Слова:

δύδοη μὲν, ὃς ἀπὸ τοῦ Πάσχα, πρώτη δὲ, ὃς ἀρχὴ τῶν ἄλλων. καὶ δύδοη πάλιν, ὅτι εἰς εἰκόνα τάττεται τῆς ἀπεθάντου ἐκείνης ἡμέραις, τῆς ἐν τῷ μέλλοντι αἰῶνι, ἥ τις καὶ πρώτη καὶ μία ἔσται πάντος, μὴ νυκτὶ διακοπτομένη. Данный фрагмент полностью вошел в текст Синаксария на Антипасху [11]. В символике воскресного дня, являющегося образом грядущего седьмого века и Дня Восьмого вечного Царствия после скончания мира, находит отражение «пасхальная эсхатология, или эсхатологическая пасхалия» (В. М. Лурье), характерная для ранней церкви, где «основное священное действие каждого христианского празднования – литургия, на которой Воскресение всегда поминается с Пасхальным присутствием» [12].

«Отец библейской герменевтики» процедуру герменевтического анализа применительно к рукописному материалу формулирует следующим образом: «Весьма полезно сносить между собою как можно более переводчиков, углубляясь в их разности; только при сем должно употреблять все старание, как бы не обмануться неверностью списков» [13]. Что касается гимнографии, то здесь принцип «параллельных» мест осуществляется путем поиска первоисточника, способного пролить свет на «темные места» оригинала и перевода. В отношении же «неверности списков» воздержимся от строгой критики, вспоминая слова блаженного Августина: если переводчик не постигнет мысли писателя, «то может из рассматриваемых слов извлечь и другую мысль, лишь бы только сия мысль не противоречила правой вере и подтверждалась ясными свидетельствами Св. Писания».

Примечания

1. *Флоринский Н. И.* История богослужебных песнопений Православной кафолической восточной церкви [В драгоценных творениях Отцев сего времени, и по преимуществу в их словах на праздники Господни, весьма многие места по своему тону и изложению суть как бы песни, и скоро эти места были введены в церковные песнопения. С. 86]. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1881. 203, V с.
2. *Василик В. В.* Происхождение канона (богословие, история, поэтика) [Говоря о влиянии гомилий св. Григория Богослова на каноны св. Космы Майумского, автор подчеркивает: «Каноны необходимо анализировать в контексте патристики, в частности – в связи с гомилетикой». С. 30]. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. 362 с.
3. Мы придерживаемся классификации М. А. Моминой. См. *Момина М. А.* Вопросы классификации славянской Триоди // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1983. Т. 38. С. 25–38; Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1992. Т. 45. С. 200–219. Привлекаемые русские списки представлены рукописями Гимновской редакции (Вол. 241, Тип. 138) из фондов ОРК РГБ и РГАДА и списком афонской редакции (КТ) из фондов ОРК НБЛ КГУ. Удачным представляет термин «староизводные списки», используемый М. Йовчевой по отношению к доафонским рукописям. См. *Йовчева М.* Традиции и новое в богословской терминологии афонских редакторов XIV в. // Церковнославянский язык: история, исследование, преподавание: м-лы междунар. конф. (28–30 сентября 2004 г. М.: Изд-во ПСГУ, 2005).
4. К русскому переводу текста «Слова на Пасху и о своем замедлении» дан следующий комментарий: «Слово сие говорено по сему случаю. Когда св. Григорий против воли был поставлен в пресвитера, с назначением вспомоществования в управлении Назианзкою паствою епископу, престарелому отцу его; тогда св. Григорий, по чувству смирения и потому, что в новом назначении видел препятствие своему стремлению к жизни созерцательной, удалился было в Понт: однако, не много спустя, в самый день Пасхи, он воз-вратился в Назианз и произнес настоящее слово». Текст, отсутствующий в исходном тексте Слова, выделен курсивом (Прим. авт.).
5. Самым распространенным приемом был синтаксический параллелизм (симметричное построение колонов, или синтагм), обычно сочетающийся с единоначатиями (гомеоарктеона) и единокончаниями (гомеотелевта). Под воздействием оригиналов морфологическая рифма начинает широко использоваться в славянских переводах, а затем и оригинальных произведениях.
6. Родительный падеж однозначного и однокоренного имени составляет как бы превосходную степень в понятии – имени существительном = самый великий праздник, т. е. Пасха.
7. *Фокков Н. Ф.* К чтению церковно-греческого текста [В некоторых старых изданиях Литургии читалось δωροφορούμενος (вм. δοριφορούμενος)]. С. 183]. Киев: Тип. ун-та, 1886. 260 с.
8. *Августин, епископ Иппонский.* Христианская наука или Основания Священной Герменевтики и Церковного Красноречия [С. 107]. СПб.: ВІВЛІОПОЛІΣ, 2006. 508 с.
9. *Лурье В. М.* Три типа раннехристианского календаря и одно разнение в тексте *epistula apostolorum* [Григор Аршаруни (VII в.) называет Неделю Фомину праздником Обновления храма Тела Христова. С. 267] // Традиции и наследие христианского Востока: м-лы междунар. конф. М., 1996. С. 256–320.
10. *Краевецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX – начало XX в.) / отв. ред. А. М. Молдован [Автор приводит образцы исправлений П. П. Мироносицкого в экземпляре Пентикостариона из архива СПбДА, отмечая, что П. П. Мироносицкий во многих случаях комментирует текст отсылкой к Св. Писанию. С. 97]. М.: Языки русской культуры, 2001. 400 с.
11. осмама оукѡ, ѧкѡ осмалии дена ѿ пасхи, перкала же, ѧкѡ начало дрѹгиѡ. И осмама паки, оучиняется ко швѣразъ кезконечнаго онаго дне, иже єѧ кѹдѹщемъ кѣцѣ кѣдета ѧсакѡ перкали и единъ, не разсѣкаемъ ноїто.
12. *Лурье В. М.* Указ. соч. С. 266.
13. *Августин, епископ Иппонский.* Указ. соч. С. 90.

Дискурсивный анализ. Концепт. Речевая деятельность как междисциплинарная область исследований. Этнолингвистика

УДК 81'27

A. E. Босов

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК И ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА

Данная работа посвящена методологическим проблемам лингвистического описания так называемого юридического языка. Отказываясь от привычных методов юридической техники, автор предлагает изучать феномен юридического языка посредством дискурсивного анализа и опирается в своих выводах на разработки постпозитивистов (в частности, на логический анализ языка и теорию дискурса М. Фуко).

The given paper is devoted to some methodological problems of linguistic description of so-called legal language. Refusing to deal with habitual approaches of the legal technique the author proposes to examine the phenomenon of legal language with the help of the discourse analysis. He finds the base of research of the kind in the way of post positivism philosophy (logical analysis of language and the theory of discourse of M. Foucault in particular).

Ключевые слова: юридический язык, дискурс, логический анализ языка, постструктурлизм.

Keywords: legal language, discourse, logical analysis of language, post-structuralism.

Учение о дискурсе и дискурсивном анализе (далее – ДА) возникло в процессе постепенного отказа от идей структурализма и разработки постпозитивистами (главным образом, Р. Карнапом, К. Р. Поппером, П. К. Фейерабендом и Ж. Деррида) многоуровневого логического анализа языка. Споры о роли естественного языка в жизни общества породили ДА как новый метод языкоznания и лингвистической pragmatики.

Говоря о конвенциональности языковых знаков и считая их структуру единственным объектом лингвистики, Ф. де Соссюр утверждал, что язык «является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка» [1].

БОСОВ Артём Евгеньевич – аспирант кафедры русского языка и общего языкоznания Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, помощник председателя Нижегородского областного суда

© Босов А. Е., 2009

Данные суждения Соссюра в философском понимании означают развитие Аристотелевой триады *μορφή – εἶδος – οὐσία*, объяснённой и развитой в «Физике», хотя, по существу, введённой ещё раньше – в рассуждениях об общем и индивидуальном: «...субстанция каждой вещи есть то, что свойственно лишь ей, что не принадлежит чему-либо другому; но универсалия является общей, поскольку называется общим то, что принадлежит более чем одной вещи» [2].

Комментируя этот тезис Аристотеля, Б. Рассел поясняет: «Суть вопроса состоит в том, что универсалия не может существовать сама по себе, но лишь в отдельных вещах» [3] – типичный тезис структурализма. Наконец, У. Эко, резюмируя рассуждения о структурализме, приводит точку зрения представителя так называемой «женевской школы» Ж. Старобиньски: «Система не есть сумма составляющих её частей, ощущение целого присутствует в каждом её конститутивном элементе, – такова первая и главная установка структурализма» [4]. Таким именно образом онтологизированная структура (или «система» – термин, который эксплуатировал Соссюр и в который вкладывал ровно то же значение, какое его последователи – в понятие «структура») языка (*langue*), а не язык *per se*, стала основным объектом языкоznания.

Основные идеи ДА обобщил М. Фуко. Следует, однако, заметить, что сам Фуко, ратуя за отказ от методологии структурализма, тем не менее, в «Рождении клиники» [5], например, находится под серьёзным его влиянием, что позднее признаёт и сам [6].

Фуко одновременно отвергает структурализм и использует структуры как метод. Данное противоречие отмечает Эко, чому и даёт, ссылаясь на мысль Деррида и продолжая ее, глубокое и исчерпывающее объяснение: «Уроки Ницше и Хайдеггера, преподанные ликвидаторам структурализма, заключались в том, что никакое “присутствие” (*ousia*) не исчерпывает всего богатства проявлений бездонной беззначительности. Но даже тот, кто вплотную подошёл к пониманию этого, не в состоянии отказаться от структурных решёток, всё ещё полагая – полагая позитивистски, механистически, безнадёжно эмпирически, – что они ему сгодятся для рассуждения о вещах» [7].

Важно остановиться на той мысли Фуко (и её в принципе разделяли постпозитивисты – от Деррида до Фейерабенда), что ДА не отказывается от структурного анализа языка, но использует структуру как метод, ни в коей мере не он-

тологизируя её. На деле *настроиться на волну* тех идей, которые нёс постструктурализм, оказалось довольно трудно, к тому же для европейца – как католика, так и атеиста – усомниться в структуре-демиурге было нелегко физиологически, по меньшей мере, со времён коперниканской революции. Кстати, именно физика в первой половине XX в. и помогла справиться философам и лингвистам со сменой *парадигм* (в терминологии Т. Куна).

Идеи В. фон Гейзенberга, подхваченные и впоследствии до известной степени развитые Н. Бором и К. Гёдлем, положили начало развитию в науке *принципа индетерминизма*, разрушившего структуру как онтологическую сущность. Открытия в квантовой физике переориентировали и лингвистов: теперь их внимание было обращено на естественный, а не идеальный язык.

Итак, если *нет* структуры, то, по-видимому, *должно быть* её отсутствие. В условиях индетерминизма исчезает и обусловленный характер языка, и, как мы увидели, чтобы прийти к такому выводу более или менее доказательно, за несколько десятков лет науке пришлось поступиться такими принципами, которые веками казались неизыблемыми.

Завершая разговор об истории ДА, приведём ставшее уже каноническим определение «дискурса» Н. Д. Арутюновой: «...связный текст в совокупности с экстралингвистическими – pragматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент,участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [8]. Соответственно под *юридическим дискурсом* будем понимать совокупность практик освоения окружающей действительности с точки зрения правовых категорий и средствами языка. Трактуемый таким образом юридический дискурс предполагает средой своей реализации как естественный язык, так и то, что принято называть *юридическим языком*.

Поскольку понятие «юридический язык» в такой же мере традиционно и общо, как, например, «язык художественной литературы», «язык науки» и под., оно нуждается в уточнении.

Н. Д. Голев, рассуждая о сущности юридического языка, утверждает, что существуют два подхода к решению этого вопроса. Первый заключается в том, что «текст закона пишется на литературном русском языке, он должен быть понятен всем носителям русского языка; законопослушание предполагает законопонимание, что предъявляет особые требования к законодательной технике, призванной обеспечить всеобщее понимание текста закона» [9]. Второй под-

ход состоит в том, что «не только написание, но и толкование законов – дело специалистов с соответствующим образованием; никакой необходимости в общедоступности смысла текста закона нет» [10].

Разрешая этот давний спор, Н. Д. Голев предлагает дефиницию термина «юридический язык», из которой видно, что сам автор, скорее, придерживается второй точки зрения:

«Юридический язык – это особая система, в ней обнаруживаются свои собственные значимости, формируемые оппозициями специальных понятий и детерминацией со стороны действующего законодательства. <...> Декодирование этого кода требует особых герменевтических презумпций, особой культуры мышления, сформированной многими поколениями людей со специальным юридическим мышлением. <...> Концепты и паттерны обыденного сознания весьма неоднозначно сопрягаются со специализированными презумпциями, заключёнными в юридическом тексте» [11].

Это довольно пространное определение было приведено лишь для того, чтобы раз и навсегда уяснить: процессу понимания юридического языка должен предшествовать некий обряд метаязыковой и культурной инициации, ведомый лишь избранным.

С нашей точки зрения, такой полярный подход в определении сущности юридического языка является крайне односторонним. Следует признать, что декодирование юридического языка невозможно без специальных познаний, однако то же самое можно утверждать и о языке музыкальной науки, языке искусствоведения или языке художественного произведения. Думается всё же, что тем, кто тщится постичь юридический код, рано посыпать голову пеплом, а «посвящённым» вряд ли имеет смысл воскликать: «*Procul este, profani!*».

Представляется, что постижению сущности юридического языка напрямую способствует решение вопроса о принципиальной выводимости информации, заключённой в юридическом тексте, силами общей языковой компетенции реципиента и самого текста (и – если потребуется – сопряжённых с ним текстов). Другими словами, вопрос заключается в следующем: может ли рядовой носитель языка понять юридический текст из самого текста, снабжённого необходимыми для его понимания отсылками? Вопрос этот, без сомнения, должен решаться для каждого случая в отдельности.

Не следует также забывать и о том, что в понятие «юридический дискурс» входит и вся совокупность высказываний на юридическом языке. Ярким примером подобного рода высказываний может служить общение граждан (включая

письменную речь) в различных государственных и негосударственных учреждениях (в администрации района, у нотариуса, частного детектива, в суде), когда достижение той или иной цели предполагает языковую перекодировку.

Мы показали, что понятие «юридический дискурс» довольно широкое по своему объёму, и утверждаем, что исследование юридического дискурса невозможно лишь теми средствами, которые использует правоведение, – средствами, предоставляемыми юридической техникой.

Как известно, термин «юридическая техника» принадлежит немецкому юристу, историку и социологу права Р. фон Иерингу, однако сейчас этот термин едва ли отвечает требованиям юриспруденции и используется лишь по традиции. В самом общем смысле, цель юридической техники как составной части правоведения состоит в том, чтобы имеющимися в распоряжении средствами обеспечить максимальную полноту и непротиворечивость любого нормативного акта.

Известно, что одним из базовых методов правоведения является формально-юридический, «его специфическим свойством является отвлечение от некоторых существенных сторон права, связанных с материальной, социальной, моральной обусловленностью правовой системы. На первый план выходят здесь чисто логические, языковые и иные абстрактные стороны, выражющие структурные закономерности права» [12].

Здесь необходимо обратить внимание на то, что, говоря о праве как о системно-структурном образовании, мы не обязаны, как в лингвистике, подробно останавливаться на пределах структуралистского подхода, поскольку самые системность и структурность как правообразующие категории вряд ли могут вызвать сомнения в своей фундаментальности, ибо право мыслится как исключительно *рукотворный* феномен, который обладает сравнительно ясной историей развития и для которого в большей степени актуален синхронический аспект.

Главным доказательством несостоятельности юридической техники является фактическая невозможность всестороннего изучения юридического документа как основного способа регулирования правоотношений.

Целесообразно отметить, что понятие «юридический документ» не является строго определённым в юриспруденции: «В отраслевых юридических науках и учебных дисциплинах часто можно встретить такие правовые категории, как криминалистический документ, процессуальный документ, документ, содержащий государственную тайну, важный личный документ, нотариальный акт, ценная бумага и т. д.» [Каргин 2006: 6]. Понятие «юридический документ» выступает в отношении вышеприведённых терминов как обобщающее, а потому довольно трудно дефинируемое.

В качестве облигаторных признаков юридического документа указывают наличие правовой информации и юридическую силу (отметим, что юридическую силу документу, в частности, придают соответствующие реквизиты). Присвоение юридическому документу обязательного признака правовой силы должно быть отдельно оговорено. Дело в том, что вступление актов в законную силу не является, так сказать, формальным, автоматизированным процессом; другими словами, юридический акт в разное время своего физического существования может обладать юридической силой и не иметь таковой.

Примером могут послужить две крайне часто встречающиеся ситуации. Законодательный акт (или отдельная его норма, или часть норм) может вступить в силу не в общем порядке, а в таком, который специально оговорён в этом акте. Другой пример связан со вступлением в законную силу решений суда. Как известно, в соответствии с нормами процессуального права, решение суда первой инстанции может быть обжаловано или опротестовано в десятидневный срок в кассационном или апелляционном порядке в вышестоящую судебную инстанцию, до принятия решения которой решение суда первой инстанции считается не вступившим в законную силу. Если предположить, что решение суда первой инстанции будет оставлено без изменений, то получится, что статус одного и того же судебного решения (текста) в течение короткого промежутка времени поменялся коренным образом. Более того, в силу изменений, вносимых в действующее законодательство, устоявшиеся судебные решения могут быть пересмотрены по истечении и более длительного времени в порядке, предусмотренном законом.

Понятие юридической силы является типологизирующим для юридических документов. Так, высшей юридической силой на территории Российской Федерации обладает Конституция (Основной Закон) Российской Федерации. Выделяют также федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты Президента Российской Федерации (указы, распоряжения) и Правительства Российской Федерации (постановления, распоряжения), акты субъектов федерации, а также местные и локальные акты. Региональные, местные и локальные акты могут иметь различную форму (закон, устав, приказ и т. д.). Кодексы Российской Федерации относятся к федеральным законам.

Документы суда также могут иметь разное формальное выражение. В зависимости от цели и в соответствии с принципом инстанционности выделяют следующие основные их разновидности: решение, приговор, постановление, определение, судебный приказ, частное определение (постановление).

Непосредственно связаны с судебным решением такие виды документов, как исковое заявление, обвинительное заключение (обвинительный акт), жалоба (апелляционная, кассационная, надзорная), представление, ходатайство, протест, постановление, экспертное заключение и некоторые другие. Каждый из названных документов должен быть изготовлен в соответствии с требованиями, предъявляемыми процессуальным законодательством, а потому обладает собственными характерными чертами и имеет свою *драматургию*. Судьба этих документов решается в ходе судебного заседания и отражается в том или ином судебном решении, по этой причине судебное решение, изготавливаемое в требуемом законом порядке, может включать – прямо (цитация) или опосредованно – тексты указанных документов. Судебное решение, таким образом, приобретает черты постмодернистские, диалоговые, а исследование судебных решений является наиболее сложным видом научной деятельности.

Структура и содержание судебного решения (применительно к каждой его части) чётко регламентированы процессуальными кодексами Российской Федерации. Любое судебное решение трёхчастно и заключает в себе следующие компоненты: *вводную (установочную) часть, описательно-мотивировочную часть и резолютивную часть*. Общее содержание этих частей легко выводится из их названий: в первой, в частности, содержатся сведения о составе суда, дате и месте судебного заседания, existence рассматриваемого дела (иска, жалобы, представления, протеста и т. д.), сторонах по делу; во второй заключено описание фактических обстоятельств дела, которые установил суд и по которым он изложил своё мотивированное нормами закона суждение; в третьей – окончательное решение суда по делу (в ряде актов – разъяснение порядка обжалования и некоторые иные пункты, наличие которых обуславливается видом судебного решения).

Содержание резолютивной части во всём определяется анализом обстоятельств дела, проведённым в описательно-мотивировочной части, которая является самой объёмной и потому представляет серьёзный исследовательский интерес. Анализ судебных решений – это, по преимуществу, анализ их описательно-мотивировочных частей, содержание которых должно определять совокупность законности, обоснованности и справедливости каждого судебного решения.

Как уже отмечалось выше, юридический документ (и, в частности, судебное решение) зачастую представляет собою текст, типичный для постмодернистской культуры, поскольку имеет более одного автора, составлен из нескольких precedentных текстов.

Такая природа юридического документа как объекта научного исследования определяет и методологию его анализа. Мы показали, что ни один из существующих подходов к изучению юридического документа (ни традиционная для правоведения юридическая техника, ни новая межотраслевая дисциплина юрислингвистика) не способны всесторонне и полно описать интересующий нас объект.

Изучение феномена предельно клишированного юридического языка возможно, как нам представляется, лишь в рамках дискурсивного анализа, с отступлением от устоявшихся и кажущихся незыблемыми принципов, с «возвышением» над текстом и рассмотрением его pragmatically, как реплики в речи людей, а не в диалоге оторванных от жизни текстов.

Примечания

1. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. М.: URSS, 2006. С. 19.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. Т. II. С. 97.
3. Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней / науч. ред В. В. Целищев. 5-е изд. М.: Академический проект, 2006. С. 210.
4. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / пер. с ит. В. Резник и А. Погоняйло. М.: Symposium, 2004. С. 352.
5. Фуко М. Рождение клиники: археология врачебного взгляда / пер. с фр., ред. А. Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998. 310 с.
6. Фуко М. Археология знания / пер. с фр., общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. С. 19.
7. Эко У. Указ. соч. С. 451.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136.
9. Голев Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и её юридического функционирования // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 44.
10. Там же.
11. Там же. С. 45.
12. Лазарев В. В. Технико-юридические приёмы сокрытия законодательной воли // Юридическая техника: сб. ст. Н. Новгород: Дятловы горы, 2007. С. 27.

УДК 821.161.1

Н. Г. Наумова

**ОБРАЗ П. И. ЧИЧИКОВА
КАК ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА
«ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ
ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»)**

В статье рассматривается образ П. И. Чичикова как воплощение концепта Предприниматель. Основным способом вербализации данного концепта выступают языковые средства, характеризующие модель поведения героя.

This article deals with the image of Chichikov as the embodiment of the concept "Businessman". The basic way of verbalization of this concept is the language means, defining the character's model of behavior.

Ключевые слова: образ, концепт, предприниматель, модель поведения, деятельность.

Keywords: image, concept, businessman, model of behavior, activity.

Понятие *образ* является содержательным компонентом более широкого понятия – *концепт*. Ср., напр.: «Концепт данной культуры – основная единица ментальности, которая в границах словесного знака и языка в целом предстает (является) в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» [1].

Цель статьи – показать, что языковые средства, используемые Н. В. Гоголем для создания образа П. И. Чичикова, главного героя поэмы «Мертвые души», являются вербализацией концепта Предприниматель.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова слова *делец* и *предприниматель* имеют следующие значения: «*Делец* – человек, который успешно (иногда не стесняясь в средствах) ведет дела» [2]. «*Предприниматель* – 1. Владелец предприятия, фирмы, а также вообще деятель в экономической, финансовой сфере; 2. Предприимчивый и практичный человек» [3].

В основе обеих номинаций, как видим, лежит указание на деятельностный характер человека рассматриваемого типа. Следовательно, особое внимание при анализе языковых средств, создающих образ П. И. Чичикова, обратим на такие средства, которые представляют героя как субъекта определенной деятельности. Мы руководствуемся широким определением деятельности, которое содержится в работе С. В. Черновой. Ср.: «Деятельность – это процесс, включающий в себя совокупность действий человека,

проявляющихся в его поведении, осуществляемых определенным образом в конкретных ситуациях и представляемых как его занятия, труд, работа, дело, обусловленные мотивами, направленные на достижение тех или иных целей и имеющие место в течение какого-либо достаточно протяженного отрезка времени» [4].

Рассмотрение П. И. Чичикова как субъекта определенной деятельности обуславливает его характеристику по двум направлениям: *непроцессуальные (статичные) характеристики* и *процессуальные (динамичные) характеристики*.

К непроцессуальным характеристикам мы относим те, которые не отображают структуру деятельности П. И. Чичикова (внешность, вещный мир, система ценностей). Языковые средства, отображающие внешность и вещный мир героя, дают весьма неопределенное представление о Чичикове. С одной стороны, он предстает как скрытный, внешне лишенный ярких индивидуальных черт человек, с другой стороны, – как человек практичный, деятельный, целеустремленный [5].

Высшей ценностью для П. И. Чичикова являются деньги, чины, а понятия духовности и нравственности не имеют никакого значения [6]. Ср., напр.: Уважал он человека или за хороший чин, или за большие достоинства. Собственно за ум он не уважал еще ни одного человека [7]. Герой убежден, что достичь высокого материального состояния можно с помощью труда, терпения, настойчивости, благородства, бережливости, самоограничения. Ср., напр.: «Но ведь я тружился, я изощрялся... За что ж такая <судьба>? За что же такие удары?... Где справедливость небес? Где награда за терпенье, за постоянство беспримерное?...» (С. 351).

К процессуальным характеристикам мы относим те, которые дают представление о деятельности П. И. Чичикова как целенаправленном мотивированном процессе, развивающемся в широком временном промежутке в направлении к достижению определенной цели – покупке мертвых душ и последующему обогащению. Из проанализированных контекстов (около 1300) большая часть (около 1000) содержит процессуальные характеристики Чичикова, что указывает на их ключевую роль в создании образа персонажа.

В тексте поэмы обнаруживаются такие характеристики П. И. Чичикова, которые позволяют выстроить модель его поведения в соответствии с ее структурными звенями (блоками):

1) *мотивационный блок деятельности* как целостного процесса, включающий собственно мотивы деятельности, ее потребности, цели, замысел, возможности для ее осуществления и т. д.;

2) *принятие окончательного решения* как стадия, завершающая процесс мотивации и необходимое звено целенаправленной деятельности, сви-

действующее о том, что субъект стоит на пороге реальных действий, направленных на осуществление замысла;

3) *фактическое осуществление задуманного, способы достижения цели*, выраженные определенным образом в тексте поэмы и позволяющие сделать вывод о том, достиг ли субъект деятельности искомого результата;

4) *верификация* как этап, в рамках которого субъект деятельности оценивает то, в какой мере совпали его ожидания с тем, что произошло в действительности [8].

Обратимся к тексту.

Мотивационная сфера деятельности П. И. Чичикова раскрывается в контекстах, где речь идет о его потребностях, желаниях, мечтах, интересах, которые определяют и его жизненную цель. Ср., напр.: *Но в нем не было привязанности собственно к деньгам для денег; им не владели скряжничество и скрупость. Нет, не они двигали им: ему мешалась впереди жизнь во всех добольствах, со всякими достоинствами; экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды – вот что беспредельно носилось в голове его... (С. 227); Зачем добывал копейку? Затем, чтобы [в добольстве остаток дней прожить, оставить что-нибудь детям...]. Вот для чего хотел приобрести! (С. 351).*

Цель рождает замысел, т. е. первоначальный план действий, направленных на достижение цели. Герой замышляет совершить аферу, заключающуюся в покупке как можно большего числа умерших, но не вычеркнутых из ревизии крестьян, чтобы потом заложить их в банк и получить деньги.

Обдумывая план действий, Чичиков рассматривает и возможность его осуществления, оценивая сложившуюся ситуацию, отыскивая наиболее выгодный для себя путь достижения цели. Ср., напр.: *А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало. Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует; все полезло в Петербург служить; имения брошены, управляются как ни попало, подати уплачиваются с каждым годом труднее, так мне с робостью уступит их каждый...; может, ...и я еще зашибу за это копейку (С. 239).*

Все действия П. И. Чичикова направлены на удовлетворение главной потребности – разбогатеть любыми путями. Это стремление обуславливает и характер принимаемого героем решения. Чичиков решает воплотить в жизнь задуманный план действий, т. е. купить мертвые души у помещиков. Ср., напр.: *Наконец он решился перенести свои визиты за город и навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым дал слово (С. 17); Я и решился воспользоваться беглыми и мертвыми (С. 335).* Обратим внимание

на то, что Н. В. Гоголь использует для характеристики принимаемого П. И. Чичиковым решения не глагол *решить* как предикат, обозначающий вывод на основе умозаключения, а глагол *решиться*, указывающий на то, что герой приходит к решению, преодолевая психологический барьер, а именно состояние страха, боязни, которые Чичиков испытывает, осознавая незаконность задуманного им предприятия.

Чтобы достичь своей цели, П. И. Чичиков использует различные «поведенческие» и коммуникативные тактики: тактику постоянного передвижения, тактику разузнавания, тактику встречи и знакомства, тактику создания и поддержания имиджа, тактику экономии и накопления, тактику подстраивания под собеседника, тактику лести и обмана, тактику вызывания сочувствия, тактику ведения сделки, тактику согласия, тактику убеждения (аргументации), тактику сострадания [9].

Наиболее ярко та или иная тактика обнаруживается тогда, когда П. И. Чичиков общается с помещиками, чиновниками. Так, обсуждая с Коробочкой, Собакевичем условия сделки, Чичиков применяет тактику убеждения: путем рациональных суждений и эмоциональных высказываний герой стремится внушить собеседнику свое мнение. Ср., напр.: С Коробочкой: *«Потому-то и в убыток вам, что мертвые: вы за них платите, а теперь я вас избавлю от хлопот и платежа. Понимаете?» (С. 49); «Послушайте, матушка. Да вы рассудите только хорошенько: ведь вы разоряетесь, платите за него подать, как за живого... А теперь примите в соображение только то, что теперь я плачу за них; я, а не вы; я принимаю на себя все повинности» (С. 50). С Собакевичем: *«А, например, как же цена! Хотя, впрочем, это такой предмет... что о цене даже странно... Моя цена! Мы, верно, как-нибудь ошиблись или не понимаем друг друга, позабыли, в чем состоит предмет... Однако же согласитесь сами: ведь это тоже и не люди... ведь души-то давно умерли, остался один неосвязанный чувствами звук» (С. 100); «...Зачем вы исчисляете все их качества, ведь в них толку теперь нет никакого, ведь это все народ мертвый. Мертвым телом хоть забор подпирай, говорят пословица... это ведь мечта» (С. 101); «Мне странно, право: кажется между нами происходит какое-то театральное представление или комедия, иначе я не могу себе объяснить... Вы кажется человек довольно умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто фу-фу. Что ж он стоит? Кому нужен?» (С. 102).**

Действия П. И. Чичикова приводят его к определенному результату. Так, в ряде случаев герой достигает желаемой цели: покупает мертвые

души у Манилова, Коробочки, Собакевича, Плюшкина. При этом он испытывает радость. Ср., напр.: узнав, что Манилов отдает души даром: *Удовольствие одолело гостя после таких слов, произнесенных Маниловым... чуть даже не произвел скачок по образцу козла, что, как известно, производится только в самых сильных порывах радости* (С. 34); после сделки с Плюшкиным: *Герой наш... был в самом веселом расположении духа. Такое неожиданное приобретение было сущий подарок... И всего двести с лишком человек!... Но такой прибыточной [поживы] никак не ожидал* (С. 129).

Но на пути к цели перед П. И. Чичиковым встают неожиданные препятствия. Например, Ноздрев отказывается продать ему крестьян. Это вызывает у Чичикова раздражение и гнев: поставленная цель не достигнута. Ср., напр.: *Чичиков остался по уходе Ноздрева в самом неприятном расположении духа* (С. 81); *Он внутренне досадовал на себя, бранил себя за то, что к нему заехал и потерял дафом время... что заговорил с ним о деле* (С. 81).

В итоге П. И. Чичиков не достигает своей главной жизненной цели – обогащения. Незаконный характер всех предпринимаемых в этом направлении действий неминуемо обрекает их на провал. Махинации героя раскрываются, и он оказывается в тюрьме, потеряв все свои накопления.

Анализ поведения П. И. Чичикова позволяет охарактеризовать героя как человека целеустремленного, рационального, практичного, делового, расчетливого, способного сконцентрировать все свои умения и силы на достижение поставленной цели (которая заключается в получении личной выгоды) и использующего для этого любые средства (даже противозаконные).

Как может быть определен тот вид деятельности, которым на протяжении всей поэмы занимается П. И. Чичиков? Такого рода деятельность можно назвать **предпринимательской**, а Чичикова – **предпринимателем**, т. е. практическим, предпринимчивым человеком. Как пишет М. М. Иванова, исследовавшая языковые средства объективации концепта Предприниматель на материале экспериментальных исследований, публицистических и художественных текстов, «предприниматель – это предпринимчивый, расчетливый мужчина (гораздо реже – женщина), владелец какого-либо собственного дела или предприятия, занимается каким-либо бизнесом, является организатором какого-либо дела или предприятия, много и целеустремленно работает, зачастую действует с нарушением морально-правовых норм, занимается торговой или (гораздо реже)

производственной деятельностью, успешно осуществляет деятельность, направленную на получение доходов; вызывает к себе отрицательное отношение, и в то же время высоко оценивается обществом; его деятельность связана с риском и решением проблем, преимущественно занимается деятельностью небольшого масштаба, умный человек, богатый или не очень, занимается развитием своего дела» [10].

Поведение П. И. Чичикова как предпринимателя определяет суть его образа, а образ – это содержательный компонент концепта. Любой концепт – это объемное, ментальное, культурное образование. Для того чтобы получить представление о концепте Предприниматель как отражающем картину мира русского человека, необходимо множество изысканий не только в лингвистической, но и других областях науки. В поэме Н. В. Гоголя в образе П. И. Чичикова черты человека как предпринимателя получили весьма яркое воплощение. При этом основным способом вербализации данного концепта выступают языковые средства, дающие представление о модели поведения героя, а именно, о ее целенаправленном характере.

Примечания

1. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999, С. 81.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 158.
3. Там же. С. 581.
4. Чернова С. В. Деятельность: лингвистический анализ. Киров, 2008. С. 16.
5. Наумова Н. Г. Языковые средства создания портрета персонажа (на примере Чичикова) // Филологический анализ текста: концептуальность и анализм: сб. ст. по м-кам Всерос. науч. конф. Йошкар-Ола, 2006. С. 233–237; Наумова Н. Г. Языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие Чичикову // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2008. С. 25–34.
6. Наумова Н. Г. Система ценностей П. И. Чичикова: языковой аспект характеристики (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души») // Linguistica juvenis: Дискурсивные практики в социокультурном аспекте: сб. науч. тр. мол. уч. Выпуск 10. Екатеринбург, 2008. С. 60–66.
7. Гоголь Н. В. Мертвые души. М., 1976. С. 318. Далее цитирование производится по данному изданию с указанием страниц.
8. Чернова С. В. Указ. соч.
9. Наумова Н. Г. Языковые средства, отражающие коммуникативные тактики Чичикова // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2006. С. 20–25.
10. Иванова М. М. Языковая объективация концепта «предприниматель» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. С. 21.

Л. В. Калинина

КВАНТИФИКАЦИЯ НЕИСЧИСЛЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

В статье рассматриваются особенности квантификации абстрактных, вещественных и собирательных имён существительных в современном русском языке, выявляются когнитивные причины этого процесса, характеризуются два вида квантификации – дискретная и унитарная.

In article are considered the particularities of quantification of the abstract, material and collective nouns in modern Russian language, are revealed the cognitive reasons of this process, are characterized two types of quantification – discrete and unitary.

Ключевые слова: имя существительное, лексико-грамматические разряды, когнитивные факторы, квантификация.

Keywords: name noun, lexical-grammatical classes, cognitive reasons, quantification.

Вещественные, собирательные и абстрактные существительные в русской грамматической традиции рассматриваются как языковые единицы, употребляющиеся только в форме единственного числа. Положение о неисчисляемости этих разрядов имён мы находим в той или иной формулировке практически во всех научных и учебных изданиях [1]. Однако в настоящее время накопилось множество наблюдений, которые говорят о несоответствии традиционных представлений об этих разрядах их реальному употреблению в языке [2]. Ср. примеры употребления абстрактных, вещественных и собирательных существительных во множественном числе: *Весь мир – это не что иное, как миллиарды эгоизмов* (Аргументы недели. 2007. № 10); *В узкий переулочек-колодец... попал с неба лучик солнца, первый после долгих октябрьских слякотей* (М. Рошин. Южная ветка); *И только перед лицом этих бед осколки России, населявшие её меньшинства смогут оценить глубину русской отзывчивости* (Литературная газета. 2006 г. № 33).

В рамках системно-функционального подхода, существующего в лингвистике XX в., случаи нестандартного числового употребления абстрактных, вещественных и собирательных имён не могут получить непротиворечивого объяснения. Соответствующая языковой реальности характеристика этих случаев может быть дана с позиций нового

подхода – когнитивного. Принципиальный вопрос о необходимости опоры на когнитивный критерий как ведущий при выделении лексико-грамматических разрядов существительных уже обсуждался нами [3]. Настоящая статья развивает затронутую ранее проблематику.

Цель настоящей статьи – проанализировать причины квантификации неисчисляемых существительных в современной речи и охарактеризовать способы протекания этого процесса.

Под квантификацией понимается когнитивный процесс, при котором слово или форма, изначально не выражавшие количественного смысла, приобретают количественное значение. Вопросы, связанные с изучением квантитативности (количественности как таковой) и квантификации (приобретения количественного смысла в условиях контекста) в настоящее время являются весьма актуальными [4]. Рассмотрим механизм квантификации неисчисляемых понятий, обозначаемых в языке абстрактными, вещественными и собирательными существительными.

Различные неисчисляемые существительные могут подвергаться квантификации, если у говорящего возникнет потребность конкретизировать недискретную сущность, обозначить её как отдельную самостоятельную «единицу». Возникновение такой потребности обусловлено причинами когнитивного порядка и связано с особенностями категоризации объектов действительности: как известно, наиболее удобными для восприятия являются категории базового уровня (например, наименования конкретных предметов типа *стул, дом, собака, дерево, автомобиль*). Такие категории легко усваиваются человеком. В мире конкретных, упорядоченных сознанием объектов легче ориентироваться, чем в мире, лишённом чётких очертаний, поэтому человеку удобно представлять действительность как сбражие отдельных предметов. Если говорящему необходимо выделить «единицу» вещества, совокупности или отвлечённого понятия, он это делает, мысленно конкретизируя неисчисляемую сущность и обособляя её, находя для неё пространственные, временные или иные ограничители. При этом «единица» выделяется каждый раз такая, какая нужна в данный момент говорящему, чтобы выразить его мнение о действительности. В таких случаях формы как единственного, так и множественного числа неисчисляемых существительных выглядят в равной степени естественно. Ср.: *В его комнате единственной, так сказать, мебелью был гвоздь, на котором висела его жёлтая кофта* (К. Чуковский. Маяковский); *Судьба каждого, так сказать, отдельного здания такова, что в конечном итоге всё действительно выходит наоборот* (В. Пьецух. Предсказание будущего); *Я коллекционирую пив-*

КАЛИНИНА Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка ВятГГУ

© Калинина Л. В., 2009

ные кружки. В одном магазинчике увидел две замечательные посудины (Моя семья. 2005. № 15); – Сейчас, – сказала она, – верну только соседке – задолжала – два давка пасты и пять крупинок сахара (В. Попов. Эх, Володя!); Чеченский терроризм есть лишь тоненькая проложка между двумя толстенными терроризмами: терроризмом российских верхов и терроризмом низов (Московские новости. 1995. № 42).

В некоторых из таких случаев действуют привычные, стандартные способы выделения единицы, как, например, образование сингулятивов. В других случаях выделение «единицы» из неисчисляемой сущности кажется самому говорящему не совсем обычным, странным, и он делает соответствующую оговорку: «единственная, так сказать, мебель», «каждое, так сказать, отдельное знание». Тем не менее потребность выразить идею отдельности какого-либо явления, процесса, признака, части вещества, части совокупности и т. п. оказывается сильнее, чем необходимость соблюдать стандартную форму выражения.

Выделение пригодной для данного контекста, для данной ситуации «единицы» – первая и самая важная ступень квантификации неисчисляемых существительных: если мы где-то представили одну «единицу» (штуку, экземпляр), то мы можем по аналогии представить и много таких же «единиц». Количественная характеристика в таком случае уже будет восприниматься вполне естественно. Ср.: *В каждую секунду я прожигаю целую вечность, а поскольку в среднем жизнь человека нашего времени составляет тридцать миллиардов секунд, то, значит, я прожигаю тридцать миллиардов вечностей* (Ф. Кричин. Я угнал машину времени).

Ещё один важный для понимания механизма квантификации момент – это возможность выделения двух типов «единиц»: соотносимых с частью и соотносимых с целым. Соотношение «целое – часть» под тем или иным углом зрения рассматривалось многими исследователями [5]. Отношения части и целого очень важны для целей категоризации, поскольку «становление языкового сознания осуществляется посредством процессов дискретизации и концептуализации» [6]. Эти отношения важны не только при анализе конкретных категорий, но и при рассмотрении качеств, действий, состояний, событий и других нематериальных сущностей.

Отношения типа «часть – целое» ярко проявляют себя при квантификации абстрактных, вещественных и собирательных понятий. Анализ обширного языкового материала (около 12000 примеров) позволяет говорить о существовании в языке и регулярной реализации в речи двух видов квантификации. В контексте может выражаться внутреннее количество, то есть счет частей в со-

ставе целого (что может быть названо дискретной квантификацией) и внешнее количество, то есть счет отдельных целых единиц (что можно назвать унитарной квантификацией). Рассмотрим квантификацию неисчисляемых существительных на примерах их употребления во множественном числе.

Дискретная квантификация в контекстах с плуральными формами неисчисляемых существительных представлена обычно в тех случаях, когда существительные конкретизируются посредством метонимического переноса. Например, при переносе названия с качества на проявление качества (*глупость невежды – наделать глупостей*); с действия на результат действия (*сочинение поэмы – сочинения поэта*); с материала – на изделие из материала (*чешский хрусталь – есть на хрустялях*); с вещества – на разновидность этого вещества (*пить вино – грузинские вина*); с совокупности – на отдельного представителя этой совокупности (*обновить в доме мебель – презирать мещанские мебели*) и др.

В случаях дискретной квантификации в контексте актуализируется лишь часть семантического объема слова, один (обычно периферийный) из лексико-семантических вариантов. При этом выражается внутреннее количество, счёт частей в составе целого. Дискретной квантификации подвергаются все разряды неисчисляемых существительных: имена абстрактные, вещественные и собирательные. Ср. соответственно:

а) *В Москву возвратился... Славка Малинский, женился на какой-то одной из своих прежних многочисленных любовей* (А. Курчаткин. Достоевщина). Форма множественного числа *любови* основана на вторичном значении слова, возникшем в результате метонимического переноса названия по модели «чувство → объект чувства», и понимается как ‘одна из прежних многочисленных любимых женщин’ (но никак не ‘одно из прежних чувств’);

б) *Эта шаль пропахла многими табаками и духами* (Б. Пильняк. Человеческий ветер). Форма вещественного существительного множественного числа *«пропахла многими табаками»* объясняется как ‘пропахла запахами табака разного сорта, который курили в разное время разные люди’. Значение нескольких сортов вещества (табак № 1 + табак № 2 + табак № 3...) допускает плуральное употребление – *табаки*;

в) *Гранёный столбик. Простачок. Среди других посуд Он тем хорош, что одинок. Такой простой сосуд* (А. Кушнер). В данном случае форма множественного числа собирательного существительного *посуды* прочитывается как ‘отдельные предметы посуды’: предмет посуды № 1 + предмет посуды № 2 + предмет посуды № 3 и т. д. Налицо вновь метонимический перенос и обозначение формой

множественного числа (*посуды*) внутреннего количества, то есть счёта частей в составе целого.

Унитарная квантификация представляет собой обозначение множества отдельных целых «единиц». Форма существительного множественного числа образуется на базе центрального, основного значения слова. При этом вторичные оттенки значения становятся неактуальными, выводятся из фокуса, подавляются. Получившиеся «отдельные единицы» выражают внешнее, унитарное количество. Можно сказать, что при унитарной квантификации неисчисляемое существительное множественного числа представляет собой такую сумму самостоятельных предметов, каждый из которых – «миниатюрная копия» общего целого понятия. Покажем для начала действие этого механизма на формах единственного числа. Ср.: *О какой стафине он говорил, инспектору было непонятно. Ведь события повторяются, и на смену стафой приходит новая стафина* (Ф. Кривин. Я угнал машину времени) – в данном случае под стариной понимается именно давно минувшее время, а не ‘предмет старины’ или ‘старик’, то есть речь идёт о нескольких самостоятельных «репрезентациях» отвлечённой сущности, каждая из которых представляет собой отвлечённое понятие во всей его полноте.

Унитарной квантификации могут подвергаться только абстрактные и собирательные существительные. Ср. примеры унитарной квантификации абстрактных существительных: *И как это любить дух? Двумя разными любвями какими-нибудь?* (Ф. Достоевский. Идиот) – «две любви» следует понимать как ‘полное по объему сильное сердечное чувство, направленное на двух разных людей’. Имеются в виду два одинаковых по силе переживания чувства: чувство любви по отношению к человеку *X* и чувство любви по отношению к человеку *Y* (две любви = два чувства: к *X* и к *Y*). Ср. ещё: *Итак – скучность: экономия времени... Итак, скучность: духовность. Все эти скучности недаром мне ведомы – я их унаследовала от отца, среди многоного иного!* (М. Цветаева. Отец и его музей). В данном примере мы наблюдаем когнитивную операцию подавления неактуальной информации, о которой пишут Е. С. Кубрякова и О. К. Ирисханова: «В результате подавления носителя качества оставшийся в фокусе признак может в речи выступать в качестве самостоятельного объекта» [7].

У собираемых существительных унитарную квантификацию можно обнаружить в тех случаях, когда «за единицу» принимается вся совокупность в целом, а не её отдельные составляющие. Ср., напр.: *Восток гораздо больше верит в божью милость, чем в работу. Запад верит в работу больше, чем в милосердие божье. Вот она, разница менталитетов!* (Комсомольская правда. 2006 г. 30 августа). Слово *менталитет* имеет значение «совокупность мировоззренческих... представлений, характерных

для отдельной личности и народа в целом» [8]. Называя собирательную «совокупность представлений», это слово образует форму множественного числа, обозначая ‘различные мировоззренческие представления, характерные для *X* (народов Востока) и для *Y* (народов Запада)’.

Для вещественных имён унитарная квантификация (как свидетельствует имеющийся в нашем распоряжении языковой материал) не характерна, так как вещество само по себе изначально выступает как некая единая сущность, из которой можно выделить только те или иные «части». При использовании вещественных существительных во множественном числе появляются формы, выражающие дискретную квантификацию.

Таким образом, мы рассмотрели суть дискретной и унитарной квантификации абстрактных, вещественных и собираемых существительных. Квантификация представляет собой когнитивный процесс, связанный с удовлетворением потребности человека как можно более точно выразить свою мысль, обозначить предмет, явление или вещество.

Примечания

1. Виноградов В. В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947; Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 1. М., 1953; Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология. М., 1999; Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980; Современный русский язык / под ред. А. А. Новикова. СПб., 2003 и др.

2. Арабатский Д. И. О колебаниях в числе имён существительных // Русский язык в школе. 1963. № 5. С. 13–17; Брусенская Л. А. Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1994. 43 с.; Калинина Л. В. Семантика и функционирование абстрактных существительных в форме множественного числа в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 1999. 257 с.; Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. М., 2004 и др.

3. Калинина Л. В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имён существительных // Вопросы языкоznания. 2007. № 3. С. 55–70.

4. Калинина Л. В. Способы квантификации абстрактных существительных в русском языке // Междунар. симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сб. ст. Ижевск; Лейпциг, 2003. С. 233–239; Коньченко М. М. Средства выражения количества в русском языке. Алма-Ата, 1993; Логический анализ языка: Квантитативный аспект языка. М., 2005 и др.

5. Сепир Э. Целостность // Сепир Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии. М., 1993. С. 386–408; Тураева З. Я., Биренбаум Я. Г. Некоторые особенности категории количества (на материале английского языка) // Вопросы языкоznания. 1985. № 4. С. 122–130; Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002 и др.

6. Симашко Т. В. К вопросу о фрагментации языковой картины мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: м-лы междунар. науч. конф. Архангельск, 2002. С. 53.

7. Кубрякова Е. С., Иришанова О. К. Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2. С. 9.

8. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2007.

УДК 81'271

Ю. А. Плотникова

РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КОНЦЕПТА INTEREST НА ОСНОВЕ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ

В статье автор осуществляет попытку определить наиболее значимые, часто актуализируемые в современном английском языке понятийные признаки концепта INTEREST, основываясь на данных толковых словарей. Анализ дефиниций проводится путем компонентного анализа. Обработка полученных результатов осуществляется с использованием квантитативного метода.

In this article the author makes an attempt to define the most important, often actualized in the modern English language notional characteristics of the concept INTEREST using as basis the information of explanatory dictionaries. The analysis of the definitions is fulfilled by means of the component analysis. The received data handling is carried out with the usage of the quantitative method.

Ключевые слова: концепт, компонентный анализ, сема, понятийные признаки, ядро концепта.

Keywords: concept, componential analysis, seme, conceptual features, concept core.

В настоящее время наиболее динамично развивающимся направлением в науке о языке является когнитивная лингвистика. Удивительным свойством когнитивной лингвистики является то, что она считает своей целью не описание явлений языка, а описание работы человеческого разума, основываясь на данных языка и посредством языка. Ключевым понятием данного направления является концепт. Концепт понимается как «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [1]. Концепты не существуют обособленно от других подобных себе единиц, а образуют целостную систему, компоненты которой, взаимодействуя между собой, устанавливают постоянные связи, переплетаются – поэтому всякий концепт погружен в домены [2].

Концепт INTEREST входит в состав одноименного домена наряду с концептами CARE и

ПЛОТНИКОВА Юлия Анатольевна – аспирант кафедры английского языка Белгородского государственного университета

© Плотникова Ю. А., 2009

AMBITION. Рассматриваемый домен имеет сложную структуру, обусловленную концептуальной интерпретацией основных сфер личности (рациональной, эмоциональной и волевой). При этом концепт INTEREST представляет рациональную сторону и обозначает «предрасположенность субъекта суждения к получению информации о каком-то лице, существе, предмете, феномене и т. д.» [3].

Данная публикация преследует конкретную цель – реконструировать семантическую модель концепта INTEREST на основе словарных дефиниций.

Концепт, как существующее в сознании совокупное отражение объективных и субъективных свойств определенного предмета или явления, может иметь выражение в языковых средствах, а поэтому отражается в смысле слов. Обращение к лексикографическим источникам, пристальное внимание к лексическому значению имени концепта дает возможность проанализировать значимые, наиболее часто актуализируемые в современном английском языке понятийные признаки концепта. Н. А. Красавский справедливо подчеркивает: «Если применение метода этимологического анализа приоткрывает занавес тайны первых шагов жизни концепта, т. е. его бытие в *диахронической* плоскости, то использование, например, ставшего традиционным и эффективным во второй половине XX столетия метода компонентного анализа в его различных вариациях может оказаться полезным при изучении сущности концепта в *синхронии*» [4].

Вслед за О. Н. Селиверстовой под *компонентным анализом* мы понимаем процедуру расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, т. е. иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц (совпадение или нейтрализация элементов верхних уровней и совпадение дифференцирующих признаков нижних уровней) [5].

Для обозначения составной части значения применяется целый ряд терминов. В настоящей работе мы используем термин «сема». К общим признакам компонентного анализа следует отнести выявление иерархии сем. Наиболее удобной с точки зрения терминологии нам представляется модель семантической структуры языковой единицы В. Г. Гака, который выделяет:

- 1) архисему (общую сему родового характера);
- 2) дифференциальные семы (семы видовой зависимости);
- 3) потенциальные семы (скрытые смыслы, представленные в значении языкового знака факультативно, проявляющиеся в контексте) [6].

Выявление набора потенциальных сем, необходимого для полного представления семанти-

ческой структуры концепта, выходит за рамки данной статьи.

При определении семного состава лексемы-номинанта *interest* мы опирались на *систему семантических параметров*, разработанную Н. А. Красавским применительно к эмоциональным концептам. Ее использование, с точки зрения ученого, могло бы упорядочить, систематизировать смысловую презентацию номинаций эмоций и повысить ее качество. Н. А. Красавский выявляет следующие семантические категории: 1) родовая категория: «чувство», «эмоция», «состояние», «настроение»; 2) многочисленные видовые категории: «эмоции, чувства», «каузативность переживания эмоции», «условия появления чувства», «последствия переживания эмоции», «объект эмоции», «качественные свойства эмоции», «форма проявления эмоций», «градация переживания эмоции» и т. д. [7]

С целью выявления сем, которые образуют значение слова *interest* и, следовательно, отражают понятийные признаки исследуемого концепта, составляя его ядро, мы обратились к лексикографическим источникам. Нами были исследованы 16 словарных дефиниций слова *interest* толковых словарей английского языка. Для получения релевантных данных был использован квантизативный метод обработки информации.

Слово *interest* в современном английском языке полисемантично; в словарях представлено до 11 толкований. В рамках данной работы мы рассматриваем только те значения, которые представляют познавательный интерес или ситуацию, его вызывающую. Количество таких значений варьирует в различных толковых словарях от двух до трех. С целью наглядности процитируем словарные статьи некоторых из наиболее влиятельных лексикографических источников.

В словаре Longman Dictionary of English Language and Culture исследуемая лексема трактуется следующим образом:

1. *a readiness or desire to give attention to, be concerned with, or learn about something; 2. the quality of a thing that causes attention to be given* [8].

Словарь Oxford Advanced Learner's Dictionary приводит такие определения:

1. *the feeling that you have when you want to know or learn more about sb/sth; 2. the quality that sth has when it attracts sb's attention or makes them want to know more about it* [9].

Электронный словарь Фарлекса предлагает следующие толкования слова *interest*:

1. *A state of curiosity or concern about or attention to something; 2. Something, such as a quality, subject, or activity that evokes this mental state* [10].

В словаре Webster's New World Dictionary лексема получает такие дефиниции:

1. *a feeling of concern, curiosity about something; 2. the power of causing this feeling; 3. something causing this feeling* [11].

Изучение предлагаемых англоязычными толковыми словарями определений слова *interest* показало, что ярче всего в семантике рассматриваемого слова представлена сема «желание» (13 источников), которая позволяет рассматривать интерес как желание субъекта узнать что-либо: «... desire to give attention to...» [LDELС]; «... when you want to know...» [OALD].

1) *When the gray cub came back to life and again took interest in the far white wall, he found that the population of his world had been reduced* (London).

2) ...questions allow you to find out about other people... and to show *interest* in what they are saying (Maggio).

Во многих из изученных толкований находит выражение сема «чувство» (9 источников): «the feeling that you have when you want to know...» [OALD]; «the feeling of concern, involvement, or curiosity» [MD] [12]:

3) *The feeling of interest excited by the Trial was prodigiously increased on the fourth day* (Collins).

4) *As he often remembered afterwards, and always with no small wonder, he found himself at first gazing at the portrait with a feeling of almost scientific interest* (Wilde).

Интерес осмысляется как некое психологическое состояние человека, мотивирующее его к

Понятийные признаки концепта INTEREST

	Название признака	Количество источников
Родовые семы	«желание (знать)»	13
	«чувство»	9
	«состояние»	2
Видовые семы	«внимание» (форма проявления эмоции)	10
	«поглощенность» (форма проявления эмоции)	6
	«объект эмоции»	13
	«притягательность» (характеристика объекта эмоции)	8
	«каузативность переживания эмоции»	1
	«положительная/отрицательная знаковая направленность эмоции»	1

исследовательской, познавательной деятельности. Об этом свидетельствует факт отражения в отдельных словарях семы «состояние» – «a state of curiosity...» [FD], «a readiness ... to give attention to...» [LDELС] (2 источника):

5) *He put down his pail, took the white alley, and bent over the toe with absorbing interest while the bandage was being unwound* (Twain).

Одним из основных механизмов проявления интереса является направленность внимания человека на интересующий объект. Это обстоятельство находит выражение в ряде словарей, указывающих на сему «внимание» (10 источников): «...attention to something...»; «...attention to someone or something...» [RNT] [13]. Указание на объект, фокус (sb/sth), позволяет судить об «объекте эмоции» как еще одной содержательной характеристики исследуемой лексемы (13 источников):

6) *I began to explain my view of our position. He listened at first, but as I went on the interest dawning in his eyes gave place to their former stare, and his regard wandered from me* (Wells).

Формой проявления эмоции интереса является также поглощенность индивида познавательной деятельностью. Сема «поглощенность» также была обнаружена при анализе дефиниций (6 источников): «the feeling of... involvement...» [MD], «the feeling... of wanting to be involved with...» [CALD] [14]:

7) *Then the girl's interest began to fasten itself upon the work and she forgot everything else* (Twain).

8) *Nothing happened. He continued to gaze, and in his interest he forgot to snarl* (London).

Объект интереса обладает притягательной силой, привлекает внимание, заставляет человека понять, прочувствовать его. На это указывает сема «притягательность» (8 источников), которую возможно обозначить как «характеристику объекта эмоции»:

9) *They always want a sixth act, and as soon the interest of the play is entirely over they propose to continue it* (Wilde).

10) *Joe took a pin out of his lapel and began to assist in exercising the prisoner. The sport grew in interest momently* (Twain).

В словаре WordNet (WN) содержится указание на причину возникновения эмоции интереса – because it is unusual or exciting etc. [WN], что говорит о наличии семы «каузативность переживания эмоции» в семантике толкуемого слова (1 источник):

11) *He inspected his napkin curiously and with deep interest, for it was of a very dainty and beautiful fabric...* (Twain)

В одном из исследованных словарей представлена сема «положительная/отрицательная знаковая направленность эмоции» – excitement of feeling, whether pleasant or painful [OPTED] (1 источник):

12) *I could not help glancing at the scar with a painful interest when we went in to a tea* (Dickens).

13) *Her colour brightened, and she turned to him with a look of interest* (Dickens).

Проанализированный лексикографический материал показывает, что в семый набор слова *interest* входят разностатусные семантические компоненты: с одной стороны, *родовые семы* («желание», «чувство», «состояние»), эксплицирующие самые общие представления об эмоциях и служащие своеобразным сигналом о принадлежности слова *interest* к эмоциональной денотативной сфере, а с другой – *видовые семы* («внимание», «поглощенность», «объект эмоции», «притягательность», «каузативность переживания эмоции», «положительная/отрицательная знаковая направленность эмоции»), конкретизирующие значение толкуемого слова. Выявленные семы представляют собой совокупность понятийных признаков концепта INTEREST, которые составляют его ядро.

Следует иметь в виду тот факт, что концепт имеет в словаре частичную реализацию, поскольку «значение слова – это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертив известные его границы, представить его отдельные характеристики данным словом» [15]. Поэтому для полноты реконструкции когнитивной модели концепта INTEREST необходимо дальнейшее исследование.

Примечания

1. Попова З. Д., Стефрин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. С. 4.
2. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000. С. 350.
3. Чекурай И. В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке. Белгород, 2006. С. 209.
4. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008. С. 36.
5. Селиверстова О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 82.
6. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972. С. 371.
7. Красавский Н. А. Указ. соч. С. 36.
8. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow, Essex, 2000.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 7th ed. / ed. S. Wehmeirer. Oxford, 2005.
10. The Free Dictionary by Farlex / Farlex, Inc. Huntingdon Valley, 2008. Mode access: <http://www.thefreedictionary.com/>.
11. Webster's New World Dictionary / ed. M. Agnes. New York, 2003.
12. Macmillan Dictionary / William D. Halsey. New York, 1977.
13. Roget's II: The New Thesaurus / eds. of the American Heritage Dictionary. Boston, 1980.
14. Cambridge Dictionaries Online. Cambridge, 2008. Mode access: <http://www.dictionary.cambridge.org/>.
15. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии. Тамбов, 2001. С. 26–27.

Лексическая и грамматическая семантика языковых единиц

УДК 811.161.1

A. A. Кафданова

КОМПОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОПОРНЫМ КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ

Практически в каждом фразеологизме с опорным компонентом-соматизмом заложено своеобразие восприятия мира через призму языка и национальной культуры. ФЕ вторично номинируют действительность, переосмысливая ее, интегрируя в своей семантической структуре компоненты, относящиеся к разным сферам. Их объединение приводит к реализации особого типа композиционной семантики. Этой проблеме посвящена статья.

In every phraseology with support component-somatic is represented a perception of world by language and national culture, so far as phraseology second denominate the reality, overestimate it, integrative the different components in semantic structure. This process illustrate the realization of specific type of compositional semantics. The present article deals this problem.

Ключевые слова: композиционная семантика, фразеология, соматизмы.

Keywords: compositional semantics, phraseology, somatic.

Цель работы заключается в выявлении особенностей композиционной семантики в номинативном пространстве русского языка, соотношения интегративности и композиционности в семантической структуре фразеологических единиц. Описанию с использованием результатов теории концептуальной интеграции подвергаются ФЕ со значением «лицо», при этом выявляются различные типы «приращенных» значений.

Почти треть русских фразеологизмов содержит компонент-соматизм, и это не случайно. Человеческое тело всегда являлось и является ориентиром в познании мира, источником этого знания, поскольку знания о себе и своём теле человек проецирует на окружающую действительность. Кроме того, «человеческое тело является наиболее доступным и изученным объектом наблюдения человека с первых шагов его жизни. Свою ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего человека удобнее соотносить прежде всего с частями своего тела» [1].

КАРДАНОВА Аминат Аслановна – соискатель кафедры русского языка и общего языкознания, ассистент кафедры русского и родных языков в дошкольном и начальном образовании Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова
© Карданова А. А., 2009

Наименования частей тела человека, их характеристики, свойства и проявления несут в себе значимые смыслы, образуя, таким образом, соматический код культуры. Исследования показали, что соматизмы характеризуются повышенной фразеобразовательной способностью. Чаще всего это соматизмы, представляющие собой названия наружных частей тела, функционально очевидных для человека. «Фразеология покрывает те участки действительности, которые связаны с человеческим видением, оценкой реалий, характеристикой психологических особенностей личности – познавательных процессов, эмоционально-волевой деятельности» [2].

Достаточно часто в русской соматической фразеологии встречаются номинации органа зрения (*глаз, глазок, глазик, око*). Прежде всего, этот орган воспринимается в своей основной функции, которая отражается, однако, лишь в небольшой части фразеологизмов с данными соматизмами (*маячить перед глазами, попадаться на глаза*). В сознании носителя русского языка глаза необычайно подвижны и выразительны, а потому могут выполнять функции других частей тела человека, например рук (*пощупать глазами*), или даже предметов окружающего мира, например оружия (*колоть глазами, стрелять глазами*). Кроме того, именно при помощи глаз человек определяет добро и зло, правду и ложь, что отражено в ряде фразеологизмов, имеющих значение «понять, что правдиво»: *повязка спала с глаз, протереть глаза, пускать пыль в глаза, раскрывать глаза, словно пелена спала с глаз и под*. Ценное также концептуализируется во фразеологизмах с компонентом *око, глаз: как зеницей ока дорожить, пуще своего ока, ради прекрасных глаз*.

Значимые культурные смыслы несет в себе слово «рука». Это объясняется безусловной практической функцией рук и их ролью в жизнедеятельности человека: *горит в руках, нагреть руки, наложить на себя руки, поднять руку, пойти с протянутой рукой, сидеть сложа руки, ухватиться обеими руками*. Отсутствие рук рассматривается как существенный недостаток (*быть как без рук*). А следующие ФЕ – *большая рука, правая рука, своя рука, сильная рука* и др. называют и характеризуют человека на основе метонимического переноса, когда часть называет целое. То есть соматизм «рука» в данном случае используется для номинации влиятельного, значительного по своему положению человека; первого помощника, главного, влиятельного покровителя, доверенного лица и т. д.

Слова *душа* и *сердце* в русской фразеологии выступают как синонимы. При этом слово *серд-*

це не употребляется в своём прямом значении (как орган кровеносной системы). Поскольку *сердце* представляет собой внутреннюю невидимую часть тела, оно обычно рассматривается как срез-доточие эмоционального опыта, а не как орган выражения эмоций. Тем не менее, в русском языке сочетания с этим словом показательны в качестве иллюстрации тех же эмоций (дать им полную власть, никак их не пытаясь контролировать). Ср.: *сердце замирает, скжалось, упало* и т. д. Эти слова несут в себе культурные смыслы, связанные с внутренним миром и психическими состояниями человека: *душа радуется, с души тянет, с душой, отлегло от сердца, сердце кипит, с лёгким сердцем*. М. Ю. Михеев даёт перечень образных воплощений *души* (в русском языке), где *душа* выступает «как какое-то вместилище – оценка размеров этого вместилища» как чего-то самого по себе ценного (или, наоборот, порицаемого): *величие души, мелкая душонка; великодущие, широкая душа*; «душа как вместилище-оболочка и ее содержимое» (*душа нараспашку, еле-еле душа в теле*); «душа как страница, зеркало или же скрытое от обычного взгляда внутреннее лицо человека» (*читать в душе, чистая душа*); «душа как сущность, основа чего-то» (*чёрная душа, для души, душа-человек*) и т. д. [3]

В разной степени важными представляются также *язык* (злые языки), *нос* (с гулькин нос), *кровь* (голубая кровь, кровь от крови, кровь с молоком, плоть и кровь/плоть от плоти), *рот* (лишний рот), *плечо* (заплечный мастер/заплечных дел мастер, косая сажень в плечах), *ноготь/ноготок* (с ноготок), *утроба* (ненасытная утроба), *кость* (белая/чёрная кость, кожа да kostи) и другие номинации.

Культурные смыслы номинаций частей тела человека связаны с наивными представлениями людей о себе и мире и являются важным источником информации о культуре и наивной философии народа.

Здесь мы отдельно анализируем фразеологизмы, называющие человека по его интеллектуальным способностям. При семантическом анализе мы следуем современным положениям семасиологии, согласно которым фразеологическое значение, как и лексическое, представляет собой сложное образование, состоящее из иерархически организованных и упорядоченных семантических компонентов, сем.

Самый многофункциональный орган человеческого тела, пожалуй, голова. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой находим следующее определение этого слова: «1. Часть тела человека (или животного), состоящая из черепной коробки и лица...; 2. Черепная коробка; 3. Ум, рассудок; 4. Человек как носитель каких-нибудь идей, взглядов, способностей, свойств и т. д.» [4]. Та-

ким образом, *голова*, во-первых, это место локализации мозга, функции которого часто переносятся на голову в целом: *голова варит, дойти своей головой, засесть в голову/в память*. Фразеология фиксирует только крайние проявления интеллектуальных способностей – либо высокие мыслительные возможности, либо полное их отсутствие: *с головой, без царя в голове, солома в голове*. Во-вторых, довольно часто в результате метонимического переноса *голова* называет человека в целом и является важным основанием для его характеристики: *бесталанная голова, отпетая голова, отчаянная голова, светлая голова, с мухой в голове, сорвиголова*. В-третьих, *голова* – крайняя верхняя точка человеческого тела: *выше головы не прыгнешь, перевернуть с ног на голову, с головы до ног, ходить на головах*. Это положение тела концептуализирует правильное, одобряемое, если же *голова* является крайней нижней точкой тела – неправильное, порицаемое. Такое восприятие правильного и неправильного человека переносит на окружающий мир в целом (*всё вверх дном*). Производными от этого представления являются культурные смыслы «главенство», «социальное или иное пре-восходство»: *всему голова, высоко нести голову, на голову выше, сам себе голова*. Также особо подчеркивается ценность головы: *давать голову на отсечение, давать голову порукой, руиться головой*.

Интегральной семой исследуемых фразеологических единиц является сема «интеллектуальное свойство». Степень умственных способностей лица колеблется в очень широких пределах: от максимальной до минимальной, граничащей с полным отсутствием интеллектуальных способностей. Фразеологизмы концентрируются на двух противоположных полюсах, обозначающих либо максимальные, либо минимальные интеллектуальные свойства. Таким образом, формируются семантические объединения фразеологизмов, представляющие собой синонимическо-антонимические ряды.

Первый синонимический ряд образуют ФЕ, включающие доминирующие семы «глупый», «тупой», с максимальной степенью признака. В составе таких единиц активно употребляется существительное *голова* в значении «человек» и его синонимы – лексемы *башка, дубина, лоб*; например: *голова еловая, голова садовая, дубовая голова [башка], дурья голова [башка], дырявая голова, мякинная голова [башка], пустая голова [башка], без головы, дубина стоефосовая, медный лоб* и т. д. Лексема *лоб* этимологически связана со словами *луб, лубок, лупить* и в начале обозначала то, что было отлуплено, скорлупу, а затем – верхнюю часть черепа. Слово изменило свое значение в результате метонимичес-

кого переноса на основе соположения и стало обозначать верхнюю лицевую часть головы. С компонентом *голова* ассоциируется содержание, передающее определенные проявления психической деятельности – самообладание, душевное равновесие, способность трезво рассуждать, оценивать происходящее. Это содержание основано на метонимическом переносе, связанном с представлением о голове как *вместилище мозга* [5].

Наряду с доминирующей семой «очень глупый», «тупой» в индивидуальном значении некоторых фразеологизмов выявляются дополнительные семы, отражающие взаимосвязанные свойства характера: «наивный» – *святая простота*; «недалекий», «невежественный» – *богом обиженный, богом убитый*; «нерасторопный, глуповатый» – *мешок с соломой*; «отрешенный от реальной жизни, не приспособленный к жизни» – *не от мифа сего*; «легкомысленный, несерьезный, непостоянный» – *ветреная голова (головушка)*; «сумасбронный, взбалмошный» – *шальная голова*; «бесшабашный, отчаянный» – *буйная/бедовая/забубенная/пролётная голова (головушка)*. В русских ФЕ находим и такие образные представления, как *голова два уха* (дополнительная сема «недалекий») и *с царем/без царя в голове* (образ из социальной сферы).

Синонимическому ряду фразеологизмов с общим значением «очень, крайне глупый, тупой человек» семантически противопоставлен фразеологический ряд, объединенный контрастирующими семами «очень умный», «много знающий» (человек): *светлая голова, с головой*. Предикативные номинации с опорным компонентом *голова/голова* используются для обозначения человека, обладающего высоким уровнем интеллекта: *умная голова, золотая голова*. ФЕ *светлая голова и ясная голова* называют человека, способного ясно, четко мыслить. Эти фразеологизмы содержат в своей семантической структуре коннотативные семы, передающие позитивное отношение к человеку, обладающему высоким уровнем интеллекта.

Таким образом, самым употребляемым компонентом рассматриваемых фразеологизмов является существительное *голова* (и его синонимы *башка, дубина* и т. д.). Лексема *голова* в русском, как и в других языках, благодаря метонимию употребляется в значении «человек». Кроме того, символика интеллектуальной жизни человека связана с понятием «голова» как средоточием процессов мышления. Именно поэтому в состав исследуемой группы входит большое число фразеологизмов, содержащих этот компонент: *голова еловая, голова садовая, дубовая голова [башка], дурья голова [башка], дырявая голова, мякинная голова [башка], пустая голова [башка], без головы, светлая голова, с головой*

и др. Данная лексема вообще является самой используемой в качестве компонента русских фразеологизмов. Ее синонимы *башка, дубина* имеют пейоративное значение, и их употребление усиливает отрицательную оценку в семантике фразеологизмов: *дубовая (дурья, мякинная, пустая) башка* и др.

В основе значения фразеологизмов, содержащих компонент *голова* и его синонимы, лежат образные представления о необычном материале, из которого сделан этот орган, – *голова еловая, голова садовая, дубовая голова, мякинная голова*, его пустоте – *пустая голова*. Необычная твердость материала ассоциируется с тупоумием; представление о пустоте в голове – с полной неспособностью к умственной деятельности.

Наиболее многочисленный синонимический ряд образуют фразеологизмы, обозначающие человека с отсутствием интеллектуальных способностей. С семантической точки зрения, данные синонимы отличаются оттенками значения, выражая разную степень общего для них признака, например фразеологизмы, обозначающие глупого, тупого человека: *дубовая голова* и человека с полным отсутствием интеллекта: *олух царя небесного*. Некоторые дифференциальные семы обозначают различные дополнительные свойства человека: *медный лоб* – образное представление мозгов и головы как сделанных из металла, который из-за своей прочности трудно поддается воздействию (дополнительные семы «бессмысленно-упрямый», «ограниченный»).

Отсутствие умственных способностей ассоциируется с заменой мозга чем-либо ненужным или вообще его отсутствием. Это эксплицитно отражается в ФЕ *пустая голова*. В исследуемых ФЕ наблюдается уподобление головы глупого человека голове животного (птицы) как эталона глупости – в русском языке *куриная голова, баранья голова*.

В данном значении используются также фразеологизмы-антропономинанты с опорным компонентом *мозги* (*чугунные/цыплячьи/куриные мозги, мозги набекрень*) и *чело/лоб*. Здесь образное представление связано с величиной лба: большой лоб обозначает умного человека: *семи пядей во лбу*. Употребление именно этого числительного не случайно. Как правило, в русских фразеологизмах в целом самым употребляемым является числительное *семь*. Именно с отдельными числительными (*три, семь, десять*) связаны представления экстралингвистического порядка о каких-то особо значимых еще с глубокой древности, порой мистических свойствах чисел. Этим можно в ряде случаев объяснить наличие в составе некоторых фразеологизмов именно данных числительных (*на седьмом небе, до седьмого пота, за семью/десятью замками и др.*).

В основе образности обычно лежит сравнение реалий внеязыковой действительности, которые становятся образцом (или антиобразцом) идеального качества: *семи пядей во лбу* – «умный, поскольку лоб выше обычного предполагает больше мозга» и «глупый, поскольку лоб ниже обычного предполагает меньше мозга». В русской ценностной шкале выше находится способность «логически, ясно мыслить»; большую ценность в русской картине мира составляют также знания.

Наличие значительного числа фразеологизмов с отрицательной экспрессивностью в русском, как и в любом другом языке, доказывает склонность человека останавливать свое внимание преимущественно на несовершенном у человека. Вероятно, это можно объяснить неосознанным стремлением к исправлению человека, влиянию на его развитие и совершенствование с помощью критики, иронии, пренебрежения и т. д. Указанное явление связано с оценочным компонентом в семантической структуре рассматриваемых фразеологизмов. Оценочный компонент приобретает особую значимость в силу специфики объекта исследования, поскольку то, что характеризует человека, представляет собой оценочные категории. По этому поводу Й. Дапчева отмечает, что «отрицательный оценочный компонент является выражением социально обусловленной оценки свойств человеческой личности. Фразеологизмов с отрицательным оценочным компонентом значительно больше, чем с положительным. Отклонение от нормы в положительную сторону не вызывает столь острой реакции и не провоцирует появления значительного количества фразеологических единиц. Оценка также детерминирована мировоззрением народа, системой существующих в данном языковом коллективе ее критериев» [6].

Проведенный анализ дает представление о месте качества ума и глупости в ценностной системе русского народа в их фразеологической экспликации. Анализ позволяет выделить, с одной стороны, отношение к уму и глупости как к качествам личности и, с другой, – те особенности ума, которые признаются более или менее важными.

Основной вывод, к которому мы приходим, заключается в следующем. Особенностью семантики фразеологизма является то, что каждая из входящих в него единиц обладает своим лексическим значением, а семантика всей ФЕ является результатом их полного или частичного переосмысления и интеграции. Простая сумма значений частей фразеологизма не дает механического формирования значения целого оборота, в семантике ФЕ в той или иной степени всегда присутствует идиоматический компонент.

Примечания

1. Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. Самарканд, 1972. С. 41.
2. Швейдзе Н. Б. Фразеологизмы современного русского языка со значением поведения лица, их прототипы, виды образности // Русская словесность. 2006. № 1. С. 78.
3. Михеев М. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. 336 с.
4. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2002. С. 135–136.
5. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М.: Русские словари, 1997. С. 19.
6. Дапчева Й. Фразеологизмы, обозначающие интеллектуальные свойства человека в болгарском и русском языках (Семантический и лингвокультурологический аспекты) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 176.

УДК 81'367.5

С. И. Дружинина

О СИНКРЕТИЗМЕ НЕКОТОРЫХ АТРИБУТИВНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Статья посвящена описанию синкремтических атрибутивно-следственных сложноподчиненных предложений. Сложноподчиненные структуры подробно анализируются на шкале переходности. В статье впервые показано своеобразие рассматриваемых конструкций, уточнен характер взаимодействия атрибутивного и следственного значений, выявлены факторы, от которых зависит синкремтизм этих предложений.

The article represents description of syncretic complex sentences with meaning of attribute and consequence. Complex structures are analyzed in detail on transitivity scale. In the article for the first time particular nature of the constructions under consideration is introduced, the character of interaction of attribute and consequence meanings is specified, factors are detached, and syncretism of sentences, which is considered, depends on these factors.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, синкремтизм, шкала переходности, атрибутивное и следственное значения.

Keywords: complex sentences, syncretism, transitivity scale, attribute and consequence meanings.

ДРУЖИНИНА Светлана Ивановна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка, зам. декана факультета гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Орловского государственного аграрного университета
© Дружинина С. И., 2009

При исследовании любых языковых явлений особый интерес у лингвиста вызывают синкетичные случаи. Согласно определению, данному В. В. Бабайцевой, синкетизм – это совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности [1]. Очень много синкетичных образований наблюдается в системе сложноподчиненных предложений (далее – СПП), поскольку грамматическая природа этих конструкций очень сложна.

В русском синтаксисе существует множество разновидностей СПП с синкетичным значением. Так, атрибутивные (определительные) СПП представляют собой систему, где функционируют и ядерные, собственно-атрибутивные, структуры, и синкетичные конструкции, в которых помимо атрибутивного значения можно отметить наличие изъяснительной, пространственной, временной, причинной, уступительной, следственной семантики [2]. В данной статье рассматриваются синкетичные атрибутивно-следственные СПП. Цель статьи – показать своеобразие этих конструкций и выявить факторы, определяющие особенности их синкетизма.

Для объективного функционально-семантического анализа синкетичных атрибутивно-следственных СПП используем шкалу переходности, предложенную В. В. Бабайцевой. На шкале наглядно показывается соотношение свойств сопоставляемых явлений:

Точки **А** и **Б** являются центрами (ядрами) оппозиций. В этих точках сосредоточен полный набор дифференциальных признаков сопоставляемых реалий. Обозначения **Аб**, **АБ**, **аБ** – переходные звенья, образующие зону синкетизма, в которой дифференциальные признаки членов оппозиции совмещаются. Синкетичные явления неоднородны: в звене **Аб** преобладают признаки типа **А**, в звене **аБ** – признаки типа **Б**, в сегменте **АБ**, области промежуточных образований, наблюдается примерное равновесие сочетающихся свойств [3].

О СПП с синкетичным атрибутивно-следственным значением писали А. М. Давидовский [4], З. А. Литовкина [5], Д. И. Баршай [6], А. К. Федоров [7], В. В. Бабайцева [8], И. Н. Кручинина [9], О. В. Левщенко [10], Е. Г. Колыханова [11], А. Н. Жукова [12] и другие языковеды. Известно, что определительно-следственное придаточное не только раскрывает признак предмета, о котором говорится в главном предложении, но и указывает на следствие (результат) сообщаемого в этом предложении.

Централами рассматриваемой нами оппозиции являются общие семантические категории «атрибутивность – следствие». СПП располагаются на шкале переходности следующим образом:

А – атрибутивность: *После баб, что ушли на силос, прибежали сюда ребятишки* (В. Белов).

Аб – атрибутивность + следствие:

Аб₁ – Нищих, дурачков, слепых и калек – да все таких, что смотреть страшно, – прямо полк целый! (И. Бунин);

Аб₂ – Нажал на кнопку [телевизора] – и вдруг без всякой настройки наплыла на него такая картина, что Сеня попятился (В. Распутин).

АБ – атрибутивность + следствие:

АБ₁ – Но вы говорите с таким жаром, что все вас услышат (О. Сенковский);

АБ₂ – ...Олесья, в свою очередь, попросила меня с такой милой простотой и с такой ласковой улыбкой, что я поневоле согласился (А. Куприн).

аБ – следствие + атрибутивность:

аБ₁ – Первая Анна подняла волы, и такой, что у меня в ушах зазвенело (В. Нарежный);

аБ₂ – И имя-то дали городу не христианское, что и вымолвить не сможешь (А. Корнилович).

Б – следствие: *Но из русских никто к этому делу не оказывался годным, так что первые пять лет после вступления Елизаветы Петровны на престол академия [наук] оставалась без президента* (Н. Гейнце).

В центре **А** находятся собственно-определительные СПП, в которых нет никаких других семантических оттенков: *По мере того как увеличивалось количество гигантов-броненосцев и торжествовал «культ гроша», обезличивались люди и исчезал тот истинно морской дух, та любовь к делу и то обычное у прежних моряков рыцарство, которые являлись как бы традиционными и без которых все эти чудеса техники являются лишь бесполезными и дорогостоящими игрушками* (К. Станюкович); *И вот сейчас Рогуле снилась такая же весна, какая была тогда, с сизой росой на траве, с запахом дымов и отрешенными криками бесшабашных пастухов* (В. Белов); *Найди ты там Ильюшу – цыгана, вот что у графа Орлова тогда плясал...* (Л. Толстой). Придаточное предложение этих конструкций распространяет опорные слова, находящиеся в главном предложении, выраженные именами существительными или сочетаниями существительного и местоимения. Придаточное указывает на признак предмета или явления, названного в главном, в СПП используются грамматические показатели атрибутивности **который**, **какой**, что и др.

В ядре **Б** располагаются собственно-следственные СПП с моносемантическим союзом реального следствия **так что**: *Глинский сказал это до-*

вольно громко, *так что* Дюбуа слышал его ответ (Н. Бестужев). Придаточное таких структур не отвечает ни на один вопрос, не соответствует никакому члену предложения, находится в постпозиции. Главное предложение не имеет коррелятов.

В рассматриваемых на шкале синкретичных структурах используется полисемантический маркер *что*. В определительно-следственных конструкциях звеньев Аб, АБ и аБ₁ придаточное предложение конкретизирует сочетание существительного с указательным словом (коррелятом) *такой*, что поддерживает в этих СПП сему атрибутивности. В то же время придаточное предложение здесь обозначает и следствие того, о чем говорится в главном.

В структурах звена Аб преобладают признаки атрибутивной семантики.

Для редко встречающихся предложений типа Аб₁ (см. пример на шкале) характерна интерпопозиция придаточного, что обуславливает бесспорный приоритет атрибутивного значения, несмотря на то, что позиция коррелята здесь такая же, как и в СПП звена аБ₁ (см. ниже).

В звене Аб₂ располагаются СПП, в которых опорное существительное не имеет абстрактного значения, а значит, не может изменять интенсивность проявления признака (качества): *Дай-ка укрепиться в этой милости, перехитрить архипутов, и тогда пущу такой доклад [государыне], что от него будет им жарко, как в пекле* (И. Лажечников); *Дашка сделала такой кулич, что поссорились из-за него Иван Асинкфитыч с Марьей Петровной, сначала только намеками* (С. Сергеев-Ценский).

Указание на интенсивность признака потребовало бы определенного результата, на который указывалось бы в придаточном предложении, что предопределило бы тяготение таких структур к следственным. Предложения же звена Аб₂ сближаются с собственно-определительными СПП.

Однако конструкции типа Аб₁ и Аб₂, все же способны трансформироваться и в СПП следствия, ср.: *Ницких, дурачков, слепых и калек – да все жалких, так что смотреть страшно, – прямо полк целый; ...вдруг без всякой настройки наплыла на него страшная картина, так что Сеня попятился; ...тогда пущу подробный доклад, так что от него будет им жарко, как в пекле; Дашка сделала вкусный кулич, так что поссорились из-за него Иван Асинкфитыч с Марьей Петровной...*

В звене аБ находятся предложения, в которых превалирует значение следствия. Оттенок определительного значения обусловлен наличием в СПП опорного компонента, требующего замещения атрибутивной позиции.

Очень редкие СПП типа аБ₁ содержат абстрактное существительное (*волль, свист, тишина* и т. п.), способное менять интенсивность проявления качества, что обуславливает тяготение таких структур к следственным. В этих конструкциях есть и коррелят-определение, но он занимает позицию перед маркером *что*, это в какой-то мере облегчает трансформацию СПП в собственно-следственное, ср.: *Первая Анна подняла волль, так что у меня в ушах зазвенело*.

В звене аБ₂ располагаются СПП без указательного слова в главном предложении, это и актуализирует в данных структурах значение следствия. Такие конструкции свойственны разговорно-бытовому стилю, в художественных произведениях они встречаются в единичных случаях. Эти СПП легко трансформируются в следственные структуры, ср.: *И имя-то дали городу не христианское, так что и вымолвить не сможешь*.

В промежуточном звене АБ₁ находится большинство определительно-следственных СПП. Придаточное предложение в этих структурах конкретизирует сочетание коррелята *такой*, поддерживающего семантику атрибутивности, с именем существительным абстрактного значения типа *жар, холод, тишина, грусть, сила, нетерпение, смущение* и т. п., способным изменять степень проявления признака (качества). Указание в главном предложении на степень качества требует результата, который представлен в придаточном предложении, что характерно для отношений следствия: *Сегодня вечером брат герцога изволил воротиться домой в таком гневе, что у меня душа в пятки, и на меня раскричаться изволил* (К. Масальский); *Ее бархатный голос звучал с такой силой, что все замерли и затянули дыхание* (Н. Гейнце); *Но она с такой ненавистью взглянула на меня, что я отступил* (П. Проскурин) (ср.: *Сегодня вечером брат герцога изволил воротиться домой в гневе, так что у меня душа в пятки... – и т. д.*).

К промежуточному звену АБ₂ относятся определительно-следственные СПП с указательным словом *такой*, которое связано и с опорным существительным, что говорит об атрибутивных отношениях, и с прилагательным, находящимся в позиции перед этим существительным и указывающим на присутствие в структуре оттенка значения степени качества. Наличие данного семантического оттенка поддерживает в этих конструкциях семантику следствия. Например: *На одном из перегонов, неподалеку Вышнего Волочка, рано утром Евсей Стакеевич... закричал таким диким голосом, что все спутники и спутницы его вздрогнули* (В. Даляр); *К студенту по-прежнему приходила девушка, которую он любил, и щеки ее от свежего воздуха горели такой живой*

и нежной краской, что было приятно и почему-то грустно смотреть на них (Л. Андреев); *Но зато соленье из этих крошечных рыбичков получалось такого отменного вкуса, что вполне достойным было быть закускою на царском столе* (А. Ким) (ср.: ...*Евсей Стакеевич закричал диким голосом, так что все спутники и спутницы его вздрогнули* – и т. д.).

Теперь рассмотрим на шкале переходности СПП с союзом *чтобы*:

А – атрибутивность: *Его не интересует такая книга, в которой нет интересных сведений по искусству, качественных репродукций, иллюстраций.*

АБ – атрибутивность + следствие: *Ну, я искала такую работу, чтобы не очень отрываться от дома* (А. Рыбаков).

АБ – атрибутивность + следствие:

АБ₁ – *У нас нет таких капиталов, чтобы по трешке выкидывать за лодку* (И. Касаткин);

АБ₂ – *Еще не бывало такого случая, чтобы колхоз «Путь рыбака» не выполнил плана...* (А. Софонов);

АБ₃ – *Не такие люди Кешка и Алька, чтобы завидовать неизвестно кому* (А. Лиханов).

аБ – следствие + атрибутивность: *Гость, он не дурак, чтобы к такому обеду опоздать, а ты всем называл, что я [поваром] у тебя* (Л. Карабин).

Б – следствие: *Я слишком ненавижу, чтобы было еще место для любви* (Н. Гарин-Михайловский).

В центре **А** находятся собственно-определительные СПП, в которых значение атрибутивности выражается наиболее ярко, без дополнительных семантических оттенков (см. шкалу).

В ядре **Б** располагаются собственно-следственные конструкции с союзом *чтобы*, построенные по фразеологизированным моделям *слишком...*, *чтобы*; *стоит...* *чтобы*; *не (нельзя)... чтобы* *не*; и др.: ...*на ходатайство врага можно полагаться* *столько же, сколько на весенний лед*, когда он кажется твердым, но стоит только ступить на него, чтобы провалиться (К. Масальский); *Сама палата с ее высокими потолками* казалась при этом свете узким и длинным закулком, в котором нельзя протянуть руки, чтобы не наткнуться на стену (Л. Андреев).

В таких структурах значение следствия реализуется в наиболее полном, «чистом» виде, СПП, построенные по перечисленным моделям, синонимичны конструкциям со следственными союзами *так что* или *так чтобы*, ср.: *Я слишком ненавижу, так что места для любви нет; Я слишком ненавижу, так чтобы было еще место для любви; На ходатайство врага можно полагаться* *столько же, сколько на весенний лед*, когда он кажется твердым, но стоит только ступить

на него, так чтобы провалиться; Сама палата с ее высокими потолками казалась ... закулком, в котором нельзя протянуть руки, так чтобы не наткнуться на стену.

В звене **АБ** располагаются СПП, в которых превалирует семантика атрибутивности. Придаточное предложение таких структур относится к сочетанию существительного с коррелятом *такой* (или его можно легко восстановить), являющимся грамматическим средством выражения определительного значения: *Что-то в жизни ломает эту общину: надо [создать] такую организацию, чтобы не сломало ее* (Н. Гарин-Михайловский); ...*дед так и не сделал ей [такую] меленку, чтобы на ветру вертелась и пестиками стучала, как у Моськи* (И. Касаткин). Эти конструкции не фразеологизированы.

В придаточном или главном предложении данных структур присутствует отрицательная частица *не*, это свидетельствует об отрицательной модальности конструкций, что свойственно следственным СПП (в отличие от целевых). Отрицание, а также наличие в структуре маркера *чтобы* и обуславливает некоторое тяготение подобных СПП к следственным.

Структуры звена **аБ** приближены к собственно-следственным СПП (см. структуры звена **Б**), поскольку данные синкретичные конструкции наиболее фразеологизированы из-за отсутствия коррелята *такой*:

– Тебя, верно, никто не любит.

– Я не девка, чтобы любили (Ю. Трифонов).

Однако здесь уже можно отметить оттенок атрибутивного значения: в главном предложении есть существительное, которое может конкретизироваться придаточным, ср.: *Я не девка, которую можно любить*.

В СПП звеньев **АБ₁**, **АБ₂**, **АБ₃** атрибутивная и следственная семы имеют примерно одинаковое соотношение. Эти структуры схожи с фразеологизированными следственными конструкциями или уже фразеологизированы. На значение следствия указывают также реализующаяся в СПП отрицательная модальность и маркер *чтобы*, грамматическим средством выражения определительной семантики служит сочетающийся с существительным коррелят *такой*.

В главном предложении структур типа **АБ₁** в качестве сказуемого выступает неизменяемая глагольная словоформа – отрицательное слово *нет*: *Да чего там грехи твои, страсти больше. Нет у тебя никаких таких грехов, чтобы пугаться* (Л. Бородин).

В главном и придаточном предложениях конструкций типа **АБ₂** присутствует отрицательная частица *не* (см. пример на шкале). Такие СПП схожи с ядерными фразеологизированными структурами со значением следствия, но отличаются

ются от последних наличием в главном предложении опорного компонента, при котором есть незанятая позиция определения, восполняющаяся придаточным предложением.

СПП звена АБ₃ фразеологизировано, так как построено по схеме *не такой + номинатив, чтобы*. В главном предложении этих конструкций выражается отрицательная оценка, а коррелят *такой* входит в состав именного сказуемого: *Во-первых, он уж очень немолод, а во-вторых, совсем не такой мужчина, чтобы мог нравиться* (Н. Островский).

Здесь же находятся СПП, в которых коррелят *такой* относится и к существительному, что говорит об атрибутивном значении, и к прилагательному. Поэтому в таких конструкциях можно отметить оттенок значения степени качества, что поддерживает сему следствия: *Я не такой уж смелый человек, чтобы последовать твоему совету* (П. Проскурин).

Конструкции, входящие во все синкретичные звенья, поддаются трансформации в собственно-атрибутивные СПП с союзным словом *который* и в собственно-следственные СПП с союзами *так что* или *так чтобы*, ср.: *Надо [создать] такую организацию, которую не сломает; Надо [создать] крепкую организацию, так что не сломает ее; Надо [создать] крепкую организацию, так чтобы не сломало ее; Нет у тебя никаких таких грехов, которых можно пугаться; Нет у тебя никаких таких грехов, так что можно не пугаться; Нет у тебя никаких грехов, так чтобы пугаться; Еще не бывало такого случая, при котором колхоз «Путь рыбака» не выполнил плана; Еще не бывало такого случая, так чтобы колхоз «Путь рыбака» не выполнил плана; Во-первых, он уж очень немолод, а во-вторых, совсем не такой мужчина, который может нравиться; Во-первых, он уж очень немолод, а во-вторых, он не красивый мужчина, так что не может нравиться; Во-первых, он уж очень немолод, а во-вторых, он не красивый мужчина, так чтобы мог нравиться; Гость, он не дурак, который может к такому обеду опоздать...; Гость, он не дурак, так что не может к такому обеду опоздать...; Гость, он не дурак, так чтобы к такому обеду опоздать... (и т. д.).*

Таким образом, рассмотрение сложноподчиненных конструкций на шкале В. В. Бабайцевой позволило представить переходные случаи, в которых отражены взаимосвязи определительных СПП и СПП следствия, наиболее полно. Выяснилось, что синкретизм атрибутивно-следственных конструкций зависит от целого ряда факторов:

от наличия опорного компонента, в состав которого может входить коррелят, семантических и морфолого-сintаксических свойств опорных слов, синтаксической функции коррелятов, позиции указательного слова по отношению к маркеру (союзу, союзному слову), наличия в составе опорного компонента определений – качественных прилагательных, позиции придаточного предложения, степени фразеологизированности конструкций, семантики союзов и союзных слов.

Синкретичные атрибутивно-следственные СПП обладают большим семантическим потенциалом: они способны передавать тончайшие смысловые оттенки высказывания, их содержательный план требует конкретной, четко выстроенной формы. Все это свидетельствует о развитости данных структур, о строгой организованности системы атрибутивных СПП в целом.

Примечания

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000. С. 235.
2. Колыханова Е. Г. Изменения в семантике и структуре сложноподчиненных предложений присубстантивного типа в языке русской художественной прозы с 20–30-х годов XIX века по 80-е годы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1993; Дружинина С. И. Синкретизм в системе сложноподчиненных предложений: монография. Орел, 2008.
3. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. С. 132–134.
4. Давидовский А. М. Придаточные предложения меры и степени // Русский язык в школе. 1953. № 6. С. 13.
5. Литовкина З. А. Сложноподчиненные предложения с придаточными определительно-следственными // Уч. зап. Харьковского университета: тр. филол. ф-та. Харьков, 1962. Т. 10. С. 77.
6. Барайшай Д. И. О сложноподчиненных предложениях, имеющих несколько значений // Русский язык в школе. 1966. № 1. С. 59.
7. Федоров А. К. Система подчинительных союзов в современном русском языке (Проблема взаимосвязи значения союза и структуры сложного предложения): дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 1972. С. 403.
8. Бабайцева В. В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979. С. 227.
9. Русская грамматика. М., 1980. Т. 2: Синтаксис. С. 506.
10. Левщенко О. В. Сложноподчиненные предложения с местоименно-соотносительным словом *такой*: смысловая организация местоименно-союзных предложений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1983. С. 9–10.
11. Колыханова Е. Г. Указ. соч. С. 12–13.
12. Жукова А. Н. Изменения в семантике и структуре сложноподчиненных нерасчлененных предложений в языке русской поэзии XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2003. С. 16.

Н. В. Попова

ПОНЯТИЕ «БЕЗОБРАЗИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК НАРУШЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

В данной статье показан анализ лексико-семантического поля «безобразие» в русском языке с целью сопоставления семантики микрополей, входящих в поле базовой лексемы.

Толкование лексических значений и историко-этимологическое рассмотрение лексем микрополей позволили представить лексико-семантическое поле «безобразие» в аспекте нарушения эстетических и этических ценностей, то есть негативных проявлений во внешности (в лице, фигуре, одежде) и непристойном поведении человека.

The analysis of lexico-semantic field “ugliness” in Russian is shown in this article with the purpose of comparing semantics of micro fields being part of the field of a base word.

Interpretation of lexical meanings and historico-etymological studying of words of micro fields allowed to represent lexico-semantic field “ugliness” in the aspect of breaking aesthetic and ethical values i.e. negative manifestations in appearance (in face, body, clothes) and indecent man behaviour.

Ключевые слова: лексема, безобразие, лексико-семантическое поле, негативный, микрополе, семантика.

Keywords: word, ugliness, lexico-semantic field, negative, micro field, semantics.

Безобразное воплощает ценностные характеристики таких природных и общественных явлений, которые при современном уровне развития общества, хотя и имеют отрицательное общественное значение, как правило, не представляют серьезной угрозы человечеству. Оно характеризует явления действительности, сущность которых противоположна прекрасному. В безобразном находит выражение отрицательное отношение человека к этим явлениям.

В противоположность прекрасному, безобразное в общественных отношениях проявляется во враждебности социальных условий свободному проявлению и расцвету жизненных сил человека, в ограниченном, уродливо-одностороннем развитии их, распаде эстетического идеала.

Таким образом, что-то безобразное – это явления мертвенные, патологические, неодухотворенные, лишенные целостности, внутреннего света и богатства.

Обратимся к анализу лексико-семантического поля «безобразие» с целью сопоставления семантики микрополей, входящих в поле базовой

лексемы. Схематично это можно представить так (см. рис. на с. 47).

Исходя из этимологии лексемы «образ» можно констатировать, что первоначальные значения «лицо, щека» служили для обозначения внешности, «изображение, картина» – для обозначения искусственно созданного, «образ, икона» – для обозначения церковных понятий, связанных с Богом [1].

По В. И. Далю, лексема «образ» означает «вещь подлинная, или снимок с нее, точное подражание ей, вещь примерная, служащая мерилом, для оценки ей подобных. Модель, израз, выкройка, лекало, и вообще вещь, по размеру и подобию коей другие вещи должны изготавляться», т. е. лексическое значение данного слова приближено к слову «образец» [2].

С. И. Ожегов так определяет значение лексемы «образ¹»: «1. Вид, облик... *Потерять образ человеческий...* 2. Живое, наглядное представление о ком или чем-либо; *Светлые образы будущего*. 3. В литературе, искусстве: обобщенное художественное отражение действительности, облеченнное в форму конкретного, индивидуального явления. *Поэт мыслит образами*. 4. В художественном произведении: тип, характер. *Образ скupца – Плюшкин в «Мертвых душах» Гоголя*. 5. ...Порядок, направление чего-либо, способ; *Образ жизни. Образ мыслей*. «Образ²... То же, что икона // уменьш. образок» [3].

Отсюда можно сделать вывод, что лексема «безобразие», учитывая этимологию и современное толкование значений, дословно означает «без образа», т. е. «отсутствие должного вида, облика, порядка».

Обратимся к исследованию этимологии и определению семантики лексем, входящих в микрополе лексико-семантического поля «безобразие». Следует рассмотреть этимологически и с точки зрения толкования значений лексемы, входящие в микрополе «недостаток красоты, стати, басы; крайне некрасивая внешность; отсутствие должного вида, наружности, склада».

Первоначально доминирующими значениями выступали семы, обозначающие «изменение состояния»: «встал», «стану», «становиться», «стать» [4].

Обратимся к толковому словарю С. И. Ожегова с целью определения значения лексемы «недостаток»: «1. Изъян, несовершенство, неправильность в чем-нибудь, 2. Отсутствие средств для жизни, нужда, 3. Неполное количество кого-чего-нибудь, отсутствие нужного количества кого-чего-нибудь» [5].

Таким образом, словосочетание «недостаток красоты» обозначает «изъян, влекущий некрасивость», «несовершенство лица и фигуры», «неправильность внешних черт», что ведет к общему значению «отсутствие внешней красоты».

ПОПОВА Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Мичуринского государственного аграрного университета
© Попова Н. В., 2009

Ранее, в древних языках, в том числе и германских, лексема «стать» отличалась многозначностью и обозначала определенную территорию («место, стан, город»), выправку, осанку («стойка»), привал, отдых, задержку («стоянка, стояние»), существование, жизнь, нахождение («пребывание»), твердость, крепкость, надежность, долговечность («прочность»), состояние, обстоятельство, отношения; постановление, закон, правило, устав, узаконение; отношение предмета к окружающей местности («положение, установление»), строй, вереницу («ряд»), массовое вооруженное выступление («восстание») [6].

Рассмотрим современное толкование значений лексемы «стать». С. И. Ожегов определяет данную лексему в двух значениях, одно из которых «телосложение, общий склад фигуры» [7].

Таким образом, сочетание слов «недостаток стати», учитывая этимологию и современное толкование, может означать «изъян, несовершенство, неправильность в фигуре, телосложении и осанке», что указывает на отсутствие красоты во внешности человека.

Лексема «баса», в основном, обозначает «внешнюю красоту, проявляющуюся в красоте лица и тела, красоте одежды и украшений». Хотя и имеет значение «пригожество», т. е. «умение делать какую-либо работу, годиться на что-либо», а это указывает на красоту действий человека [8]. Под словосочетанием «недостаток басы» понимается «отсутствие красоты во внешности человека, чаще всего женщины, а именно, красоты лица, фигуры, одежды и украшений».

Следует сделать вывод о том, что словосочетание «недостаток красоты, стати и басы», в целом, обозначает «отсутствие красоты не только в лице и фигуре (осанке, телосложении) – «красота» и «стать», но и в одежде и украшениях – «баса».

Целесообразно проанализировать словосочетание «(крайне) некрасивая внешность» с этимологической точки зрения с целью выявления исторических корней и определить значения слов. Этимологически слово «край» обозначало некий «предел, рубеж» [9]. Лексема «крайне» В. И. Даля определяется как «весьма, очень, чрезвычайно, в высшей степени» [10]. Следовательно, данное слово в сочетании обладает функцией усиления.

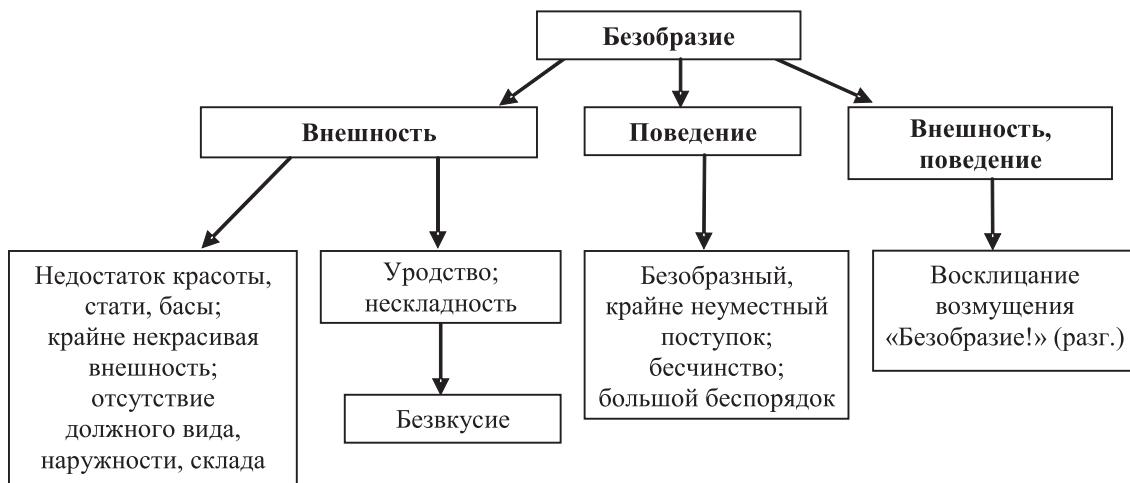
Основное значение у наречия «вне» этимологически определяется как «снаружи», т. е. «с внешней, наружной стороны, извне или сверху, на поверхности» [11]. В толковом словаре В. И. Даля лексема «внешность» определяется следующим образом: «внешняя часть или сторона, наружность, что видно сверху, около, на поверхности, вокруг, а не внутри» [12]. Слово «внешность» обозначает то, что «видно снаружи», и эквивалентно лексеме «наружность», которая касается одушевленного лица, в отличие от внешней стороны предмета.

Таким образом, сочетание слов «(крайне) некрасивая внешность» может пониматься как «наружность, чрезвычайно лишенная красоты».

Употребляя лексему «должный» со значениями «какой нужно, подобающий» или «обязанный, по долгу вынужденный» в сочетании с именами существительными, подразумевают внешность человека, хотя последнее значение может относиться к действиям человека.

Исторически ведущими значениями лексемы «вид» являлись «лицо, облик, форма, вид, фигура», касающиеся только внешности человека. В современном русском языке лексема «вид» является многозначной. Однако основным значением остается «внешность, видимый облик» [13]. Первоначально лексема «наружность» обозна-

Лексико-семантическое поле понятия «безобразие» в русском языке

чала внешние данные субъекта и внешнюю сторону объекта, привлекающие к себе внимание, т. е. имела субъективно-объективную направленность. Однако в современном употреблении данная лексема обозначает только внешность человека, а именно «внешний облик, черты лица» [14].

Лексема «склад» многозначна. Но когда говорят о внешности, то данной лексемой обозначают человека с пропорциональным телосложением, хорошей фигурой.

Итак, проанализировав этимологический состав и современное толкование слов, входящих в словосочетание «отсутствие должного вида, наружности, склада» и являющихся частью микрополя, мы приходим к выводу, что семантика данного сочетания слов касается только внешних данных (лица и фигуры) и обозначает «положение, когда нет в наличии подобающей внешности, внешнего облика, черт лица, пропорционального телосложения, фигуры».

Микрополе «недостаток красоты, стати, басы, некрасивая внешность; отсутствие вида, наружности, склада» в целом может обозначать «отсутствие внешней подобающей красоты не только в лице и фигуре («красота», «стать», «некрасивая внешность», «вид», «наружность», «склад», «баса»), но и в одежде и украшениях («баса»)».

Далее проанализируем микрополе «уродство, нескладность». Вначале рассмотрим этимологию лексемы «уродство» с целью выяснения первоначальных значений и сравнения их с современными.

Являясь исключительно негативной, лексема «уродство» обозначает «отрицательные свойства во внешности человека, проявляющиеся как физический недостаток». Лишь в переносном значении лексема «уродство» может употребляться как «нечто абстрактное с отклонениями от нормы».

Как негативная субъективная характеристика лексема «нескладность» относится к описанию только внешности человека, имеющей врожденные физические недостатки. Общая семантика микрополя «уродство, нескладность» обозначает «свойство во внешности человека – в лице и фигуре, проявляющееся как, прежде всего, врожденный физический недостаток».

Рассмотрим этимологию слова «безвкусие», образующего отдельное микрополе. Данная лексема восходит к церковнославянской – «въкусъ» от «кусить». Лексема «кусить»: «искусить, искушать, покуситься, покушаться» [ср.: украинский – «кусити» в значении «искусшать», белорусский – «кусіць», старославянский – «въкоусити», «искоусити», болгарский – «куся» – «отведывать, пробую», словенский – «iskúsitī» – «искусшать», чешский – «kusiti» – «пробовать, отведывать», словацкий – «kusit'», польский – «kusic» – «искусшать». Отсюда – «вкус» [15].

Следует предположить, что первоначальные значения лексемы «вкус» были связаны с приемом пищи («пробовать, отведывать, искушать»). По данным толковых словарей, лексема «безвкусие» определяется как «отсутствие, недостаток чувства вещественного или изящного вкуса в человеке или вещи» [16] или «отсутствие хорошего вкуса, изящества или чувства изящного» [17].

Следовательно, лексема «безвкусие» дословно означает «отсутствие вкуса» и может пониматься как «отсутствие чувства красоты во внешности», а именно: «в лице → изящный вкус; (например, безвкусное применение декоративных косметических средств, безвкусная прическа) и в одежде → вещественное чувство (например, безвкусно одета)», т. е. данная лексема употребляется, только когда говорят о внешности человека.

Рассмотрение микрополя «безобразный, крайне неуместный поступок, бесчинство, большой беспорядок» следует начать с анализа лексемы «безобразный».

В современном русском языке значение «не имеющий определенного образа, вида, формы» почти утрачено, хотя в церковнославянском языке именно это значение является основным. В «Полном церковнославянском словаре» Г. Дьяченко единственное значение слова «безобразный» толкуется как «не имеющий образа, вида, подобия» [18], т. е. ранее подчеркивалась только внешняя некрасота. Однако в современных толковых словарях слово «безобразный» наряду со значением эстетической оценки («неблаговидный, крайне некрасивый, неказистый, уродливый, нескладный, искаженный» – для описания некрасоты внешности) может использоваться и для оценки поведения человека («неприличный, непристойный, возмутительный» – для описания некрасоты поведения) [19].

Вообще слово «безобразный» – обычный эпитет нечистой силы, существ, не созданных, в отличие от человека, по образу Божию. «Характерно употребление этого слова в эпизоде, рассказанном в брошюре о жизни и чудесах мученика Трифона: «Кто послал тебя, демон, в это место, – спросил святой, – и как дерзнул ты войти в созданную по образу Божию девицу, сам будучи столь безобразен и немощен?»» [20].

Безобразным делает человека смерть, которая лишает его подобия образа Божия (ср. фразу из покаянного канона: «Како не имам плакатися, егда помышляю смерть, видех бо во гробе лежаша брата моего, безславна и безобразна?») [21].

Если в церковнославянском языке слово «безобразный» имеет значение «не имеющий образа», а в современном русском языке – «очень (крайне) некрасивый», то в русском языке пуш-

кинского времени встречаются оба значения данного прилагательного, а именно: «1. некрасивый, уродливый («*А я, повеса вечно-праздный, Потомок негров безобразный*» (Юрьеву); «*Ты безобразен. Он прекрасен*» (Полтава); «...в этом наряде, более свойственном ее старости, она казалась менее ужасна и безобразна» (Пиковая дама)); 2. бесформенный, без определенных очертаний; неясный, смутный («*Бесконечны, безобразны В мутной месяца игре Закружились бесы разны, Будто листья в ноябре*» (Бесы); «*Встает Руслан, на ясный день Очами жадными взирает, Как безобразный сон, как тень Пред ним минувшее мелькает*» (Руслан и Людмила); «...другие безобразные, бессмыслицкие видения неслись перед ней одно за другим» (Метель)» [22].

Итак, мы отметили, что в современном русском языке лексема «безобразный» употребляется в двух значениях, а именно: для оценки внешности (эстетическая оценка) и для оценки поведения (этическая оценка).

Первоначальным значением слова «место» в индоевропейских языках считалось значение «город». В современном русском языке лексема «неуместный» употребляется в значении «не соответствующий обстановке, сделанный некстати» [23].

Следовательно, слово «неуместный» в сочетании с именами существительными может обозначать негативное действие, которое несообразно с местом или делом, не соответствует обстановке и обстоятельствам и неприлично. Все это указывает на этическую оценку поведения человека.

Этимологически лексема «ступити» имела нейтральное значение («трамбовать») и даже – отрицательное («топтать, жестоко обращаться, хулигать, толкать вниз») [24]. Само слово «поступок» в толковых словарях определяется так: «всякое дельное дело или действие человека, подвиг, деяние, дея, исполнение чего-либо» [25] и «совершенное какое-нибудь действие» [26].

Надо отметить, что у В. И. Даля подчеркивается в определении значения слова «поступок» лексема «дельный», т. е. «серъезный, заслуживающий внимания». Следовательно, в семантику лексемы «поступок» включены только положительные семы, а именно: «дельный, подвиг, деяние, дея, исполнение». Однако в современном русском языке лексема «поступок» имеет нейтральное значение, в котором выделяется само действие, совершенное кем-либо. Поэтому если говорящий хочет подчеркнуть позитивность в данной лексеме, то ему нужно добавлять определения типа «честный поступок», «добрый поступок» и, наоборот, если – негативность, то определения типа «безобразный поступок», «крайне неуместный поступок».

Таким образом, словосочетание «безобразный, крайне неуместный поступок» может обозначать «очень, весьма негативное действие, не соответствующее месту, обстановке, обстоятельствам и являющееся неприличным (непристойным)».

Безобразными являются такие поступки или поведение, которые нарушают общественные законы, скандальные, неприличные. И если некрасивые поступки подразумевают внешнее соблюдение приличий и связаны с тем, что делается тайно, т. е. обманом, подлогом, предательством, то безобразные поступки, наоборот, связаны с шумом, публичным скандалом, открытым выяснением отношений (например, порядочный человек, много выпив, может публично устроить сцену ревности. Однако он заведомо не может некрасиво поступить: читать чужие письма или смеяться над физическими недостатками других людей).

Этимология показывает, что в индоевропейских языках преобладали следующие значения лексемы «бесчинство»: «образ, способ, порядок, действие, дело». Дословно она, учитывая, что префикс «без-» имеет значение «отсутствие чего-нибудь», может означать «отсутствие порядка либо позитивно направленного действия» [27].

Следовательно, лексема «бесчинство» обозначает «негативное поведение как нарушение этических ценностей».

В современном русском языке данное слово употребляется со значением «грубое нарушение общественного порядка» [28].

Таким образом, в современном употреблении, принимая во внимание этимологию слова «бесчинство», под словосочетанием «нарушение порядка» понимается «неприличное, непристойное, безнравственное, невежественное, буйное, своевольное поведение в обществе, без соблюдения обычаев».

Проанализируем сочетание слов «большой беспорядок», которое входит в микрополе с обозначением негативности поведения. Учитывая этимологию, можно полагать, что основными значениями у данного слова были «ряд, порядок». Дословно лексема «беспорядок», если говорить о негативных действиях человека, может пониматься как «отсутствие порядка».

Следовательно, «отсутствие порядка» как негативное поведение человека может выражаться в семах «непорядок, упощение порядка, нарушение порядка, неустройство, расстройство, неурядица; массовые волнения, ведущие к беспорядку; неразбериха».

Следуя этимологии слова «большой», можно утверждать, что в большинстве языков, в том числе и германских, преобладали позитивные значения у данной лексемы, а именно: «лучше, лучший», «сильный», «крепкий, тугой» [29].

В современном русском языке слово «большой» является многозначным. Однако ведущим значением остается «значительный по размерам, по величине, силе» [30]. Со временем у лексемы «большой» утратилось значение «лучше, лучший», а словосочетание «большой беспорядок» может обозначать «отсутствие порядка в большой степени».

Следует сделать вывод о том, что микрополе «безобразный, крайне неуместный поступок, бесчинство, большой беспорядок» может обозначать «очень негативное действие или поведение, не соответствующего месту, обстановке, обстоятельствам; являющееся непристойным и неприличным и, таким образом, ведущее к нарушению этических ценностей».

Микрополе «восклицание возмущения «Безобразие!»» представлено словом «безобразие», анализ которого нами был предложен выше.

Слово «безобразие» как возмущение, употребляющееся в разговорном языке, может относиться и к эстетической оценке (внешности человека), и к этической оценке (поведения человека), подчеркивая негативность в обоих случаях (например, *Вон, как выфядилась! Просто безобразие!* – о внешности; *Безобразие! Что вы делаете?* – о поведении).

Таким образом, сходным моментом при сопоставлении микрополей, входящих в лексико-семантическое поле «безобразие», является «нарушение или отсутствие эстетических (о внешности) и этических (о поведении) ценностей». Нарушение эстетических ценностей проявляется в отсутствии красоты либо чувства красоты во внешности человека, а именно: в лице и фигуре, в одежде и украшениях, или выражается как свойство внешности человека (лицо и фигура), проявляющееся как врожденный физический недостаток. Нарушение этических ценностей может

обозначаться как очень негативное, а именно: непристойное, неприличное поведение (действие), не соответствующее месту и обстоятельствам.

Примечания

1. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2007.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Изд-во Эксмо, 2005.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: ок. 53000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2005.
4. *Фасмер М.* Указ. соч.
5. *Ожегов С. И.* Указ. соч.
6. *Фасмер М.* Указ. соч.
7. *Ожегов С. И.* Указ. соч.
8. *Даль В. И.* Указ. соч.
9. *Фасмер М.* Указ. соч.
10. *Даль В. И.* Указ. соч.
11. Там же.
12. Там же.
13. *Ожегов С. И.* Указ. соч.
14. Там же.
15. *Фасмер М.* Указ. соч.
16. *Даль В. И.* Указ. соч.
17. *Ожегов С. И.* Указ. соч.
18. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. 1900. М., 1993.
19. *Ожегов С. И.* Указ. соч.
20. *Арутюнова А. А.* Истина. Доброта. Красота. Взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004. С. 598.
21. Там же.
22. Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1.
23. *Ожегов С. И.* Указ. соч.
24. *Фасмер М.* Указ. соч.
25. *Даль В. И.* Указ. соч.
26. *Ожегов С. И.* Указ. соч.
27. *Фасмер М.* Указ. соч.
28. *Ожегов С. И.* Указ. соч.
29. *Фасмер М.* Указ. соч.
30. *Ожегов С. И.* Указ. соч.

История языка. Диалектология

УДК 82-9

И. В. Ерофеева

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО БОЖИЙ В ЛЕТОПИСНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается функционирование притяжательного прилагательного *божий* в языке летописных сводов. Проводится комплексный анализ семантических, грамматических и синтаксических особенностей его употребления в составе адъективно-субстантивных синтагм, составляющих летописное повествование.

This article deals with the functioning of the possessive adjective *божий* in the language of annalistic codes. The study illustrates a comprehensive analyses of semantic, grammatical and syntactical peculiarities of the adjective *божий* usage in the structure of adjectivally – substantive syntagma, composing an annalistic narration.

Ключевые слова: притяжательное прилагательное, адъективно-субстантивная синтагма, грамматическая семантика, летописный текст.

Keywords: a possessive adjective, an adjectivally–substantive syntagma, grammatical semantics, an annalistic text.

Притяжательные прилагательные занимали особое место в кругу других адъективных форм в древнерусском языке. В грамматическом отношении они противопоставлялись качественным и относительным, так как дольше других сохраняли краткие формы, не развивая полных. Поскольку принадлежность – признак, не воспринимаемый органами чувств, при указании на нее не было необходимости в присоединении члена, использовавшегося как актуализатор известности признака.

Наиболее продуктивным суффиксом, оформлявшим притяжательные прилагательные, был суффикс *-јь-* (*-ъјь-*). В общеславянской языковой системе суффикс *-*јь-* (*-ъјь-*) функционировал очень широко: он употреблялся в основе мягкой разновидности именного склонения, использовался для образования форм сравнительной степени прилагательного, причастий действительного залога. При таком разнообразии морфологических функций суффикс *-*јь-* (*-ъјь-*) преимущественно употреблялся в прилагательных, образованных от названий лиц и животных, что дает основу

ЕРОФЕЕВА Ирина Викторовна – кандидат философских наук, доцент по кафедре журналистики и связей с общественностью Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета
© Ерофеева И. В., 2009

вание называть его притяжательным. Притяжательные прилагательные выделились из среды относительных, поскольку в качестве производящих основ для них выступали личные собственные имена и они выполняли функцию указания, а не качественного определения [1].

Первоначальное значение форм с суффиксом *-*јь-* (*-ъјь-*) – указательно-выделительное [2] – возникало в результате конкретного восприятия и не было свойственно развитому мышлению. Прилагательные, образованные от личных собственных имен, выполняли функцию указания, а конкретность, определенность лексического значения производящих собственных имен вызывала нейтральность этих прилагательных по отношению к грамматическому значению «определенности» и «неопределенности», исключала возможность противопоставления в них именной и членной формы [3]. Такие прилагательные образовывались не только от личных собственных имен, но и от нарицательных имен с личным значением. В зависимости от характера производящей основы они могли иметь: а) индивидуально-притяжательное значение (от наименований лиц, в том числе имен собственных), б) категориально-притяжательное или притяжательно-относительное значение (от нарицательных личных имен с обобщенно-родовым значением) [4].

Изучение прилагательных невозможно без обращения к анализу именной группы, поскольку их главным свойством является семантическая несамостоятельность в контексте. В синтаксическом плане прилагательное привязано к существительному, выступая при нем как определение. Качество, признак не существует сам по себе, без его носителя, и на значение прилагательного всегда проецируется значение носителя признака [5]. Прилагательное выступает в контексте не непосредственно, а в составе именной группы и связывается с другими элементами высказывания через определяемое слово – существительное. Это положение особенно актуально для древнерусского и старорусского периодов в истории языка, когда слово еще более тесно было связано с контекстом.

Прилагательное, отличаясь опосредованностью, реализует свою семантику в составе адъективно-субстантивных синтагм. Притяжательные прилагательные не являются исключением. Они так же, как и другие адъективы, обнаруживают четкую прикрепленность к синтагме, способность к семантическому и грамматическому переосмыслинию в зависимости от значения определяемого слова, с которым находятся в тесной связи.

В соответствии с особенностями средневекового мировоззрения все события объяснялись как

обусловленные свыше. Поэтому в летописных текстах высокой частотностью употребления отличается притяжательное прилагательное сакральной семантики **божии**. Оно иллюстрирует широкие сочетаемостные возможности, входя в синтагмы с существительными самой разнообразной семантики: с личным, отвлеченным и конкретным значением. Повторяемость конструкций, включающих адъектив **божии**, свидетельствует об устойчивости синтагм с данным компонентом.

В сочетаниях с существительными личной семантики посессив **божии** реализует способность к выражению разных грамматических значений, свойственных прилагательному: от притяжательного до качественного. Собственно лично-притяжательное грамматическое значение данное прилагательное имеет только в сочетаниях с личными существительными со значением родства, например: *сыне божии* (МЛС, 3 об.); *мати божия* (МЛС, 99); *чада божия* (ПВЛ, 9 об.). С другими одушевленными существительными оно выступает с категориально-притяжательным значением, близким по своей природе к относительному: *слуги божии* (МЛС, 163 об.); *люди божии* (МЛС, 176) и др.

В ряде случаев словосочетания с данным посессивом имеют устойчивое специализированное значение: *божий дворянинъ* – «рыцарь духовного ордена» (НІЛ, 144; МЛС, 186); *божий рабъ* – «духовное лицо, священник» (НІЛ, 130; МЛС, 361 об.). Иногда в сочетании с личными существительными в семантике прилагательного **божии** появляется качественный компонент, например: *божий человекъ* – «праведник» (МЛС, 358 об.). Приобретение ярких качественных оттенков притяжательными прилагательными связано с утратой значения отношения к единично-му лицу или животному и развитием значения типической свойственности рода лиц или животных.

Особый случай представляют адъективно-субстантивные синтагмы, в которых прилагательное **божии** определяет личные имена существительные, являющиеся производными отглагольными образованиями. В сочетании *божий святитель* существительное обозначает «духовное лицо высшего сана», будучи связанным с глаголом *святити*, в семантике которого уже представлен религиозный компонент «посвящать себя Богу», а прилагательное **божии**, выступая с относительным значением, усиливает, подчеркивает сакральную семантику. Оно используется для характеристики духовных лиц высшего сана в Московском летописном своде, отличающимся стилистической вычурностью: «Поставляется на Русь руками божия святителя святейшего и блаженого архиепископа Костянтина Града, вселенского патриарха Филофея» (МЛС, 265 об.).

В сочетании с отглагольным именем существительным *избранникъ* прилагательное **божии** также выступает с относительным значением, и в семантическом плане подчеркивает, эксплицирует религиозный компонент в значении определяемого субстантива. В процессе развития языка значение принадлежности модифицируется в разных направлениях в связи с общим ходом развития человеческого мышления – от конкретного к абстрактному. В результате семантического переосмысливания в понятие отношений принадлежности включается отношение действия, состояния к субъекту. Поэтому и прилагательное **божии** приобретает возможность выражать значение субъекта действия в сочетании с отглагольными именами, в том числе и с существительным *избранникъ*: «Сеи князь изъбранникъ бѣ божии, от рожнія и до свершнія мужства бысть ему болесть зла» (МЛС, 101 об.).

В летописных текстах наиболее часто адъектив **божии** отмечается в синтагмах с существительными неодушевленными, причем чаще всего с отвлеченным значением. Среди них, прежде всего, представлены отглагольные имена разных суффиксальных типов, многие из которых являются обозначениями базовых концептов религиозного мировосприятия. Употребление в качестве атрибутивного компонента в составе адъективно-субстантивных синтагм доминанты средневекового ментально-культурного пространства языка прилагательного **божии** отражает важность понятий, выраженных субстантивным компонентом, для языкового сознания человека того времени. В таких словосочетаниях представлена одновременно апелляция к внутренней форме производного имени существительного в виде словообразовательно обусловленной модели и внешней форме в виде устойчивого определения, являющегося высшим ценностным параметром характеристики любого явления в прошлом.

В сочетании с существительными отвлеченной семантики само значение притяжательности, принадлежности не может реализоваться. В подобных конструкциях прилагательные являются эквивалентами приименного генитива, где нарицательное одушевленное имя, являющееся основой прилагательного, указывает на производителя действия.

Прилагательное **божии** представлено в сочетаниях с существительными, которые распределены по двум полюсам, обозначая позитивные или негативные явления, приписываемые высшему субъекту. Такие сочетания характеризуются определенной грамматической дистрибуцией, преимущественно употребляясь в той или иной падежной форме. Сочетания с существительными со значением состояния *гнѣвъ* и *милость* отмечаются, прежде всего, в форме творительного

падежа, имеющей значение орудия действия: **гнѣвомъ божиимъ – милостью божьему**. При этом дополнение в творительном падеже обозначает отвлеченное представление, вызвавшее само действие или явление [6]: «Се слышавшее Торци оубоящася пробѣгоща и до сего дѣне. и помроша бѣгаючи. Божиимъ гнѣвомъ гоними» (ПВЛ, 55); «Побѣжени же быша князи Русстии гнѣвомъ божиимъ», выступая при страдательных причастиях, отличается синтаксическим синкетизмом, совмещая субъектное и орудийное значение.

Сочетание **милостью божьему** отмечается в конструкциях как при страдательных причастиях, где имеет значение производителя действия: «Милостью же божьему Петръ митрополитъ отпущенъ бысть на Русь въбрзѣ» (МЛС, 205 об.); так и при глаголах действительного залога, где имеет значение орудия действия: «Милостию божьему иных исъекоша, а иных живых поимаша» (МЛС, 291 об.); «Милостию же божию начаша одолѣти христиане» (МЛС, 392). Данное словосочетание имеет целый ряд синонимических конструкций, субстантивный компонент которых так же, как и слово **милость**, обозначает позитивные моральные качества: **милосердие божие, человѣколюбие божие**: «Велико же человѣколюбие боже, яко у толь тверда города Новогородцевъ убиша 9 человѣкъ» (МЛС, 236); «Уповая на милосердие божие и на пречистую его материъ богородицу» (МЛС, 278 об.).

В целом ряде случаев синтагмы со словом **божии** включают в качестве субстантивного компонента производное отглагольное образование со значением отвлеченного действия, мотивированное глаголом лексико-семантической группы «помощь» [7]: **помощь божия, пособье божие, поможенье божие, поспѣшенье божие**. В большинстве случаев подобные конструкции отмечаются в форме творительного падежа, указывая на орудие действия, которое является отвлеченным представлением, вызвавшим само действие, названное глаголом, управляющим таким сочетанием. Любые события в летописи описываются в свете христианских представлений как обусловленные свыше, любые человеческие поступки не самостоятельны, а сопряжены с проявлением божественной воли, которая или способствует их проявлению, или, наоборот, препятствует им. Моральный компонент пронизывает все повествование и выражен не непосредственно, а опосредованно, через апелляцию к высшей силе. В этом специфика средневекового текста, его отличительная особенность. Несмотря на то что летописное повествование не является собственно религиозным произведением, а представляет собой в основном описание событий светского или военного характера, сакральный компонент занимает в нем значительное

место: «И божиимъ поспѣшиениемъ въ малыхъ днехъ путное шествие приходитъ елико по суху бес пакости» (МЛС, 265 об.); «Укрѣпивъся оружьемъ крестнымъ. и вѣвою непобѣдимою. Божью помошью» (ПВЛ, 71 об.); «Тѣмъ же пособьемъ божиимъ и силою крестною и молитвою дѣда своего поѣха прежде всѣхъ на противнича» (МЛС, 56 об.) и под. В подобных примерах оборот с possessivom играет роль как бы вводного словосочетания, так как он не связан с прямым значением предложения. Реже подобные адъективно-субстантивные синтагмы представлены в других падежных формах, например в именительном падеже, занимая синтаксическую позицию субъекта действия: «Се же бысть поможенье божье Володимеру Глѣбичю» (МЛС, 111 об.).

Близки по семантике к существительным, мотивированным глаголами помощи, отглагольные имена, соотносящиеся с глаголами лексико-семантической группы «защита», например **заступление**. Сочетание **божие заступление** не только семантически, но и грамматически синонимизируется с сочетаниями типа **божия помощь**, употребляясь в форме творительного падежа: «Божиим заступлением оттуду изыде невреженъ» (МЛС, 165 об.). Подобное же значение имеет и выражение **сила божия**: «Победи силою божьему и пречистыя его матери» (МЛС, 168 об.); «И тако, божию силою и помочью святыя София одолѣ Мъстиславъ» (НЛ, 85 об.), где **сила** – «могущество».

Следующую группу составляют сочетания прилагательного **божии** с отглагольными существительными, соотносящимися с глаголами со значением «принуждение». Самым популярным сочетанием подобного рода в летописи является **божие повѣление**, где **повѣление** имеет значение «приказ». Данное сочетание выступает в устойчивых синтаксических конструкциях с предлогами **без** в родительном падеже и **по** в дательном падеже: «Казни приемлемъ от Бога всицкия. и нахоженъе ратныхъ по Божью повелѣнию» (ПВЛ, 57 об.); «И всуе трудишася без божия повелѣния» (МЛС, 164 об.). Синоним к слову **повѣление** слово **воля** реже отмечается в сочетании с прилагательным **божии**. Конструкция **вoleю божией** в творительном падеже синонимична конструкции **по божию повелѣнию**, то есть выступает со значением отвлеченного орудия, при посредстве которого совершается действие: «И волею божией взлюби его князь Мъстиславъ и вси Новогородцы» (МЛС, 134 об.). Слово **воля** отмечается в сочетании с possessivom сакральной семантики и в именительном падеже в составе устойчивого традиционного выражения: «Воля божия да будет» (МЛС, 371).

Прилагательное **божии** нередко выступает в составе синтагм с существительными негативной

семантики. Типичными для средневекового текста являются сочетания слова **божий** с прилагательными именами нулевой суффиксации **казнь** и **судъ**, которые мотивируются глаголами лексико-семантической группы «отрицательное воздействие на объект». В сочетаниях **казнь божия** и **судъ божий** притяжательное прилагательное указывает на субъект действия, названный отглагольным именем существительным, что подчеркивает деятельное начало высшей силы: «*Да аще не покаемся, тогда по томъ казнь божья приходит на ны за наша прегрешения*» (МЛС, 335); «*И убоився суда божия*» (МЛС, 80 об.).

Адъектив **божий** является устойчивым определением при существительном негативной семантики **страхъ**, мотивированном глаголом эмоционального состояния. В сочетании **страхъ божий** притяжательное прилагательное выступает в объектном значении «страх перед Богом». Производящее для прилагательного существительное обозначает представление, способствующее развитию глагольного признака, который заключен не собственно в глаголе, а в отглагольном существительном нулевой суффиксации: «*Живяше же Володимеръ въ страшѣ Божии*» (ПВЛ, 43 об.).

Адъектив **божий** отмечается в сочетании с отглагольными существительными религиозной семантики, обозначающими церковные ритуалы, таинства: **причастие, исповедание**. Слово **причастие** имеет 8 значений, и только два из них религиозного характера. И хотя из контекста понятно, что речь идет о церковном таинстве, однако данное значение подчеркивается еще и употреблением адъектива **божий**: «*А Латыни также приходят на покаяние къ Грѣцкымъ попомъ и причастие божие от нихъ приимаютъ*» (МЛС, 360 об.). У слова **исповѣданіе** также не все значения религиозного характера. В сочетании с ним притяжательное прилагательное **божий** имеет значение адресата действия: «*Иже во истиннѣи вѣре и исповѣданіи божии съ смиренiemъ конецъ прииша*» (МЛС, 361).

Значительную группу составляют адъективно-субстантивные синтагмы с компонентом **божий**, определяющим разнообразные существительные конкретной семантики: **имя, градъ, слово, судьба, церковь, тѣло, кровь, истина, глаголъ, образъ** и др. Степень конкретизации значения подобных субстантивов различна: от обозначения предметов материального мира: **церковь, градъ, тѣло, кровь** – до слов с обобщенным значением предметности: **слово, глаголъ, имя, образъ, судьба, истина** и др. Данные имена существительные относятся к словам, являющимся наименованиями важных концептов религиозной культуры, отличающимся традиционным содержанием.

В сочетаниях с рассматриваемым прилагательным они чаще всего имеют терминологическое значение: **слово божие** – «священное писание»; **тѣло божие** – «святые дары, тело Господне»; **образъ божий** – «икона, образ»; **имя божие** – «громкое имя, слава», иногда «власть и защита Бога»; **судьба божия** – «предопределение»; **истина божия** – «высшая истина, правда» и под.

Если существительные конкретной семантики имеют религиозное значение, то в сочетании с сакральными прилагательными возникают плеонастические выражения, характерные для средневековья. Так, определение **божия** при слове **церковь** избыточно в смысловом отношении, однако образует такое сочетание, которое является типичным для древнерусского языка.

Такими образом, прилагательное **божий** обладает широкими сочетаемостными возможностями, определяя существительные самого разнообразного характера: одушевленные и неодушевленные, отвлеченные и конкретные. Собственно притяжательное значение данное прилагательное выражает крайне редко, что обусловлено спецификой его производящей основы. В большинстве случаев адъектив **божий** выступает в устойчивых сочетаниях формульного характера, компоненты которых имеют как прямое, так и переносное, чаще всего символическое, значение. Многие конструкции имеют не только определенный состав компонентов, но и устойчивое грамматическое оформление.

Примечания

1. Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. С. 191.
2. Фролова С. В. История притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом **-j/-ъ** по древнерусским письменным памятникам XI–XVII вв. // Учен. зап. Куйбышевского ГПИ. Каф. рус. яз. Куйбышев, 1959. Вып. 27. С. 185.
3. Там же. С. 187.
4. Зверковская Н. П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. М.: Наука, 1986. С. 10.
5. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1978. С. 7.
6. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. С. 340.
7. Лексико-семантические группы русских глаголов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.

Источники

- МЛС – Московский летописный свод 1479 г. Уваровский список летописи. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
- НЛ – Новгородская первая летопись старшего извода. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- ПВЛ – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи. Полное собрание русских летописей. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 496 с.

И. В. Герасимова

**ОСОБЕННОСТИ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
ПРЕТЕРИТОВ
В СТАРОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
XV–XVII вв.**

Статья посвящена анализу характера грамматического распределения претеритарных форм по контекстам в старорусских памятниках XV–XVII вв. Рассматриваются как случаи функционирования форм прошедшего времени в соответствии с их исконным грамматическим значением, так и факты употребления претеритов в их «неисконных», не свойственных претеритарной системе древнерусского языка значениях. В статье устанавливаются основные факторы (условия), способствующие изменению глагольной формой исконного грамматического значения. Сравнение функционирования претеритов в старорусских памятниках разной жанрово-стилевой отнесенности показывает, что исследуемые тексты дифференцируются с точки зрения специфики проявления их грамматической семантики.

The article is devoted to the analysis of the preterit forms way of semantic distribution over the contexts in the Old Russian texts, belonging to XV–XVII centuries. We regard both the cases of preterits functioning in correspondence to their original grammatical meaning, and the facts of their using in “unoriginal”, not peculiar for Old Russian preterit system’s meanings. The main factors (conditions), leading to the verbs changing their original grammatical meaning are established in the article. Comparison of preterits functioning in the Old Russian texts belonging to different genres and styles illustrates that the investigated texts differ on the base of the grammatical semantics specific.

Ключевые слова: грамматическая семантика, претеритарные формы, исконное грамматическое значение, контекст.

Keywords: grammatical semantics, preterit forms, original grammatical meaning, context.

Преобразованию претеритарной системы древнерусского и старорусского языков посвящены работы многих ученых [1]. В центре внимания современных исследователей оказывается один из наиболее интересных и вместе с тем окончательно не изученных аспектов ее функционирования – семантический аспект. В трудах С. П. Лопушанской эволюция претеритарной системы рассматривается «в диалектическом единстве» изменений плана выражения и плана содержания грамматических форм и, шире, в неразрывной связи с «изменениями структуры речемыслительной деятельности» [2].

ГЕРАСИМОВА Инна Владимировна – аспирант III года обучения кафедры истории русского языка и сравнительного славянского языкознания Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

© Герасимова И. В., 2009

Е. В. Терентьева исследует «лексическую наполненность претеритов» с целью «установить наиболее общие тенденции взаимодействия лексической и грамматической семантики глагольных словоформ и охарактеризовать некоторые закономерности изменения древнерусской претеритарной подсистемы» [3]. Очевидно, что простая констатация эволюции форм прошедшего времени, которая выразилась прежде всего в количественной перестройке системы, неизбежно сужает исследовательский кругозор, а квантитативный фактор выдвигает в качестве единственно объективного и, следовательно, самого надежного. Безусловно, вторгаясь в сферу языковой семантики, мы *a priori* признаем возможную субъективную окрашенность интерпретации материала, однако только опора на «качественную составляющую» эволюции форм позволяет составить полное представление о том, каким образом происходил процесс разрушения системы прошедших времен в хронологической перспективе. Иными словами, без детального изучения тех семантических сдвигов, которые сопровождали перестройку претеритарной системы старорусского языка, без анализа сложной динамики взаимодействия форм, наиболее активно протекавшей именно в период с XV по XVII в., невозможно оценить всей сложности изучаемого процесса.

Эволюцию претеритарной системы старорусского языка, безусловно, неправомерно рассматривать в отрыве от специфики жанровой и, шире, стилевой принадлежности того текста, в недрах которого эта система реализуется. В связи с этим рассматриваемый период показателен не только с точки зрения активности формальных языковых изменений, но и в отношении интенсивности процесса взаимопроникновения элементов разных жанрово-стилевых систем.

Материалом для наблюдений и анализа в настоящей работе послужили 8 повествовательно-художественных (повести), 8 житийных и 7 деловых текстов (акты и грамоты) трех хронологических срезов старорусского языка: XV, XVI, XVII вв. (полный список источников и принятых сокращений приводится в конце статьи). Всего из текстов было выделено 10804 формы прошедшего времени. Основным методом исследования явился описательный метод с применением функционально-семантического анализа, состоявшего в детальном обследовании контекстов употребления претеритарных форм с целью выявления возможности реализации в них, с одной стороны, «исконных» значений форм, характерных для исходной претеритарной системы, и значений «неисконных», с другой. Также применялся количественный метод исследования с использованием вероятностно-статистической методики, основанной на вычислении и последующем сопоставлении частотных долей претеритов. Эта методи-

ка введена в научный оборот Б. Н. Головиным [4] и разработана применительно к истории языка Н. Д. Русиновым [5].

Сложная система форм прошедшего времени, содержащаяся в анализируемых источниках, используется для выражения разнообразных значений действия: формы *аориста* употребляются с целью констатации того или иного события, факта или состояния, целиком отнесенного в прошлое и лишенного непосредственной связи с речевой ситуацией. Смена режима повествования – желание автора описать протекание отдельно взятого эпизода прошлого – вызывает необходимость привлечения другой грамматической формы – *имперфекта*, используемой для указания на действие подчеркнуто длительное, процессуальное или повторяющееся. Формы *перфекта* соотносят то или иное событие с планом настоящего, подчеркивая его объективный характер и актуальность на момент речи. Формы *плюсквамперфекта* служат указанием на действие, имевшее место другого в прошлом.

Указанными случаями грамматически исконного распределения форм по контекстам сложная картина функционирования претеритов в рассматриваемых текстах не ограничивается. Анализ показывает, что, несмотря на достаточно широкий семантический потенциал, предоставляемый претеритарной системой старорусского языка каждой ее форме, претериты часто «превышают» свою функциональную нагрузку и употребляются в контекстах других форм прошедшего времени – «на равных» с исконными претеритами.

Нами были выявлены следующие основные факторы (условия) утраты формами прошедшего времени их исконного значения:

1. Господствующий в контексте темпоральный фон (ближайшее глагольное окружение неисконной формы).

2. Фонетическая аналогия, сближение звуковых оболочек форм.

3. Наличие специальных лексических средств (т. н. лексических уточнителей, экспликаторов, влияющих на характер качественного функционирования форм).

Действие названных факторов носит универсальный характер: контексты разных форм и различных хронологических срезов изобилуют примерами превышения семантических функций претеритов под влиянием этих условий.

Остановимся подробнее на некоторых случаях изменения исконных грамматических значений претеритов под воздействием непосредственного глагольного окружения неисконной формы.

В деловых текстах, где употребление в зачинах аористных форм было, скорее, традиционным и зачастую лишенным какой-либо функцио-

нальной нагрузки, наблюдается сосуществование в пределах одного контекста исконных перфектных форм (когда речь идет о важном для автора событии) и неузуальных форм аориста: *и дать если Игнатеи на тои деревне Никольских денегъ Ефилюю Квзъминъ и къпи Игнатеи в домъ святому николе тъ деревни* (ДВГ, XVI в.). Эта особенность связана с тем, что в период Московского государства с увеличением функциональной нагрузки, роли и значения деловой письменности в текстовую ткань деловых документов нередко привлекались архаичные формы именно в силу их восприятия как «высоких» форм.

Прямая причинно-следственная связь с настоящим моментом зачастую объективирует действие, выраженное формой аориста, помещает событие вне основного магистрального сюжета. В подобных случаях появление семы «результативности» в смысловой структуре неисконной аористической формы (заместителя формы перфекта) обусловлено соседством с формами презенса: *Дѣша его вовеки радиуетса иже Христа ради пострада* (ЖАП, XVII в.).

«Житие Зосимы и Савватия Соловецких» (XVI в.) фиксирует случаи вариативного функционирования одной и той же лексемы то в форме аориста, то в форме имперфекта. Анализ всех встретившихся в источнике подобных словоформ позволяет предположить, что употребление форм аориста с грамматической семантикой имперфекта в одних случаях обусловлено наличием в постпозиции аориста в тождественной форме, тогда как при его отсутствии избирается исконная для данного контекста грамматическая форма: *мнози хотѣша въдворитися тамо и нь возногоща*, или: *Германъ хотѣ доити ко островъ и не возможе*, или: *Можи еже шни не хотѣша дати десятинъ монастырю и поплыша в голомъя*, но наряду с этим встречаем: *дѣти же не хотѣхъ вѣти его въ домъ свои волахъ во ся вѣсовскаго нападениа*.

Семантическое смешение в контекстах неисконных форм имперфекта с аористными формами наблюдается при употреблении этих претеритов в составе однотипных синтаксических конструкций: аорист и неисконный имперфект в пределах одного текстового пространства оказываются своеобразными формами-дублетами. Занимая подобную грамматическую позицию, формы имперфекта уже не могут в полной мере выполнять свою детализирующую, характеризующую функцию, поскольку наравне с формами аориста начинают участвовать в построении основного сюжетного каркаса текста: *Пришедше же гради и села Покровахъ, еще во тогда не вѣши стены градъ тако и овитель святого разграбиша* (ЖДП, XV в.).

В отношении ненормированного функционирования форм перфекта,нейтрализующихся семантически под влиянием ближайшего окруже-

ния, думается, немалый интерес представляет сравнение двух встретившихся в «Повести о внезапной кончине государя Михаила Феодоровича» (XVII в.) контекстов. В одном из контекстов форма перфекта употреблена исконно, а в другом она вытесняет аористную форму: **Тако паки гинѧть ко скѹю нєкєрнѹю землю сам севе лиши божественнаго света и не восхотѣ нашего крещенїа приятии** – неисконное употребление формы перфекта **гинѧть** в соседстве с формами аориста **лиши** и **восхотѣ**, но: **Тои же неустыдивыи королевичи гинѧть паки ко отцем своимъ да претыкаетъ тамо с ними.** В последнем примере наблюдается закономерное использование формы перфекта для указания на актуальное для момента произнесения речи действие, о чем свидетельствует форма презенса **претыкаетъ**. Иными словами, там, где окружение перфектной формы исключает соседство однородных простых претеритов, она реализует свой семантический потенциал в пределах грамматической нормы.

Десемантизация форм плюсквамперфекта также может быть обусловлена общей грамматической неоднозначностью контекста, в который они помещены: **совоκпиша во ста вопли и звон въыть, таκо гром велни. От множества огней и стреланія пышек дымное къреніе згвстика, покрыто влаше град и воинско, таκо не видети дрѹг дрѹга, с кем кто въется** (ПВЦ, XV в.). Фиксируя последовательность дискретных событий (вместе с препозитивными аористами), форма плюсквамперфекта в то же время обозначает действие, оставившее после себя результат в настоящем.

Значительное влияние на характер семантического распределения форм претеритов оказывает грамматическая аналогия. Однако в некоторых контекстах нейтрализация семантических различий форм имперфекта и аориста в рамках минимального контекста (одного предложения) возможно, обусловлена действием *фонетической аналогии*, сближением звуковых оболочек форм 3 лица единственного числа имперфекта (окончание *-ше*) и аористических форм 3 лица множественного числа (окончание *-ша*): **Се пожаловаше посадникъ великого новагорода Дмитрии Васильевич и вси старыи посадники и дахом сию гравиотъ жалованью в дом святѣи троицы** (ДВГ, XV в.); **Наряд вставиша и стрельцы против того места поставиша и тако всакили обрады в том месте приготовишися** (ПСБ, XVI в.).

Наконец, в анализируемых памятниках семантическим сдвигам у всех претеритарных форм способствуют специальные лексические средства.

Это обнаруживается у форм *аориста*, где т. н. лексические уточнители выступают в качестве дополнительного средства десемантизации наряду с формами настоящего времени или исконными формами аориста: **Тои же месяца сентябра в 7 день в четверг на первом часѣ дни научаша вити из порадъ по городъ и с троиц тѣров и виша по градъ вездестанно весь**

день до ночи тако же и наутро пять часов вездестанно по городъ виша и въвиша в града городовыи стены (ПСБ, XVI в.). Указание на продолжительное действие «выключает» аористическое образование от глагола **вити** из ряда однородных форм. Исконные аористные формы, соседствующие с ним, служат для обозначения точечных, конкретных действий. Они соотносятся с формой **виша** как исходный момент действия (точка отсчета), его начало (**научаша вити**) и конечный результат, итог (**въвиша**). Таким образом, на десемантизации формы аориста **виша** сказывается, прежде всего, грамматическая аналогия. На лексическом же уровне оппозиция «мгновенное – длительное действие» поддерживается, с одной стороны, точной, предельно конкретной фиксацией времени действия исконного аориста, данной посредством хронологической градации: **Тои же месяца сентябра в 7 день в четверг на первом часѣ дни, и, с другой стороны, заключением события неисконного образования **виша** в некий временной промежуток, т. е. наличие в предложении лексических средств, непосредственно указывающих на длительность действия неисконной формы аориста: **вездестанно весь день до ночи, пять часов вездестанно**.** Аналогичные семантические сдвиги наблюдаются у форм *имперфекта* и *перфекта*, когда лексические уточнители оказываются единственным фактором, ведущим к утрате семантической специфики неисконных претеритов в исследуемых текстах: **Тои же месяца сентябра в 8 день в пятом часѣ дни тогда же седмиуныи день пятое влаше** (ПСБ, XVI в.) – посредством точной фиксации времени действия событие «стягивается» в одну точку, приобретая значение свернутого факта, чистой констатации. Соответственно имперфектная форма, привлеченная для указания на такое действие, лишается семантической доминанты – процессуальности, длительности или повторяемости. Приведем пример семантического изменения формы перфекта: **Быдѣ уадо свое на всакъ день въ лютаго вѣка мѣчило** (ЖЗС, XVI в.). Перфектная форма реализует в данном контексте имперфектную семантику повторяющегося действия в прошлом, на что прежде всего указывают сугубо лексические средства – словосочетание **на всакъ день**.

Претеритарная система старорусского языка закрепляла за каждой формой целую совокупность значений, которая позволяла этой форме с определенной закономерностью (не смешиваясь с другими претеритами) функционировать в текстах. Однако, как показывают результаты наших наблюдений, дифференциация форм в памятниках не всегда осуществлялась исключительно на основе грамматического критерия, т. е. на базе установленных значений форм. Нередко разграничение происходило на «глубинном»

уровне языковой прагматики – на уровне восприятия формы в сознании говорящего. В связи с этим функционирование претеритов в контекстах регулировалось как парадигмой исконных значений, так и целым рядом символических коннотаций: Не мъы во uestaшили но вог милюсердныи uestaши врагы наша, посла на ня страхъ и трепет. Не мъы во ихъ прогнахомъ, но тако при єзеки цари пророке царь йеврениктыи принде на Иерусалим ратиню (ПАТ, XV в.). Неисконным в данном случае следует признать употребление перфектной формы uestaшили, поскольку, во-первых, непосредственной связи с настоящим временем она лишена, а во-вторых, она представляет собой однородную с постпозитивной аористной (не мъы же ихъ прогнахомъ) форму. Невозможность адекватной грамматической интерпретации того факта, что в непосредственной близости друг с другом, в условиях одного контекста, по-разному реализовалась одна и та же лексема, заставляет искать ему объяснение исключительно в сфере языковой прагматики. В связи с этим употребление данной формы представляется нам сознательным выбором автора, позволяющим (благодаря богатой палитре временных форм) дать разное формальное выражение различным по смысловому наполнению действиям, т. е. грамматически выделить своеобразную мировоззренческую оппозицию, согласно которой вечное божественное начало не может быть описано в грамматических категориях, соотносящих действие с планом настоящего. Действительно, там, где это «глубинное» смысловое противопоставление «снимается», и сама перфектная форма становится избыточной, а на ее месте возникает исконная форма аориста.

Совокупность всех отмеченных в обследованных памятниках случаев, отражающих процесс десемантизации претеритов, была проанализирована с помощью вероятностно-статистической методики. При этом отдельно рассматривались, а затем сравнивались (на основе частотных данных неисконных форм) памятники разной функциональной и хронологической отнесенности.

Как показывают результаты наших наблюдений, говорить о наличии средств жанрово-стилевой дифференциации памятников можно и на базе специфики их грамматической семантики. Результаты ее анализа четко разграничивают весь рассматриваемый корпус текстов на две группы: жития и повести, с одной стороны (их показатели в принципе сопоставимы в силу наличия общих «точек соприкосновения»), и деловые памятники – с другой. Так, из деловых текстов XV в. извлечено существенно большее ($0,120 \pm 0,092$) число неисконных форм аористов по сравнению с житиями ($0,011 \pm 0,007$) и повестями ($0,023 \pm 0,008$) того же временного отрезка. Формы перфекта в деловых текстах XV и XVI вв.

($0,710 \pm 0,030$ и $0,900 \pm 0,021$ соответственно) существенно превалируют над формами перфекта в житиях ($0,154 \pm 0,187$ и $0,139 \pm 0,078$ соответственно) и повестях ($0,391 \pm 0,199$ и $0,397 \pm 0,107$ соответственно) по количеству зафиксированных семантических сдвигов в «недрах» этой формы. Несколько иначе обстоит дело с памятниками XVII в., где наблюдается сближение претеритарных систем в деловых текстах и житиях по характеру распределения по контекстам форм перфектов ($0,770 \pm 0,027$ и $0,804 \pm 0,085$ соответственно).

Претеритарные системы житий и повестей не столь четко дифференцированы и потому демонстрируют сложную динамику взаимодействия.

В ходе проведенного анализа нами выявлены следующие особенности грамматической семантики в житийных и художественно-повествовательных текстах XV–XVII вв.

1. Наиболее устойчивыми в семантическом отношении (т. е. наиболее правильно распределяющимися по контекстам на разных хронологических этапах) в указанных текстах разных жанров являются формы *аориста*.

2. Претеритарные системы в житиях и повестях разграничиваются по характеру функционирования *имперфектных* форм. Если принимать во внимание только те случаи, когда сравнение количественных показателей неисконных форм имперфекта является возможным с точки зрения вероятностно-статистической методики (т. е. когда ошибка наблюдения не превышает долю, с чем мы сталкиваемся в житиях XV в. и повестях XVII в.), то можно заключить, что и памятники XV в., и тексты XVI в. разнородны, так как существенно различаются по частотности неисконных имперфектных употреблений, обнаруживая общность лишь в самом направлении изменений в хронологической перспективе: от меньшего количества неисконных форм к более значительному. В житийных памятниках XV–XVI вв. распределение форм имперфекта по контекстам в большей мере соответствует норме, чем в текстах повестей тех же веков. Формы имперфекта широко внедряются в повести XV и особенно XVI вв. как формы-маркеры высокого стиля, однако их использование зачастую характеризуется известной непоследовательностью, отсутствием строгих закономерностей привлечения той или иной формы в контекст.

3. Своебразие грамматической семантики форм *перфекта* в житийных и художественно-повествовательных памятниках заключается в том, что по характеру функционирования в контекстах неисконных значений формы перфекта первоначально (XVI в.), как и формы имперфекта, существенно разграничивали претеритарные системы в текстах житий и повестей (доли соот-

ветственно $0,139 \pm 0,078$ и $0,397 \pm 0,107$), а затем, в XVII в., различия между житиями и повестями стираются (доля соответственно $0,804 \pm 0,085$ и $0,870 \pm 0,029$ соответственно). Более того, в XVII в. перфектные формы начинают конкурировать с формами аориста за статус универсальной грамматической формы – формы, организующей нарратив. Видимо, если до XVII в. воздействие письменной традиции сдерживало влияние живой разговорной речи и в какой-то степени препятствовало проникновению в структуру книжных текстов (прежде всего, сакральных) ее элементов (в первую очередь, перфектов), то к XVII в. эта тенденция нивелируется, и перфекты «наводняют» книжные памятники разной жанрово-стилевой отнесенности.

Примечания

1. Иванов В. В. История временных форм глагола // Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол. М.: Наука, 1982; Колесов В. В. Динамика форм прошедшего времени в древнерусских памятниках // История русского языка. Древнерусский период. Л., 1976. С. 74–93; Маслов Ю. С. К утрате простых форм претеритов в германских, романских и славянских языках // Проблемы сравнительной филологии. М.; А.: Наука, 1964; Хабурагаев Г. А. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (к реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М.: Изд-во МГУ, 1991.

2. Лопушанская С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Научные школы Волгоградского гос. ун-та. Русский глагол: история и современное состояние. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000. С. 35.

3. Терентьева Е. В. Семантика перфектности в древнерусских формах прошедшего времени от глаголов действия, состояния, отношения // Научные школы Волгоградского гос. ун-та. Русский глагол: история и современное состояние. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000. С. 455.

4. Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971.

5. Русинов Н. Д. О роли вероятностно-статистического анализа языковых явлений при изучении языковой эволюции (в ее стилистическом многообразии) // Лексика. Терминология. Стили. Горький, 1973. С. 147–162.

Источники

Житийные памятники XV–XVII вв.

ЖАМ – Житие митрополита Алексея, XV в. // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967.

ЖДП – Житие Дмитрия Прилуцкого, XV в.; Рукоп. РГБ.

ЖИН – Житие Иоанна, архиепископа Новгородского, XV в.; Рукоп. РГБ.

ЖЗС – Житие Зосимы и Савватия Соловецких, к. XV – н. XVI в.; Рукоп. фундаментальной библиотеки ННГУ.

ЖКМ – Сказание о житии и о пребывании и о чудесах святых чудотворцев муромских благоверного князя Константина и чад его князя Михаила и князя Федора, XVI в. // Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860.

ЖАР – Сказание о житии преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина, XVI в. // Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860.

ЖАВ – Житие Артемия Веркольского, н. XVII в.; Рукоп. РГБ.

ЖАП – Житие и подвиги игумена Адриана Пошехонского и старца Леонида Пошехонского, XVII в.; Рукоп. РГБ.

Художественно-повествовательные памятники XV–XVII вв.

ПВЦ – Повесть о взятии Царьграда, XV в. // Русские повести XV–XVI вв. М.; Л., 1958.

ПАТ – Повесть о Темир-Аксаке, XV в. // Русские повести XV–XVI вв. М.; Л., 1958.

ПСБ – Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием, XVI в. // Русские повести XV–XVI вв. М.; Л., 1958.

ПДБ – Повесть о Дмитрии Басарге и сыне его Борзосмысле, XVI в. // Русские повести XV–XVI вв. М.; Л., 1958.

ПВК – Повесть о внезапной кончине государя Михаила Феодоровича, пер. пол. XVII в. // Памятники прений о вере. Собр. А. Голубцовы. Чт. ОИДР, кн. 2. 1892.

ПКГ – Повесть о купце Григории, XVII в. // Скрипиль М. О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. Труды ОДРА, VI, 1948.

ПОК – Слово о купцы и сыне его и жене сыновне, XVII в. // Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. Труды ОДРА, VI, 1948.

ПРЧ – Повесть о разуме человеческом, XVII в. // Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. Труды ОДРА, VI, 1948.

Деловые тексты XV–XVII вв.

ДВГ – Грамоты Двинского уезда, XV–XVII вв. // Сборник грамот Коллегии экономии, т. I, Л., 1922, 1929.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссию, XV–XVII вв., т. III–V. СПб., 1841–1842.

АМГ – Акты Московского государства, XVI в. / под ред. Н. А. Попова, Разрядный приказ. Московский стол, т. I. СПб., 1890–1901.

Языки мира. Сопоставительное языкоzнание. Сравнительно-исторические и типологические исследования. Проблемы межкультурной коммуникации. Переводоведение

**Структурно-семантический и функциональный анализ слова.
Метафорический перенос. Коммуникативное взаимодействие
носителей разных языков**

УДК 811.161.1'373

E. B. Калинычева

РОЛЬ ФАКТОРОВ КОНТЕКСТНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В РАМКАХ ЛСГ

В работе описывается комплексная методика анализа лексического значения слова с опорой на факторы контекстной реализации значений исследуемых лексем, на основе которой автор выявляет структурно-семантические особенности и описывает значения современных английских глаголов «свещения».

The article describes a comprehensive approach to the analysis of the word semantic structure based on the contextual factors that serve a foundation for the exploration and definition of the meanings of modern English verbs denoting light.

Ключевые слова: лексическое значение, семантическая структура, метаязык, компонентный анализ, контекстологический анализ.

Keywords: meaning, semantic structure, meta-language, component analysis, cotextual analysis.

Лексическое значение слова, являющееся основной единицей лексико-семантической системы языка, отождествляется нами вслед за О. Н. Селиверстовой с «некоторой знаковой информацией, передаваемой его означающим об описываемой действительности при появлении в речи звуковой или графической цепочки (или в мыслительной речи – психического аналога звуковой цепочки), в которой представлено означающее». Лексическое значение слова – продукт сложнейшей мыслительной деятельности человека; в процессе этой деятельности, по утверждению видного отечественного лингвиста-когнито-

лога Н. Н. Болдырева, происходит «осмысливание поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т. е. фиксированных в сознании человека смыслов, например, концепт дома, времени, пространства...)» [1]. Из этого следует, что лексическое значение слова имеет сложную *смысловую структуру* и сопоставимо с философской категорией понятия. Между тем понятие и значение, относясь к однопорядковым категориям мышления, не совпадают, это разные по сущности категории, которые необходимо четко разграничивать.

Н. Н. Болдырев, в частности, отмечает, что «понятие – рациональный, логически осмыслиенный концепт. Оно возникает на основе выделения и осмысливания существенных характеристик предметов и явлений, в результате постепенного отвлечения от их второстепенных индивидуальных признаков, т. е. в результате теоретического познания» [2]. Лексическое значение соответствует выражаемому понятию только в той части, которую называют его смысловым ядром, предметно-понятийным (денотативным) компонентом значения.

Смысловое ядро – предметно-понятийный, денотативный компонент значения (в виде рационального, логически осмыслиенного концепта), сочетается с рядом экспрессивных (эмоционально-оценочных), стилистических признаков узального и окказионального характера, формирующих коннотативный компонент значения.

Упомянутые элементы лексического значения образуют его семантическую структуру, которая может быть представлена в виде семантических компонентов – сем. Под *семой* понимается определенный и далее неделимый семантический признак, элементарный по отношению к выбранному уровню описания и абстракции [3]. Состав сем, образующих семантическую структуру лексического значения, неоднороден: они не выстраиваются по горизонтальной линии, а образуют иерар-

КАЛИНЫЧЕВА Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков Российского университета дружбы народов
© Калинычева Е. В., 2009

хию. Тем самым встает вопрос о выявлении системных иерархических отношений между семами. Это соображение, высказанное Ю. Найдой, нашло дальнейшее подтверждение в ряде работ в области теории семасиологии. Р. С. Гинзбург, в частности, справедливо замечает, что основные семантические компоненты классифицируются и получают описание как иерархически организованные категории, причем каждая последующая категория является субкатегорией для предыдущей [4]. Некая общая – интегральная – сема относит слово к определенной микросистеме, а подчиненные ей, модифицирующие и уточняющие, дифференциальные семы определяют смысловое своеобразие лексемы.

В качестве объекта исследования мы избрали четко ограниченный и концептуально репрезентативный микроучасток словаря, представленный 12 лексическими единицами, отобранными из современных английских и американских толковых, синонимических, антонимических словарей и словарей-тезаурусов на основе метода «ступенчатой идентификации», который был описан Э. В. Кузнецовой [5]. В состав исследуемой группы вошли, таким образом, современные английские глаголы: to shine, to flash, to glare, to gleam, to glimmer, to glint, to glisten, to glitter, to glow, to shimmer, to sparkle, to twinkle. В центре данной группы глаголов находится глагол *shine*, как наиболее нейтральное, частотное многозначное слово, обладающее общей со всеми членами ряда сочетаемостью.

Принимая во внимание семный состав глаголов данной ЛСГ, к тематическому ряду со значением «свечение» мы отнесли глаголы по интегральной семе: «излучать физический свет – светить; отражать физический свет – светиться, блестеть», а подчиненные ей дифференциальные семы определяют смысловое своеобразие каждой из исследуемых лексических единиц, модифицируют или уточняют интегральную сему: например, *glitter* – «светиться ярким прерывистым искристым светом»; *glimmer* – «светиться слабым неровным, колеблющимся светом»; *flash* – «внезапно ярко засветиться»; и т. д. Таким образом, необходимым условием для наиболее полного определения значения слова является выявление комплекса входящих в его структуру релевантных дифференциальных сем.

Дифференциальные семы являются, по сути, конкретными выражителями признаков определенной денотативно-понятийной сферы объективной действительности, из которых складывается само явление. Следует отметить, что глаголы рассматриваемой группы отличаются довольно сложной для определения, диффузной семантической структурой. Диффузность их смыслового содержания объясняется самим фактом принадлежности к кон-

цептуальному полю «свет» и диктует необходимость обращения к данной денотативно-понятийной области и детального ее изучения.

Исследование проблемы восприятия света с привлечением соответствующих работ по физике и физиологии, а также данных терминологических справочников, энциклопедий и результатов экспериментов позволило установить следующую номенклатуру релевантных для носителей языка семантических признаков, которые характеризуют свечение и составляют структуру «световых» значений: яркость света; периодическое изменение яркости света; наличие цветовых характеристик. Анализ специфики ментального восприятия сделал также возможным разделить свет:

а) по степени яркости на: ослепительно яркий; яркий; умеренно яркий; неяркий; тусклый; очень тусклый (мерклый);

б) по степени периодичности изменения яркости света на: постоянный (в виде равномерно распределенного по поверхности света или света в виде светового пятна); периодический (в виде однократного кратковременного импульса или множества многократных кратковременных импульсов);

в) по наличию цветовых характеристик на: нейтральный и «цветной» (т. е. определенного тона, оттенка).

Выявленный набор объективных семантических признаков служит основой для определения и системной организации соответствующих понятий метаязыка семантического описания, который включает в себя преимущественно однозначные (или специально ограниченные и оговоренные, если слово многозначно), минимальные стилистически нейтральные единицы естественного (в нашем случае – русского) языка. Их источником явились лингвистические толковые и синонимические словари русского языка (см. табл. 1).

Первым этапом исследования явилось применение метода компонентного анализа на основе словарных дефиниций, отобранных из представительных лексикографических источников – английских и американских толковых словарей. Определение набора дифференциальных сем для каждой глагольной лексемы осуществлялось путем выявления их актуализаторов в составе словарных дефиниций, что позволило установить совокупность дифференциальных сем, которые составляют смысловое ядро значения каждого глагола, демонстрируют их смысловую близость и позволяют разделить на подгруппы для дальнейшего анализа.

Анализ семного состава глаголов данной ЛСГ свидетельствует о релевантности семантических признаков «степень яркости» и «степень периодичности изменения яркости света» для определения системных отношений в данной ЛСГ, при-

чем основанием для деления глаголов на подгруппы послужил признак «степень периодичности изменения яркости свечения» ввиду его присутствия и дифференцированности во всех definicijax. Признак «степень яркости» не представлен одинаково четко в словарных определениях всех глаголов: налицо либо подмена толкования данного признака указанием на синонимы (сема яркости *twinkle* определяется через синонимы: to sparkle; to glitter; scintillate; flash), либо неясность, размытость, двоякость в его определении (для *glint*, например, определяются семы как яркого *hard bright*, *hard bright metallic luster*; так и неяркого, приглушенного света (блеска): *subdued*; в определениях *glisten* также присутствуют указания и на яркий: *lustrous(ly)*, *brightly*; и неяркий, мягкий блеск: *mild luster*).

Тем не менее, выполненная процедура семантического анализа позволила разделить глаголы данной АСГ на несколько групп (табл. 2).

Таким образом, результаты проведенного исследования с использованием методики компонентного анализа выявили отсутствие единообразия в способах интерпретации значений глаголов, размытость, а иногда и полное отсутствие четких формулировок, подмену толкования указанием на синонимы, что, в конечном итоге, сделало невозможным провести четкую дифференциацию сем в структуре значения лексической единицы, значений – в семантике лексемы, лексем – в составе данной АСГ.

В условиях диффузной семантики, близкой синонимии и широких возможностей взаимозаменимости особую актуальность приобретает методика контекстологического анализа, основной задачей которого является исследование смысловой специфики и семантического согласования единиц в условиях конкретной сочетаемости.

Исследование смыслового своеобразия современных английских глаголов «свечения» методом

Таблица 1

Единицы метаязыка семантического описания лексико-семантической группы современных английских глаголов «свечения» для каждого семантического признака

Степень яркости света	Степень периодичности изменения яркости света	Наличие цветовых характеристик
Для <u>ослепительного</u> света: ослепительный (слепить); для <u>яркого</u> света: очень яркий; яркий; умеренно яркий; для <u>тусклого</u> света: неяркий; тусклый (тускнуть, тускнуть); мерклый	Для <u>постоянного</u> света в виде <u>равномерно распределенного</u> по поверхности света: сиять; светить(ся); блестеть; лосниться; иметь глянцевитый (глянцевый) блеск; для <u>постоянного</u> света в виде <u>светового пятна:</u> отблеск; отсвет; блик для света в виде <u>однократного кратковременного</u> импульса: вспыхивать (вспыхнуть; вспышка); блеснуть (проблеск); для света в виде <u>множества</u> <u>многократных кратковременных</u> импульсов: сверкать; искриться; мигать; мерцать	Для определения соответствующих <u>цветовых явлений:</u> тон; оттенок; отлив; отсвет; отблеск; переливаться; (перелив); перламутровый; радужный; пестрый (пестреть); рябой; бледный; блеклый

Таблица 2

Глаголы АСГ «свечения»

Глаголы постоянного ровного свечения	Глаголы однократного кратковременного светового эффекта	Глаголы, обозначающие множество многократных проявлений:		Глагол отраженного свечения
		а) яркого свечения	б) тусклого свечения	
Shine, glare, glow	Flash, gleam, glint	Sparkle, glitter	Twinkle shimmer glimmer	Glisten

дом контекстологического анализа ставило своей задачей определить значения каждого из глаголов с максимально возможной полнотой и точностью в терминах разработанного метаязыка семантического описания, а также сопоставить структурно-семантические характеристики глаголов в рамках выделенных подгрупп. Проведенный таким образом анализ показал следующее.

Для выявления семантических особенностей глаголов оказалось недостаточно контекста I степени ($N + V(\text{intr.})$). Исследованный текстовой материал обнаружил сходство, а иногда и полное совпадение приглагольных субъектов: напр. для глаголов *glare*, *glisten*, *gleam*, *glint*, *flash* типична однотипная субъектная сочетаемость с существительными, обозначающими ровные, гладкие, отполированные, начищенные до блеска поверхности и предметы (*polished finger-nails*; *varnished (burnished) wood*; *shoes with polishing*; *a brushed dog's coat, etc.*), для *glitter*, *sparkle*, *twinkle*, *flash*, *shimmer*, *glimmer* – сочетаемость с названиями драгоценных камней, элементов богатого декора, украшенных драгоценными камнями (*diamonds*; *rubies*; *jewels*; *topaz*; *pearls*; *citrines*), а также предметов множественного блеска (*tinsel*; *shivers*; *sequins*; *crystals*; *beads*). Очевидно, что совпадение указателей такого рода не выявляет семантических различий между глаголами, затрудняет их дифференциацию.

В качестве основных актуализаторов индивидуальных семантических признаков для нас выступали, прежде всего, дистантно расположенные актанты, реализуемые в контексте II степени в виде атрибутов при семантических субъектах, обстоятельственных слов, атрибутивных и обстоятельственных комплексов (в приводимых ниже примерах эти элементы контекста выделены жирным шрифтом). Так, в случае с *glitter* актуальным является наличие большого скопления часто расположенных частиц блеска драгоценных камней, сверкающих ослепительно ярким и контрастным окружающему фону светом:

An extravagance of waxlight glittered on the gay dresses of the women, and the jewels and weapons of the men [6].

Интересно отметить, что сема «избыточности, чрезмерности» получает наибольшее выражение в переносном значении данного глагола: «блистать, поражать роскошью, манить внешним великолепием», которое актуализируется в модели: « N (собирательные существительные типа: *the audience*, *the fashion industry*, *the film premiere*; *the social world of London*; *the stalls*; *retinue*), обобщающее местоимение *all + glitter*:

The film premiere glittered with royalty and many famous stars in attendance [7].

Присутствие данного переносного значения особенно явно обнаруживается в семантике от-

глагольного прилагательного *glittering*, которое выступает атрибутом при абстрактных существительных типа: *promises*; *descriptions*; *generalities*; *career* в значении «заманчивый, цветистый, велеречивый и т. д.»:

We know now that Marco Polo told the truth, but to the people of his time the glittering descriptions of oriental life and customs seemed overdrawn (Discoveries Channel).

Для *shimmer*, напротив, характерно описание неяркого, почти тусклого, переливающегося всеми цветами радуги перламутрового блеска:

But in the east the sun announced its approach in a glory of colour among the low scattered clouds – blended gold and rose, shimmering like mother of Pearl [8].

Специфику же *glimmer* в наибольшей степени определяет способность обозначать тусклый, смутно различимый, слабо мерцающий свет:

...and on her head was Lot's royal circlet of white gold, glimmering with citrines and the milk-blue pearls of the northern rivers [9].

Хотелось бы в связи с этим упомянуть также переносное значение *glimmer* «смутно, слабо проявляться», которое возникло в результате метафорического переноса по линии очень тусклого, смутного проявления света, обозначаемого данным глаголом:

Gradually the first faint signs of an agreement are starting to glimmer through in the peace talks [10].

Определение смысловой специфики каждого из глаголов, а также сопоставление их семантических объемов диктует необходимость дополнительной опоры на особые интегральные признаки классов денотации, которые помогают наилучшим образом определить специфику значения каждой отдельной лексемы. Помимо интегрального признака «степень периодичности изменения яркости свечения», послужившего основой для деления всех глаголов на подгруппы, дальнейшее проведение дифференциации глаголов проводилось по:

1) признаку «степень интенсивности яркости свечения» с последующим делением глаголов на:

- глаголы ослепительно яркого свечения: *glare*, *glitter*, *flash*;
- глаголы яркого свечения: *sparkle*, *shine*;
- глаголы умеренно яркого свечения: *glisten*, *glow*;
- глаголы неяркого свечения: *twinkle*;
- глаголы тусклого свечения: *gleam*, *glint*, *shimmer*;
- глаголы очень тусклого, мерклого свечения: *glimmer*;

2) наличию цветового и теплового компонентов, которое является определяющим лишь в значении *glow* (светить(ся) красным/любым другим ярким цветом; накаляться, раскаляться, рдеть от

жара), во всех остальных случаях цветовые и тепловые характеристики лишь уточняют основные прямые значения исследуемых глаголов:

shine – светить(ся) (сиять, блестеть), выделяясь яркой окраской;

glare – бросаться, назойливо лезть в глаза (о цветах);

flash – вспыхивать яркими цветами;

gleam – придавать матово-белый или другого цвета отблеск, отсвет;

glint – придавать отсвет, отблеск (иногда металлического оттенка);

glitter – сверкать, переливаясь множеством красок;

shimmer – мерцать, радужно переливаясь серебристым, перламутровым блеском;

glimmer – тускло белеть(ся), смутно маячить, проглядывать во тьме; светить(ся) тусклыми, блеклыми цветами;

glisten – отливать глянцем, глянцевито поблескивать (чаще всего цветами молочно-серых тонов);

3) фактору **размерности и размещения** светящихся объектов, который оказался релевантным для определения семантических особенностей глаголов, обозначающих свечение в виде однократного кратковременного светового эффекта (flash, gleam, glint): flash и glint используются чаще всего для описания точечного света от единичных источников маленького размера. Gleam, напротив, обозначает, в основном, свечение, которое сконцентрировано в виде некрупного светового пятна (пятен) рассеянного света:

The trenches were immensely deep and dark, except when lit dimly by the glow of Verey lights or whizz-bangs that flashed abruptly [11];

Like a silver ball on a Christmas tree, the spherical radio-tube gleamed dully in the half-darkness [12];

4) при сопоставлении значений глаголов, обозначающих свечение в виде однократного кратковременного светового эффекта flash, gleam, glint, особое внимание уделялось также **событийно-временному, динамическому, и, с другой стороны, пространственному и статическому** факторам. Событийно-временный компонент наиболее явно представлен в значениях flash и glint, где он имплицирован семантикой ассоциирующихся с данными глаголами субъектов, а также выражен эксплицитно соответствующими атрибутивными и обстоятельственными комплексами, указывающими на *внезапный*, свет в виде *повторно возникающих и исчезающих кратковременных* световых импульсов, разделенных *временными промежутками*. Важно особо подчеркнуть тесную взаимосвязанность временного компонента с динамическим в семантике как flash, так и glint, у которых сема повторности выражается

сочетаниями данных глаголов с глаголами движения, с которыми они образуют синонимическую пару:

Arthur's arm moved, and the blade of his spear flashed in the light, drawing Melwas'eye [13];

The river, now small and swift, was leaping merrily down to meet them, glinting here and there in the light of the stars, which were already shining in the sky [14].

В отличие от flash и glint, в семантике gleam в наибольшей степени представлен пространственный компонент, который связан со статическим: данный глагол используется для описания свечения либо от неподвижного источника света, либо от гладких предметов и поверхностей в виде отблесков, отсветов, разделенных *темными промежутками*, при этом создается впечатление, что свет идет как бы из глубины пространства, пронизывает его:

Down on her gleamed the ancient and romantic moon, through the clear sky [15].

Динамическая составляющая значений, потенция движения выполняет смыслоразличительную функцию для глаголов подгруппы со значением свечения в виде множества многократных проявлений тусклого света twinkle, shimmer, glimmer. *Многократность* световых импульсов возникает, прежде всего, во время *движения* светящихся объектов: контекстная реализация представлена сочетаниями с глаголами движения, с которыми данные глаголы образуют синонимическую пару. Однако в каждом отдельном случае данный признак проявляется по-разному: для twinkle характерно указание на резко колеблющийся, то внезапно вспыхивающий, то почти гаснущий свет; для shimmer – на неровный свет, который рябит, дрожит перед глазами; специфику glimmer в наибольшей степени определяет способность обозначать тусклый, смутно различимый, почти затухающий, слабо колеблющийся свет:

A light twinkled far off across the field, then went out as if someone had lit a cigarette [16];

...and to our right, seen dimly shimmering in the heat haze, I could see Mount Cameroon [17].

Учет пространственного и статического факторов необходим, в свою очередь, для определения семантической структуры «светового» значения glisten: свет от отражающих предметов и поверхностей, описываемый при помощи glisten, неподвижен, слабо контрастен окружающему фону, концентрирован в виде нечетко очерченных, размытых, влажных, глянцевитых отблесков:

It [the wild beast] turned its head and crouched motionless, glaring at me, with the blood glistening in the lower half of its face [18].

Таким образом, примененная в работе комплексная методика исследования с опорой на фак-

торы контекстной реализации значений исследуемых лексем позволила решить поставленные в работе задачи по определению структурно-семантических особенностей глаголов данной АСГ и может быть использована для лексико-семантического анализа подобных групп слов и привести к выводам семасиологического анализа более общего плана.

Примечания

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. С. 22.
2. Там же. С. 24.
3. Селиверстова О. Н. Компонентный анализ и его обоснование // Гипотеза в современной лингвистике / под общ. ред. Ю. С. Степанова и др. М.: Наука, 1980. С. 262–300.
4. Гинзбург Р. С. Значение слова и методика компонентного анализа // ИЯШ. 1978. № 5. С. 21–26.
5. Кузнецова Э. В. О путях выделения компонентов значения слов при описании АСГ // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: тез. докл. 9 зон. конф. каф. ар. рус. яз. Пермь, 1972. С. 259–263.
6. Stewart M. The Last Enchantment. Harlow, Essex, 1998. С. 95.
7. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow, Essex, 1995. С. 107.
8. Nordhoff Ch. The Bounty Trilogy. London: Penguin Publishers, 2001. С. 32.
9. Stewart M. Thunder on the Right. Harlow, Essex, 2000. С. 94.
10. Collins Cobuild English Language Dictionary. London: Collins, 1993. С. 57.
11. Aldington R. Death of a Hero. Oxford: Clarendon Press, 2002. С. 18.
12. Wilson M. My Brother, My Enemy. London: Penguin Publishers, 2001. С. 58.
13. Stewart M. Thunder on the Right. С. 145.
14. Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. Oxford: Clarendon Press, 2002. С. 27.
15. Du Maurier, D. Frenchman's Creek. London: Penguin Publishers, 2002. С. 34.
16. Sillitoe A. Key to the Door. Springfield: Mass., 1986. С. 73.
17. Durrell G. The Whispering Land. London: Penguin Publishers, 2004. С. 89.
18. Ibid. С. 71.

УДК 81'37

С. А. Панкратова

МОМЕНТ ОЗАРЕНИЯ-ИНСАЙТА КАК ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ВЕРНОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА

Основным предметом статьи является момент озарения-инсайта как один из этапов подтверждения верности метафорического выбора. Рассматриваемый как в традиционном стилистически-риторическом, так и в современном когнитивном аспекте, момент озарения-инсайта обещает пролить свет на образно-интуитивные механизмы творческого мышления. Результатом осмыслиения этого важного познавательного механизма может явиться понимание новых способов описания концептуальных абстракций, выходящее за пределы сложившихся прототипных метафорических моделей.

The main object of the article is the point of aha-reaction or insight as one of the ways to prove the correctness of the metaphoric choice. Being studied both in the traditional stylistically-rhetorical and the modern cognitive aspect, the moment of aha-reaction or insight promises to shed light on the image-based and intuitive mechanisms of creative thinking. As a result of this cognitive mechanism study, we can get the understanding of the new ways of to describe concepts, reaching out the traditional bounds of standard prototypical metaphoric models.

Ключевые слова: ассоциирование, когнитивная модель, критический рационализм, инсайт, интуиция, метафорический выбор, метафора.

Keywords: association, cognitive model, critical rationalism, insight, intuition, metaphoric choice, metaphor.

Предлагаемая вниманию читателя статья является собой попытку исследования феномена метафоры в новом, необычном по сравнению с традиционными стилистически-риторическими функциями ракурсе. Метафора, а точнее, механизмы метафорического выбора рассматриваются как познавательный, эвристический механизм описания недостаточно познанных абстрактных концептов. Предметом обсуждения в данной статье является лишь один, но весьма значимый этап в процессе метафорического выбора – момент озарения-инсайта. Цель статьи состоит в том, чтобы на основании многочисленных научных и психологических данных показать роль интуиции и догадки в понимании феномена метафоры. Новизна статьи состоит в постановке проблемы озарения-инсайта как во многом не поддающегося непосредственному мысленному схватыванию механизма сознания и в попытке описать специфику этого процесса на основе интеграции но-

ПАНКРАТОВА Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
© Панкратова С. А., 2009

вых (когнитивных) и прежних (семантических) подходов.

Степень разработанности избранной проблемы относительно неглубока, а труды, посвящённые изучению именно роли подсознательного, интуитивного в метафорическом выборе, практически отсутствуют. Это объясняется тем, что относительно недавно фундаментальная наука вышла на новый, когнитивный этап представлений о сущности метафоры. Прежде самая яркая из сторон метафоры, её образная, ассоциативная природа, заставляла считать её лишь незаменимым средством языковой выразительности. Возможно, по этой причине метафоре в течение долгого времени отводилась лишь второстепенная роль риторической фигуры, предназначеннай для усиления воздействия на слушателей.

Такое отношение к метафоре имеет многовековую историю и уходит корнями в античность, когда учение о стиле и принципе подбора языковых средств подчинялось критериям ясности и понятности. Ясность, понимаемая как основное достоинство речи, обеспечивалась гармоничным соединением общеизвестных слов с возвышенными, в том числе и метафорами. В «Поэтике» Аристотель дает одно из первых определений метафоры, часто цитируемое в современных исследованиях: «Переносное слово (метафора) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [1]. Из определения видно, что в рамках классического подхода под термином метафора собирается большая часть тех языковых явлений, которые затем обозначаются термином троп – метонимия и синекдоха. Изучение языка у Аристотеля, отвечая общему духу того времени, когда язык не воспринимался как самостоятельный объект исследования, ограничивается поэтикой и риторикой. Соответственно, аристотелевские рассуждения связаны с метафорой как фигурой речи, компонентом стиля. О метафоре как о явлении языка и сознания Аристотель не говорит.

Тем не менее, именно в глубинах античной риторики зародился взгляд на метафору как на неотъемлемую часть языка. Мысль Аристотеля о том, что некоторые из соотносимых понятий не имеют постоянного имени, но и они могут именоваться по аналогии, нашла свое развитие в трудах Деметрия и Цицерона. Первый из них отмечал, что обиходная речь, являясь лучшей поставщицей метафор, почти все употребляет в переносном смысле: «...такие метафоры утверждались в языке, заняв место буквальных обозначений» [2]. Цицерон трактовал метафору как способ формирования недостающих языку значений, порожденный необходимостью и возникший под давлением бедности и скудости словаря. Квинтиллиан также отмечал, что, привнося в речь

нечто новое, до того в ней не содержавшееся, метафора содействует тому, чтобы ни один предмет не оставался без обозначения. Таким образом, как только метафора была осознана, выделена из ряда других явлений, возник вопрос о двойственности ее функциональной природы: быть номинативным средством языка и поэтической фигурой.

Из вышеизложенного становится очевидно, что с самого начала изучение метафоры было сосредоточено на языковом результате глубинного когнитивного механизма ассоциирования. Внимание обращалось, прежде всего, на противоположность живых и мёртвых метафор – первые зафиксированы в словарях (окаменевшие, привычные, стертые, лексикализованные, языковые), а вторые функционируют в живой речи (яркие, образные, свежие, речевые). Становилось совершенно очевидно, что от разрешения этого вопроса зависит дальнейший ход исследований в области метафоры. И такой подход был предложен. Согласно новому подходу, языковая и художественная метафора могут рассматриваться как единый объект исследования, и по принципам семантических процессов между метафорой языковой и речевой нет непреодолимой границы [3].

В пользу нового подхода приводятся следующие аргументы. Для общеязыковой системы семантических связей приемлемы как языковые метафоры, основанные на объективированных ассоциативных связях, так и авторские (художественные) метафоры, содержащие черты индивидуального мировосприятия. Случайность художественной метафоры также имеет свои пределы, устанавливаемые ею отношения не выходят за рамки чувственно воспринимаемой действительности. Метафоры этого типа лишь более полно выявляют универсальный процесс симилияции, поиска сходного в общем и многообразном, который представляет собой один из базисных механизмов восприятия сознанием внешнего мира. Оригинальный субъективный образ, возникающий в сознании говорящего, основывается на том же механизме ассоциирования, который лежит в основе устоявшегося, отработанного узусом, общеязыкового фонда вторичных наименований. Авторская индивидуальность метафор тоже не абсолютна. Как справедливо отмечает В. Н. Телия, факты авторского словаупотребления представляют собой столь же неотъемлемое достояние живого языка, как и нормативно фиксированная сочетаемость слов [4]. С другой стороны, если языковая метафора анонимна и узуальна, то и художественная метафора, не всегда сохраняющая авторство, может считаться узуальной в том смысле, что одно и то же метафорическое словосочетание может встречаться в произведениях разных авторов.

В генетическом плане нельзя провести четкой грани между языковой и речевой метафорой еще потому, что последнюю в определенном смысле можно рассматривать как исходную стадию развития первой. Всякая языковая метафора в истоике своем творческий акт, суть которого состоит в том, что художник прослеживает и утверждает в метафоре то глубинное сродство вещей, которое еще не окрепло для формул. Но, попадая в оборот повседневной речи, метафора наталкивается на ограничения употребления, налагаемые функционально-стилевыми и коммуникативными характеристиками дискурса, под влиянием которых она быстро стирается и на общих правах входит в словарный состав языка. Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что речевая и языковая метафоры представляют собой одно явление с точки зрения системно-языковой техники образования новых значений, они сходны по принципам семантических процессов, отражающих универсальные психологические закономерности, сферы их применения взаимопроникаемы.

О новой, концептуально моделирующей роли метафоры заговорили многие лингвисты. «Метафора не нужна практической речи, но она ей в то же время необходима, не нужна как идеология, но необходима как техника» [5]. Без метафоры не существовало бы ни лексики ‘невидимых миров’, обслуживающей мир идей, событий, процессов и абстрактных понятий, конструируемых человеком, ни зоны вторичных предикатов. И вот, как только в лингвистике было достигнуто новое видение метафоры, она, уже как языковой механизм, заинтересовала психологов, нейропсихологов, политиков, социальных инженеров. В ней стали видеть явление сознания, способное восполнить пробелы в процессе познания и интерпретации явлений действительности.

Так наметились основные контуры современного, процессуально-динамичного подхода к метафоре. Актуальными в наши дни стали проблемы метафорического выбора, совершающегося на глубинном уровне сознания. В предельно сжатом виде это вопросы: каковы методы и единицы измерения процессов сознания? Как и почему именно те или иные метафоры избирает человек? Является ли этот процесс творческим и в чём его критерии?

На все эти вопросы есть положительные ответы. К сожалению, заявленная в заглавии статьи тема не позволяет подробно останавливаться на каждом из них, однако считаю своим долгом хотя бы вкратце обрисовать те когнитивные инструменты, что работают в лаборатории по изучению метафоры. Ведущим методом когнитивной лингвистики стал концептуальный анализ. Это изучение смыслового наполнения концепта (его

синонимы и антонимы, родо-видовые отношения и отношения «часть–целое», ассоциации). Минимальной единицей представления знаний в когнитивистике стал концепт. В когнитивной теории метафоры внимание обращено на принципиальную противоположность двух видов концептов. Это конкретный концепт (концепт, референтом которого является реально наблюдаемый и осозаемый материальный денотат) и абстрактный концепт (концепт, референтом которого является абстрактный, идеальный денотат).

Конкретные концепты, референтами которых являются материальные, реально наблюдаемые и осозаемые объекты и явления, хороши тем, что образны. Они как бы возвращают человека к его опыту общения с конкретным миром, напоминают о свойствах и качествах действительности, как бы осуществляя непосредственный контакт с ними. Абстрактные концепты, референтами которых являются абстрактные сущности и явления, не наглядны, значение их размыто, диффузно, а структура признаков нечёткая. Число абстрактных концептов со временем обогащается новыми понятиями ‘пространство’, ‘вещество’, ‘энергия’ и ‘информация’, но все они имеют нулевую степень образности.

Сам механизм метафорического выбора в том, что абстрактные сущности получают предметные параметры, это делает их более понятными человеку, вводит в антропометрическую парадигму [6]. Действительно, человек чувствует, что язык вооружил его звуками и словами и отеснил от обилия всего того, что непосредственно может созерцать глаза, слышать ухо, ощупать рука. Метафорический выбор – это способ уйти от абстрактности языка, попытка восполнить потребность в сенсорных ощущениях хотя бы через языковую образность. Совершая метафорический выбор конкретных концептов для описания абстрактных, человек возвращается к опыту общения с живым миром, вспоминает о его свойствах, как бы осуществляя непосредственный контакт с вещами.

Механизмы метафорического выбора начинают работать, когда возникает чувство, что общепринятые метафоры неполно или неадекватно описывают тот или иной недостаточно познанный абстрактный концепт, а завершается весь процесс достраиванием когнитивной модели (в целях проверки верности избранной прототипной метафоры), а также моментом озарения-инсайта, на котором и хотелось бы остановиться подробнее.

Обращаясь к основной теме статьи, а именно к моменту озарения-инсайта как механизму подтверждения правильности метафорического выбора, отметим, что это сфера творческая, эмоциональная и во многом субъективная. Проблема-

ми творческого мышления занимается эвристика (греч. *heurisko* ‘отыскивать, открывать’), различающая такие фазы творчества, как: 1) подготовка, 2) созревание идеи, 3) озарение и 4) проверка результатов [7]. Важную роль в процессе творчества (и метафорического выбора как его языковой разновидности) занимает интуиция, устремлённая от представления искомого в самых общих чертах через ощущение тождества (англ. *coherence* ‘соответствие’) ко всё более углубляющемуся чувству определённости [8]. Предполагается, что в результате метафорического выбора и построения целостной когнитивной модели должна наступить решающая фаза творческого мышления – момент озарения-инсайта. Это особо яркое состояние сознания, догадка, внезапное решение, подтверждающее правильность окончательного выбора той или иной когнитивной модели.

Критерием правильности метафорического выбора для того или иного индивида служит оптимальная полнота соположения концептуальных сфер, сопровождающаяся сильным эмоциональным всплеском [9]. При оптимальном совпадении параметров в пределах когнитивной модели включается ощущение озарения-инсайта (англ. *aha-reaction*), и поставленная творческая задача оказывается решённой [10].

Значительно варьируют мнения учёных о том, что служит пусковым моментом озарения-инсайта. Одни считают его *результатом простого суммирования информации до критического числа*, как в теории семантического логогена мортонса [11]. Другие ведущим к озарению-инсайту считают *полноту интерполяции сополагаемых концептов и отношений в выстраиваемой когнитивной модели* [12]. Третьи полагают, что озарению-инсайту *равносильно нахождение «ключевого» признака в процессах эвристического поиска* [13]. Как отмечается в «Психологическом словаре» [14], «успешность интуитивного решения зависит не от выделения какого-то одного информативного признака, а от сложившейся в ходе поиска мозаики признаков, в которой данный необходимый признак может занимать различное место». В приведённых взглядах общим оказывается то, что именно целостное видение абстрактного концепта способствует возникновению чувства озарения-инсайта.

Ярким примером творческого озарения служит поиск и открытие сути концепта ‘понимание’ русским философом-герменевтом В. Розановым. Вот как он описывает этот процесс: «Всё о понимании пропитано у меня соотношением зерна и из него вырастающего дерева, а в сущности просто – роста, живого роста. Растёт – кончено. Тогда за набивкой табаку у меня возникло: да на что Д. С. Милль выдумывал, сочи-

нял, какая цель у человека, когда я есмь “растущий” и мне надо знать: когда, куда, во что (дерево) я расту, выращиваюсь, а не что мне поставить (“искусственная вещь”, “табуретка”) перед собою. Вдруг – колокола, звон. “Пасха” – “Эврика, эврика!”. Слово одно: потенция (“зерно”) реализуется. Да теперь я долезу до неба. Всё здесь, в идее “потенция”, “что растёт”» [15]. Показательным для момента метафорического озарения-инсайта здесь является и отрывисто-эмоциональная речь, момент переключения на другой предмет (набивка табаку), эксплицирован процесс достраивания естественной, биологической когнитивной модели.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что метафорический выбор рассматривается в данной статье как творческое, нестандартное осмысление абстрактного концепта. Человек, осуществляющий метафорический выбор спонтанно-нерефлексивно, отказывается от других альтернатив, попадая в ловушку несвободы и зависимости от языковых стереотипов. Творчество в том, чтобы осознать бытующие в сознании и языке установки, шаблоны, стереотипы, тиражируемые, классические, ключевые метафоры. Они становятся человеку привычными до неразборчивости и употребляются по инерции. Творчество начинается тогда, когда, отталкиваясь от знакомого, человек ищет нестандартные, слабые импликации, личные, не запограммированные традиций ассоциации.

Момент озарения-инсайта в таком ракурсе оказывается очень важным инструментом, он (вернее, его отсутствие в метафорическом выборе) помогает осознать, что традиционные метафоры неполны и недостаточны. Он подводит человека к мысли, что традиционные прототипные метафоры – это рутинное осмысление абстрактных концептов. Стремиться к преодолению готовых схем, уходить от метафорических стереотипов – значит то и дело сталкиваться с моментом озарения-инсайта. Тогда открывается простор постановке новых гипотез, новые возможности в осмыслении мира. Творческая свобода, таким образом, заключена не в самом наличии выбора, а в возможности проигнорировать стандартные схемы ассоциирования.

Практическая значимость поднимаемой в статье проблематики состоит в том, что благодаря изучению когнитивных механизмов метафорического выбора языковые проблемы оказываются непосредственно связанными с нуждами человека. «Задаваясь вопросом о том, как работает язык, мы одновременно задаём вопрос о том, как мы мыслим и чувствуем, как протекают все остальные типы деятельности человеческого сознания» [16]. Если корни теории метафоры в практике, плодами её может стать возросшее умение мыс-

лить. Развитие мыслительных способностей (в том числе и метафорического выбора как их творческой стороны) жизненно необходимо каждому здравомыслящему индивиду нового тысячелетия, а полученные результаты могут найти применение в самых различных областях, начиная от создания систем искусственного интеллекта до архитектуры, рекламы, психодиагностики и обучения.

Примечания

1. Аристотель. Соч. в 4 т. М., 1976. С. 6.
2. Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936. С. 220.
3. Верли М. Общее литературоведение. М., 1957; Никитин М. В. О семантике метафоры // Вопросы языкоznания. М., 1979. С. 14–20; Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 307–341.
4. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981. С. 12.
5. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 9.
6. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1970. С. 253.
7. Wallace A. F. C. Culture and Personality. N. Y., 1960.
8. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995; Пономарёв Я. А. Психология творчества. М., 1973; Polany M. The Creative Imagination // The Concept of Creativity in Science and Art. London, 1981. Р. 91–107.
9. Дункер К. Психология продуктивного творческого мышления // Психология мышления. М., 1965. С. 86–234; Creative thought: an investigation of conceptual structures and processes. Washington, 1997.
10. Wertheimer M. Productive thinking. N. Y.; L., 1959.
11. Jackson A., Morton J. Facilitation of auditory word recognition // Memory and Cognition. N. Y., 1984. Р. 35–50.
12. Posner M. I., Fitts P. M. Human Performance. Belmont, 1967.
13. Косов Б. Б. Творческое мышление: его механизмы и факторы развития // Психологическое обозрение. М., 1996. С. 18–23; Пилипенко, Н. В. Научное открытие и его восприятие. М., 1971.
14. Психологический словарь / В. В. Давыдов, А. В. Запорожец, Б. Ф. Ломов и др. М., 1983. С. 240–241.
15. Голлербах Э. Ф. В. В. Розанов. Жизнь и творчество. Пг., 1922. С. 14–15.
16. Ричардс А. А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990. С. 47.

УДК 821.161.1

E. H. Ковязина

АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОР (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. ТАТАРКЕВИЧА «ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ»)

Данная статья рассматривает особенности концептуальной метафоры в философском дискурсе. Особый интерес вызывает исследование метафоры в её эвальюативном аспекте. На основании анализа контекстов употребления метафоры в труде известного польского историка философии Вл. Татаркевича «История философии» была построена модель концептуальной метафоры. Были выявлены метафорические модели различной степени активности с целью описания эвальюации и определения наиболее ценных для субъекта дискурса сфер философского знания.

The aim of the article is to consider the problem of conceptual metaphor in the philosophic discourse. A significant research item to be investigated is the role of metaphor as a means of evaluating reality. A metaphoric model has been constructed on the basis of analyzing metaphoric contexts derived from the work of a well-known polish philosophic historian Vl. Tatarkevich. Variations in the activity rate of metaphoric models have been estimated to reveal the most evaluated and metaphorically-explored spheres of philosophic knowledge.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическая модель, философский дискурс.

Keywords: conceptual metaphor, metaphor model, philosophic discourse.

Известно, что в современной науке неуклонно возрастает роль личностного аспекта в познании. Для антропоцентрической лингвистики наивысшую познавательную ценность представляет языковая личность, а также то, как она оперирует языком в процессе порождения и восприятия текста. Антропоцентрическое направление в науке немыслимо без таких понятий, как «концепт» и «дискурс». Концепт – это ментальная сущность, имеющая имя в языке и отражающая культурно-национальное представление индивида о мире [1]. Языковая личность использует хранящиеся в её сознании концепты в речемыслительной деятельности. Концепт не является непосредственной данностью, его формирование происходит опосредованно, через дискурс. Дискурс описывается в науке по-разному. Так, например, В. Г. Борботько считает, что «дискурс – это речемыслительный процесс, воспроизводящий и формирующий комплексные линг-

КОВЯЗИНА Елена Николаевна – преподаватель кафедры иностранных языков ГОУ ВПО «Пермская государственная медицинская академия им. ак. Е. А. Вагнера Росздрава»
© Ковязина Е. Н., 2009

вистические структуры, компонентами которых являются высказывания и группы высказываний, связанные дискурсивными операциями» [2]. В соответствии с нашими исследовательскими задачами мы придерживаемся следующего определения данного понятия: дискурс – это коммуникативно-когнитивный процесс, связанный с речевой деятельностью, нацеленной на создание речевого произведения – текста как конечного результата процесса речевой деятельности (Ю. Н. Карапулов, Е. С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова и др.). Дискурс – это вся совокупность текстов, сформированная в результате речемыслительной деятельности.

В свете формирующейся в настоящее время новой научной когнитивно-дискурсивной парадигмы нам представляется актуальным выдвинуть в качестве объекта исследования философский дискурс. Цель исследования – изучить особенности концептуальной метафоры в философском дискурсе на материале произведения Вл. Татаревича «История философии».

Достижения лингвистической науки позволяют нам приблизиться к постижению столь неординарного феномена, как философия. Современная наука утверждает, что только философия способна придать мировоззрению человека завершённый вид, интегрально объединяя и обобщая все мировоззренческие установки, формирующиеся в сознании индивида из различных источников [3]. Как сложное духовное явление, взгляд человека на мир включает многие элементы, в том числе убеждения, идеалы, цели и ценностные ориентации [4]. Сложные и многоуровневые системы ориентации человека в мире строятся на базе ценностей. Ценность – это термин, характеризующий социальное и культурное значение для человека определённых объектов и явлений и отсылающий к миру должного, целевого, смысловому основанию, Абсолюту. Общепризнанным среди учёных фактом является аксиологичность человеческого сознания [5]. Сознание индивида определяет его волевое стремление к созданию вокруг себя особого мира воплощённых ценностей, отличного от природы мира культуры. Человек выступает создателем ценностей, в культурной деятельности он их, определяя, закрепляет, создавая, таким образом, возможность накопления и передачи ценностей культуры последующим поколениям [6].

В структуре ценностного мира человека выделяются познавательные, утилитарные, этические, эстетические, языковые и другие ценности. Язык играет огромную роль в создании, сохранении и передаче ценностей следующим поколениям людей. При посредстве языка говорящая личность сама ориентируется в мире своих ценностей и ориентирует других субъектов, оказывая регулирующее влияние на их последующие действия [7]. Рассуждая о ценностях, необходимо

указать на неоднозначное положение личности в решении «ценостного» вопроса. Извечное философское противоречие между частным и общим накладывает свой отпечаток на проблему ценностного мира человека. С одной стороны, личность является источником нормотворчества (трансцендентальный субъект И. Канта). С другой стороны, любая претендующая на абсолютность и истинность универсальная система, будь то объективная наука или институт государственной и общественной власти, принуждает личность к присвоению выработанных и одобренных ею нормативно-ценостных установок, стремится к унификации всего конкретного и индивидуального, заставляет отдельного индивида ориентироваться исключительно на легитимные, с её точки зрения, ценности. В решении данного вопроса мы придерживаемся антропоцентрического подхода, который признаёт за каждой личностью право выбора – принимать или нет ту или иную норму и ценность. Позволим себе предположить, что такую свободу выбора может предоставить человеку язык. Именно деятельность языкового сознания позволяет осуществить процесс ценностной фильтрации мира, в ходе которого индивид устанавливает ценностные соответствия между его сущностями в соответствии со своими запросами [8], осуществляя выбор в пользу того или иного объекта реальной действительности. В универсуме ценностей деятельность языкового сознания приобретает эвалюативный, ценностно-сопоставительный характер [9]. Одним из существенных свойств языка как ориентирующего фактора является его устойчивость. Связанная с языком конвенциональность предполагает наличие в нём константных величин, эталонов, использование которых обеспечивает взаимопонимание между членами данного языкового коллектива. При посредстве языковых эталонов в дискурсе происходит установление ценностного соответствия между объектами речи посредством языка, определение их соотносительной ценности, т. е. языковая эвалюация [10]. Под «ценностью» мы понимаем потенциал важности той или иной сущности для человека, дискурсивно определяемый посредством языковой эвалюации [11]. В русле концепции дискурса как процесса ориентированного отражения мира, язык – это важнейший фактор ориентировки человека в мире своих ценностей, производимый в дискурсе через установление ценностных соответствий – эвалюацию, средства которой составляют системно упорядоченный набор языковых эталонов, или мер [12]. В связи с этим можно предположить, что в философском дискурсе создаётся особый язык, обладающий системой средств эвалюации номинированных в языке объектов материального и духовного мира. Одним из таких средств,

как мы предполагаем, является метафора. Связанная с ней эвальюация, по мнению таких авторов, как В. Н. Телия и С. А. Мегентесов, производится как выражение имени одного объекта эвальюации через имя другого, взятого в качестве его меры, что приводит к так называемой вторичной номинации [13]. Следует также заметить, что метафора позволяет языковым эталонам использоваться не только в эвальюативной функции, но и в моделировании образов, прототипы которых не существуют в реальности.

Говоря о роли метафоры в философии, обратимся вновь к определению этой науки. Согласно традиционному пониманию, философия – это особая форма познания мира. А конечной целью познания всегда было постижение смысла исследуемого объекта, т. е. его понимание. Развитие понимание происходит от «предварительного понимания», задающего смысл чего-либо как целого, к анализу его частей и достижению более глубокого понимания [14]. Понимание существует как на надличностном уровне – в виде устоявшихся общепринятых научных взглядов и теорий, так и на уровне личностного смысла. Не вызывает сомнения оценочный аспект понимания на уровне личностного смысла. «Нельзя разделить понимание и оценку: они одновременны и составляют единый и целостный акт», – писал М. М. Бахтин [15]. В ценностном акте переживания метафора выполняет функцию объединения и уподобления разнородных фрагментов действительности, способствуя появлению «неявного» знания [16]. Будучи связаны с «ценностными ассоциациями», метафоры не столько обозначают объекты познания, сколько указывают на их признаки и ранжируют их по принципу «существенное – второстепенное» [17]. Используя метафорические переносы и отождествления, люди получают возможность применить апробированные схемы описания и объяснения, входящие в структуру культурного фона, для освоения нового круга фактов. Новая языковая конструкция приобретает осмысленный характер, включаясь в уже привычные контексты мыслительно-языковой деятельности, и постепенно их взаимная адаптация обуславливает исчезновение явной метафорической окраски выражения, делает его привычным и традиционным [18].

Описание исследуемого объекта можно построить с помощью метафорического уподобления нетождественных друг другу элементов знания. Фиксируемые в реальной познавательной деятельности переносы получают выражение в мыслительно-языковой практике в виде различных типов метафор. Н. Д. Арутюнова выделяет номинативный, образный и генерализующий типы метафор [19]. Так, например, образная метафора связана с оценкой предмета или явления и

способствует описанию его природы. Метафоры такого рода служат ориентиром в процессе человеческой деятельности, так как порождают в людях соответствующие эмоции, стремления и т. д. Но поскольку возможности интерпретации образов подобного рода ограничены особенностями самого описываемого реального объекта, они и служат базой взаимопонимания людей, принадлежащих даже к различным культурным традициям [20]. Предлагаемое метафорой образное видение объекта исследования даёт целостное представление об анализируемой области, без которого невозможно упорядочить полученную о предмете информацию, применить уже апробированные схемы расчленения понятий [21].

Итак, мы склонны придерживаться того мнения, что язык науки, в том числе и философской, принципиально метафоричен. Метафора играет особую роль в философском познании. Мы уже затрагивали тему философского вопроса о соотношении между частным и общим. Обратимся к словам В. Г. Гака, который писал, что «в структуре метафоры особенно ярко проявляется соотношение между всеобщим, общим и особым в языке» [22]. Данное утверждение можно экстраполировать и на язык философской науки. Так, получив легитимный статус в языке философии, новая свежая метафора закрепляется в универсуме философских знаний, становится общепринятой, утрачивая прежнюю экспрессивность. Само здание философии, как объективной науки, покоятся на фундаменте общепризнанных метафор, возникших первоначально на уровне индивидуальных смыслов, как результат познавательных процессов отдельных личностей. Следовательно, значение метафоры на уровне производства субъективного смысла нельзя недооценивать.

Мы надеемся, что изучение когнитивной метафоры позволит внести определённый вклад в развитие теории дискурса. В рамках дискурсивных исследований всё более актуальным становится изучение метафоры как средства эвальюации с целью выявления её специфики и появлением построенного на базе эвальюативных эталонов нового знания о мире в философском дискурсе.

Одним из эффективных методов изучения метафоризации является составление словаря метафор тезаурусного типа. В отечественной лингвистике наиболее известным словарем тезаурусного типа является словарь политических метафор А. Н. Баранова и Ю. Н. Кацурова. С целью определения самых продуктивных областей образного отождествления нами также был составлен словарь метафор. Материалом данного исследования послужили 500 контекстов употребления метафор, полученных методом сплошной выборки из фрагмента труда В. Татаркевича

ча «История философии», посвящённого античному периоду в развитии философии. В исследовании применялись методы компонентного, definicionного и концептуального анализа, моделирование и статистические методы.

В ходе исследования мы опирались на определение метафорической модели, принятого в когнитивной теории метафоры. Согласно данному определению, метафора представляет собой разновидность концептуальной интеграции, зафиксированной в тексте. Исследуя метафору в когнитивно-дискурсивном аспекте, мы пользуемся теоретическими положениями данной теории и методологическими принципами когнитивной метафоры, одним из которых является принцип моделирования. Построение концептуальной модели метафоры предполагает создание словаря метафор тезаурусного типа. В данном словаре контексты употребления метафор распределяются по денотативному и сигнификативному дескриптору. Каждый дескриптор представлен собственной таксономией метафор. Таксономическое представление сигнификативного дескриптора определяется как метафорическая модель (С. Л. Мишланова).

Метафорическая модель в философском дискурсе, так же, как и в медицинском дискурсе, состоит из двух базовых доменов – ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА (С. Л. Мишланова, Т. И. Уткина). Первый включает таксоны **Человек как биологическое существо** и **Человек как социальный субъект**. Ко второму относятся таксоны **Живая природа** и **Неживая природа**.

В философском дискурсе В. Татаркевича наиболее продуктивной областью семантического переноса является домен **Человек** (65,2%). Внутри данного домена самой высокой активностью обладает видовой таксон **Человек как биологическое существо**. В данном видовом таксоне наиболее репрезентативен подвидовой таксон **Движения и положения** (24%). Так, например, В. Татаркевич прибегает к относящейся к данному таксону метафоре, характеризуя роль Демокрита в развитии философии как науки: «Демокрит *вышел* далеко за пределы тех границ, которых *придерживались* философы его времени» [23].

Подвидовой таксон **Межличностные отношения** составляет 4,4% и занимает вторую позицию после таксона **Движения и положения**. Так, например, через метафору власти, вызывающую в сознании представление подчинённого положения одних людей по отношению к другим, В. Татаркевич даёт образную характеристику лейтмотиву философии Гераклита: «Это ощущение **властствующих** везде противоречий было основным мотивом этики Гераклита» [24].

Следующим по репрезентативности является подвидовой таксон **Жизненный цикл**, отмечающийся в 4,2% контекстах употребления метафор.

Примером может служить следующий контекст: «Теорию огня и космического разума *возродили* стоики» [25].

Таксоны **Части тела** (3,4%), **Субъективная оценка** (3,2%), **Речевая деятельность** (3%), **Личностные характеристики** (3%) демонстрируют меньшую репрезентативность по отношению к предыдущим таксонам. В примере, иллюстрирующем таксон **Части тела**, В. Татаркевич цитирует труды древних философов, которые также использовали метафорические конструкции как формы выражения философских смыслов: «Эти неисчислимые элементы Анаксагор называл “зародышами” или “вещами”, которые Аристотель позднее назовёт “гомеомериями” (т. е. *телами*, состоящими из однородных *частей*)» [26].

Примером таксона **Субъективная оценка** является следующий контекст: «Философия **недоверия**, пронизанная **недоверием** к явлениям и тем идеям, которые высказываются, стремилась эти идеи *подвергнуть критике*, а разум просветить, очищая его от ошибочных мнений, она **критична и негативна** по своему типу» [27].

Затрагивая проблему происхождения и эволюции Вселенной, Татаркевич прибегает к метафоре, относящейся к таксону **Речевая деятельность**: «Мифы соединялись в единое целое и вместе составили космогонию, которая **объясняла**, как появился мир» [28]. Метафорическая модель таксона **Личностные характеристики** встречается в следующем контексте: «Атомисты отрицали существование некой **разумной** силы, которая целенаправленно управляет миром» [29].

Данные по наименее активным таксонам метафорической модели **Человек как биологическое существо** обобщены следующим образом: **Память и познавательная деятельность** – 1,8%, **Поведение** – 1,2%, **Обеспечение жизнедеятельности** – 1%, **Родственные отношения** – 0,6%, **Способности и Семья** – 0,4%, **Пять чувств и Болезнь и здоровье** – 0,4%.

Так, например, метафору, относящуюся к таксону **Органы и их функции**, мы встречаем в следующем контексте: «Плохими свидетелями являются глаза и уши людей, у которых душа варваров» [30].

Видовой таксон **Человек как социальный субъект** занимает первое место в группе таксонов с низкой активностью. Он включает в себя такие подвидовые таксоны, как **Быт** (0,2%), **Предмет быта** (0,6%), **Материалы и вещества** (3%), **Предмет** (1%), **Проживание и Интерьер** (0,4%), **Одежда** (0,2). Например: «Кроме того, Анаксагор оперировал понятием “*порога*” сознания...» [31]. В данном контексте относящийся к подвидовому таксону **Проживание и интерьер** концепт «порог», или элемент убранства жилища человека, предстаёт в качестве эталона для создания

метафоры «порог сознания» – понятия, означающего сознательное опознавание человеком поступающих в его мозг сигналов. Приведём пример ещё одного контекста: «Фалес говорил, что «всё живо, как это видно в янтаре или магнезии» [32]. Здесь метафорический смысл связан с образом одушевлённой и способной к движению земной материи, «живую жизнь» которой можно наблюдать в таких веществах, как янтарь или магнезия.

Следующим по репрезентативности является таксон **Профессиональная деятельность**. Видовой таксон **Профессиональная деятельность** представлен следующими подвидовыми таксонами: **Социальные роли. Профессии** (2%), **Строительство** (0,4%), **Механизм** (1,8%). В качестве примера можно привести следующий контекст: «Не зная законов тяготения, Демокрит механически понимал связи между атомами: его атомы держались друг за друга *крючочками*, дырочками, усыкали...» [33]. Примером метафоры, принадлежащей таксону **Социальные роли. Профессии**, является следующий контекст: «Война есть отец и **король** всего, но разум, **управляющий** миром, действует таким образом, что различные противоречивые факторы связываются, и из них возникает **наи-прекраснейшая гармония**» [34]. По воле созданной В. Татаркевичем метафоры война фигурирует в образе «короля», чья преходящая, ограниченная во времени власть противопоставляется истинному могуществу надмирной и вневременной власти разума.

Видовые таксоны с самыми низкими уровнями активности в данной группе – **Политика и война** и **Образование и наука**. Таксон **Политика и война** представлен подвидовыми таксонами **Политические реалии** (0,4%), **Боевые действия** (0,2%). В нижеследующем контексте философия, подвергающая свои теории строжайшему критическому анализу, метафорически уподобляется В. Татаркевичем воину, бросающемуся в атаку на врагов: «Это была философия, которая, запрещая любую разнородность, не смогла, тем не менее, развить свои собственные взгляды, но она смогла вместо этого *атаковать* более примитивные взгляды» [35].

Видовой таксон **Образование и наука** представлен такими подвидовыми таксонами, как **Музыка** (0,2%), **Язык** (0,2%), **Живопись** (0,6%), **Игра** (0,2%), **Религия** (0,2%). Например: «Как из немногих *цветов на палитре художника* появляется цветное изображение, так из немногих стихий возникают различные вещи» [36]. Данная метафора буквально «дышит» магией искусства, в ней творческая мощь единичного и частного служит мерой для силы созидания всеобщего и целого, т. е. художник с его палитрой становится образцом для творческой силы самой природы.

Домен **ПРИРОДА** подразделяется на видовые таксоны **Живая природа** (**Растения, животные**) и **Неживая природа** (**Физические явления, Пространство и ландшафт**). Видовой таксон **Живая природа** (**Растения, Животные**) значительно менее репрезентативен, чем таксон **Неживая природа** (**Физические явления, Пространство, Ландшафт**).

Таксон **Растения** показывает большую продуктивность в области семантического переноса по сравнению с таксоном **Животные**. В ходе анализа было выявлено, что видовой таксон **Растения** включает следующие подвидовые таксоны: **Растительный мир в общих чертах** (2,4%), **Общие внешние признаки** (1,2%). Например, в древнегреческой теории мироздания окружающая мир огненная сфера уподобляется древесной коре: «**Внешняя огненная сфера, как кора, окружает дерево**» [37].

Видовой таксон **Животные** представлен такими подвидовыми таксонами, как **Млекопитающие** (0,8%), **Пресмыкающиеся** (0,2%). Например: «**И если бы быки, кони и львы имели руки и могли ими рисовать и действовать, как люди, то кони рисовали бы коноподобных богов и свои тела им пририсовывали...**» [38].

Таксон **Природные явления** демонстрирует самую высокую продуктивность в области образного отождествления в группе видовых таксонов **Неживая природа**. Таксон **Природные явления** представлен подвидовыми таксонами **Физические явления** (20,8%), **Атмосфера** (0,8%), **Погода** (0,8%), **Время суток** (0,4%). В нижеследующем контексте изменчивая природа огня является эталоном для представления извечно меняющейся, становящейся действительности: «**Вселенную не создал ни один бог и ни один человек, но она есть и будет всегда живым огнём**» [39].

Таксон **Ландшафт** занимает вторую позицию по репрезентативности. Таксон **Ландшафт** характеризуется присутствием в тексте метафорических моделей **Дорога** (1,4%), **Углубление** (1,2%), **Водоём** (1%), **Возвышенность** (0,4%), **Часть суши** (0,4%), **Почва и минералы** (0,2%). В нижеследующем примере река представлена в качестве эталона для изменчивого мира: «**Образом реальности является река. Всё течёт, нет ничего устойчивого, дважды нельзя войти в одну и ту же реку, поскольку в ней текут уже другие воды**» [40].

Таксон **Пространство** представлен в рассматриваемой группе таксонов в наименьшей степени и составляет 3,6%. Например: «**С этого момента термин “философия” был уже более строго определён, и её область и предмет были выделены и отграничены от сферы других наук**» [41].

Подводя итоги, можно сказать, что максимально активными являются таксоны **Движения** и по-

ложе́ния (24%), а также Физи́ческие явле́ния (20,8%).

В результате исследования была выстроена метафорическая модель с определённым процентным соотношением таксонов. Количественное соотношение таксонов позволило нам описать эвалюацию, или установление эвалюативных соответствий между объектом эвалюации и его языковым эталоном, позволяющее сформировать представление об универсуме философского знания. Это позволяет нам предположить, что если определенные таксоны метафорической модели демонстрируют большую презентативность по отношению к остальным, то охватываемая преобладающими таксонами сфера реальной действительности является более ценной и более освоенной субъектом дискурса. Преобладание таксонов, указывающих на ценностные предпочтения, свидетельствует о том, что данная сфера переноса хорошо освоена субъектом дискурса.

Перспективы заключаются в продолжении дискурсивного исследования когнитивной метафоры во фрагменте труда В. Татаркевича «История философии», посвящённом средневековому периоду в развитии философской науки.

Примечания

1. Мишланова С. А., Шайхуллина Р. Г., Гуляева С. Ю. Экспликации антропоморфных концептов в наивном медицинском дискурсе // М-лы юбилейной научной сессии 2006 г. Пермь, 2006. С. 79–80.
2. Борботъко В. Г. Принципы формирования дискурса. М., 2007. С. 277.
3. Основы современной философии: учебник для высш. учеб. заведений / редкол.: М. Н. Розенко, Ю. Н. Солонин и др. СПб., 1997. С. 16.
4. Там же. С. 16.

5. Борботъко В. Г. Указ. соч. С. 54.
6. Основы современной философии. С. 273–274.
7. Борботъко В. Г. Указ. соч. С. 54.
8. Там же. С. 54.
9. Там же. С. 54.
10. Там же. С. 285.
11. Там же. С. 285.
12. Там же. С. 58.
13. Там же. С. 57.
14. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы и др. М., 1989. С. 494.
15. Гусев С. С., Тульчинский Г. А. Проблема понимания в философии. М., 1985. С. 63.
16. Там же. С. 64.
17. Гусев С. С. Наука и метафора. Л., 1984. С. 123.
18. Там же. С. 123.
19. Там же. С. 124.
20. Там же. С. 124–125.
21. Там же. С. 125.
22. Борботъко В. Г. Указ. соч. С. 57.
23. Татаркевич В. История философии. Пермь, 2000. С. 77.
24. Там же. С. 48.
25. Там же. С. 48.
26. Там же. С. 66.
27. Там же. С. 25.
28. Там же. С. 30.
29. Там же. С. 75.
30. Там же. С. 47.
31. Там же. С. 68.
32. Там же. С. 37.
33. Там же. С. 73.
34. Там же. С. 47.
35. Там же. С. 59.
36. Там же. С. 61.
37. Там же. С. 42.
38. Там же. С. 49.
39. Там же. С. 46.
40. Там же. С. 45.
41. Там же. С. 23.

УДК 81'373

B. B. Кафнюшина

ФУНКЦИИ КЛИШЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕТАКОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ «ПРИВЕТСТВИЕ»)

Настоящая статья представляет собой исследование лингвистических функций клише английского языка в сопоставлении с их русскими аналогами. На основе дискурсивного анализа коммуникативного события «приветствие» предпринимается попытка сделать выводы об основных характеристиках клише-приветствий, выявить их функции в дискурсах подобного рода. Основное внимание обращается на конвенциональность, ситуативную детерминированность и эффективность клише в коммуникации.

The present paper is dedicated to the study of the English cliché functions in comparison to their Russian analogues. There is an attempt taken to characterize clichés and their discourse functions on the basis of discourse analysis of the clichés in the form of greetings. We pay much attention to the clichés conventional characteristics, situational determinancy, and their effectiveness in the course of communication.

КАФНЮШИНА Вера Вениаминовна – аспирант кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета
© Кафнюшина В. В., 2009

Ключевые слова: клише-приветствие, метакоммуникация, дискурс, функции языка.

Keywords: cliché-greeting, meta-communication, discourse, language functions.

Особый интерес к установлению функций языка проявился в XX в. Однако сам термин «функция» трактовался, по мнению Н. А. Слюсаревой, различно, в зависимости от того понимания, которое ему приписывал лингвист, изучающий один из интересующих его аспектов языка [1]. В 70–80-х гг. XX столетия, как пишет Н. А. Слюсарева, М. А. К. Халлидей и его последователи связали функции языка с его реализацией в системе и структуре языка [2]. В свою очередь, Ю. С. Степанов на основе семиотического принципа вывел три функции языка: номинативную, синтаксическую и прагматическую, как универсальные свойства языка, соответствующие трём аспектам общей семиотики: семантике – номинация, синтаксике – предикация, прагматике – локация [3]. Таким образом, очевидно, что исследователи начинают приходить к более общим трактовкам, говоря об универсальности функций, связывая их с реализацией языковых средств в системе и структуре языка.

На современном этапе изучение функций лексических единиц в языке вызывает особый интерес в связи с расширением сферы исследования, появлением в лингвистике таких понятий, как дискурс, дейксис дискурса. На наш взгляд, последнее выявляет необходимость установления средств системы и структуры языка, которые служат той или иной функции коммуникации.

В свете предлагаемой работы наиболее близким пониманием функций языка является видение предмета Б. Ю. Норманом [4]. Исследователь говорит о таких основных функциях языка, как коммуникативная, мыслительная, познавательная, номинативная и регулятивная. Коммуникативная функция – функция передачи информации; мыслительная, или когнитивная – умение человека думать посредством языковых единиц; познавательная – функция накопления знаний с использованием средств языка; номинативная – способность языка называть предметы и явления окружающей действительности. Применительно к нашей работе особую значимость приобретает регулятивная функция языка, которая, согласно Б. Ю. Норману, направлена на «создание, поддержание и регулирование отношений в человеческих микроМКСах», в её сферу входит установление отношений между участниками коммуникативного события [5]. Следовательно, языковые клише, которые «осуществляют реальное, активное регулирование процесса общения, путём установления, поддержания или размыкания речевого контакта» [6], входят в сферу именно регулятивной функции языка.

Говоря о регуляции языкового общения, мы подразумеваем, что клише организуют дискурс, а поскольку сами они являются дискурсивными единицами, что было доказано нами в работе «Дискурсивные особенности клише английского и русского языков» [7], более того, клише – это знаки дискурса, то мы, вслед за М. Л. Макаровым, говорим о самоорганизации дискурса [8], что в свою очередь требует ввода такого понятия, как «метакоммуникация». Под «метакоммуникацией» мы, соглашаясь с В. В. Стрибижевым, понимаем «обеспечение социально приемлемого, ситуативно детерминированного, эффективного в отношении реализации коммуникативных намерений говорящего, а также комфорtnого протекания коммуникативного акта на всех его этапах» [9].

Поскольку нами были изучены примеры английского и русского дискурсов, то немаловажным оказалось и изучение особенностей международного общения на данных языках.

В процессе межкультурной коммуникации одним из основополагающих моментов является инициация разговора. В этом случае общение, с точки зрения используемых единиц, как будто бесцельно: коммуникантам не важна та информация, которую они сообщают друг другу, они не стремятся выразить свои эмоции или воздействовать друг на друга. Им важен только контакт, который подготовит дальнейшее, уже содержательное, общение. В таких случаях язык, по мнению Н. Б. Мечковской, выступает в своей фатической функции (лат. fateri – выказывать, показывать, обнаруживать). Фатическая функция (функция контакта, ассоциативная функция) является основной в приветствиях, поздравлениях, в дежурных разговорах о погоде, городском транспорте и других общеизвестных вещах [10]. При этом собеседники интуитивно чувствуют своего рода нормы допустимой глубины или остроты таких разговоров. Иными словами, общение идет ради общения, оно сознательно или обычно неосознанно направлено на установление или поддержание контакта.

Содержание и форма контактоустанавливающего общения, по мнению Н. Б. Мечковской, варьируется в зависимости от пола, возраста, социального положения, взаимоотношений говорящих, однако в целом коммуникативное событие подобного рода стандартно и минимально информативно с точки зрения фактуальной информации. Ср. клишированность поздравлений (Merry Christmas, Happy birthday, Happy New Year), начальных и конечных фраз в письмах (Dear, Sir, Madam, Best wishes, Best regards), приветствий (Hello, How are you, How do you do) и вообще высокую предсказуемость текстов, выполняющих фатическую функцию (Hello, Paul! How are you? I haven't seen you for ages! What have you been doing since I last saw you? ; I'm looking forward to spring arrives. Winter seems to be with us for months [11]).

Однако информативная недостаточность таких разговоров отнюдь не означает, что этот вид коммуникации не нужен или не важен людям и обществу в целом. Сама стандартность, поверхность и лёгкость фатических контактов помогает устанавливать характер взаимоотношений между людьми, преодолевать разобщённость индивидуумов и их некоммуникабельность.

Диалог, представляющий собой ситуативный коммуникативный акт, характеризуется определённым набором этикетных формул, особенно в начале или в конце, а также при смене темы. Подобная языковая тенденция направлена на установление контакта между коммуникантами и проявляется в фатической (контактоустанавливающей) функции языка, выраженной традиционными языковыми средствами. Последнее, однако, можно также описать как регуляцию взаимоотношений коммуникантов, а языковые единицы, используемые для регулирования коммуникативного события, составляют метакоммуникативную часть общения. Например:

LIZA: How do you do, Mrs. Higgins? Mr. Higgins told me I might come.

MRS. HIGGINS: Quite right. I'm very glad indeed to see you [12].

ЛАЙЗА: Здравствуйте, миссис Хиггинс. Мистер Хиггинс сказал, я могу прийти.

МИССИС ХИГГИНС: Совершенно верно, я очень рада вас видеть.

Фраза “How do you do, Mrs. Higgins?” [буквально: «Как Вы делаете, миссис Хиггинс?»] может быть воспринята только как приветствие (Здравствуйте, миссис Хиггинс).

По своему синтаксическому составу “How do you do, Mrs. Higgins?” является вопросительным простым предложением, в состав которого входит обращение: Mrs. Higgins. В качестве субъекта выступает местоимение второго лица множественного числа – you, предиката – глагол do в форме инфинитива. Вспомогательный глагол do используется для построения вопросительного предложения и указывает на то, что действие относится к простому настоящему времени; вопрос начинается с вопросительного местоимения how (как). Микроситуации будут описываться в соответствии с методикой, предложенной Т. А. ван Дейком [13].

Тип ситуации: Институциональная. Публичная.

Фрейм: Знакомство. Приветствие.

А. Структура фрейма

- Место: ипподром.
- Функции: F(X): пожилая дама, мать.
G(Y): молодая женщина.

• Свойства: X выглядит старше Y, они не знакомы, X является матерью учителя Y, Y не вращалась до этого в высших кругах общества.

• Отношения: Y должна проявлять уважение к X.

• Позиции: X и Y знакомятся, приветствуют друг друга.

В. Фреймы конвенциональных установлений

1. Каждый приходящий на скачки должен показать себя достойным членом общества.

2. Каждый приходящий на ипподром должен уметь поддерживать легкую, непринужденную беседу.

3. Приветствие является неотъемлемой частью знакомства.

4. При первом знакомстве разговор не должен касаться личных дел собеседника.

Отвечающая ситуации последовательность действий (слушающего):

Макродействие: X знакомится с Y на ипподроме.

Предшествующая деятельность: X приехала на ипподром, прошла на свои места, поздоровалась с присутствующими, увидела сына с молодой женщиной, сын знакомит их.

Отвечающая ситуации последовательность действий (говорящего):

Макродействие: Y знакомится с X.

Предшествующая деятельность: Y приехала на ипподром с сыном X, они прошли к местам, где обычно сидят X, увидели X, подошли, познакомились.

Таким образом, информация о прагматическом дискурсе позволяет сделать вывод, что данное высказывание – это приветствие. Оно не требует от собеседника развернутого ответа, но обязательно требует ответной реплики: I'm very glad indeed to see you, которая строго ограничена рамками синтаксической конструкции и лексическим составом. Кроме того, в роли клише выступает целое предложение, которое нельзя разбить на части либо распространить. Следовательно, именно данное выражение является знаком коммуникативного события – приветствия. Поскольку мы знаем, что

подобные ситуации являются началом коммуникации, то клише в этом случае выступают в роли организаторов дискурса.

MRS. EYNSFORD HILL (*to Mrs. Higgins*). How do you do? [They shake hands] [14].

МИССИС АЙНСФОРДХИЛЛ (*к миссис Хиггинс*)
Здравствуйте! (они пожимают руки).

Фраза «How do you do?» [Здравствуйте] является по форме вопросительным простым предложением. В качестве субъекта выступает местоимение второго лица множественного числа – *you*, предиката – глагол *do* в форме инфинитива. Вспомогательный глагол *do* используется для построения вопросительного предложения и указывает на то, что действие относится к простому настоящему времени; вопрос начинается с вопросительного местоимения *how* (как).

Тип ситуации: Институциональная. Публичная.

Фрейм: Приветствие.

А. Структура фрейма

- Место: Дом, гостиная.
- Функции: F(X): пожилая дама.
G(Y): пожилая дама.

• Свойства: X предположительно одного возраста с Y, X устраивает званый ужин, X является хозяйкой дома, Y в гостях.

- Отношения: Y является знакомой X, Y гостья X.

- Позиции: X и Y приветствуют друг друга.

Б. Фреймы конвенциональных установлений

1. Подобные вечера устраиваются еженедельно, и каждый приходящий туда должен показать себя достойным членом общества.

2. Все гости, так или иначе, знакомы.

3. Приветствие является неотъемлемой частью встречи гостей.

4. При приветствии разговор не должен касаться личных дел собеседника.

Отвечающая ситуации последовательность действий (слушающего):

Макродействие: X пожимает руку Y, которая пришла к ней в гости.

Предшествующая деятельность: X пригласила Y в гости и до прихода Y находилась в гостиной вместе с сыном, служанка объявила о приходе Y, X представила Y своего сына.

Отвечающая ситуации последовательность действий (говорящего):

Макродействие: Y здоровается с X.

Предшествующая деятельность: Y приехала в гости к X с дочерью, они прошли в гостиную, где обычно собираются гости, увидели X, подошли, поздоровались.

Исходя из pragматического контекста данного вида дискурса становится очевидно, что, в отличие от предыдущего примера, собеседники уже были знакомы. Их социальное положение можно охарактеризовать как равное, которое соответственно не требует каких-либо дополнительных проявлений уважения, кроме непосредственного намерения обеих сторон приветствовать друг друга. Тип ситуации значительно отличается от первого примера, так как он не является публичным, вся сцена проходит в кругу знакомых, в доме одного из участников коммуникативного акта. Однако коммуникант «Y» использует ту же фразу, что и в первом примере, а коммуникант «X» отвечает не репликой, но пожатием руки. Пожатие рук также можно считать ответной реакцией, дискурсивной номинацией, следовательно, и в данном примере приветственная вербальная реплика не осталась без ответа, но получила невербальную ответную реакцию.

Следующий пример дискурса также взят из пьесы «Пигмалион» Дж. Б. Шоу, тип коммуникативной ситуации идентичен первому примеру, но участники отличаются не только по социальному признаку.

PICKERING. How do you do, Miss Doolittle?

LIZA (*shaking hands with him*). Colonel Pickering, is it not? [15]

ПИКЕРИНГ. Здравствуйте, мисс Дулитл!

ЛАЙЗА (*пожимая ему руку*). Полковник Пикеринг, не так ли?

Фраза “How do you do, Miss Doolittle?” по своему синтаксическому составу является вопросительным простым предложением, в состав которого входит обращение: *Miss Doolittle*. В качестве субъекта выступает местоимение второго лица множественного числа – *you*, предиката – глагол *do* в форме инфинитива. Вспомогательный глагол *do* используется для построения вопросительного предложения и указывает на то, что действие относится к простому настоящему времени; вопрос начи-

нается с вопросительного местоимения *how* (как). Следуя методике Т. А. ван Дейка, представим анализ ситуации высказывания.

Тип ситуации: Институциональная. Публичная.

Фрейм: Приветствие.

А. Структура фрейма

- Место: ипподром.
- Функции: $F(X)$: мужчина.

$G(Y)$: молодая женщина.

• Свойства: X является другом учителя Y, X старше Y, они знакомы, X хорошо знаком со всеми присутствующими и знает, как себя вести в подобных ситуациях, Y не вращалась до этого в высших кругах общества.

- Отношения: Y должна проявлять уважение к X.

- Позиции: X и Y приветствуют друг друга.

В. Фреймы конвенциональных установлений

1. Каждый приходящий на скачки должен показать себя достойным членом общества.

2. Каждый приходящий на ипподром должен уметь поддерживать легкую, непринужденную беседу.

3. Приветствие является неотъемлемой частью встречи.

4. Первым слова приветствия должен произносить мужчина.

5. В подобных ситуациях разговор не должен касаться личных дел собеседника.

Отвечающая ситуации последовательность действий (слушающего):

Макродействие: Y здоровается с X на ипподроме.

Предшествующая деятельность: Y приехала на ипподром с учителем, другом X, они прошли к местам, где обычно сидят X, увидели X, подошли, поздоровались, Y пожала руку X.

Отвечающая ситуации последовательность действий (говорящего):

Макродействие: Y здоровается с X.

Предшествующая деятельность: X приехал на ипподром, прошёл на своё место, поздоровался с присутствующими, увидел друга с молодой женщиной, поздоровался с ней.

Таким образом, информация о прагматическом дискурсе позволяет сделать выводы, что данное высказывание есть приветствие. Оно не требует от собеседника развернутого ответа, но обязательно требует ответной реакции: пожатие рук, фраза “Colonel Pickering, is it not?” [Полковник Пикеринг, не так ли?]. Кроме того, в роли клише выступает целое предложение, которое нельзя разбить на части либо продолжить. В данном примере участники коммуникативного акта уже были знакомы, но уровень социального положения у них значительно отличается, тем не менее, приветственная фраза не меняется, а первым произносит её человек, чей социальный статус выше. Последнее объясняется тем, что собеседники – мужчина и женщина, а соблюдая ритуалы общения, первым должен здороваться мужчина, если они знакомы. Наличие обращения может также свидетельствовать о том, что коммуниканты знакомы и относятся друг к другу с уважением.

Следующий пример отличается от всех предыдущих и положением в обществе, и возрастом участников коммуникации, и типом ситуации, конвенциональными установлениями:

HOSTESS (*taking Eliza's hand*). How d'ye do?

HOST (*same play*). How d'ye do? How d'ye do,
Pickering?

LIZA (*with a beautiful gravity that awes her hostess*). How do you do? (*She passes on to the drawing room*) [16].

ХОЗЯЙКА (беря Элейзу за руку). Здравствуйте!

ХОЗЯИН (*та же сцена*). Здравствуйте! Здравствуйте, Пикеринг!

ЛАЙЗА (*с торжественностью, которую внушала хозяйка*). Здравствуйте! (она проходит в гостиную).

Фраза “How d'ye do?” [Здравствуйте] является вопросительным простым предложением, сокращённой формой приветствия «How do you do?», подобная форма произношения может свидетельствовать о социальном диалекте. В качестве субъекта выступает местоимение второго лица множественного числа – *you* (уе), предиката – глагол *do* в форме инфинитива. Вспомогательный глагол *do* (*d'*) используется для построения вопросительного предложения и указывает на то, что действие относится к простому настоящему времени; вопрос начинается с вопросительного местоимения *how* (как).

Тип ситуации: Институциональная. Публичная.

Фрейм: Приветствие. Знакомство.

А. Структура фрейма

- Место: Дом, вход в гостиную.
- Функции: F(X): пожилая дама, хозяйка дома.
G(Y): молодая дама, гостья.
H(Z): пожилой мужчина, хозяин дома.

• Свойства: X, Z старше Y; X, Z устраивают званый ужин, X является хозяйкой дома, Z хозяин дома, Y в гостях, Z, X занимают высокое положение в обществе, Y впервые находится в подобной ситуации.

- Отношения: X и Z – супруги, Y не знакома с Z и X, Y гостья X и Z.

- Позиции: X, Z и Y приветствуют друг друга, знакомятся.

В. Фреймы конвенциональных установлений

1. Подобные вечера устраиваются редко, и каждый приходящий туда должен показать себя достойным членом общества.

2. Для гостей знакомство друг с другом не обязательно.

3. Приветствие является неотъемлемой частью встречи.

4. Хозяева вечера встречают, знакомятся, приветствуют гостей.

5. Хозяева первыми приветствуют гостей.

6. При приветствии, знакомстве разговор не должен касаться личных дел собеседника.

Отвечающая ситуации последовательность действий (слушающего):

Макродействие: Y приветствует X и Z, которые встречают гостей.

Предшествующая деятельность: Y была приглашена в гости к X и Z, Y сопровождает мужчина, который знаком с хозяевами, они подходят к X и Z, Y волнуется.

Отвечающая ситуации последовательность действий (говорящего):

Макродействие: X, Z приветствуют, здороваются с Y.

Предшествующая деятельность: X и Z пригласили гостей, слуги объявляют о приходе Y, X берёт руку Y, X приветствует Y, Z приветствует Y.

Следуя прагматическому контексту данного вида дискурса, следует отметить, что коммуникативный акт проходит в условиях относительного социального равенства (гостья представлена хозяевами как равная по положению в обществе). Собеседники не равны по возрастному критерию: гостья моложе хозяев; один из участников – мужчина, однако первой приветствие произносит его жена – хозяйка. Сама фраза приветствия не изменилась по своему лексическому составу, присутствует и ответная реплика, несмотря на то, что фрейм ситуации отличается от всех остальных примеров. Отсутствие обращения говорит о том, что коммуниканты не были знакомы, наличие обращения во второй реплике относится к спутнику Y и не входит в контекст анализируемого вида дискурса.

Необходимо отметить тот факт, что все приведённые выше фразы приветствия были произнесены участниками коммуникативного акта в самом его начале, что доказывает строго регламентированное в дискурсе место подобных выражений. Место языковых единиц, оформляющих ритуал общения в дискурсе, играет огромную роль, и этот фактор рассматривается в данном исследовании как основной для трактовки клишированности языковой единицы.

Все приведённые выше примеры приветствий были выражены посредством фразы “How do you do?”, которая всегда открывала разговор и требовала ответной реакции, несмотря на равенство или неравенство участников коммуникативного акта по социальному статусу, разнице в возрасте, наличие либо отсутствие факта знакомства, тип коммуникативной ситуации, фреймов конвенциональных установлений, отношений между участниками. Во всех случаях данное выражение соответствовало русскому «Здравствуйте», что также является доказательством клишированности данной лексической единицы для носителей русского языка. Следовательно, данное выражение является речевым стандартом, шаблоном, это наиболее привычная для коммуникантов форма выражения приветствий, она относится к готовым формулам выражения интенций говорящего. Исходя из рабочего определения «клише», в котором говорится, что подобные лексические единицы являются речевым стереотипом, шаблоном, утратившим свою экспрессивность, можно сделать следующий вывод: приветственная фраза “How do you do?” является клишированным выражением. Кроме этого, необходимо отметить, что многие исследователи определяют клише как устаревшую и неуместную фразу. Так, по определению И. В. Арнольд, «the term (*cliché*) is used to denote such phrases as have become hackneyed and stale. Being constantly and mechanically repeated they have lost their original expressiveness and so are better avoided» [этот термин (клише) используется для обозначения избитых и утративших новизну фраз. Будучи постоянно и механически повторяемы, они утратили свою первоначальную выразительность, подобных фраз лучше избегать в речи] [17]. Авторы Оксфордского словаря анг-

лийского языка приводят следующее определение: “Cliché – a phrase or an idea which is used so often that it is no longer interesting, effective or relevant” [Клише – это фраза, или идея, используемая в речи настолько часто, что больше не является интересной, эффективной либо уместной] [18]. Приведённые примеры выражения приветствия свидетельствуют о ритуальности общения, конвенциональности содержания словосочетаний, они не могут быть определены как устаревшие или современные, они свидетельствуют о том, что это наиболее удобная, приемлемая как для британского, так и для русского социума, всем понятная форма выражения конвенциональных тематико-ситуативных намерений. Под тематико-ситуативной спецификой разговорной речи нами понимается акт реальной коммуникации и его прагматичность.

Таким образом, фатическая функция клише английского и русского языков в метакоммуникации – это функция установления контакта в форме приветствий, а следовательно, и тех фраз, которые выступают в роли приветствия.

Примечания

1. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981. С. 564–565.
2. Там же.
3. Степанов Ю. С. Структура современной семиотики. М.: Наука, 1967. С. 135.
4. Норман Б. Ю. Теория языка. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.
5. Там же. С. 84.
6. Стрибижев В. В. Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция. Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss/06/0001/060001025.pdf>. С. 46.
7. Кафнююшина В. Дискурсивные особенности клише английского и русского языков // Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное изучение языков и культур: сб. м-лов междунар. науч. конф. XXV Дульзоновские чтения. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. С. 167–174.
8. Макаров М. А. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. С. 198.
9. Стрибижев В. В. Указ. соч. С. 42–43.
10. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 9.
11. Там же. С. 10.
12. Шоу Б. Избранные пьесы. М.: «Менеджер», 2002. С. 66.
13. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 31–32.
14. Шоу Б. Указ. соч. С. 63.
15. Там же. С. 66.
16. Там же. С. 81.
17. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Высш. шк., 1973. С. 163.
18. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by J. Crowther. Fifth edition. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 208.

УДК 811.112.2'276

Л. М. Шатилова

ИМПЛИЦИТИНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Имплицитная информация – это та информация, для получения которой требуются усилия слушателя, не сводимые к сопоставлению языковым единицам их значений. В статье рассматриваются немецкие и русские имплицитные благопожелания обобщенного плана, несущие скрытую семантику. Производится типологический анализ данных пожеланий, в результате которого выявляются как сходства, так и различия в обоих сопоставляемых языках.

ШАТИЛОВА Любовь Михайловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Мичуринского государственного аграрного университета
© Шатилова Л. М., 2009

Implicit information is that information to get which it requires efforts of listener not coming to comparing language units and its meanings. German and Russian implicit wishes of good generally having hidden semantics are studied in the article. Typological analyses of these wishes is being done following its similarities and differences in both comparable languages are discovered.

Ключевые слова: имплицитная информация, благопожелания, микрополе, этимология, типология, языковая система.

Keywords: implicite information, wishes of good, microfield, etymology, typology, language system.

Любое описание языковой системы и производимый на его основании анализ какого-либо текста устанавливает соответствие между выражением и содержанием. Однако вследствие асимметрического дуализма знака это не взаимно-однозначное соответствие, ср.: «Мы извлекаем (понимаем) из отдельного высказывания значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании» [1].

Задача полного установления и отражения содержания заставляет учитывать фрагменты смысла, которые не вполне находят выражение в устной и письменной речи. Это может быть связано с актуализацией общих знаний о мире, с расчетом на собственные мыслительные действия говорящего. Сюда же относится и извлечение дополнительной информации из сообщения с привлечением сведений о свойствах языка: понимание интонации, служебных слов, синтаксических конструкций. Наконец, понимание несказанного возможно за счет знаний pragматического характера, т. е. представлений о речевых стратегиях говорящего, о традициях речевого этикета.

Существует два подхода к определению имплицитности с точки зрения выражаемости. А. В. Бондарко считает имплицитными семантические элементы, не выраженные явно, но вытекающие из эксплицитно выраженных средств. Другие ученые, например Е. И. Шендельс, П. А. Лекант считают, что «не может быть не выраженного смысла». Неявное выражение смысла возможно за счет содержательных импликаций, осуществляемых в процессе речевой деятельности [2].

Имплицитное содержание текста представляет собой основной предмет таких научных дисциплин, как герменевтика, а в значительной степени и литературоведение. Имплицитная информация – это та информация, для получения которой требуются усилия слушателя, не сводимые к сопоставлению языковым единицам их значений (то есть «опознанию» единиц в тексте).

Имплицитной можно считать ту информацию, которая передается благодаря лексике и которая является вербализуемой, но невербализованной (т. е. требующей комментария для однозначного понимания), а также факультативной. Основным признаком такой информации является то, что ей сопутствует ряд речемыслительных операций, не сводимых к простому отождествлению значения лексем. Это, в первую очередь, логический вывод из значения слова, а нередко и из контекста, из фоновых знаний. Кроме того, имплицитная информация может быть связана с ассоциациями, также дополняющими то содержание, которое воспринимает слушающий.

Рассмотрим более подробно немецкие и русские имплицитные благопожелания обобщенного плана, несущие скрытую семантику. К разряду имплицитных высказываний можно отнести устойчивые выражения, поговорки, обладающие этим значением.

«Обобщенные пожелания» в нашем случае означают пожелания добра, блага в общем плане.

Схематично микрополя обобщенных пожеланий добра в сравниваемых языках можно представить следующим образом:

Сопоставление показывает отсутствие сходства в структуре данных микрополей.

В немецком языке с данным значением встречаются следующие пожелания.

Обдуманные действия:

– *Nur keine jüdische Hast!* (*Только не еврейская поспешность, горячность!*);

– Поступай обдуманно!

Успешного завершения:

а) в чьей-либо деятельности:

– *Der Schlag soll jemandem treffen!* (*Удар должен обязательно на кого-нибудь попасть!*);

– Успеха в начатом деле!

б) объективных обстоятельств:

– *Ich wünsche, der Sommer nähme ein gutes End!* (*Я желал бы, чтобы лето хорошо закончилось!*);

– Чтобы все сложилось и получилось (у Вас, тебя и т. д.)!

Следовательно, невысказанной семантикой, имплицитно представленной семой микрополя обобщенных пожеланий добра немецкого языка, является осуществление действий человека. При этом осуществляется пожелание добра, с одной стороны, когда действие еще не начато, но за счет обдуманности принятых решений, отсутствия поспешности (*keine jüdische Hast*) оно нацелено на успех. А с другой стороны, действие уже начато, и оно также нацелено на успех за счет стараний самого человека (*treffen – попасть*) и использования объективных условий осуществления этого действия (*ein gutes End*). Таким образом, обобщенные пожелания добра, представленные в виде устойчивых выражений, предусматривают реализацию успешного завершения действия. Можно предположить, что имплицитность в обобщенных пожеланиях добра немецкого языка – это пожелания успеха.

Необходимо более подробно проанализировать семантику ключевых слов немецких высказываний.

зываний. Почему при пожелании обдуманности действий употребляется лексема *Hast* (поспешность) в немецком языке? Рассмотрим этимологию данного слова.

Слово *Hast* означает «возбуждаемая посредством внутреннего волнения или беспокойства тревога»; «поспешность, спешка, нетерпение». Существительное *hast* появилось в нововерхненемецком языке в конце XVI в. из средневерхненемецкого языка и означало «спешка, торопливость, гонка, поспешность, стремительность». Данное слово пришло из нидерландского *haast* (средне-нидерландский *hast(e)*), из древнефранцузского *baste* (соответствует французскому слову *bate*) «поспешность, торопливость» [3]. Таким образом, этимология данного слова подтверждает основную семантику высказывания имплицитного пожелания обдуманности действия.

Рассмотрим более подробно этимологию ключевого слова *treffen* – высказывания успешного завершения в чьей-либо деятельности.

Treffen – « попадать в цель », « достигать », « встречать ». Данное слово является производным от индоевропейского корня **ter* – « бить », « ударять, тереть, резать, отрезать » (сравните **trep* – « поворачивать, обращать, тратить, вращать », « двигаться, передвигаться, вращаться »). Из этимологии видим, что основное значение « направленности действия » присутствует в данном слове.

Следует более подробно проанализировать семантику имплицитных высказываний для выражения обобщенных пожеланий добра в русском языке. Сюда входит такой сектор, как **здоровье**:

- Сорочке б тонеть, а тебе (мое дитятко) добреть! – пожелание ребенку;
- Добром – так вспомни, а злом, так помни! – пожелание икающему;
- Сто рублей на мелкие расходы! – пожелание икнувшему;
- Чтобы платьице тонело, а хозяйушка добрела! – пожелание здоровья хозяйке дома.

Необходимо более подробно остановиться на ключевых словах некоторых высказываний и рассмотреть их происхождение.

Слово *тонеть* означает «изнашиваться» и образовано от слова *тонкий* (ср. в других славянских языках: украинский *тонкий*, древнерусский *тѣнѣкъ*, старославянский *ТЬНЪКъ*, церковнославянский *ТЬНОСТЬ*, болгарский *тѣнѣкъ*, сербохорватский *тѣнак*, словенский *tenek* – «тонкий, скудный, точный», *tәneti* – «делаться тонким», чешский, словацкий *tenky* – «тонкий» [4]. Из этимологии видим, что основное значение данного слова – «делаться тонким», то есть в нашем случае «изнашиваться».

Что же означает слово *добреть* в данном высказывании?

Добреть имеет следующие значения в словаре: « становиться добрым или более добрым » и « становиться толстым или более толстым ». Данний глагол образован от прилагательного *добрый*. Ср. в других славянских языках: украинский *добрий* – «добрый», «хороший», «настоящий», *добрити* – «задабривать», *добріти* – «добреть»; белорусский *добрый* – «добрый», болгарский *добѣр* – «добрый», сербскохорватский *добар*, «доброяти» – «проявлять доброту», «благоденствовать»; словенский *dober*, чешский и словацкий *dobry* – «добрый», «хороший», «полезный». Данное слово родственно латинскому *faber* – «ремесленник, художник», древневерхненемецкому *taffer* «храбрый, крепкий, плотный». В нашем случае слово «добреть» в данном высказывании означает «полнеть, становиться полным, крепким». Данное значение, как мы видим, происходит из этимологии этого слова.

Рассмотрим более подробно словосочетание «мелкие расходы». В словаре слово *мелкий* имеет следующее значение: «некрупный, дробный, малый, небольшой». В этимологии данного слова присутствует только значение «мелкий», «неглубокий» (ср.: украинский *мілкий*, древнерусское, церковнославянское *мѣлѣкъ*, сербохорватский *миоки* «мелкий, неглубокий», словенский *miški* «неглубокий», нижнелужицкое *tjaſki*). Вероятно, данное слово произошло от *мелю, молотъ* с удлинением вокализма. Современное значение, таким образом, не связано с его этимологией. Само словосочетание «мелкие расходы» означает в нашем случае «небольшие затраты».

Следовательно, здоровья желают в имплицитных высказываниях обобщенного плана трем различиям адресатов:

- детям;
- хозяйке дома;
- икающим людям.

Почему это так? Детям желают здоровья, так как они часто болеют, с одной стороны, а с другой стороны, пожелание именно в имплицитной форме связано с культурными традициями народа «беречь детей от злого глаза». Хозяйке дома желают в такой форме здоровье, вероятнее всего, в связи с тем, что она выполняет в русской семье много работы. Икающий становится адресатом такой имплицитной формы пожелания здоровья, возможно, потому, что икота всегда неприятна для окружающих и самого икающего, при общении хотят от нее быстрее избавиться. И еще одно обстоятельство: икота является порой проявлением скрытой болезни.

Отдельным сектором являются имплицитные высказывания пожелания прочности покупки:

- Сто лет носить, на другую сторону переворотить, да опять носить! – пожелание купившему обнову.

Прочность покупки связана в этом случае именно с одеждой, а не с обувью. Данное обстоятельство, вероятнее всего, объясняется культурными традициями русского народа беречь одежду, которая в основном всегда покупалась, приобреталась. А обувь изготавливалась из подручных средств (сами плели лапти, валяли валенки) или ходили босиком.

Значение «Божья благодать» – общее содержание в имплицитных высказываниях, образующих отдельную часть микрополя.

– Покров Божий над тобою! – общее благопожелание;

– Дай Бог в честь да в радость (в лад да в сладость)! – общее благопожелание.

Рассмотрим подробнее значения тех слов, которые, на наш взгляд, нуждаются в толковании. Так, слово *Покров* является названием одного из церковных праздников, отмечаемого православной церковью 1 октября по новому стилю и 14 октября – по старому. Данное слово образовано от *кров*, *крыть*. Этот праздник был введен в XII в. православной церковью в память об избавлении Константиноополя от сарацин, которое на основании видения Андрея Салосского было приписано Богородице. По народному поверью – день, подходящий для свадеб: *пришел покров девкам головы крыть*.

Таким образом, в пожеланиях Божьей благодати можно обнаружить продолжительность существования добра в жизни людей, которое ассоциируется с защитой и заступничеством (стоит упомянуть присутствие церковного праздника Покрова Пресвятой Богородицы как заступницы всех людей), радость, сладость жизни, отсутствие раздора в семье.

В состав микрополя русских обобщенных пожеланий добра входят и имплицитные высказывания – пожелания «счастливой жизни»:

– Чистого неба! – пожелание всем счастливой жизни;

– Чистого неба, душистого хлеба, ключевой воды да счастливой судьбы (и никакой беды)! – благопожелание общего плана.

Счастье ассоциируется с чистотой неба, что означает отсутствие войны. Оно же ассоциируется с материальным достатком в еде и питье, но именно еда – это хлеб, а питье – это всегда вода, а уже потом судьба. Это значит, что счастливая жизнь ассоциируется исключительно с объектив-

ными обстоятельствами. Возможно, имплицитно отмечается сходство в пожеланиях успеха немецкого языка с учетом объективных обстоятельств и общих пожеланий имплицитных высказываний русского языка.

Следовательно, можно отметить основную сему, присутствующую в имплицитных пожеланиях добра – обобщенного характера типа «благоприятного стечения объективных обстоятельств», не зависящих от самого человека. Итак, если в немецком языке основной семой имплицитных высказываний – обобщенных пожеланий добра является действие самого человека, нацеленного на успех, то в русском языке это пожелание хорошего, благоприятного исхода обстоятельств, сопутствующих жизни людей.

Однако сопоставление показывает, что в сравниваемых языках в данной тематической группе присутствует сходство в возможности пожелания добра как антоним, противопоставление при номинации зла, ср.: *Nur keine jüdische Hast; Сорочек б тонеть, а тебе, мое дитятко, добреть*.

Интересно отметить, что при этом в немецком языке в таком пожелании называется только антоним, понятие типа *jüdische Hast*, а в русском языке называется и плохое и хорошее, ср.: «тонеть – добреть»; «добром – злом»; «вспомнить – помнить»; «сто рублей – мелкие расходы».

Следовательно, в сравниваемых языках в данной тематической группе можно констатировать присутствие частичного сходства в выражении значения пожелания добра за счет номинации антонимических явлений, а также специфичность состава самих микрополей имплицитных высказываний, демонстрирующих обобщенные пожелания добра.

Примечания

1. Звегинцев В. А. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Лекант П. А. Коннотации высказывания // Проблемы семантики высказывания: выраженный и имплицитный смысл: тезисы краевой науч. конф. 30 сент. – 2 окт. 1986. Красноярск, 1986; Шендельс Е. И. Имплицитность в грамматике // Сб. науч. тр. МГПИИ им. М. Тореза. Вып. 112. М., 1997.
3. Duden. Das Herkunftswoerterbuch. Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich: Meyers Lexikonverlag. 1989.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2004.

Л. В. Алатырцева

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВАЗИИ В НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В статье дана характеристика малоизученному в лингвистике понятию эвазии, представлено авторское определение, обозначена роль эвазии в коммуникации и ее основном виде – диалоге. Автором приводятся некоторые виды, формы и сигналы эвазии, а также комплекс факторов, влияющих на них.

The present article is devoted to a very little-studied phenomenon of evasion, it presents the author's definition of evasion and the role of evasion in communication and its major form – a dialog. The author gives some types, forms and signals of evasion, and also a complex of factors, effecting them.

Ключевые слова: эвазия, немецкая разговорная речь, коммуникация.

Keywords: evasion, Colloquial German Speech, communication.

Немецкий философ Ю. Хабермас пишет, что «социальные интеракции могут быть более или менее кооперативными и стабильными, более или менее конфликтными и нестабильными» [1]. Его, как и других современных ученых, волнует вопрос установления взаимопонимания между людьми, и если, по его мнению, теория общества озабочена проблемой социального порядка, то теория действия, в том числе коммуникативного и речевого, пытается установить, как участники интеракции могут координировать планы своих действий [2]. Часто даже в рамках одной культуры происходят коммуникативные сбои, мешающие осуществлению интенций партнеров, тем более важным является изучение трудностей межкультурной коммуникации.

Сигналом такого возможного сбоя является эвазия, или эвазивное речевое поведение. Под эвазией понимается усложненная речевая форма, в основе которой лежит уклонение от коммуникации вообще или на определенную тему, в результате чего намерения одного или обоих партнеров оказываются невыполнеными. Это явление может играть в речи как положительную, так и отрицательную роль. Положительная сторона заключается, во-первых, в том, что разговорной речи в принципе не может быть без эвазии, потому что разговорная речь не прогнозируема, спонтанна, нерегламентирована, в ней невозможно избежать асимметричных ситуаций при столкновении разных интенций и уровней знания. Положительный эффект эвазии достигает-

ся, например, когда при помощи эвазивной реплики будет задан поворот к окончанию беседы, которая исчерпала себя, она же поможет вежливо завершить общение, если превышены определенные временные или моральные лимиты, а также защититься от нападок и чрезмерного вторжения в личную жизнь. Например, высказывания *“Ich muss jetzt Schluss machen”* или *“Und noch eine Frage ganz zum Schluss”* уже сигнализируют, что интеракция подходит или должна быть подведена к концу.

Однако по сути своей эвазия является отрицательным явлением с точки зрения непрерывности коммуникативного процесса. Представляется возможным выделить различные типы эвазии в разговорной речи. Это прощание, прерывание прогнозируемой цепочки диалога, отказ, уклонение-игра как особый вид флирта. В каждом типе выделяются также подтипы, например прерывание может представлять собой контрвопрос, смену темы, перебивание, поправку, отказ говорить, оценку, шутку, уклончивую реплику типа *“mal gucken”*, *“vielleicht”* и др., угрозу.

Средства эвазии должны входить в арсенал любого компетентного носителя языка. Набор таких средств очень широк, в различных ситуациях и типах дискурса они будут разными. Некоторые эвазивные высказывания даже становятся таковыми исключительно в контексте.

Например: – Ich dachte, du freust dich!
– Ich freue mich ja auch!
– Na also (Thiesler, 479).

Последняя реплика, вырванная из контекста, может иметь различные значения, но в данной ситуации она завершает общение, подчеркивает завершение спора, так как аргументов «против» уже быть не может, партнер полностью согласен.

В немецкой культуре, как культуре с высоким уровнем избегания неопределенности, по Г. Хофстеде [3], формы вежливой эвазии особенно распространены и выполняют функцию ритуалов, способствующих вежливому взаимодействию. Так, например, отказ от какого-либо предложения, приводящий к завершению интеракции, обязательно состоит из нескольких этапов, краткий резкий отказ недопустим при вежливом общении. Например:

Das klingt sehr verführerisch, und ich hätte große Lust dazu..., aber was soll ich denn machen? Ich habe Enrico gesagt, dass heute Abend wieder komme. Ich würde es tun, aber es geht ja nicht (Thiesler, 274).

В этом примере отказ провести время вместе приводит к завершению интеракции, и, чтобы не задеть партнера, говорящий (в данном случае женщина) разбивает его на несколько этапов: сначала положительная оценка предложения партнера с использованием эмоционально окрашенного наречия (*Das klingt sehr verführerisch*), далее выражение несущественного желания, которое представляет собой собственно речевой акт отказа с использова-

АЛАТЫРЦЕВА Людмила Викторовна – аспирант кафедры немецкой филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова
© Алатырцева Л. В., 2009

нием конъюнктива II (*ich hätte große Lust dazu*), далее – метавопрос, выражающий сожаление (*aber was soll ich denn machen?*), затем происходит обоснование отказа – ссылка на внешнее обстоятельство, мешающее продолжению общения (*Ich habe Enrico gesagt, dass heute Abend wiederkomme*) и в завершение – снова отказ, в подчеркнутой безличной форме (*Ich würde es tun, aber es geht ja nicht*).

Эти ритуалы, по мнению Ивара Верлена, который в свою очередь опирается на мнение Иrvina Гофмана (1974), служат для коррекции сложных ситуаций в общении, они помогают избегать или сглаживать «акты, опасные для лица» [4]. Кроме того, эффективный коммуникант должен уметь распознавать сигналы эвазивного речевого поведения и вовремя реагировать на них, принимая их и завершая общение или же предпринимая меры к дальнейшему поддержанию коммуникации.

Неотъемлемой частью коммуникативной ситуации является социальный статус человека, который выражается в определенных стратегиях неречевого и речевого поведения, статусных индексах, самопрезентации говорящего как вышестоящего, нижестоящего или равного партнеру по общению; кроме того, человек осознает свой возрастной, половой, этнический, профессиональный и т. д. статус и статус партнера. В приведенном выше примере эвазивное поведение демонстрирует образованная умная женщина, для которой характерно смягчение через конъюнктив, использование литературно-образного наречия (*verführerisch*). Предпочтения женской речи находят здесь тоже свое выражение: эмоционально-окрашенное наречие, усиленное частицей *sehr*, прерывание высказывания (*ich hätte große Lust dazu...*), эмоционально-окрашенный метавопрос, модальная разговорная частица *ja*, повторы (возвращение к одному и тому же пропозициональному содержанию: *“Ich hätte große Lust dazu”* и *“Ich würde es tun, aber es geht ja nicht”*). На особую подробность и обоснованность формулировки отказа влияет также статус ее партнера. Она разговаривает с мужчиной, который ей нравится и с которым она не хотела бы портить отношения.

Сигналы, или индикаторы эвазии могут быть лингвистическими и экстралингвистическими. Последние выражаются в разных формах невербальной коммуникации: мимике, жестику, вегетативных проявлениях. Например, если партнер встает, поглядывает на часы, складывает бумаги, не принимает больше угощения, то следует предполагать, что он хотел бы завершить общение. В диалогах художественной литературы существуют разнообразные средства для демонстрации экстралингвистического эвазивного поведения. Например: *Aber jetzt gehe ich, sonst gibst du mir noch so viele gute Ratschläge, dass ich ... – Sie stand auf. “Danke für den Campari. Kai stand ebenfalls auf und umarmte sie. “Wir sehen uns spätestens in drei Tagen”* (Thiesler, 274).

Лингвистическими индикаторами являются лексические единицы, которые, по мнению К.-Г. Егера [5], эксплицируют снижение открытости для общения, уменьшающуюся заинтересованность в общении. Очень часто в их роли выступают односложные фразы типа “*also gut*”, “*nun gut*”, “*nein danke*”, “*verschieden*” при ответе на вопрос о том, как прошли время где-либо и др. У этой особенности есть социокультурные предпосылки, заключающиеся в том, что для западной культуры, в том числе и немецкой, характерно постоянное подтверждение заинтересованности в беседе, а паузы и односложные ответы считаются признаками дурного тона [6].

Различные типы эвазии возникают под воздействием различных факторов, все многообразие которых можно разделить на объективные и субъективные. Но главным фактором эвазии является сам диалог как основной вид разговорной речи. В условиях обиходного диалога взаимосвязь чередующихся высказываний максимально существенна. В отличие от регламентированной дискуссии или обмена письменными сообщениями, разговорные реплики следуют непосредственно одна за другой. Реплика может быть прервана собеседником или продолжена им; слушатель не пассивно воспринимает обращенную к нему речь, а немедленно реагирует на нее, активно соучастует в ней. О важности этой особенности диалогической речи свидетельствует внимание языковедов к изучению так называемого диалогического единства – объединения двух смежных реплик [7]. Изучение особенностей возникновения эвазии выявляет закономерности отношений между репликой-стимулом и репликой-реакцией, так как диалогу приписывается логическая упорядоченность. Исследование структурного влияния реплики-стимула на реакцию является, по мнению Ю. М. Скребнева [8], очень перспективным.

Если учесть при этом, что любая реплика представляет собой одно или несколько высказываний, а за высказыванием кроется речевой акт, то можно предположить, что существует сочетаемость и несочетаемость речевых актов. Генрих Глекнер высказывал в своей статье в журнале “Deutsch als Fremdsprache” [9] предположение, что есть такие формы высказываний, которые негативно влияют на развитие диалога и могут привести к его затуханию. Например, эвазия как попытка обойти щекотливую ситуацию препятствует, по его мнению, установлению одинакового уровня знаний и тем самым переходу диалога на новый, прогрессивный виток. Такими формами высказывания являются упрек, ослабленный интерес, выражение неясности или неуверенности, предположение, удивление, отказ. Вопросы и побуждения могут как продвигать диалог вперед, так и тормозить его. Однако если Глекнер и другие лингвисты, например Сакс (1971), занимались вопросом совместимых и наи-

более часто встречающихся реплик-высказываний, то в случае эвазии мы имеем дело с их несовместимостью. Например, когда ответом на вопрос является контрвопрос, упрек или угроза.

Контрвопрос можно наблюдать в следующем диалоге:

- Arthur. Du?
- Na, wer noch?
- Mein Gott, wo kommst du her?
- Wo soll ich denn herkommen? (Remarque, 344)

Если учитывать, что структурно-синтаксическое взаимодействие реплик состоит в восполнении репликой-реакцией реплики-стимула, то эвазия чаще всего представляет собой нарушение такого взаимодействия. Отчасти появление эвазии является прогнозируемым в немецкой культуре, когда, например, затрагиваются темы доходов, интимной жизни, даются оценки, унижающие партнера, задаются слишком сложные, глубокие вопросы для начала беседы или ей мешают внешние обстоятельства. Однако субъективные факторы являются ведущими при возникновении эвазии.

Такое сложное явление, как эвазия, не может рассматриваться отдельно от культуры, социума, особенностей дискурса, ситуации, коммуникации

кативного статуса партнеров и их индивидуальных особенностей. Изучение эвазии открывает новые грани в языковой картине мира носителя определенной культуры и разные стороны соприкосновения языковой личности с этим миром.

Примечания

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2000. С. 199.
2. Там же.
3. Hofstede G. Culture's Consequences, Comparing Value, Behaviors Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001.
4. Werlen I. Rituelle Muster in Gesprächen // Text und Gesprächslinguistik. Herausgegeben von Klaus Brinker u. a. 2 Halbband / Walter de Gruyter: Berlin; N. Y., 2001. S. 1264–1265.
5. Jäger K.-H. Zur Beendigung von Dialogen // Heutiges Deutsch 1/12. München: Max Hueber Verlag, 1976. S. 105–131.
6. Кузьменкова Ю. Б. ABCs of Effective Communication / Азы вежливого общения. Обнинск: Титул, 2001. С. 50.
7. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. С. 194.
8. Там же.
9. Glöckner H. Die Äußerungsform als wesentliche Grundlage für die Bestimmung des Übungsgeschehens zur Entwicklung der Gesprächsfähigkeit // Deutsch als Fremdsprache. 1974. № 4. S. 202.

Словообразование в языках разных структур. Анализ грамматических единиц. Лингвистические аспекты перевода

УДК 81'373

А. Г. Файзуллина

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

В данной статье поставлена проблема сложной инвектической лексики с точки зрения ее основной функции – номинации. Словосложение – один из способов образования лексических единиц, в том числе и инвективных. Автор также уделяет внимание проблеме разграничения сложного слова и словосочетания при образовании инвективных наименований человека в разноструктурных языках.

This article is devoted to the problem of the compound invective vocabulary from the point of view of the nomination. Compound word is one of the ways of noun-building including the invective names. The article describes some problems in the studying of invective names in different structured languages.

Ключевые слова: сложные слова, композитообразование, инвектичная лексика, номинация, семантический критерий.

Keywords: compound words, compound building, invective names, nomination, semantic criterion.

В арсенале языковых средств номинации значительное место занимают сложные слова – именные композиты.

Осмысление природы сложного слова, определение его положения как лексической единицы, выделение критериев ограничения сложного слова от словосочетаний является одним из самых спорных вопросов словосложения в целом. Обращение именно к сопоставительному исследованию сложных слов в немецком, русском и татарском языках вызвано тем, что сложные слова, представляя продуктивный способ номинации в данных языках, являются в современном языкоznании важной типологической характеристикой языка. Проблема идентификации сложного слова является очень сложной в лингвистической науке, поэтому феномен словосложения отмечен многими учеными. Разрешение этой задачи, даже если оно никогда не может быть окончательным, способствует расширению и уточнению

ФАЙЗУЛЛИНА Альмира Габбасовна – кандидат филологических наук, соискатель-докторант кафедры французского языка Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина
© Файзуллина А. Г., 2009

нию наших знаний об изучаемом объекте – сложном слове.

В работах по словообразованию исследуются разные аспекты словосложения: природа и закономерности словосложения, особенности действия этого способа деривации в разные периоды исторического развития языка и др.

В данной статье рассматриваются проблемы словосложения по основной функции языкового выражения – номинации, ибо в современной лингвистической науке словосложение понимается главным образом как один из способов образования лексических единиц.

Решение многих лингвистических проблем, включая и проблемы словосложения, ставится в зависимость от решения их на уровне лексической номинации. В частности, для установления типа языковых единиц, образованных способом словосложения, и особенностей их номинации важно знать свойства единиц лексической номинации, благодаря которым самостоятельные номинативные единицы (слова) способны соединяться и образовывать новую номинативную единицу. Например, способностью лексических единиц именовать прямо или косвенно объясняется возможность сложения несовместимых, с точки зрения логики, слов для создания новой номинативной единицы. Например, нем. *Backfisch* (досл. *backen* – печь, *Fisch* – рыба, т. е. печеная рыба) – девочка-подросток; *Faulpelz* (досл. *faul* – гнилой, *Pelz* – кожа, шкура, мех, т. е. испорченный мех) – лодырь, лентяй; тат. *артык кашык* (досл. *артык* – лишний, *кашык* – ложка) – лишний, ненужный человек; *борчак чумәләс* (досл. *борчак* – горох, *чумәлә* – конина) – квашня, и др. Свойствами единиц лексической номинации объясняется и тот факт, что разные понятия могут обозначаться одним и тем же словом.

Современные философы, логики, лингвисты (Н. Д. Арутюнова, С. Д. Кацнельсон, А. В. Кравченко, Ю. С. Степанов и др.) отмечают эволюционно изменившееся в сознании человека восприятие действительности. Картина мира отражается в мышлении человека не только в виде существующих в пространстве предметов, но и в виде фактов и событий, которые человек способен выделить на основе социального, исторического и иного опыта и оформить вербально, назвав эти события и факты (т. е. осуществив номинацию).

Слово, будучи основным элементом языка, представляет собой сигнал, вызывающий у чело-

века образы, возникшие в процессе познания им окружающего мира. Тем самым слово является материальным средством передачи идеальной информации. Однако целесообразность слова состоит не только в этом. Слово служит также сигналом, побуждающим человека к действию, которое, в свою очередь, может быть как материальным, так и идеальным. Материальное действие состоит в конечной в пространстве и во времени манипуляции с реальными объектами действительности. Это есть физическая деятельность человека. Идеальное действие состоит в оперировании во времени воображаемыми объектами действительности при помощи понятий, суждений и умозаключений, которые не имеют пространственной протяженности. Это – мыслительная деятельность человека. И это позволяет нам заключить, что «система субстантивных композитов в языках разной структурно-типологической организации основана на одних и тех же внутренних структурах и принципах, несмотря на внешние различия композитов. Ментальные презентации образуют в голове говорящего систему, обеспечивающую появление новых слов. Система субстантивного словосложения обладает общими универсальными принципами, характеризующими языковой аппарат человека.

Слово обладает отдельностью и цельнооформленностью. Части слова в зависимости от их предназначения выступают лишь в роли операторов: фонетических, лексических, грамматических. Но есть в языке одна категория единиц, о статусе которых не перестают спорить языковеды. Речь идет о сложных словах. Сложное слово – это комплекс противоречий. Оно состоит не менее чем из двух слов.

Сложные слова выражают только существенную информацию и экономят большой словесный материал, необходимый для составления словосочетаний или предложений. Поэтому композитообразование является одним из самых продуктивных способов словообразования в немецком языке, способным удовлетворять потребности в создании новых точных терминов. И именно поэтому инвективы-композиты стали предметом нашего исследования. Кроме того, наличие большого количества сложных слов в немецком языке говорит о такой особенности немецкой ментальности, как концентрация большого фрагмента мысли в одном слове, и указывает на такую черту немецкой ментальности, как экономность.

Экономия характерна для именного стиля, который вытесняет многоуровневые придаточные предложения и создает блоки, развивающие логичность мышления.

Роль слова, или лексической единицы в формировании бытия понятна. А какова же роль сложного слова в этом процессе?

Вопрос продиктован сложной природой композитов, которая выражается в их неоднородности, размытости границ, неоднозначности и противоречивости интерпретации в системе сложных номинативных единиц.

В теории номинации выявляется три подхода к установлению номинативного инвентаря:

- 1) признание в качестве номинативных единиц только слов;
- 2) признание номинативными единицами слов и словосочетаний;
- 3) признание номинативными единицами слов, словосочетаний и предложений.

Последняя точка зрения получила распространение в современной лингвистике в связи с развитием семантического направления в изучении синтаксиса.

Словосложение можно считать самым древним способом словообразования, оно имеет древнюю историю и является одним из основных способов развития словарного состава языка, так как именно в области словосложения наглядно выступают законы развития языка. Оно беспрестанно пополняет лексический запас во всех областях [1]. Словосложению принадлежит исключительное место в развитии словообразования и языка в целом, этим и объясняется огромный интерес ученых к словосложению, особенно в немецком языке. Исследованию особенностей разных аспектов словосложения посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных исследователей, таких, как М. Д. Степанова, К. А. Левковская, В. С. Вашунин, В. М. Павлов, Р. З. Мурясов, О. Д. Мешков, Т. Г. Попова, W. Fleischer, I. Barz, M. Dokulil, Р. Г. Гатауллин, А. Г. Садыкова и др.

Словосложение – одно из интереснейших и в то же время сложных и диалектически противоречивых явлений в языке. Причина повышенного внимания именно к субстантивным образованиям состоит в большой семантической емкости имени существительного. Именные композиты обладают сложной и разнообразной смысловой структурой. Значение именных композитов формируется как фактор взаимодействия и противоборства двух имен, что ведет к сложнейшим и многообразным отношениям между ними в составе композита, к весьма сложной корреляции между композитом и параллельным словосочетанием.

Сам термин «слово» до сих пор не имеет однозначного определения в лингвистической литературе, следовательно, прежде всего, следует иметь представление о том, что такое слово, и провести анализ характеристик сложного слова с учетом переходных явлений, не обладающих ясно выраженным признаками сложного слова и словосочетания. У современных лингвистов

не вызывает сомнений то, что именное слово-сложение имеет синтаксические основы. На историческую связь сложных слов со словосочетаниями указывали многие ученые: А. Х Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. А. Шахматов и другие. Э. Бенвенист связывал сложные имена в разных языках, включая русский, с «синтаксическими структурами», а именное сложение – с микросинтаксисом [2]. Свидетельством генетической связи сложных именных композитов с соответствующими синтаксическими сочетаниями могут служить факты параллельного функционирования синтаксических сочетаний и соотносительных с ними сложносоставных существительных с таким же компонентным составом: тат. *кышлау умафта* – *перезимовавший улей*, *юылмаган күес* – *немытая квашня, сыра мичкәс* – *пивная бочка*, где все сложные слова служат наименованием толстой женщины; рус. *тертый калач* – *видавший виды человек*; *переводная картишка* – *переводчица*; *друг семьи* – *любовник*; нем. *Hundeauge* – «*преданный человек*», а не *собачий глаза*, *Kalbskopf* – «*тушица*», но не *телячья голова*, *Kiekindewelt* – «*молокосос*», «*новичок*» вместо повелительного наклонения «*смотри на мир*».

Проблема разграничения сложного слова и словосочетания является неизбежной, с ней сталкивается любой исследователь композитов при отборе и определении характера и объема своего материала.

Семантический критерий играет важную роль при идентификации сложного слова как для германской, так и для тюркской группы языков. В работах лингвистов-туркологов семантическому критерию отграничения сложного слова от свободного словосочетания придается весьма серьезное значение. При образовании сложных слов происходят более сложные процессы реализации сложного содержания, чем при образовании простых слов. Семантические отношения между компонентами сложного слова должны соответствовать типу мотивационных отношений, лежащих в основе формирования типовой модели сложного слова.

Лингвисты, которые оперируют в своих исследованиях термином цельнооформленности сложного слова, считают, что если значение целого не выводимо из значений суммы компонентов, то такое образование является сложным словом [3].

Другим, наиболее важным критерием сложного слова является функционально-семантический. Он заключается в том, что сложное слово, в отличие от синтаксических конструкций, характеризуется единой синтаксической и единой номинативной функциями, то есть, несмотря на свой сложный состав, оно рассматривается как

единная лексическая единица с точки зрения выражаемого значения и выполняемой синтаксической функции. Сложное слово является одним из способов обозначения новых явлений экстралингвистической действительности. Поэтому номинативная функция сложного слова, которая выполняется его компонентами не последовательно, а в совокупности, также служит важным признаком, позволяющим отграничить сложное слово от сходного по структуре и значению словосочетания.

Очень убедительно для нашей статьи также и следующее мнение А. Г. Садыковой о том, что только интуиция носителя языка может определить, насколько в сложном слове отражаются разные приемы обобщения опыта, разные формы расчленения мира [4].

В наиболее спорных и сложных случаях идентификации сложного слова, особенно когда сложное наименование стоит еще на пороге перехода его от словосочетания в сложное слово, только интуиция носителя языка, его квалификационно-познавательная, мыслительная деятельность может определить, насколько в сложном слове по сравнению с высказываниями отражаются разные приемы обобщения опыта, разные формы расчленения мира. Сложное наименование, возникшее на базе предметно-логических ассоциаций в акте номинации, рассматривается носителями языка как один из способов отражения окружающей действительности, как синтез понятий о реальности. Поэтому критерий прагматической компетенции представляется необходимым при идентификации сложного слова [5].

Придерживаясь мнения о том, что нет абсолютной границы между классом сложных слов и классом словосочетаний, мы признаем приоритетность семантического, ономасиологического и прагматического критериев отграничения сложного слова от словосочетания как для тюркских, так и для германских языков. Безусловно, при определении статуса сложного слова важную роль играют и формально-структурные критерии.

Статус сложных слов определяется единством следующих признаков:

- 1) выражением номинации;
- 2) цельностью номинативного значения;
- 3) цельнооформленностью;
- 4) структурно-словообразовательным единством.

Цельность номинативного значения сложного или сложносоставного слова заключается в том, что сложносоставное слово обозначает единое, нерасчлененное понятие. Цельность номинативного значения основывается на идиоматичности лексического значения сложносоставного слова. Под идиоматичностью лексического значения сложносоставного слова следует понимать

невозможность абсолютной выводимости лексического значения сложносоставного слова из значений его составных компонентов.

Цельнооформленность сложных слов заключается в строго фиксированном порядке следования компонентов, в непроницаемости, в унифицированной грамматической оформленности, в наличии одного основного ударения, особенно в немецком языке.

В сопоставляемых нами языках преобладает именное сложение (эта мысль была высказана В. В. Виноградовым, она признается также исследователями немецкого и татарского языков).

Сложное слово – это единая смысловая единица, значение которой не равно сумме ее компонентов. Каждое сложное слово представляет собой организованный комплекс, в котором за счет ингрессии целое больше, чем сумма его частей. Если лексическая единица несет элемен-тарный образ действительности, то сложное слово несет сложный образ, отражающий связи между объектами действительности. Помимо этого, сама целесообразность существования сложных слов определяется необходимостью выражения значимости для данного сложного образа, т. е. эмоционального отношения к нему (даже если этот эмоциональный компонент со временем утрачивается).

Слово, по утверждению психологов, имеет аффективные корни. Оно родилось как сигнал, вызванный эмоциональным освоением действительности. Слово, поэтому, возникло в качестве эмоциональной модели бытия, и было таким же знаком, как мимика, жесты, пантомимика. Лишь в процессе эволюции оно стало тем, что есть сейчас. На первых этапах истории слово было вплетено в практику и получало свое значение только из ситуации конкретной практической деятельности.

Однако человек сохранил потребность в эмоциональных средствах выражения. Для этого язык синтезирует единицы более высокого уровня организации, чем слово, принимающее часто форму суждений, оценочности. Этими единицами являются сложные слова с лексико-семантической коннотацией. Таким образом, сложное слово в системе «познание – язык» занимает место носителя эмоционального образа объекта.

Все это определяет и наш интерес к именному словосложению как способу номинации, ибо в результате анализа лексикографических данных и эмпирического материала нами было установлено, что основное количество инвективных наименований человека сформировано вследствие словосложения.

Сложное слово занимает вполне определенное место в системе комплексной номинации. От словосочетания оно отличается более компактным и емким представлением значения.

Словосложение как способ номинации имеет свои особенности и представляет собой процесс категоризации, который является непосредственным следствием классифицирующей когнитивной деятельности человека. Анализируя номинативный потенциал именных композитов, мы исходим из того, что словосложение обладает широким спектром ономасиологических возможностей и демонстрирует чрезвычайно емкое, конденсированное, выраженное значение. И именно номинативный потенциал именных композитов предопределил выбор предмета данной статьи – сложные инвективные композиты.

Сложные слова подвержены процессам лексикализации и идиоматичности. По этому поводу существует две точки зрения. Согласно первой, все сложные слова изначально лексикализованы. Идиоматические слова в рамках этой концепции рассматриваются как частное проявление лексикализации, и предполагается три степени лексикализации сложных слов.

Приведенные описания словосложения отражают в определенной мере разнообразие подходов в интерпретации этого способа деривации, а также дают возможность увидеть, как на протяжении последней четверти XX в. формировался и, наконец, утвердился взгляд на словосложение как на соединение не основ, а слов. И такая интерпретация словосложения нам кажется наиболее приемлемой.

Более того, для нашего исследования наибольший интерес представляют так называемые *экзоцентрические сложные слова*, куда входят как образования типа *бахуврихи*, так и *императивные имена*. Эти сложносоставные образования объединяются в одну группу исходя из чисто семантического принципа, который В. Хенцен сформулировал следующим образом: «Субъект (т. е. обозначаемый сложным словом предмет) не назван внутри сложного слова, а находится за его пределами» [6]. Термин «*экзоцентрические композиты*» введен в филологическую литературу А. Александровым и заимствован потом К. Бругманом для отграничения данной группы образований от обычных сложных слов, центр значения которых находится в них самих. Например, словосложения *Dreckschwein*, *Großmaul*, *Goldfisch* в немецком языке являются экзоцентрическими, так как они обозначают не *“ein dreckiges Schwein”*, *“einen großen Maul”*, *“einen goldenen Fisch”*, а неопрятного, болтливого человека, а в третьем примере – богатого жениха или невесту, а не золотую рыбку. В сложных словах русского языка *сorfиголова*, *держиморда*, *мордоплюй* речь идет о человеке, не отличающемся примерным поведением, а не о грамматической форме повелительного наклонения. Сложные слова татарского языка *юеш танау*

(досл. юеш – мокрый, танау – нос), *кабак баш* (досл. *кабак* – тыква, *баш* – голова), *чуен мангай* (досл. *чуен* – чугун, *мангай* – лоб) дают имена подросткам, характеризуя их по возрасту, умственным способностям и физическим показателям. В филологической литературе, как уже было упомянуто, их называют иногда и посессивными композитами.

М. Д. Степанова делит номинативные сложные слова по синтаксико-семантической связи между их компонентами, и ее классификация представляется нам наиболее приемлемой. Правда, в вышенназванной классификации для нас представляют интерес, прежде всего, императивные имена и сложные слова типа *бахуврихи*, как подтип детерминативных словосложений.

Важная характеристика бахуврихи – это признак двуплановости номинации, основанной на двух типах предикации – качества и атрибуции, что свидетельствует об асимметрии их плана содержания и плана выражения.

Бахуврихи как в немецком, так и в татарском языке представляют большой интерес при сравнительно-типологическом исследовании, так как возникают в условиях номинативной избыточности информации. В бахуврихи в сопоставляемых языках происходит переосмысление объекта наименования через призму оценочного, чувственного или образного представления. Их важнейшими свойствами являются эмоционально-циничная или грубая экспрессивность, презрительно-пренебрежительная оценочная образность.

Экспрессивность сложных слов типа бахуврихи достигается за счет семантического усложнения словообразовательного акта метафорическими и метонимическими переносами значений сочетающихся слов. Например: нем. *Augendiener* (досл. *Auge* – глаз, *Diener* – слуга) – подхалим; *Bettelbruder* (досл. *betteln* – попрошайничать, *Bruder* – брат) – попрошайка; рус. *горлодер*, *крохобор*; тат. *анғыра баш* (досл. *анғыра* – тунила, *баш* – голова) – туница; *анафа корсак* (досл. *анафа* – закваска, *корсак* – брюхо) – квашня и др.

В исследуемых языках основную группу бахуврихи составляют наименования лиц с пейоративной экспрессивностью. Это объясняется закрепившейся языковой традицией выражать пренебрежительное, презрительное отношение к человеку посредством наименования словом. Помимо того, исследованный материал позволяет нам заключить, что сложные слова – бахуврихи – в исследуемых языках в обозначении названий лиц очень продуктивны.

Ввиду того, что императивные имена по своим семантическим особенностям и эмоционально-экспрессивной окраске приближаются к образованиям типа бахуврихи, мы считаем необходимым рассматривать их в рамках предпринятого нами исследования. На наш взгляд, более целесообразно считать эти словосложения особым способом словообразования, как это делает большинство германистов. Такого рода слова объединяются вместе с бахуврихи в группу экзоцентрических образований, и, как бахуврихи, императивные имена характеризуются особым видом метонимического переноса значения. Оба типа словосложения принадлежат к народной лексике и зачастую – сниженной с фамильярно-банальным и презрительно-пренебрежительным оттенком.

Таким образом, словосложение обладает широким спектром ономасиологических возможностей и демонстрирует чрезвычайно емкое, конденсированное, выраженное значение. Следовательно, сложное наименование, возникшее в акте номинации, рассматривается носителями языка как один из способов отражения окружающей действительности.

Примечания

1. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1953. С. 109.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 241.
3. Садыкова А. Г. Система субстантивного словосложения в тюркских и германских языках в сравнительно-типологическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2002. С. 68.
4. Там же. С. 70–71.
5. Там же. С. 69.
6. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Halle (Saale), 1947. S. 89.

А. Г. Файзуллина

ЛАКУНАРНАЯ ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

В данной статье представлена проблема инвективной лексики с точки зрения лакунарности. Понятие «лакуна» основывается на положении о тесной связи языка и культуры. Лакунарные единицы раскрывают национальный колорит культуры народов, традиции и обычаи, специфику, уникальность, контрастивность одного языка по отношению к другому. Лакунарность появляется в языке как отражение социально-экономического, исторического и культурного развития народа.

В статье рассматриваются факторы, участвующие в формировании лакунарных инвективных наименований человека в разноструктурных языках.

This article is devoted to the problem of the abusive vocabulary from the point of view of lacuna. The notion "lacuna" is based on the fact that the language itself and its national culture in deep relation. The so-called lacunas define the traditions and customs of any nation, its bright and unique specific features, characterizes contrast ranges of one language to another. Lacuna appears in the language as the reflection of the social-economic, historical and civilized development of the nation. The article describes different factors which take part in the formation of the lacuna abusive names (objects) of the human being in the different structured languages.

Ключевые слова: лакуна, инвективы-композиты, национальная культура, национальная специфика.

Keywords: lacuna, abusive compound nouns, national culture, national specific character.

Общеизвестно, что язык не просто отражает мир. Самобытность языка проявляется в том, что каждый народ называет предметы и явления окружающей действительности по-разному. Вся существующая в определенной культуре система понятий основывается на системе названий. Человек, обобщая явления и выделяя их релевантные признаки, дает названия тем или иным отрезкам действительности. Однако номинативная функция используется избирательно, т. е. называется только то, что функционально важно для данного этноса. Таким образом, остаются отрезки действительности, предметы и явления, не названные в данном конкретном языке. Подобные «пропуски» в картине мира легко обнаруживаются при сопоставлении языков, и такие расхождения в зарубежной литературе носят название «gar» (пробел). В отечественной науке наибольший интерес представляют попытки описания таких расхождений с помощью понятия «лакуна».

ФАЙЗУЛЛИНА Альмира Габбасовна – кандидат филологических наук, соискатель-докторант кафедры французского языка Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина
© Файзуллина А. Г., 2009

Распространение понятия «лакуна» на сопоставление как языков, так и других аспектов культуры представляется, на наш взгляд, целесообразным и методически оправданным. С одной стороны, такое расширение понятия «лакуна» основывается на положении о тесной связи языка и культуры; с другой – выявление наряду с языковыми лингвокультурологическими и культурологическими лакун способствует установлению некоторых конкретных форм корреляции языка и культуры. Лакуны в самом общем их понимании фиксируют то, что есть в одной локальной культуре и чего нет в другой. В связи с этим встает вопрос о соотношении специфического и универсального в отдельных языках и культурах. Проблема межъязыковой эквивалентности возникла, как известно, уже при первых контактах носителей различных языков. В современной лингвистике, лингвистической теории перевода, этнолингвистике, этнопсихолингвистике, теории межкультурной коммуникации расхождения, несовпадения в языках и культурах описываются учеными такими терминами, как «безэквивалентная лексика» «реалии», «экзотизмы», «ксенонимы», логоэпистемы и т. д.

Что касается изучения безэквивалентной лексики, то оно берет начало в методике преподавания иностранных языков, так как именно здесь происходит теснейшее соприкосновение языков и культур в лингводидактическом аспекте. Именно такие языковые единицы составляют национально-культурное содержание текста исходного языка и представляют собой трудность этносемантического уровня, которую реципиенту приходится преодолевать в межкультурной коммуникации. При этом задача заключается в сохранении и передаче этнокультурного своеобразия, т. е. (пользуясь переводческой терминологией) для достижения адекватности перевода.

Нет необходимости доказывать важность изучения безэквивалентной лексики на любом уровне. Достаточно указать лишь на то обстоятельство, что она самым тесным образом связана с тем, что можно определить как непереводимое в переводе. А перевод, по определению Н. К. Гарбовского, это – «знание о подобии, о подобии вещей реального мира, о подобии отражения человеческим сознанием реального мира, о подобии выразительных возможностей человеческих языков. Подобие всегда относительно. Степень относительности варьирует от объекта к объекту, от языка к языку, от культуры к культуре. Переводчик отыскивает подобие в море разнообразного, подобие, которое может быть воспринято человеком иной культуры, иного языка, иной исторической эпохи» [1]. Следует согласиться с мнением А. О. Иванова о том, что безэквивалентную лексику можно определить как лексичес-

кую единицу исходного языка. Но эта лексика не имеет в словарном составе переводящего языка эквивалентов, то есть единиц, при помощи которых можно передать на аналогичном уровне плана выражения все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения или одного из вариантов значения исходной лексической единицы [2]. Безэквивалентная лексика, таким образом, при переводе может стать, на наш взгляд, только «подобием».

Толковый словарь иноязычных слов дает эквиваленту следующее определение: «Эквивалент (лат. *aequivalentis* – равносильный). Нечто равнозначное, равнозначащее, равносильное другому, полностью заменяющее его» [3].

Термин «эквивалент» употребляется в литературе в двух значениях:

- естественный оптимальный эквивалент;
- словарный эквивалент.

Эквиваленты в обоих значениях делятся на полные и частичные. Частичные эквиваленты, в свою очередь, подразделяются еще на две подгруппы: а) свободно частичные и б) связанные частичные. Лексемы, не имеющие соответствия в другом языке, называются безэквивалентными [4].

Л. К. Байрамова под эквивалентностью понимает «соответствие значений единиц двух или более языков, т. е. соответствие единиц в значениях, закрепленных в системах сопоставляемых языков» [5] и различает полную, частичную и нулевую эквивалентность, более точное название которой – лакунарность. Исследование показало, что не все значения инвективных лексических единиц одного языка нашли полное соответствие значениям в другом языке.

Термин «безэквивалентная лексика» встречается у многих авторов, занимающихся проблемами языка и перевода (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Л. С. Бархударов, С. Влахов, С. Флорин, Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер и др.), которые, однако, трактуют его по-разному: то как синоним понятия «реалия», то несколько шире, либо несколько уже. Так, например, А. Д. Швейцер относит к категории безэквивалентных «лексические единицы, служащие для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре» [6]. В. Н. Комиссаров называет безэквивалентными «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [7]. Болгарские лингвисты С. Влахов и С. Флорин дают свою дефиницию, которая заметно сужает границы безэквивалентной лексики – «лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода» [8]. С. Влахов и С. Флорин предлагают также более четко отграничить безэквивалентную лексику от реалий. По их мнению, наиболее широ-

ким по своему содержанию является понятие «безэквивалентная лексика». Реалии же входят в рамки безэквивалентной лексики как самостоятельный круг слов. Отступления от литературной нормы выходят за пределы безэквивалентной лексики, а имена собственные соприкасаются с реалиями [9]. А. В. Федоров говорит о «словах, обозначающих национально-специфические реалии» [10]. Я. И. Рецкер под безэквивалентной лексикой подразумевает «прежде всего, обозначение реалий, характерных для страны иностранного языка и чуждых другому языку и иной действительности» [11]. В том же ключе толкует реалии А. Д. Швейцер [12]. Очень сжатую definicuon реалий дает Л. С. Бархударов: «Слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [13].

Однако национально-культурное своеобразие лексики может проявляться не только в наличии специфических слов, но и в отсутствии слов для значений (денотатов), выраженных в других языках. Как и безэквивалентная лексика, такие понятия заметны только при сопоставлении языков. Лингвисты считают, что понятие «безэквивалентная лексика» является очень близким к понятию «лакуна», лежащему в основе так называемой проблемы «лакунарности» в межкультурной коммуникации.

В лингвистике и психолингвистике под «лакунами» понимаются базовые элементы национальной специфики лингвокультурной общности, затрудняющие понимание некоторых фрагментов текстов инокультурными реципиентами [14].

Что касается термина «лакуна», то он был впервые введен французскими лингвистами Ж. Вине и Ж. Дарбельне, которые определяли лакуну как явление, которое имеет место тогда, когда у одного слова языка отсутствует соответствие в другом. Термин «лакуна» был введен в отечественную лингвистику Ю. С. Степановым, который назвал их «пробелами», «белыми пятнами на семантической карте языка» [15].

Время ставит вопросы о сущности и заполненности «белых пятен» – языковых лакун – в связи с развитием языка и процессом перевода, а также познанием действительности. Оно со временем становится глубже и тоньше, следовательно, возникает необходимость в номинации того, что было незначимо. И это, в свою очередь, вызывает необходимость рассмотрения как с точки зрения контрастивной лингвистики, так и когнитивной.

В лингвистической литературе нет единого определения понятия «лакуна» и унифицированной типологии лакун. Исследователи классифицируют их по-разному. Ю. С. Степанов выделяет абсолютные и относительные лакуны. Согласно исследователю, абсолютные лакуны осозна-

ются при составлении переводных словарей как слова, не имеющие эквивалента в виде слова в данном языке. К относительным лакунам относятся слова, употребляемые в языке редко и при особых обстоятельствах [16]. Так, примерами абсолютных инвективных лакун для немецкого языка являются русские слова *бой-баба*, *блохолов*, *фуфлогон*; для русского и немецкого языков – татарские слова: *алабута яргычы*, *елан аягын кискән*, *ожмахтан күйлган*. Относительными лакунами для немецкого языка являются высокочастотные в русском и татарском языке слова *душа*, *тоска*, *судьба*, которые отражают ментальность этих народов. И. А. Стернин называет такие лакуны соответственно – межъязыковые мотивированные, объясняющиеся отсутствием соответствующего предмета или явления, и немотивированные лакуны, которые не могут быть объяснены отсутствием таковых.

Проблема изучения лакун не раз ставилась исследователями в сопоставительном аспекте двух и более разных языков. Л. К. Байрамова представляет лакунарные единицы как «набор традиционно разрешенных для данной локальной культуры способов интерпретации фактов явлений и процессов вербального поведения людей» [17]. Действительно, как показывают наши исследования, многие лакунарные единицы отражают обычаи, культуру, предметы быта одного народа, отсутствующие у другого. Например, немецкое *Dreikäsehoch*, которое буквально переводится как «высотой в три сыра», является мерой измерения для людей очень маленького роста и одновременно оскорблением в их адрес. Однако в русском и татарском языках «измерить» рост людей головками сыра будет неуместным, ибо, особенно для татар, понятие «головка сыра» вообще не существует, так как никогда татары не готовили и не употребляли сыр, но было у них много других, не менее ценных и полезных молочных продуктов.

Вышеизложенный пример подтверждает высказывание Л. К. Байрамовой о том, что лакунарность появляется «в результате существования различий в социально-экономическом и историко-культурном развитии жизни носителей разных языков» [18].

Таким образом, лакунарные единицы раскрывают специфику, уникальность, контрастивность одного языка по отношению к другому. При исследовании безэквивалентной лексики среди множества причин возникновения лакун можно отметить и следующие факторы:

– отсутствие предмета, явления в жизни того или иного народа (этнографическая, историко-культурная лакунарность);

– отсутствие у носителей какого-либо языка понятия, которое зафиксировано в языке другого народа (лексико-семантическая лакунарность);

– различия в лексико-стилистической характеристике разных народов (лексико-стилистическая лакунарность).

Следовательно, этнографическая лакунарность появляется в языке как отражение социально-экономического, исторического, культурного развития народа, в то время как лексико-семантическая лакунарность является отражением различий у народов в языковом членении объективного мира.

Таким образом, важной причиной появления лакун является национальный колорит, культура народов, национальные традиции и обычаи, то есть экстралингвистические факторы.

Как видно из наших исследований, лексико-семантическая и лексико-стилистическая лакунарность не связаны с экстралингвистическими факторами и отражают особенности инвективных наименований человека.

Данное исследование выявило следующие факторы, участвующие в формировании лакунарных инвективных номинаций:

1) **неконгруэнтность в структуре наименования.** При описании внешности человека «чужой» национальности каждый язык исходит из своих структурных возможностей: в немецком языке человека с короткими курчавыми темными волосами с иронией, пренебрежительно называют *Negerhaar* (*Neger* – *негр*, *Haar* – *волосы*). По географическому расположению татары ранее никогда не встречались, не общались с жителями африканского континента, поэтому «чужих», с темной кожей и темными волосами людей они называли *чегэн баласы* (*чегэн* – *цыган*, *баласы* – *дитя*) – *цыганенок*, *чегэн арбасыннан төшеп калган* (*арбасы* – *кибитка*, *төшеп калган* – *выпал*) – *выпал из цыганской кибитки*. Особенno часто проявляется неконгруэнтность при ругательном, презрительном, неодобрительном наименовании людей различных профессий и различного рода деятельности. Ср.: нем. *Asphaltkosmetiker* – *дворник*, *Call-girl* – «девочка» по вызову, *Disko-Torte* – любительница диско-торт, *Friedhofelektriker* – горе-электрик, *Klapsdoktor* – невропатолог, *Laubfrosch* – метеоролог, *Luftmatratze* – стюардесса, *Partygirl* – светская львица, *Partylöwe* – светский лев, *Pillendreher* – аптекарь, *Rechtsverdreher* – неквалифицированный юрист, *Vorzimmerdrache* – секретарша, *Zahnklempner* – зубной врач.

В русском языке встречаются следующие лакуны: *сыроежка* – проститутка-подросток; *мохнатая рука* – нужный человек; *высоковольтный* – большой начальник; *черномазый*, *черножопый* – лицо кавказской национальности; *узкоглазый* – азиат. В татарском языке этим инвективам нет эквивалентов, поэтому в данных случаях и фиксируются лакуны;

2) несовпадение семантического объема. Дан-
ный вид лакунарности чаще всего наблюдается
при портретной характеристике человека. Напри-
мер, в русском языке человека, рано потерявшем
волосы, называют лысым, презрительно-шут-
ливо – «стертой шиной», т.е волосы с течением
времени «стерлись», выпали. В татарском языке
подобные люди именуются «тазбаш»:

“Мәдрәсәдә бар иде бер таз малай,
Бик шаян, шуклык белән мөмтаз малай.
Бик тирән башындагы каткан бүрек,
Бер дә салмый, булмый һич башын күреп.
Кайсы чакта бүркен алып ташлылар:
“Әй, кояш чыкты! Кояш чыкты!” – диләр.” [19].
Здесь речь идет о юноше, у которого с рож-
дения не росли волосы. В немецком наименова-
нии “*Glatzkopf*” содержится значение не только
плешивой, лысой головы, но и наголо обритой
по различным субъективным причинам.

Среди жителей средней полосы России встре-
чаются люди с большими глазами, т. е. *лупогла-
зые, пучеглазые*, у которых *глаза навыкате*. Неме-
цы же пучеглазых презрительно обзывают
Froschauge (*Frosch* – лягушка, *Auge* – глаз),
Kuhauge (*Kuh* – корова, *Auge* – глаз). Немец-
кие «лягушачки» и «коровы» глаза татары име-
ют *акай күз*, т. е. «вытащенные глаза», ха-
рактеризующие пренебрежительно «размер» глаз
и чересчур любопытного человека, который ви-
дит и замечает даже то, что ему не положено.

Таким образом, лакуны свидетельствуют об
избыточности или недостаточности опыта одной
лингвокультурной общности относительно другой.

Из этого следует, что в межкультурной дело-
вой коммуникации процесс адаптации фрагмен-
тов ценностного опыта одной лингвокультурной
общности при восприятии его представителями
некоторой другой культуры по существу сводит-
ся к процессу элиминации лакун разных типов.

Элиминация лакун в текстах, адресованных
инокультурному реципиенту, может осуществляться,
как показывает анализ литературы, двумя способами: заполнением и компенсацией.

Заполнение представляет собой процесс рас-
крытия смысла некоторого понятия (слова, при-
надлежащего незнакомой реципиенту культуре),
реализуемого посредством таких конкретных пе-
реводческих приемов, как перевод-описание или
разъяснительный перевод, трансформационный
(контекстный или контекстуальный) перевод.

Суть компенсации заключается в том, что для
снятия национально-специфического барьера в
ситуации контакта двух культур, т. е. для облег-
чения понимания того или иного фрагмента чу-

жой культуры, в текст в той или иной форме
вводится специфический элемент культуры ре-
ципиента, т. е. осуществляется приближенный
(приблизительный) перевод при помощи «анало-
га» или кальки. Тем не менее, по нашим наблю-
дениям, наиболее частотным и адекватным при-
емом элиминации лакун в деловой сфере комму-
никации является транскрипция (передача на
уровне фонем) или транслитерация (передача на
уровне графем). Последние из упомянутых зача-
стую сопровождаются описательным переводом.

В результате элиминации «в тексте некото-
рой культуры появляются элементы другой куль-
туры – схожие или близкие к элементам исход-
ной культуры, но не совпадающие с ними. При
этом, как правило, облегчается понимание тек-
ста инокультурным реципиентом, но в опреде-
ленной степени утрачивается национальная спе-
цифика исходной культуры» [20].

Примечания

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 13–14.
2. Иванов А. О. Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. Л., 1985. С. 45.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 902.
4. Берков В. П. Двуязычная лексикография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 18–19.
5. Байрамова Л. К. Введение в контрастивную лингвистику. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1994. С. 21.
6. Швейцер А. Д. Языковые и неязыковые аспекты перевода // Методы сопоставительного изучения языков. М.: Наука, 1988. С. 108.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. С. 147.
8. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980. С. 51.
9. Там же. С. 51–52.
10. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: «Филология ТГИ», 2002. С. 146.
11. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1974. С. 58.
12. Швейцер А. Д. Указ. соч. С. 250.
13. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Меж-
дунар. отношения, 1975. С. 95.
14. Там же. С. 95–96.
15. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985. С. 120.
16. Там же. С. 17.
17. Байрамова Л. К. Указ. соч. С. 30.
18. Там же. С. 33.
19. Тукая Г. Шигырьләр, әкиятләр, поэмалар. Ка-
зан: Татар. китап нәшрияты, 1990. Б. 223.
20. Антипов Г. А., Донских О. А., Маркови-
на И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление куль-
туры. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989.
С. 80–83.

Ю. В. Бопп

ГРАФИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

В статье впервые рассматриваются числительные в составе фразеологических единиц с точки зрения их графических и фонетических особенностей для уточнения их морфологического статуса. До настоящего времени подобного специального системного исследования числительных как знаменательной части речи в современном английском языке не проводилось, несмотря на то, что в морфологии английского языка это является весьма существенной проблемой.

The present paper concerns the problem of English numerals as a morphological class of notional words. The numerals are being explored from the point of their graphic and phonetic characteristics. These characteristics make probably the basis for thinking them as a notional part of speech in order not to confuse them with nouns, pronouns or determiners.

Ключевые слова: английские числительные, графические характеристики, фонетические характеристики.

Keywords: English numerals, a notional part of speech, graphic characteristics, phonetic characteristics.

Если морфологический статус числительного в современной морфологии русского и английского языка в трактовке русских англистов четко определен, благодаря разработанному разделу морфологии о частях речи (Л. В. Щерба [1957], А. А. Потебня [1958], А. И. Смирницкий [1959], Б. А. Ильиш [1971]), то в морфологии английского языка (Н. Palmer, F. Blandford [1969], R. Fauler, J. Lakoff [1960–1980], R. Quirk [1980–1985]), под несомненным влиянием латинских схем грамматического описания, до сих пор вопрос о морфологическом статусе числительного остается дискуссионным.

Кроме того, большинство ученых подразделяют числительные на количественные и порядковые на основании двух функциональных значений: нумеративного (обозначение числа) и количественного (обозначение количества предметов как результат счета единицами). Но, как показывает практика, в сфере числительных нет полного единства в терминологии. В проанализированных нами лексикографических источни-

ках (англоязычных словарях) количественные числительные встречаются одновременно и в качестве местоимения (a Pronoun), детерминатива (a Determiner) и существительного (a Noun), порядковые числительные – в качестве детерминатива (a Determiner), прилагательного (an Adjective) и наречия (an Adverb). Важно обратить внимание и на то, что нет четкого разделения между понятиями «число» и «числительное». В лексикографических источниках мы имеем дело с «числом» (a Number), а в справочных (грамматики современного английского языка) – с «числительным» (a Numeral).

Ориентация на традиционную в основе классификацию частей речи (греко-латинский канон грамматического описания) вызвана тем, что эта классификация, несмотря на ее недостатки, является одной из наиболее стабильных из существующих ныне классификаций, широко использующейся в повседневной практике преподавания английского языка как нормативного – Standard English.

Однако современный английский язык, проделавший большую эволюцию в своей структуре в течение своего длительного исторического развития, приобрел новые признаки и утратил старые, вследствие чего система частей речи, разработанная Александрийскими греками, перестала соответствовать реальной структуре современного английского языка.

Так, числительное, с точки зрения А. И. Смирницкого, как часть речи характеризуется общим категориальным значением числа, представленного как особое явление – как собственно число, или число как таковое. Это общее значение слов данной части речи находит свое выражение в их грамматической характеристике. Числительному свойственны определенные особенности строения, что также отличает его от других частей речи [1].

В статье мы впервые рассматриваем числительные в составе фразеологических единиц с точки зрения их графических и фонетических особенностей для уточнения их морфологического статуса, что выполняется в рамках научного проекта кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации СурГПУ «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» и его подпроекта «Имя числительное в английском, русском, немецком и французском языках» под руководством доцента, кандидата филологических наук Е. И. Путятиной. Одной из главных задач указанного проекта является апробация разработанных уровней лингвистического анализа для выявления морфологического статуса знаменательных и служебных частей речи (методика Е. И. Путятиной [2]). Данный вид работы предполагает анализ английских количественных и порядковых чис-

БОПП Юлия Владимировна – ассистент-преподаватель, аспирант кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета
© Бопп Ю. В., 2009

литеральных и их русских аналогов в дискурсе с точки зрения их графических, фонетических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексико-семантических, ономасиологических и фразеологических особенностей для уточнения их морфологического статуса.

Опираясь на точку зрения Е. И. Путятиной и разработанные уровни лингвистического анализа, мы провели апробацию определения статуса знаменательной или служебной части речи для числительного согласно графическому и фонетическому уровням.

Рассмотрим каждый уровень в отдельности.

Язык существует в двух формах – устной и письменной. Письменная форма языка возникает в связи с потребностью в передаче информации на расстояние и сохранении ее во времени. Для письменной передачи числительных установились интернациональные идеограммы – цифры (арабские и римские цифры в европейской письменности) и национально-специфичные словесные записи числительных [3], собственная графика которых свидетельствует о номинативной автономности числительных и требует от говорящего знания национального дискурса [4].

Так, названия количественных числительных, обозначающих десятки, образуются добавлением суффикса *-ty* к названиям единиц: *six-sixty* (6–60), *seven-seventy* (7–70) [5].

Порядковые числительные образуются прибавлением суффикса *-th* к количественным числительным: *four-fourth* (четвертый); *thirteen-thirteenth* (тринадцатый); *seven-seventh* (седьмой); *fifteen-fifteenth* (пятнадцатый).

Десятки с единицами пишутся через дефис, чтобы показать, что два числительных представляют единое целое: 22 – *twenty-two*; 48 – *forty-eight*.

При обозначении количественных числительных разряды многозначных чисел разделяются запятой: 7,000; 5,550,000.

Числительные 100; 1,000; 1,000,000 употребляют с неопределенным артиклем *a* или с числительным *one*: 100 *a hundred* \ *one hundred*; 1,002 *a thousand and two* \ *one thousand and two* [6].

Годы обозначаются количественными числительными. При чтении обозначений года хронологическая дата делится пополам, причем каждая половина читается как отдельное число: 1917 *nineteen seventeen* (букв.: девятнадцать семнадцать), 1848 *eighteen forty-eight*. Обозначение года читается также следующим образом: 1917 – *nineteen hundred and seventeen*. Даты обозначаются порядковыми числительными: *7th November*, 1917 (*the seventh of November*, *nineteen seventeen*).

Посредством количественных (в числителе) и порядковых (в знаменателе) числительных выражаются простые дроби: 1/3 – *a (one) third*; 1/5 – *a (one) fifth*. Дробные величины 1/2 и 1/4

передаются особыми словами: *a (one) half* (1/2); *a (one) quarter* (1/4) [7].

Если в числитеle стоит число более единицы, то к слову, обозначающему знаменатель, прибавляется окончание *-s*: 2/3 *two thirds*; 4/9 *four ninths*.

Десятичные дроби отделяются от целого числа точкой, а не запятой, как в русском языке: 0.8 (или .8) – *point eight* (точка восемь) или *nought point eight* (ноль точка восемь) или *o [ou] point eight* (ноль точка восемь) [8].

Для обозначения простых и составных количественных и порядковых числительных, разрядов многозначных чисел (5,550,000), года (1654), дат (3 June, 3rd June, 3/6, 03/06), дробных величин (1/2) и десятичных дробей (0.8 (или .8)), номеров телефонов (0800, 000), различных аббревиатур в интернет-коммуникации (текстовые сообщения, письма электронной почты) (4 – *for*, B4 – *before*, GR8 – *great*, CUL8R – *see you later*, 24/7 – *all the time*) используется «арабская нумерация» – 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Для обозначения юбилейных дат (XX century), для нумерации некоторых страниц книги (например, страниц предисловия), глав или разделов в книгах, строф в стихотворениях, маркировки циферблотов часов под «старину» (в англо-американской типографической традиции), важных исторических событий (англ. the II W. W., рус. XXII съезд КПСС) используется «римская нумерация» – I = 1, V = 5, X = 10, L = 50, C = 100, D = 500, M = 1000. Промежуточные числа образовывались путем прибавления нескольких букв справа или слева. Сначала писались тысячи и сотни, затем десятки и единицы. Таким образом, число 24 изображалось как XXIV. Горизонтальная линия (—) над или под символом означала умножение на тысячу [9].

Таким образом, цифры и слова, обозначающие число и указывающие на количество предметов, с одной стороны, абсолютно однозначны. Видя цифру «3», человек любой национальности понимает, что 3 – это 1, 1, 1, но называет это число каждый по-своему: русский – «три», англичанин – «three» и т. п.

Более того, сами цифры, как и любой факт действительности, имеют названия. В английском языке цифры 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 имеют соответственно названия: *zero*, *one*, *two*, *three*, *four*, *five*, *six*, *seven*, *eight*, *nine*.

Но с другой стороны, сопоставляя цифровой знак со структурой имени числительного, А. Е. Супрун пишет: «Цифры – достаточно абстрактные математические знаки, не всегда тесно связанные со словесными обозначениями чисел – числительными» [10]: *three hundred and five*, *three hundred and twenty five*, *three hundred and twenty*: 305, 325, 320.

В данных наименованиях цифра «0 – zero» (ноль) не звучит, т. е. не произносится: вообще слова «zero» нет в составе ни одного числительного.

Таким образом, являясь структурным элементом различных знаковых систем, *число* может быть выражено как *в виде языкового знака в языке – числительным*, так и *специальным знаком – цифрой* (*римская или арабская*). Как показывает исследование, в художественном тексте с фразеологическими единицами, в состав которых входят числительные, сами числительные составляют около 1% слов. Среди них наиболее частотными являются «один», «два», «три», «семь» и «девять».

Поскольку числительное является главным компонентом фразеологических единиц, то чаще всего несет на себе фразовое ударение, с точки зрения академика Л. В. Щербы, то есть «интонационно-просодическую единицу, оформляющую законченность фразы и выражение ее коммуникативного типа [11]. Ударение, с точки зрения Л. В. Бондарко, можно определить как выделение с помощью тех или иных фонетических признаков одного из слогов слова. К этим признакам относятся высота тона и ее изменения, длительность элементов слова, громкость гласного и качество гласного [12].

Однако для выделения ударного слога могут использоваться все сочетания перечисленных фонетических признаков, при этом по традиции в английском языке наряду с длительностью большую роль играет интенсивность.

Таким образом, между ударными и безударными слогами создается контраст по ряду фонетических признаков, вследствие чего зона фразового ударения во фразеологической единице воспринимается как особо выделенная, или маркированная.

С целью получения эмпирических доказательств выдвинутой нами гипотезы в отношении фонетического уровня, т. е. подтверждения наличия фразового ударения у числительного как составной части фразеологической единицы в передаче значения количества или фоновых знаний, нами было решено провести эксперимент в три этапа:

- первый этап – чтение информантами предложенных фразеологических единиц с компонентом-числительным на уровне словосочетания;
- второй этап – составление тонограмм по предложенным отрывкам текстов, содержащим фразеологические единицы с компонентом-числительным;
- третий этап – проверка предложенных аудиоверсий (Voice of America) с помощью компьютерной программы по акустическому анализу и распознаванию речи – Computerized Speech Lab (CSL), суть которой заключается в том, что данный вид универсальной лаборатории спосо-

бен перерабатывать огромное количество информации за относительно короткий срок, сравнивать регистрируемый звуковой сигнал с эталоном и выводить результаты на бумагу, отражать особенности интонационного строя языка, оценивать сегментные характеристики речи.

Предметом исследования нами была выбрана экспериментальная группа в количестве 20 человек (англоязычные и русскоязычные информанты). Специального отбора в экспериментальные группы не проводилось, так как мы считали правильным проверить выдвигаемую гипотезу в реальных условиях проводимого исследования.

На первом этапе эксперимента, задачей которого является регистрация наличия или отсутствия фразового ударения на соответствующих количественных и порядковых числительных, 20 информантам, в том числе студентам факультета иностранных языков Сургутского государственного педагогического университета, было предложено 30 фразеологических единиц с компонентом-числительным на уровне словосочетания. Кроме того, часть фразеологических единиц была разослана в Великобританию и Соединенные Штаты Америки, там эксперимент проходил заочно. К заочному эксперименту пришлось прибегнуть потому, что набрать достаточное количество носителей языка в Сургуте было затруднительно. Заочным участникам эксперимента были даны подробные инструкции, и чистота эксперимента не была нарушена. Путем записи на магнитофонную ленту были зарегистрированы следующие результаты.

Так, при произнесении информантами английской фразеологической единицы под № 5 – *baggy 'first* (досл. мешковатый первый) – акцент во фразе зарегистрирован на порядковом числительном – *'first*. Несмотря на то что во фразеологизме употреблено порядковое числительное *first*, наличие фразового ударения в данной фразеологической единице является ключевым именно для передачи значения соответствующего русскому аналогу *«третий лишний»*.

Во фразеологической единице под № 12 – *'tenth wave* (десятая волна – самая сильная и опасная волна во время морской бури) – акцент в ударении зарегистрирован на порядковом числительном *'tenth*. Наличие фразового ударения в данной фразеологической единице является необходимым для передачи переносного значения – символа грозной опасности или наивысшего подъема чего-либо.

Для передачи понятия лишнего, ненужного во фразеологической единице под № 28 – *‘a fifth wheel’* (пятая спица в колеснице, что соответствует русской поговорке «третий лишний; человек, мешающий кому-л.») – акцент в ударении на порядковом числительном *'fifth*.

Анализ полученных результатов на магнитофонной пленке показал, что во время первого этапа при произнесении фразеологических единиц с компонентом-числительным при передаче значений малого количества, понятия лишнего, ненужного, грозной опасности или наивысшего подъема чего-либо всеми без исключения информантами акцент в ударении ставился на соответствующем порядковом или количественном числительном.

Во время второго этапа информантам было предложено 10 фрагментов текстов (W. S. Maugham "The Razor's Edge"; Louisa May Alcott "Little Women"; Jane Austen "Pride and Prejudice"; O. Henry "Sixes and Sevens") объемом 3000 печатных знаков, согласно которым должны быть составлены соответствующие тонограммы. В работе над данными фрагментами текстов принимало участие 10 человек (пять русскоязычных и пять англоязычных информантов). В течение часа информанты выполняли предложенную серию упражнений. Предполагаемый результат работы – составление информантами тонограмм по содержанию предложенных им фрагментов, где условными обозначениями служат: \ – нисходящий тон; / – восходящий тон; ', – ударный слог в слове; | – пауза; ↑ – фразовое ударение:

1. I was 'taking them to a 'very 'smart / restaurant | and ex'pected to 'find 'Isabel ar'raying for the oc/casion, | with 'all the 'women 'dressed up to the \nines.

2. His 'smiling /face, | 'taken in con'junction with the 'little of /wine | which he ,carried | con'veyed to 'Gordon 'Carlisle the 'definite 'picture of a /libertine | ope'rating on 'all ↑six cy\linders.

3. "We had an 'awful 'rush to\day", | Daphne ex'plained ,wearily. "Fifty 'men for 'lunch and more for /dinner, | and 'everything in the 'kitchen at ↑sixes and \sevens".

4. ... 'Wilson was bet'ween ↑two \fires.

5. " 'Don't 'peck at ↑one a\nother, | ,children. Don't you wish we had the money Papa lost when we were little, Jo?

6. Margaret, the ,eldest of the ,four, was /sixteen, | and very 'pretty, being 'plump and /fair, | with 'large 'eyes, 'plenty of 'soft 'brown /hair, | a 'sweet 'mouth, and 'white \hands, | of which she was ,rather ,vain. 'Fifteen-year-old 'Jo was very 'tall, 'thin, and /brown, | and re'minded one of a 'colt, for she 'never seemed to 'know what to 'do with her 'long 'limbs, which were 'very 'much in her \way.

What the 'characters of the ↑ four 'sisters were we will 'leave to be \found out.

7. ... But he e'luded the 'skill of them /all, | and they were at 'last ob'lighed to ac'cept the ↑second-hand in'telligence of their \neighbour, ,Lady Lucas.

8. ... And she was the 'only 'one 'creature in the 'room that he 'asked a \second time. 'First of /all, | he 'asked Miss \Lucas... .

9. But 'first they /must | they 'sit and 'listen to \speeches.

10. 'Sam 'Galloway's reper'toire comp'rised about 'fifty 'funny /stories | and 'talk through ↑twenty 'cigarettes on 'any 'topic that you \brought up.

Анализ тонограмм участников эксперимента в процентном отношении позволил сделать второе заключение, а именно 100-процентное подтверждение наличия не только фразового ударения (↑), но и словесного (') как у количественного, так и у порядкового числительных.

Во время третьего этапа была произведена проверка предложенных аудиоверсий (Voice of America) с помощью компьютерной программы по акустическому анализу и распознаванию речи в универсальной лаборатории – Computerized Speech Lab (CSL), руководителем которой является О. Г. Иванюк, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой ЛингвОМКК СурГПУ.

Так, с акустической точки зрения звуки речи характеризуются следующими признаками: высотой, силой, тембром и длительностью. Высота звука зависит от количества колебаний голосовых связок, выражаемого в герцах в секунду: чем больше герц в секунду, тем выше звук. Сила звука, или интенсивность, зависит от амплитуды колебаний голосовых связок. Сила звука изменяется в децибелах. Тембр звука зависит от совокупности основного тона и обертонов. Длительность звука зависит от количества времени, расходуемого на произнесение звука. Длительность звука связана с темпом речи: чем быстрее темп, тем меньше длительность звука, и наоборот, чем медленнее темп, тем больше длительность звука.

В свою очередь, звуки в потоке речи объединяются в слоги.

Слог, как отмечает Ю. С. Степанов, основная мера звучащей речи, представляющая собой минимальную порцию энергии голоса, имеющую свою вершину – максимальную звучность и отделенную от другой такой же порции – другого слога – падением энергии и звучности [13]. Выделение (повышение акустической мощности слога относительно других слогов в данной последовательности) с помощью тех или иных фонетических признаков (1) высота тона и ее изменения, зависящие от частоты колебаний, т. е. от количества колебаний за единицу времени, 2) длительность элементов слога – общее время звучания, 3) интенсивность элементов слога, зависящая от амплитуды (размаха) колебаний, 4) громкость гласного и качество гласного), с точки зре-

ния Л. В. Бондарко, определяет ударение в языке [14].

Таким образом, между ударными и безударными слогами создается контраст по ряду фонетических признаков, вследствие чего зона фразового ударения во фразеологической единице воспринимается как особо выделенная, маркированная. Поскольку количественные и порядковые числительные в составе фразеологических единиц – это последовательности слогов, поскольку они получают свои характеристики через тоны, силу, длительность разных слогов в их соотношении друг с другом [15].

Проанализируем данные эксперимента третьего этапа, полученные в лаборатории Computerized Speech Lab (CSL).

Полученные спектрограммы звуковых колебаний, зарегистрированных прибором (рис. 1, 2), отображают склоны волн звучности, как показано на рис. 3 и 4 (см. Приложение), постепенные нарастания звучности от начала слога к вершине и постепенные спады звучности от вершины слога к его концу. Пучки линий спектрограммы, выделенные красным цветом, и есть ударные слоги порядковых и количественных числительных (*thirty-first for thirty scholarships, Group of Eight finance, sixth through the eighth, but first, on June ninth*) и (*six to seven, eighteen countries at first, four years ago, two age groups*), которые определяются тональностью, где в свою очередь тональность определяется амплитудой колебания – наибольшим отклонением точки на спектрограмме.

Результаты поэтапного эксперимента подтверждают ударность количественных и порядковых числительных как в составе фразеологических единиц, так и в значении показателей определенного и неопределенного количества.

Таким образом, следуя точке зрения Р. И. Аванесова, согласно которой в речи столько ударений, сколько в ней знаменательных слов, в отличие от служебных, которые этой особенностью не обладают [16], ударение является одним из основных внешних признаков знаменательности слова.

Сочетание вышеизложенных уровней фонетического лингвистического анализа в составе фразеологических единиц, взятых в системе, образует устойчивую совокупность основных внешних признаков, которая может быть положена в основу определения слов-числительных как знаменательной части речи.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что количественные и порядковые числительные, входящие в состав фразеологических единиц, с точки зрения графических и фонетических особенностей являются *знаменательной частью речи*.

Примечания

1. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. С. 161.
2. Путятин Е. И. Английское числительное как часть речи // Актуальные вопросы лингвистики и обучения иностр. языкам в школе и вузе: опыт, стратегии, перспективы: сб. м-лов межвуз. науч.-практ. конф. 16 февраля 2008 г. / под ред. Е. И. Путятиной, Н. В. Герасевич. Сургут: РИО СурГПУ, 2008. С. 195–201.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Н. Д. Арутюнова, В. А. Виноградов, В. Г. Гак; под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Науч. изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 2002. С. 583.
4. Путятин Е. И. Указ. соч.
5. Иванова И. П., Бурлакова В. В. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник. М.: Высш. шк., 1981. С. 39.
6. Там же.
7. Там же.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2002. P. LA2.
9. Там же.
10. Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов н/Д: «Гефест», 1997. С. 34.
11. Лингвистический энциклопедический словарь.
12. Бондарко Л. В. Основы общей фонетики: учеб. пособие для студ. филол. и лингвистических ф-тов высш. учеб. заведений. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2004. С. 120.
13. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 89–94.
14. Там же; Бондарко Л. В. Указ. соч.
15. Степанов Ю. С. Указ. соч.
16. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. А. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. М.: Рус. яз., 1988. С. 679.

Приложение

Данные аудиоверсий фонологического уровня, полученные экспериментальным путем в лаборатории CSL

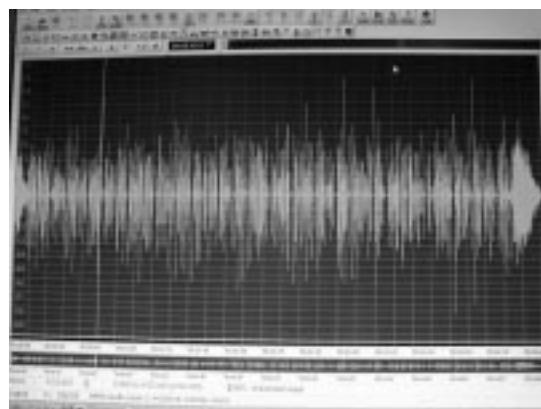

Рис. 1. Диаграмма на отрезке в 1 час

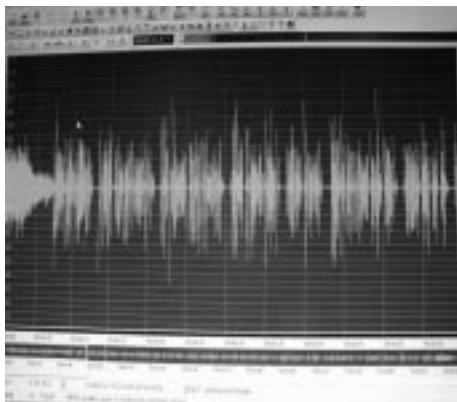

Рис. 2. Диаграмма на отрезке 1 минуты

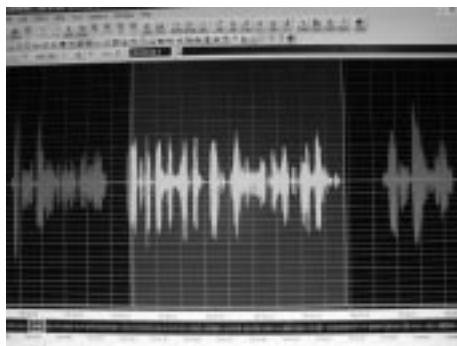

Рис. 3. Диаграмма на отрезке 10 секунд

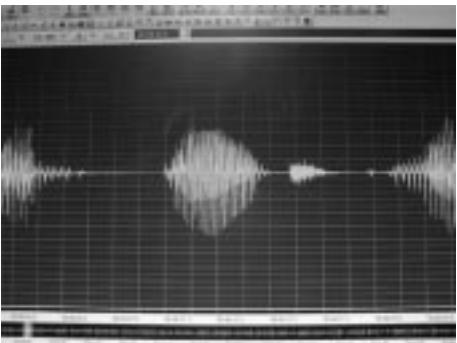

Рис. 4. Диаграмма на отрезке 1 секунды

УДК 811.111

Д. Э. Рахматуллина

РОЛЬ ПРЕДЛОГА
В ТЕМПОРАЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ ГРУППАХ
С СЕМАНТИКОЙ СЛЕДОВАНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются предложно-именные группы обстоятельств с темпоральной семантикой следования, определяется роль предлога в сочетаниях темпоральных существительных с предлогами на материале английского языка.

This article represents the adverbial preposition-noun groups with temporal successive semantics, it also defines the prepositional role in temporal structures consisting of temporal nouns and prepositions in English.

Ключевые слова: темпоральность, временное следование, предложно-именная обстоятельственная группа, предлог, исходно-опорный момент, референциальный момент.

Keywords: temporology, time sequence, adverbial preposition-noun group, preposition, starting moment, referential moment.

Темпоральный план высказывания образуется не только глагольными временными формами, но и лексическими средствами. Активную роль в создании темпорального контекста играют обстоятельства времени, локализующие событие или действие во времени точечной или линейной направленности и выраждающие значения, отсутствующие у глагола. В синтаксической функции обстоятельств выступают разные части речи, их сочетания между собой и с предлогами. Имя существительное в сочетании с предлогом является высокочастотным средством выражения обстоятельств. Установление того или иного временного плана в высказывании или тексте возможно только относительно определенной точки отсчета, «момента речи, определяющего лингвистическое настоящее» [1]. В некоторых случаях темпоральные обстоятельства не имеют непосредственной связи с моментом речи. Например, в обстоятельственной группе *two days after the wedding* количественно-темпоральное существительное с квантификатором в сочетании с временным предлогом *two days after* располагаются во времени относительно временного ориентира *the wedding (свадьба)*, а не относительно момента речи. Мы выделяем значения **нонкальные** (относительно момента речи: от лат. *nunc*

РАХМАТУЛЛИНА Диана Эдуардовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета
© Рахматуллина Д. Э., 2009

«теперь») и тонкальные (относительно другого временного ориентира: от лат. *tunc* «тогда») [2].

Имя существительное, как правило, функционирует в высказывании с каким-либо актуализатором, или уточнителем его темпорального значения, в роли которого преимущественно выступает предлог. Значение предложно-именной формы прежде всего зависит от семантики предлога, участвующего в создании данной группы. Отношение релятивности предполагает, что предлог функционирует в условиях двусторонней синтаксической связи. Таким образом, в предлоге сочетаются лексическое и грамматическое значения, осуществляя определенное отношение между предметами/действиями и отражая синтаксическую связь между словами соответственно. Значение предлога семантизировано более четко, чем падежное значение, поэтому взаимодействие предлога и падежа, возникшее на почве общего значения, со временем приводит к семантическому перевесу предлога, который позволяет выражать отношения между именами более дифференцированным образом. Ч. Фриз называет предлоги одной из разновидностей «функциональных слов», используемых с существительными, и считает их более четкими определителями грамматических отношений, чем флексии [3]. Ученый выделяет девять наиболее употребительных предлогов в сочетании с существительными (*at, by, for, from, in, of, on, to, with*), отмечая полисемантичность предлогов [4]. Например, даже учитывая только временное значение, предлог *in* с количественно-темпоральными существительными располагает действие в указанном временном отрезке и указывает на совпадение действия с этим временем: *in the evening, in February, in 1977, in future*. Если же количественно-темпоральное существительное используется с квантификатором (неопределенный артикль принимаем за указатель единственного числа) и обозначает конкретное количество, то предлог принимает значение «через, после»: *in two weeks*.

В зависимости от количества составляющих его временных компонентов, обстоятельство может быть монокомпозитным, би-, три- и четырехкомпозитным. В семантическом плане мы будем учитывать поверхностно-семантический и глубинно-семантический уровни. На поверхностно-семантическом уровне обстоятельство выражает значение следования линейной временной направленности. На глубинно-семантическом уровне обстоятельство состоит из референциального и опорного временных моментов. *Референциальным моментом* мы считаем частное временное значение, уточняющее временную локализацию относительно определенного опорного момента. Под *опорным моментом* понимается исходный момент, относительно которого рассматривается основное

действие. В составе монокомпозитного именного обстоятельства ситуативно-опорный и референциальный моменты всегда совпадают. В бикомпозитном обстоятельстве опорный и референциальный моменты совпадают, если они связаны отношением одновременности, и не совпадают, если они связаны отношением предшествования или следования. В целом при анализе темпорального референциального статуса предложно-именных групп мы будем следовать методике исследования, предложенной М. Н. Закамулиной [5]. Все имена существительные, способные выступать в функции обстоятельства времени, можно подразделить на два семантических разряда: темпоральных и процессных существительных.

В данной статье мы рассмотрим группу темпоральных существительных, для которых временное значение является первичным, подразделяющихся на существительные с качественно- и количественно-темпоральным значением. *Качественно-темпоральные существительные* выражают темпоральную семантику относительно определенной временной вехи: *future, past, present. Количественно-темпоральные существительные* выражают определенную протяженность во времени, передавая количественные отношения. Во многих языках эта группа представляет многочисленный пласт лексики и отличается высокой частотностью и большими комбинаторными возможностями: *second, minute, hour, day, week, month, year, decade, century*.

Далее мы рассмотрим несовпадение референциального и опорного моментов временного локализатора, поскольку они связаны отношением следования в составе би-, три- и четырехкомпозитных обстоятельственных групп.

1. But that mental power was yet *in the future*. (J. London “The Call of the Wild”).

В данном примере футуральную направленность выражает семантика самого качественно-темпорального существительного *future*, предлог *in*, имея в своем резерве два значения, одно из которых дублировало бы значение существительного при их совместном употреблении, принимает на себя второе (6). Это можно объяснить экономией языковых средств и стремлением избежать речевой избыточности.

Как известно, существительные с количественно-темпоральным значением, выражая определенную протяженность во времени, не имеют никакой зависимости от отношений «прошлое – настоящее – будущее», в связи с чем обладают большими комбинаторными возможностями и являются высокочастотными единицами. Наполняя обстоятельственную структуру семантикой следования, предлог выражает категориальное значение.

Следует отметить, что характер временного ориентира у разных предложно-именных групп

обстоятельств различный. Например: *Мы пообедали. Он пришел через час*. Глагольный предикат первого предложения является временным ориентиром для бикомпозитного обстоятельства с количественно-временным существительным. Если существительное выражает конкретное часовое время, то оно будет выполнять функцию временного ориентира в обстоятельстве: *Приходите сегодня после семи*. В английском языке функционируют следующие предлоги, придающие высказыванию семантику будущего: *after, in, from, on, since*.

2. You may come and see her *after seven o'clock* if you wish (E. Hemingway "A farewell to arms").

Референциальный момент бикомпозитного обстоятельства (предлог *after*) находится в отношениях следования с опорным моментом (*seven o'clock*), придавая действию точную оценку временной локализации.

Предлог *in* обозначает временное пространство *сразу после* промежутка времени, в который что-либо произойдет, в то же время указывая на временной предел.

3. Come back *in an hour*, Ferdie (S. Fitzgerald "The Great Gatsby").

В данном примере бикомпозитное обстоятельство, состоящее из именного компонента (временно-количественное существительное с квантификатором) и предлога (референциальный момент, состоящий в отношениях нонкального следования с опорным именем), указывает на конкретный момент совершения предполагаемого действия в будущем.

В сочетании с количественным существительным *minute, moment, instant* "*in*" реализует семантику короткого неопределенного промежутка времени проспективной направленности.

4. In a little while it will be morning and then it won't be so bad (E. Hemingway "A farewell to arms").

Предлоги *at* и *with / within* отражают двойной референциальный статус симультанности и следования за исходно-опорным моментом. Рассмотрим примеры с отношениями следования.

5. Within a year of Connie's last call, it had happened (D. Lawrence "Lady Chatterley's Lover").

6. At the start of the winter came the permanent rain and with the rain came the cholera (E. Hemingway "A farewell to arms").

7. ...He was at present a penniless young man without a past, and at any moment the invisible cloak of his uniform might slip from his shoulders (S. Fitzgerald "The Great Gatsby").

В примере (7) семантика следования передается сочетанием количественного существительного с прилагательным неопределенного-обобщенного значения *any*, предлог же располагает событие в указанном временном отрезке. При упот-

реблении данной группы без предлога семантика следования сохраняется: *He might come any minute*.

Предлог *from (...to)* находится также на границе пересечения темпоральной и аспектуальной семантики, поскольку репрезентирует начальный момент временного отрезка, верхняя граница которого может быть представлена в тексте (*from five to six o'clock*) либо совпадать с моментом речи. При отношениях нонкального следования верхняя граница временного промежутка может оставаться открытой, а нижняя его граница (т. е. количественно-временное существительное, вводимое предлогом) будет совпадать с моментом речи. Следовательно, предлог *from* будет выражать нонкальное значение следования только в бикомпозитной именной группе, состоящей из количественно-временного существительного и указательного детерминатива, совпадающего с настоящим моментом (*from this moment / year / time*).

8. "Let it be understood that from this moment," he said, "I stand in the position of Nicole's protection until the details can be arranged..." (S. Fitzgerald "Tender is the night").

В (8) значение следования репрезентировано бикомпозитным обстоятельством с опорным моментом, совпадающим с временем речи (*this moment*), и референциальным моментом (предлогом *from*), выполняющим роль «стартовой точки» действия, выраженного глагольным предикатом. Более очевидна семантика нонкального следования в бипредложных именных или адвербиальных обстоятельственных структурах *from + this moment / now + on* [Prep+Nt / Adv+Prep], состоящих из предлога *from* и послелога *on* и количественно-временного существительного с указательным детерминативом *this moment* с обобщенно-неопределенным значением «сейчас» или наречия *now*. Проявление значения следования в данных конструкциях, скорее всего, является заслугой послеложного компонента *on*, имплицирующего семантику проспективной линейности, роль предлога *from* остается прежней (отправной момент действия).

9. "Don't move," she said. "I'm going to look at you a great deal from now on" (S. Fitzgerald "Tender is the night").

Существуют конструкции, подобные *from now on*, выражающие тонкальное следование, где в роли исходно-опорного момента уже выступает наречие *then: from then on*. При этом наречие *then* имплицирует какое-либо событие или цепочку событий, которые выражаются предикатом в предтексте или подразумеваются.

10. I walked out of the bungalow, leaving her, white-faced, her eyes pools of fear and rage. From then on until midnight, I sat by the pumps, waiting for trade (J. Chase "Come easy go easy").

Таким образом, качественно-временные существительные и сочетания количественно-временного существительного с прилагательным неопределенного обобщенного значения в составе бикомпозитных предложно-именных обстоятельственных групп автономно передают семантику следования. Роль предлога сводится к расположению события в определенном временном отрезке. Количественно-временные существительные могут создавать бикомпозитные временные группы обстоятельств нонкального следования в сочетании с предлогами *after*, *in*, *from*, *with*, *at* с их очевидным семантическим доминированием, так как именно они придают временному направлению действию, реализуют его проспективность. Существительные же играют роль исходно-опорного момента временного локализатора. Наречие наравне с существительным может выступать в предложных сочетаниях, являясь исходно-опорным моментом обстоятельства и обозначая событие контекстуально подразумеваемое или представленное глагольным предикатом в предтексте. В бипредложных группах, конституируемых количественным существительным *moment* / *minute* / *time* или наречием *now* / *then* и двумя предлогами *from* и *on*, функцию референциального момента выполняет предлог *from* с семантикой начинательности. Роль последлого *on* сводится к приданию действию проспективной направленности.

Примечания

1. Закамулина М. Н. Тимпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст (сопоставительное исследование). Казань: Татарское книж. изд-во, 2000. С. 138.
2. Там же. С. 34.
3. Fries Ch. American English Grammar. New York; London, 1940. P. 110.
4. Там же. С. 112–113.
5. Закамулина М. Н. Указ. соч. С. 147–150.

УДК 82.03

Л. П. Тарнаева

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ПЕРЕВОД В СФЕРЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

В статье рассматриваются основные характеристики делового дискурса в преломлении к проблемам перевода. Деловой дискурс анализируется с позиций социокультурного и когнитивного подходов. Утверждается, что знание национально-культурной специфики речевого поведения носителей контактирующих в переводе лингвокультур является необходимой составляющей профессиональной компетентности переводчика.

The paper studies the main characteristics of business discourse in translation perspective. Discourse in situations of business interaction is viewed from sociocultural and cognitive approaches. It is highlighted that the knowledge of specific features of verbal communication in the source and target cultures is a necessary component of the translator's professional competence.

Ключевые слова: дискурс, перевод, деловое общение.

Keywords: discourse, translation, business discourse.

Перевод, как вид коммуникативной деятельности, присутствует во всех сферах межкультурных деловых отношений. Переводчик востребован в таких ситуациях делового взаимодействия, как переговоры, конференции, различного рода презентации, рекламные акции, официальная переписка и т. д. Адекватное воссоздание переводчиком культурного пространства переводческого процесса является важнейшим условием достижения взаимопонимания в межкультурных деловых отношениях.

Рассмотрение текстов, функционирующих в процессе делового перевода, с точки зрения их лингвопрагматических особенностей требует обращения к категории дискурса. Глубокий интерес к исследованию дискурса в целом ряде гуманитарных дисциплин вызван тем, что дискурс-анализ (discourse analysis) позволяет, как отметил Т. А. ван Дейк, глубже понять механизмы человеческой коммуникации и вербальной интеракции [1]. Дискурс рассматривается исследователями с различных позиций. В плане проблематики делового перевода релевантным является рассмотрение дискурса с позиций социолингвистики, в рамках которой разграничивают статусно-ориентированный (институциональный) и личностно-ориентированный (персональный) дискурс. Деловой дискурс является разновидностью

ТАРНАЕВА Лариса Петровна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре второго иностранного языка Российской государственной педагогической университета им. А. И. Герцена
© Тарнаева Л. П., 2009

институционального дискурса, который определяется исследователями как речевое взаимодействие людей, стремящихся реализовать свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов [2]. Институциональный дискурс характеризуется такими признаками, как ориентация на структуру, максимум речевых ограничений, относительно фиксированная мена коммуникативных ролей, меньшая обусловленность контекстом, примат глобальной организации, глобальный характер целей [3]. Среди основных характеристик институционального дискурса отмечают также развернутость, предельную насыщенность смыслами, преобладание монологичности, нормативность языковых средств [4]. Деловой дискурс с его ритуальностью, со значительной долей шаблонности, трафаретности, клишированности в полной мере эксплицирует характеристики институционального дискурса.

Деловое общение, которое является сферой функционирования статусно-ориентированного дискурса, в широком смысле определяется исследователями как взаимодействие людей в разноплановых ситуациях профессиональной, научной, культурно-просветительской, экономической, общественно-политической, правовой и других сфер жизнедеятельности человека [5]. Это речевой контакт между людьми, связанными интересами дела, имеющими необходимые полномочия для разрешения деловых проблем и выработки конкретных подходов к их разрешению [6]. В рамках делового общения осуществляются познавательная, аргументативная, экспрессивная, социально-ритуальная функции коммуникации [7], реализуются такие деятельностьно-коммуникативные потребности, как контактно-установочная, информационная, воздействующая [8]. Все эти характеристики определяют структуру и течение делового дискурса, обуславливают речевое поведение коммуникантов.

В последние годы наблюдается значительный интерес исследователей к разработке межкультурного аспекта дискурс-анализа. Во главу угла при рассмотрении дискурса ставятся специфические характеристики вербального поведения коммуникантов, принадлежащих к разным лингвокультурным общностям. Соответственно, исследователи ведут речь о национальных дискурсах, в рамках которых выделяют бытовой, научный, педагогический, юридический, политический и другие виды дискурса. Пользуясь предложенным В. В. Красных определением русского национального дискурса [9], под национальным дискурсом любой лингвокультуры можно понимать *вербализованную речемыслительную деятельность, представляющую собой совокупность процесса и результата, обладающую как лингвистическим, так и экстраполингвистическим планами и осуществляющую*

на данном национальном языке. При этом, как отмечает В. В. Красных, следует учитывать тот факт, что возможны пограничные случаи, когда общение осуществляется на каком-то определённом языке представителями разных лингвокультур. В этих случаях дискурс нельзя определить как моннациональный, так как даже при идеальной лингвистической форме выражения когнитивные аспекты, т. е. то, что стоит за лингвистической формой, будут весьма различны [10]. Если подходить с известной долей строгости к сопоставлению когнитивных образов одних и тех же ситуаций у разных людей, то обнаруживается, что они никогда не совпадают [11]. Что же касается типов дискурса, функционирующих в каждом национальном дискурсе, то вполне логично вслед за В. В. Красных предположить, что это не отдельные (в строгом смысле) типы дискурса, но лишь некоторые его модификации, определённым образом «адаптированные» в соответствии с той сферой, в которой они функционируют [12]. Такая трактовка позволяет определить *деловой дискурс в его широком понимании как разновидность национального дискурса, характеризующуюся использованием национальных речевых ресурсов в преломлении к потребностям в общении людей, исполняющих социально детерминированные роли, обусловленные определёнными социальными и профессиональными интересами.*

Существует и иная позиция в понимании делового дискурса. Так, В. А. Варламов высказывает мысль о том, что «деловой язык существует как наднациональная универсалия, которая реализуется в виде конкретных национальных вариантов [13]. Деловой язык любого национального языка, по крайней мере европейского, считает В. А. Варламов, обладает схожими (в известных пределах) тенденциями обособления от всех других вариантов данного национального языка по морфологическим, лексическим, синтаксическим и прочим признакам. Вследствие роли английского языка в современном мире базовые принципы строения и функционирования делового английского языка во многих своих чертах транспонируются и на деловой русский язык [14]. Однако такая точка зрения далеко не бесспорна. Если деловой язык является наднациональной универсалией, то сходство его национальных вариантов должно предопределяться некой универсальной данностью, а не являться следствием влияния одного из вариантов на другие. Вместе с тем трудно не согласиться с мыслью о том, что англоязычный бизнес-лексикон оказывает значительное влияние на терминологические системы делового общения других языков, русского в том числе. В современном мире английский язык стал языком межкультурной коммуникации во многих областях международной жизни, и в пер-

вую очередь, в деловом мире. Соответственно, англоязычный бизнес-лексикон оказывает значительное влияние на терминологические системы делового общения других языков.

В настоящее время в теории дискурса интенсивно развивается когнитивное направление, в рамках которого дискурс рассматривается как «орудийный продукт мыслительной деятельности человеческого сознания» [15]. Являясь рече-мыслительной деятельностью, дискурс, с одной стороны, понимается как информационная структура, представляющая собой хранилище разных видов знаний [16], с другой – как процесс передачи знаний, оперирования знаниями и создания новых знаний [17]. В когнитивном ракурсе рассмотрения речевая деятельность коммуникантов моделируется в виде когнитивных структур, которые одни исследователи представляют как фреймы и фреймовые сценарии, моделирующие типовую структуру некоторого события или ситуации (Ч. Филмор, М. Минский, А. Вежбицкая, И. И. Халеева, В. В. Хайруллин, Н. И. Алмазова и др.), другие – как взаимодействие концептов, составляющих содержание индивидуальных когнитивных пространств участников общения (Ю. С. Степанов, В. В. Красных, В. И. Карасик, Н. Ф. Алефиренко, И. А. Стернин, Г. Г. Слышик и др.). В качестве компонентов, участвующих в конструировании когнитивного образа ситуации общения, М. Л. Макаров выделяет следующие: (а) метакоммуникативные компоненты внутренней организации дискурса; (б) элементы дейксиса (социальный дейксис, языковые символы социальных, ролевых отношений общающихся); (в) дейксис дискурса (языковые индексы, маркирующие его структуру, помогающие ориентироваться в тексте) [18]. В межкультурном общении каждый из этих компонентов представлен набором концептуальных структур, отражающих специфику национального менталитета носителей контактирующих культур.

В моделировании ситуаций межкультурного делового общения задействованы как универсальные, так и культурно-специфические концепты. Примером «универсального» в деловом дискурсе могут служить концепты, отражающие определённые ценностные ориентиры. Так, к примеру, в *дискурсе переговоров* при всём различии культурных ориентиров участников переговорного процесса основой взаимопонимания является некий «набор» универсальных ценностей, которые вытекают из этикета, принятого в деловой среде – это стремление к сотрудничеству, уважение интересов партнеров, обязательность, позитивность, корректность, следование этикетным нормам. В лингвопрагматическом плане дискурс переговоров характеризуется, как отмечает Н. А. Баландина, наличием терминологической лексики и лексики с положительной конно-

тацией, преобладанием стереотипов, клишированных фраз, речевых штампов, обеспечивающих однозначную передачу информации, использованием различных средств выражения готовности брать на себя обязательства, решать проблемы и т. п. [19].

Универсальные компоненты делового дискурса могут проявляться в композиционном построении текстов, являющихся результатом дискурсного процесса. Например, *деловое письмо* предусматривает соблюдение таких требований, как исполнение на специальном бланке, набор реквизитов, наличие подписи и т. д., что позволяет вести речь о наличии многокомпонентного «универсального» концепта-фрейма, объективированного в лингвистическом плане в виде определённой композиционной структуры с функционально закреплёнными фонетическими, лексико-грамматическими и стилистическими средствами. При наличии значительного числа «универсальных» характеристик, деловой дискурс каждой национальной лингвокультуры имеет чётко выраженную специфику, которая обусловлена тем, что каждый коммуникант строит своё речевое поведение в соответствии с содержанием своей индивидуальной когнитивной системы, сформированной на основе когнитивного пространства родной лингвокультуры. Ключевые культурные концепты, составляющие ядро любого национального когнитивного пространства, отражают ценностные ориентиры носителей данной лингвокультуры. Отражение культурной специфики ценностных систем можно проследить, в частности, на примере *рекламного дискурса*. На основе сопоставительного анализа лингвокультурных особенностей рекламы исследователи приходят к выводу о том, что рекламные тексты товаров, принадлежащих к одной и той же категории, «апеллируют к различным ценностям в зависимости от того, для какой национально-культурной общности они предназначены, что, в свою очередь, отражается на содержании текстов и их языковом воплощении» [20]. Несмотря на то что русский менталитет переживает вторжение западных культурных ценностей, в рекламе товаров, предназначенных для российских потребителей, учитываются национальные особенности российского менталитета, такие, как эмоциональность, душевная открытость, общительность. Поэтому, как отмечает А. А. Биялова, рекламные тексты часто апеллируют к эмоциональной сфере потенциальных потребителей товара [21]. Как следствие, замечают Л. М. Глизерина и Е. Н. Морозова, при составлении рекламных текстов зачастую переводится не сам текст, а переносится имидж товара [22].

Изучение работ, связанных с рассмотрением специфики англоязычного дискурса, позволило выделить, в частности, ряд отличительных черт

когнитивной ситуации *англоязычной презентации*. Прежде всего, следует отметить направленность всех компонентов дискурса презентации на обеспечение композиционной стройности, логичности, линейного развития основной мысли. Большое значение придаётся концептуальному предложению (*topic sentence*) и способам раскрытия его содержания. Концептуальная структура англоязычной презентации предусматривает построение дискурса таким образом, чтобы каждое последующее высказывание (предложение) служило раскрытию главной мысли, выраженной в ключевом предложении, детализировало или разъясняло его смысл. Главная мысль может раскрываться с помощью деталей, примеров, иллюстраций, сравнения или контраста, хронологического перечисления, классификации и т. п. Большое значение имеет начало текста: это может быть интересный факт, пословица, цитата, аллюзия к историческому событию и т. п. – всё должно быть построено таким образом, чтобы привлечь внимание реципиента [23].

Сфера функционирования делового дискурса чрезвычайно широка, поскольку широк и разнообразен спектр ситуаций делового общения. Деловой дискурс в каждом национальном варианте представляет собой своеобразную «мозаику», поскольку каждая сфера делового общения предъявляет свои специфические требования к лексическому, грамматическому, стилистическому, композиционному оформлению высказываний участников коммуникации, отражает специфику концептуализации коммуникантами реалий данной сферы делового взаимодействия. Знание национально-культурной специфики дискурса в контактирующих в переведческом процессе лингвокультурах относится к числу важнейших квалификационных характеристик языковой личности переводчика. Успешность каждой конкретной ситуации межкультурного делового общения во многом зависит от умений переводчика корректно интерпретировать культурно-маркированную информацию, функционирующую в процессе перевода, гармонизировать в случае необходимости сам процесс общения с помощью корректного перевода, обходя «подводные камни» национально-культурных несоответствий в вербальном и невербальном поведении коммуникантов.

Примечания

1. Dijk T. A. van. Introduction: The Role of Discourse analysis in Society // Handbook of discourse analysis. V. 4.

Discourse analysis in Society / T. A. van Dijk (Ed.). L., etc., 1985. P. 1–8.

2. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. С. 185–197.

3. Макаров М. А. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.

4. Карасик В. В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004.

5. Алмазова Н. И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2003.

6. Кузин Ф. А. Культура делового общения: практическое пособие для бизнесменов. М.: Ось-89, 1996.

7. Григорьева В. С., Любимова М. К. Элементы теории и практики делового дискурса на материале немецкого и русского языков: учеб. пособие. Тамбов, 2006.

8. Астафурова Т. Н. Национально-культурный компонент деловой культуры // Этническое и языковое самосознание. М., 1995. С. 9–10.

9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ГНОЗИС, 2003.

10. Там же.

11. Там же.

12. Там же.

13. Варламов В. А. Морфолого-семантические явления при переводе английских финансовых лексем их однокоренными русскими эквивалентами // Университетское переводоведение: Третий Федоровские чтения. СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2002. С. 112–120.

14. Там же.

15. Пушкин А. А. Прагмалингвистические характеристики дискурса личности // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 45–53.

16. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 66–78.

17. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 7–25.

18. Там же.

19. Баландина Н. А. Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

20. Билялова А. А. Сопоставительный анализ этнокультурных особенностей рекламного текста // Культура. Коммуникация. Корпоративность. Йошкар-Ола, 2007. С. 61–65.

21. Там же. С. 63–64.

22. Глизерина Л. М., Морозова Е. Н. Культурно-этические нормы и проблемы языка рекламы // Культура. Коммуникация. Корпоративность. Йошкар-Ола, 2007. С. 87–90.

23. Там же; Connor U. Contrastive Rhetorics. Cambridge: CUP, 1996; Zimmerman C. M., Campbell J. J. Fundamentals of Procedure Writing. L.: Kogan Page, 1988.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Литература России. Современный литературный процесс

**Фольклор. Структура текста.
Мотивационный и концептуальный анализ.
Традиции и их отражение в современной прозе**

УДК 821.511.131

И. В. Пчеловодова

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ УДМУРТСКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

В статье рассматривается композиция удмуртских лирических песен, которые делятся на краткосюжетные и сюжетные. Выделяются мотивы-инварианты (размышления, тоски, одиночества), встречающиеся во всех тематических группах и наиболее ярко характеризующие песенное творчество удмуртов.

In this article we research composition of poetical texts of udmurt lyric songs. There are plot and short plot songs in udmurt tradition. We select following motives: thought about the fate and state of mind of the performer (homesickness, loneliness). These motives characterize udmurt folk song tradition.

Ключевые слова: композиция, удмуртские лирические песни, краткосюжетные, сюжетные, мотивы.

Keywords: composition, udmurt lyric songs, plot songs, short plot songs, motives.

Удмуртские лирические песни, в отличие от многочисленных исследований этого жанра в русской фольклористике, до сих пор не являлись темой специальных исследований. Записанные в разных районах Удмуртской Республики и за ее пределами, включенные в разного рода сборники, они, в зависимости от специализации исследователей, систематизировались на основе либо филологической классификации (по тематическим группам), либо музыковедческой (бытование, музыкальные особенности).

В своей статье мы остановимся на филологической классификации и проанализируем минимальные структурные единицы фольклорного текста – мотивы. В фольклористике термин «мотив» принято воспринимать как единицу фольклорной системы, структурообразующий элемент сюжетосложения. Б. Н. Путилов выделяет три уровня значения данного термина:

1. Это «зерно сюжета», «формула, породившая сюжет», в этом значении мотив совпадает с понятием «сюжетная тема».

2. На инвариантном уровне – это стереотип, схематическое обобщение ситуации, коллизии, события, поступка, характеристики.

3. На уровне отдельных текстов – это конкретная реализация стереотипа, схемы [1].

Удмуртские лирические песни по своей тематической направленности можно разделить на пять блоков, которые были выделены удмуртскими исследователями М. П. Петровым [2] и П. К. Поздеевым [3]: о судьбе/жизни, о любви, сиротские и батрацкие, о беглых и тюремные, солдатские.

По структуре поэтического текста удмуртские лирические песни делятся на краткосюжетные, или многомотивные, и сюжетные. Первые большее распространение получили на юге Удмуртии. Сюжетные песни более всего зафиксированы в североудмуртской песенной традиции.

Краткосюжетные песни складываются из набора мотивов-строф, расположенных в любой последовательности, но сходных по эмоциональному состоянию. Поэтические тексты не имеют четкой

ПЧЕЛОВОДОВА Ирина Вячеславовна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УрО РАН)
© Пчеловодова И. В., 2009

закрепленности в последовании строф, при этом каждая из них уже содержит зерно сюжета, являясь его своеобразным лаконичным изложением [4]. Эти песни сохранили генетическую связь с обрядовыми песнями на уровне композиции (нанизывание мотивов, сходных по эмоциональному тону, вопросно-ответная форма), художественных приемов (психологический параллелизм, отрицательный параллелизм, вариационный параллелизм, ступенчатое сужение образов, синтаксический параллелизм, метафорическая антитеза), образов.

Наряду с общефольклорным фондом существует определенный набор мотивов, характерных для того или иного жанра устного народного творчества.

Для краткосюжетных песен характерны внешне статичные мотивы, констатирующие факт эмоционального выражения и душевного состояния. Мы выделяем две основные темы лирических песен: констатация факта счастливой жизни/любви и несчастливой жизни/любви. В удмуртских лирических песнях наибольшее распространение получила тема несчастливой жизни/любви. Она раскрывается через мотивы предопределенности, разлуки/расставания/отъезда, смерти. Различны способы выражения обозначенных тем. Основной мотив выражения счастливой жизни/любви – **мотив-пространство:**

- родного дома/родителей:

*Анай полын анай туши тыфос –
Родной нэнийэ каð ээ овол.*

Средь матерей матерей очень много –
[Но] подобной моей родной матери,

нет.

[5]

- мужа/жены/супружеской жизни:

*Улонлэн, нэ, шулдыфээ,
Кузэн-палэн улыкы.*

[Этой] жизни-де веселье,
Когда супружеской четой живешь.

[6]

- любимого/любимой:

*Овол, дыф, дуннеын сяськаос
Италмас сяськаалэс чеберез.
Овол, дыф, дуннеын, ой, нылъёс
Яратон туганлэс мусоез.*

Нет, наверно, на свете цветов
Красивее цветка купавы.
Нет, наверно, на свете, ой, девушек
Красивее моей любимой.

[7]

Тема несчастливой жизни/любви выражается с помощью мотива-размышления о жизненных ценностях, мотива-сожаления/переживания, мотива-жалобы/сетования, мотива-состояния тоски, одиночества, мотива-предсказания.

Как правило, в песнях о судьбе/жизни находит отражение несчастливая судьба человека, сравниваемая, например, с жизнью кукушки – **мотив-размышление о собственной судьбе:**

*Адямиос но, ой, полын адями
Котькыцеез трос,
Одигезлэс но одигез
Мынэсътым шудтэмэз овол.
Тылобурдо но, ой, полти
тылобурдо,
Кикылэс но шудтэмэз овол.*

Среди людей
Много разных людей [встречается].
Нет никого
Несчастливее меня.
Среди птиц да, ой, много [разных]
птиц [встречается],
Нет несчастливее кукушки.

[8]

Пытаясь понять причину своей несчастливой судьбы, человек объясняет это как данность свыше («Шудтэм гожтэм Иммаfe» – «Быть несчастливым мне Богом суждено») или несчастливой судьбой своих родителей:

*Мон-а шудо луо ай,
Мемей-дядий шудтэм бере.*

Буду ли я счастливой(ым),
Если родители несчастливы.

[9]

Осознание того, что счастье (*шуð*) дается в жизни не каждому человеку, порождает горестные размышления о собственной судьбе:

*Бамы чыжыт учкыны но,
Шудэ овол улыны.*

Лицо у меня румяное,
Да счастья в жизни нет.

[10]

Согласно традиционному мировоззрению, счастье имеет способность прятаться от людей или ищет того человека, который заслужил право быть счастливым. Поэтому его необходимо порой даже искать. В этом случае Счастье может изображаться в песне как живое существо:

Кошкем, дыр, мынам шудъесы но,
Пегзем, дыр, мынам шудэ.
Ветлэ, дыр, со дунне вылти,
Яратон муртъёссэ утчаса.

Ушло, наверно, мое счастье, да,
Спряталось, наверно, мое счастье.
Ходит, наверно, по свету,
Ищет тех, кто ему понравится.

[11]

Несчастливая жизнь может быть предсказана на основе некоторых поверьй. Например, способность петь в удмуртской культуре имеет двойной смысл. С одной стороны, поющий человек почитаем иуважаем всеми в деревне, в то время как человек, не умеющий петь, вызывает насмешки. С другой стороны, умение петь является своего рода предсказанием несчастной жизни, что способствует появлению устойчивого мотива-предсказания:

Туж пичи дыръям усто вал
Кырзаны но вераны.
Соку, ой, ик но тодэмын вал,
Шудтэм луо шуыса.

Когда маленькая была,
Мастерицей петь была.
Тогда уже было известно,
Что несчастлива буду.

[12]

Предсказателем будущего является образ соловья:

Ведра кути, кафнан кути,
Вулы мыно шуыса.
Кафнан пумам учы чифдиз,
Ас улонме малласа.

Ведро взяла, коромысло взяла,
Чтобы за водой сходить.
На краю коромысла соловей [сидел и]
пел,
О моей жизни размышляя.

Узыр муфтлэн шор чинъялз
Чиля азвесь зундэсэз.
Начар муфтлэн бам кузятиз
Васъке пось синкылиез.

У богатого человека на среднем пальце
Блестит серебряное кольцо.
У бедного человека по лицу
Катятся жгучие слезы.

[13]

Размышляя о своей судьбе, удмурт не противится ее воле, а принимает ее такой, какая она есть. Это связано, по-видимому, с восприятием судьбы как данности свыше, сопротивление которой невозможно. Предпочтительнее даже смерть в младенческом возрасте, чем осознание несчастливой доли, что выражается через мотив смерти:

Шудтэм улонме тодсал ке,
Мугорме но ой будэтысал.

Если бы знал(а), что буду несчастлив(а),
Не вырастил(а) бы своего тела.

[14]

Не менее значительную часть составляют песни, в которых одним из основных элементов является мотив-сожаление о проходящей и прошедшей молодости. Главное значение здесь придается времени. Время соотносится с продолжительностью человеческой жизни, которая делится на три основных этапа: рождение – молодость – старость/смерть. Крайними точками временного пространства человека являются рождение и смерть, между которыми и проходит жизнь [15]. Молодость – середина человеческой жизни, период расцвета человека, его физической зрелости. Бесермяне этот период жизни сравнивали с периодом летнего солнцестояния, наиболее «сильной частью года» [16]. Необходимость течения жизни (= молодости) приносит человеку самые тяжелые переживания. Быстротечность молодости ярко показана в сравнении с некоторыми бытовыми или природными явлениями. Пора молодости, например, значительно короче времени остывания чая или падения осинового листа:

Ортчиз пинал дауре
Чаша чай но сиятозъ,
Чаша чай но стятозъ.

Прошла моя молодость
Быстрее остывающего чая,
Быстрее остывающего чая.

[17]

Луиз ке, ой луоз
Та пинал дауре
Пипулэн чуж куафез
Бергаса усьтозъ.

Если будет, ой, будет
Эта молодость
Короче того, как осиновый желтый лист,
Кружась, падает.

[18]

Время, отпущенное человеку, направлено только вперед (линейное время). Как все в природе соответствует определенному времени года, так и человеческий возраст соотносится с расцветом и увяданием природы:

Ой, уг лу толалтэ
Сяськаез поттыны.
Ой, уг лу берыктыны
Шулдыф нылдыф даурез.

Ой, нельзя зимой
Цветок вырастить.
Ой, нельзя вернуть
Веселую девичью пору.

[19]

Нередко молодость представлена в образе живого существа. Она, как и человек, может выражать свои горестные чувства слезами:

Та пинал но даурьёссы
Ортче меда, ортчемез
потыса?
Ортчемез потыса ортчысал
ке,
Ой бордышал, кымин(ъ) но
выйдыша.

Эта молодая пора
По своей ли воле проходит?
Если бы [она] хотела проходить,
Не плакала бы навзрыд [букв.:
‘ничком упав’].

[20]

Привоположностью молодости выступает старость, которая неизменно приходит ей на смену (мотив противопоставления молодости/старости). В песнях изображается, как молодое и стройное тело, перенеся все невзгоды и тяготы жизни, теряет красоту. При этом старость также может выступать в виде одушевленного лица:

Сяська кадъ ымныфы,
Сюсътыл кадъ мугоры,
Дырыз ке вуылиз,
Пересъмон басътоз.

Мое лицо, словно цветок,
Тело, словно свеча [стройное],
Время придет,
Состаряется (букв.: ‘старость
возьмет/заберет’).

[21]

Расставание с родным пространством, удаленность от родного и близкого окружения являются одной из причин неблагополучного душевного состояния человека. Разлука создает ситуацию взаимного горя родителей и детей, которая усугубляется пониманием состояния одиночества и тех, и других. Мотив расставания/разлуки генетически связан со свадебными песнями проводов невесты и рекрута:

Тон эн мозмы, мусо мемие,
Тон эн вера «Огнам кылисъко».
Аслэсътэм мон сюлэм
шунытме,
Мемие, тон доры кельтисъко.

Ты не скучай, милая матушка,
Ты не говори «Одна остаюсь».
Тепло своего сердца,
Матушка, я тебе оставляю.

[22]

Этот же мотив наиболее распространен и в песнях о несчастливой любви:

Тон ик монэ яфатид но,
Тон ик монэ бунэтид.
Тон ик монэ, пинал муфтэ,
Астэ малпаны кельтид.

Ты же меня полюбил, да,
Ты же меня и позабыл.
Ты же мне, молодой,
О себе думы оставил.

[23]

Күштисъкид, муфтэз кумид,
Люкисъкыса улыкум.

Бросил(а) ты меня, другую(ого)
нашел(ла),
Пока в разлуке мы с тобой были.

[24]

Милойэ кошкиз туж кыд' окэ,
Монэ огнамэ со кэл' тиз.

Милый мой уехал очень далеко,
Меня одну он оставил.

[25]

Особая привязанность удмурта к своему дому, деревне, разлука с любимым человеком вызывают сильное чувство тоски, выражющееся в песнях через мотив-состояние тоски, одиночества. Остав-

вшись без поддержки родных и близких людей, одинокий человек сравнивает себя с одиноким гусем, оторвавшимся от своей стаи:

Мон улисъко туж кыдёкын,
Лобзыса усем луд зазег ни сяин.

Я живу очень далеко,
Словно оторвавшийся от стаи
дикий гусенок.

[26]

Наиболее ярко чувство ностальгии проявляется в песнях сибирских удмуртов. Покинув свои края в начале XX в. во время проведения столыпинской аграрной реформы, часть удмуртских семей переселилась в Сибирь (Красноярский край и Томскую область). В песнях сибирских удмуртов отражается любовь к своим родным местам и желание увидеть их:

Зарни меда Кузёбай но,
Аз весь меда Кузёбай?
Куать писпулэсэй ийлээ югса
Адзисъкоз меда Кузёбай?

Золотое ли мое Кузебаево,
Серебряное ли мое Кузебаево?
Если срубить верхушки шести
деревьев,
Покажется ли за ними мое
Кузебаево?

Неноку но мон ой малпа,
Итамлас толзоз шуса.
Неноку но мон ой малпа,
Сибири лыкто шуса.

Никогда я не думал(а),
Что купава отцветет.
Никогда я не думал(а),
Что в Сибири буду жить.

[27]

В современных условиях поводом для жалобы на свою несчастную судьбу становится даже то обстоятельство, когда человек временно отлучен от родного окружения – попадает в больницу, чужую для него обстановку:

Оло ноши шудтэме понна
Больничайын мон кылмисъко.

Или потому, что несчастлива,
В больнице я лежу.

[28]

В песнях о любви мотив тоски по любимому/любимой отражает душевное состояние влюбленных, находящихся в разлуке:

Туганэ кошкиз
Туж но кид'окы.
Сюлэмам кэл'тиз
Туж с'экыт кайгы.

Уехал мой любимый
Очень далеко,
В моем сердце оставил
Большую печаль.

[29]

Девушка предпочитает умереть или вообще не познавать чувства любви, чем испытать горечь переживания из-за разлуки/расставания с любимым человеком:

Туганлэсэ күштэмээ тодысал ке,
Кокын дыфъя ик мед куло
былисъкем.

Если бы знала, что милый бросит,
Умереть бы в колыбели.

[30]

Тодысал ке, ой чигысал
Та льомту сяськаэз.
Яратыса ой ветлысал,
Люкисъконмес тодсал ке.

Если бы я знала, не сорвала бы
Цветка яблони.
Не любила бы тебя,
Если бы знала о нашей разлуке.

[31]

Сетование и жалоба на судьбу – наиболее распространенный мотив в группе песен о семейной жизни:

Марлы меда мон утчасъкем
Пинал дыфъям кузпалээ?
Кузпалээ ой ке утчасал,
Куфектыса улонээ но ой луысал.

Для чего только я искала
В молодости свою половинку?
Если бы не искала,
Переживаний и страданий бы не
познала.

Кузпалэ ке ой лувысал,
Нылтие но ой лувысал.
Нылтиосы кошкизы но,
Мозмыса улисъко ини.

Не было бы мужа,
И детей бы не было.
Дети разъехались, да,
Теперь живу, по ним скучая.

[32]

Одним из мотивов выражения беззащитности перед судьбой, ее предопределенности, безысходности, состояния одиночества является мотив сиротства, социальная семантика которого позволяет объединить песни не только необрядовые, как у других народов [33] (сиротские, батрацкие, солдатские, тюремные, песни беглых), но и обрядовые (свадебные песни проводов невесты, рекрутские), сохранившиеся до сих пор [34].

Понятие мотива тесно переплетается с понятием сюжета, так как, обладая конструктивными сюжетообразующими свойствами, мотив может обеспечить логику повествовательного движения, передавая события в их причинно-следственной связи. Действие лирической песни выстраивается на основе «сюжетной ситуации» [35]. Динамический элемент здесь хотя и встречается, но не в том развернутом виде, в каком он дается, например, в сюжетике нарратива. Складывается он главным образом из действий героя или его намерений совершить тот или иной поступок.

Появление сюжетного повествования в удмуртских лирических песнях связано и с определенным влиянием русских народных песен: баллады, «жестокого» романса [36]. В. П. Аникин объясняет возникновение сюжета в русских лирических песнях также влиянием народной баллады: «Баллады непосредственно предшествовали сюжетным лирическим песням и передали им ряд своих свойств» [37].

Таким образом, удмуртские лирические песни представлены краткосюжетными и сюжетными песнями, в которых выделяется несколько мотивов-инвариантов, встречающихся во всех тематических группах лирических песен – мотив-размышление о жизненных ценностях/ судьбе, мотив-состо-яние тоски, одиночества.

Размышления отражают сожаление по поводу прошедшей молодости, мысли о собственной судьбе, нередко вызванные отдаленностью от родного дома, родителей, родной земли. Особая привязанность удмуртов к своему краю, осознание отдаленности от близких людей вызывали сильное чувство тоски и одиночества на чужбине, лишая защищенности, уверенности и спокойствия. Наиболее ярко это выражается в песнях сибирских удмуртов, а также в песнях беглых, тюремных, батрацких и солдатских песнях.

Размышляя о своей судьбе, удмурт не противится ее воле, а подчиняется ей. Это никак не связано со слабостью этнического характера или безволием, а определяется уровнем мировоззренческих установок, когда любая жизненная ситуация воспринималась как предопределение свыше, потому вопрос о противостоянии был невозможен в принципе. Драматические коллизии хотя и возникают по причине вмешательства извне, но вмешательство даже конкретного человека (разлучницы, напри- мер) воспринимается как проявление злого рока/ судьбы, основная внешняя реакция при этом – покорность, подчинение, приятие данности без бурного протеста. Но психологический диссонанс невозможен без эмоционального разрешения: состояние внутреннего надлома, «проговаривание» ситуации в рамках дозволенного реализуется в песне. Именно с этими явлениями связано, на наш взгляд, превалирование состояния тоски и одиночества в текстах удмуртских песен. Эти черты отличают удмуртскую лирическую песню от русской, в которой общие представления о судьбе уже заменены конкретными образами родителей, мужа, общества, власти. Диктат их воли вызывает бурный протест лирического героя.

Примечания

1. Путилов Б. Н. Мотив // Народные знания. Фольклор. Народное искусство. Свод этнографических понятий и терминов / отв. ред. Б. Н. Путилов, Г. Штробах. М.: Наука, 1991. Вып. 4. С. 83–85.
2. Удмурт калык кырзанъёс (ныльчуруъёс) / сост. М. Петров. Ижевск: Удгиз, 1936. 176 с.
3. Жингырты, удмурт кырзан! / сост. и авт. вст. статьи П. К. Поздеев. 2-е изд. Устинов: Удмуртия, 1987. 374 с.
4. Более подр. об этом см.: Кондратьев М. Г. Чувашская савфа юра и ее татарские параллели. Чебоксары, 1993. 80 с.
5. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2. Срединные говоры. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, УДГУ, 1990. С. 69.
6. Там же. С. 103.
7. Личный архив этнографа Л. С. Христолюбовой.
8. Каталог отдела литературы и фольклора Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Дело 11. С. 52.
9. Там же. Д. 11. С. 138.
10. Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Д. 898. С. 37–38.
11. Там же. Д. 761. С. 49.
12. Там же. Д. 982. С. 29.

13. Там же. Д. 686. С. 16–17.
14. Там же. Д. 982. С. 29.
15. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.; Наговицына Е. А. Удмуртский фольклорный текст в научном наследии Юрьё Вихманна: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 182 с.
16. Попова Е. В. Время как одна из категорий традиционной модели мира бесермян // Удмуртская мифология / под ред. В. Е. Владыкина / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2004. С. 126–127.
17. Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Д. 218. С. 436.
18. Удмурт калык кырзанъёс (ныльчуръёс). С. 143.
19. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. С. 130.
20. Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Д. 218. С. 43.
21. Удмурт калык кырзанъёс (ныльчуръёс). С. 145.
22. Фонограммахив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. МК 183/1. Ст. В.
23. Личный архив этнографа Л. С. Христолюбовой.
24. Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Д. 206. С. 55.
25. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. С. 183.
26. Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Д. 530. С. 265.
27. Атаманов М. Г. Сибирская группа удмуртов // Вордском кыл. 2004. № 10. С. 87.
28. Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Д. 530. С. 308.
29. Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // М-лы по удмуртской диалектологии / отв. ред. Р. Ш. Насибуллин / НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1981. С. 59.
30. Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Д. 530. С. 340.
31. Каталог отдела литературы и фольклора Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Д. 7. С. 48.
32. Научно-отраслевой архив Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН. Д. 323. С. 44.
33. Акимова Т. М. Лирический образ песен о «сироте» // Русский фольклор / отв. ред. В. Е. Гусев. Л.: Наука, 1971. Т. XII. С. 55–66.
34. Пчеловодова И. В. Мотив сиротства в удмуртских народных песнях // М. П. Петров и литературный процесс XX в.: м-лы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения классика удмуртской литературы (1–2 ноября 2005 г., г. Ижевск) / отв. ред. С. Т. Арекеева, Т. И. Зайцева / УДГУ. Ижевск, 2006. С. 174–183.
35. Кравцов Н. И. Поэтика русских народных лирических песен: учеб. пособие по спецкурсу. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. Ч. 1. С. 38.
36. Пчеловодова И. В. Балладные сюжеты в удмуртских лирических песнях // Вестник Поморского ун-та. 2006. № 6. С. 194–198.
37. Аникин В. П. Генезис необрядовой лирики // Русский фольклор / отв. ред. В. Е. Гусев. Л.: Наука, 1971. Т. XII. С. 5.

УДК 82-343.4

Е. И. Лутовинова

ОБРАЗ СЛОВА В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Обычно действия героя волшебной сказки связывают с чудесным подвигом в далёком тридесятом царстве. В. Я. Пропп считал, что существует только два способа разрешения конфликта между героем и антагонистом: бой/победа, трудная задача/её решение. Однако в некоторых сюжетных типах существуют иные способы испытания героя. Например, испытания заключаются в реализации героям речевой коммуникации, его коммуникативной компетентности. Рассмотрению такой формы испытаний героя посвящена эта статья.

Usually the actions of the main character of folk fairy tales are connected with a magic feat in a faraway kingdom. V. Propp considered that there were only

2 types of conflict decision between the main character and his antagonist: either fight and victory or difficult task and its solution. However, in some types of plots there are other means of trials for the main character. For example, trials can be involved in the form of communication of the main character. The article is devoted to analyzing of such forms of communication.

Ключевые слова: герой волшебной сказки, сюжетный тип, подтип; испытания героя, сказочная этикетность, магическое слово, образ слова, вербальная коммуникация, диалог, монолог, косвенное повествование.

Keywords: the main character of folk fairy tales; a plot type, sub-type; trials of the character; fairy ethicathy; a word of the magi; a word image; verbal communication; dialogue, monologue; a reported narration.

Обыденные представления о сказке связывают действия героя с чудесным подвигом в далёком тридесятом царстве. Авторитет В. Я. Проппа заставляет исследователей вслед за ним утверждать, что существует только два способа разрешения конфликта между героем и антагонистом: бой/победа, трудная задача/её решение. Однако в большинстве сюжетов существуют иные способы испытания героя и различные способы выхода из трудной ситуации. Герой сказки обла-

АУТОВИНОВА Елена Ивановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИСВ РАО г. Москва
© Лутовинова Е. И., 2009

дает не только богатырской силой, отвагой и мудростью, но и коммуникативными компетенциями. В некоторых сюжетных типах его испытания сводятся к речевой коммуникации.

Заговорное слово в русских волшебных сказках изучала Е. Н. Елеонская, вещее слово исследовал А. Н. Афанасьев [1]. «Вещий» герой стал предметом анализа Е. Н. Трубецкого. Он описал несколько типов героев не по их социальному положению, не по старшинству в семье, а по другим критериям – «по степени духовности». А. Л. Налепин верно отметил, что автор «выделил среди сказочных героев – искателей “иного царства” людей низшего, высшего и среднего духовного уровня. У каждой категории были и есть свои собственные идеалы, и сказка объективно выражала каждый из них» [2]. Героиня русских сказок воплощает тип высшего духовного уровня, что подчеркивается её умением владеть словесным искусством.

Например, сказка «Морозко» встречается только в восточнославянской фольклорной традиции. В СУС этот сюжетный тип обозначен № 480*В [3]. Он интересен, прежде всего, характером испытания геройни. Падчерица остается одна в лесу, на морозе. Она никуда не идет, не пытается улучшить свое положение, не выполняет трудных заданий или каких-либо поручений испытателя. Падчерица не совершает каких-либо движений, она лишь говорит, отвечает либо умоляет Мороза пожалеть ее. Действием здесь является сам речевой акт. Испытание геройни состоит в умении общаться, правильно вести себя с хозяином зимнего холода; оно выражено словами, в виде монолога или диалога. Геройню всегда увозят к месту испытания и привозят домой. Обычно это делает отец. Из критической ситуации геройня выходит сама, без помощников.

Сюжетный тип «Морозко» представлен тремя разновидностями, различающимися по форме общения падчерицы и Мороза или, говоря иначе, по способу выхода геройни из критической ситуации, стилистически выраженного в форме монолога, диалога, косвенного повествования.

В первой разновидности сюжетного типа «Морозко» геройня либо обращается к Морозу с добрыми словами, либо молит его пожалеть ее. Внутри этого сюжетного типа варианты также распределяются по группам, в зависимости от характера монолога падчерицы: это либо просьба-молчание, либо приветствие. Например, геройня просит Мороза пожалеть ее, мотивируя отсутствием одежды: «Ты не трескай, не трескай, Мороз! Я гола, боса, да без пояса!» [4]. В другом варианте она обращается к Богу: «Боже, боже! Дай мне одёжи!» [5]. Мороз и Бог сливаются в один образ Хозяина зимнего холода, от которого зависит человек. Падчерица демонст-

рирует правильное поведение, знание волшебных молитв-заклинаний, обращенных к силам природы и к Богу-Морозу, который волен дать или не дать блага, право на жизнь. Полная беззащитность падчерицы, отсутствие одежды, пояса-оберега, ее покорность судьбе, ее мольбы вызывают жалость у могущественного повелителя холода. Эти молитвы, повторяющиеся трижды в одном эпизоде, имеют вид заклинательной формулы. В некоторых вариантах падчерица лишь приветствует появление Мороза: «Добро пожаловать, Мороз! Знать, бог тебя принес по мою душу грешную» [6]. Приветствия повторяются несколько раз. Мороз доволен тем, как падчерица соблюдает сказочную этикетность, и щедро ее награждает.

Во второй разновидности падчерица отвечает на вопросы Мороза: «Тепло ли ей?» Ответы падчерицы вежливые, они могут быть либо мудрыми, правдивыми, либо ложными. Это еще раз доказывает широкие возможности вариативности русской сказочной традиции. Падчерица на вопрос Мороза: «Тепло ли тебе, девица, студено ли тебе, девица?» – отвечает: «У бога тепло, у Христа студено, а у тебя, Мороз, милостиво» [7]. Геройня демонстрирует в своих ответах мудрость, постоянство, отвечает несколько раз одинаково вежливо, несмотря на холод. Она не просит милости, она терпеливо ждет, соблюдая сказочную этикетность, за что и получает богатые подарки. В сказке из сборника Ковалева особенно ярко показано появление Мороза и его вопросы: «Морозко, Морозко по елочкам поскакивает, девочкам-девонюшкам в головушку пококивает. Марья-Кушарья, кок-кокорек, тепло ли тебе, холодно ли тебе?» [8].

В другом варианте падчерица на вопросы Мороза: «Тепло ли тебе, девочка?» – отвечает: «Ах, тепло, Морозушко, тепло, батюшка» [9]. Вопросы Мороза сводятся к тому, чтобы падчерица сознавалась, что ей холодно. Но она упорно отвечает, что не замерзла. Ложь падчерицы может быть объяснена договорным характером диалога с Морозом. В большинстве текстов ответы положительные. Мороз: «Тепло?» Падчерица: «Да, тепло». С ее стороны нет противоречия. Она обращается к нему вежливо, зная законы поведения, что «из функции слова-добра возникает хвала, слава, благословение, благо». Родная дочь, используя «слово-зло», получает проклятие, брань, смерть. Поэтому ложные ответы падчерицы здесь следует рассматривать как «просьбу-заклинание-молитву» о том, чтобы Мороз ее не заморозил, а дал ей тепло и, следовательно, жизнь [10].

Третья разновидность представлена вариантами, где нет ни монолога, ни диалога, эпизод основного испытания опущен. Информацию о том, что же произошло в лесу и откуда у падчерицы

появилось богатое приданое, мы узнаем посредством косвенной речи: «Мороз морозил-морозил, а она все терпела и слова худого не сказала. И он ее наградил» [11]. Можно лишь предположить, как падчерица могла вести себя, но совершенно определенно то, что она соблюдала все «правила игры», сказочную этикетность.

Итак, рассмотрев развитие и форму передачи мотива испытания падчерицы (словом), мы приходим к выводу, что способы выхода героини из критической ситуации (угроза смерти от холода) неодинаковы. Это либо мольба-просьба, либо мудрый ответ, либо искренний и вежливый ответ, либо вообще отсутствие всяких слов. Несмотря на разные способы словесных контактов с хозяином холода – Морозом, итоги испытания однообразны: получение подарков, награда, а главное – сохранение жизни. Соблюдение правил поведения влияет на положительный исход испытания, а несоблюдение влечет за собой смерть (для этого сюжетного типа гибель родной дочки обязательна).

Другой сюжетный тип, менее известный – «Тербень-Тербень», в СУС обозначен 480C**. Фабулу этого сюжетного типа можно представить так.

Падчерицу увозят в овин (баню), оставляют на ночь. Приходит черт (банник), предлагает ей выйти за него замуж. Девушка соглашается с условием, что черт принесет ей приданое (постепенно, по одному предмету). Пока черт приносит ей по одной вещи, начинают петь петухи. Нечисть исчезает, добро остается. Родная дочь мачехи также хочет разбогатеть. Она приходит в баню и просит черта принести ей приданое, все сразу. Черт приносит все быстро, петухи не успевают пропеть, и дочка погибает.

Испытание падчерицы происходит посредством искушения словом, как и в «Морозко», но здесь со стороны падчерицы есть хитрость и обман. Действие также имеется: девушка примеряет наряды, прихорашивается, смотрится в зеркало, рассматривает и оценивает наряды – иными словами, протягивает время до полуночи, когда поют первые петухи. Девушка в этих сказках по возрасту, пожалуй, самая старшая среди всех других наших падчериц. Она более опытная и уверенная в себе, к тому же очень смелая: рискует кокетничать с нечистью. Падчерица из критической ситуации выходит сама, без помощников. С помощью хитрости и уловок она тянет время, зная, что в полночь нечисть исчезает. Иногда она берет с собой петуха и в нужное время тискает его, чтобы он запел.

В русской сказочной традиции есть сюжетный тип СУС – 403A* Падчерица и родная дочь: первая за вежливость и доброту получает от старухи чудесную способность ронять изо рта розы

и драгоценные камни; вторая за грубость наказывается тем, что у неё изо рта сыплются жабы, змеи, ящерицы. Он представлен в СУС единственной записью, которая очень похожа на сказку Шарля Перро [12]. Начальный эпизод даёт представление о составе семьи: мачеха с дочерью и падчерицей. «Вот мачеха невзлюбила падчерицу, всячески над ней издевалась и заставляла стирать и готовить на всех». Падчерицу у колодца испытывает старушка. Девушка успешно проходит испытание, даёт воды из кувшина и вежливо разговаривает, за что получает чудесную способность: «За такую доброту будут у тебя лететь изо рта с каждым словом розы и драгоценные камни». Родная дочь идёт также за водой, но не проходит испытания, не даёт воды старушке, за что та её наказывает: «За такую злобу при каждом слове будут у тебя лететь изо рта жабы, змеи и ящерицы». Родная дочь приходит домой, «мать её встречает радостно: – Что ты, доченька моя, так долго? А дочь ей отрезала: “Сколько надо, столько и стояла!” Как только сказала это – у неё сразу вылетела жаба изо рта. Рассердилась мать за такое дело и выгнала от себя падчерицу. И дочь выгнала».

Далее речь идёт о приключениях родной дочки. Сначала её приютила старушка, что жила в лесной избушке: она не посмотрела на то, что «у неё гады изо рта вылетают». Но и та её скоро прогнала за то, что «ничего не делает, ест за двоих, а всё недовольна». Потом встречается у неё на пути слуга царя, который испугался: «Что за диво такое? Человек говорит, а у него змеи изо рта летают!» Слуга рассказал царю про эту девушку, но тот не поверил, потом взял её во дворец и задумал на ней жениться. На свадебный пир явилась мать, дочь закричала: «Ты зачем здесь?» И тогда изо рта у дочери стали вылетать «жабы, змеи и гады». Царь понял, что слуга ему не лгал, но «делать нечего. Приходится ему на злой дочери жениться. Поженились они, пожили они год-два, и вскоре царь её выгнал». А падчерица вышла замуж за слугу царя.

В сборнике М. П. Шустова мы идентифицировали в соответствии с СУС ещё один вариант интересующего нас сюжетного типа. Это сказка «Дочь и падчерица», записанная недалеко от г. Мурома, что является свидетельством жизнеспособности выделенного в СУС сюжетного типа. В целом она повторяет сюжет варианта из сборника Н. Д. Комовской [13].

Нам удалось обнаружить, что в русской сказочной традиции подобный мотив «материализации» слова встречается ещё в нескольких сюжетных типах, но не несёт в себе сюжетообразующего значения. Он может быть определён как дополнительно усиливающий важность главной акции героини сказки. Награда за добрый по-

ступок дополняется испытателем необычной чудесной способностью, выделяющей героя среди других персонажей. В сказке «Сирота и три месяца» падчерицу посыпают зимой в лес за цветами. Она встречает братьев-месяцев и отдаёт им всю свою еду: «Разломила она скоринку и дала им. Думают месяцы: “Чем её одарим?” Март сделал её прекрасной, терпеливой, доброй. Апрель – красивой и счастливой. А май дал цветы. Как только она открывала рот, цветы так и сыпались и запах такой был хороший, как цветочки эти пахли». Родную дочку мачехи, жадную и злую, месяцы тоже наградили: «Апрель сделал некрасивой и злой, а май сделал так: как только она рот раскроет, жабы так и прыгают из него. Вернулась она домой. Такая страшная» [14].

В сказке «Земляника под снегом» падчерицу награждают братья-месяцы: когда она заговорит, изо рта у нее сыплется золото, а там, где она стоит, вырастают цветы: «Они её нарядили. Катанцы, полушибок дали. Сделали так: заговорит – денежки золотые валятся изо рта». Дочку мачехи они наказывают. Она получает другие способности. «Сделали так: заговорит – лягушки изо рту лезут, чёрыны да горбаты. Где постоит – курень крапивы вырастает, да не молодая крапива-то, с червями» [15].

В некоторых сюжетных типах рассматриваемое нами получение чудесных способностей проявляется у героя не в результате награды за его правильное поведение, за соблюдение сказочной этикетности, а случайно. Например, в сказке «Птичка-синичка» герои-братья съели жаркое из птички, у которой была под правым крыльышком надпись: «Кто съест сердечко – тот будет златом-серебром отрыгать, а кто голову – тот будет царём». Герой Петрушко съел сердечко и начал откашивать золотом [16]. Иногда герой-ня обладает типологически сходными с рассмотренными выше чудесными способностями, приобретение которых в сказке никак не объясняется: «И вдруг в полночь всколыбалось синее море, поднялся огненный столб, а в нём – девица красоты невиданной. Засмеётся – мелкий жемчуг сыплет! Заплачет – серебро валится!» [17], «как улыбнётся – посыпаются розовые цветы, а как заплачет – то дорогой жемчуг» [18].

В итоге следует отметить, что способы реализации высшего духовного уровня героев русской волшебной сказки связаны с образом слова и чудесной способностью владеть им. Герой проходит испытание и показывает свою коммуникативную компетентность. Материализация «вещего» слова в сказках ассоциируется с наиболее

ценными предметами: цветами, жемчугом, драгоценными камнями. А противоположная его направленность, выраженная в грубых и злобных речах лжегероев, превращает слова в гадкие хтонические существа, соотносимые с представлениями о злых силах. В русских сказках это змеи, лягушки, ящерицы. Сказки, где герой испытывается словом, интересны, с одной стороны, своей архаичностью, а с другой – многочисленностью сюжетных вариантов.

Примечания

1. Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: сб. тр. / вступ. ст. и сост. Л. Н. Виноградовой; подгот. текста и comment. Л. Н. Виноградовой, Н. А. Пшеницыной. М.: Индрик, 1994; Афанасьев А. Н. Поэтические взгляды славян на природу: в 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 364–431.
2. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. Избранное / сост., послесл. и comment. В. В. Сапова. М.: Канон, 1995. С. 386–430; Налепин А. Л. Иллюзии «жирного царства» // Литературная учеба. 1990. Кн. 2. С. 96–99.
3. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. А. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
4. Коренной П. Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918. С. 34–35. № 11.
5. Архив Воронежского госуниверситета. № 28.
6. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трёх томах. Т. 1. М., 1957. С. 143–144. № 96.
7. Народное творчество Северной Двины. Архангельск, 1996. № 14. С. 126–127.
8. Сказки И. Ф. Ковалёва / запись и comment. Э. Гофман и С. Минц, ред. Ю. М. Соколова // Летописи гос. лит. музея. Кн. 2. М., 1941. С. 135–136. № 21.
9. Великорусские сказки Пермской губернии: сб. Д. К. Зеленина // Записки РГО. Т. 41. Пг., 1914. С. 398–401. № 77.
10. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978.
11. Сказки Заонежья / сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986. С. 123–124. № 41.
12. Предания и сказки Горьковской области / запись и ред. текстов вступ. ст. и примеч. Н. Д. Комовской. Горький, 1956. С. 125–127. № 81.
13. Сказки, которые нам рассказывают: учеб. пособие / сост. М. П. Шустов. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2003. С. 30–31. № 31.
14. Русский фольклор в Литве / исслед. и публ. Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975. № 79.
15. Народное творчество Северной Двины. Архангельск, 1996. С. 125. № 13.
16. Сто сказок Южного Зауралья: учеб. пособие. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. С. 86–88. № 54.
17. Сто сказок Южного Зауралья: учеб. пособие. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. С. 90–91. № 58.
18. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трёх томах. Т. 2. М., 1957. № 289. С. 392–394.

И. Ю. Роготнев

«КАРНАВАЛ» И «САТИРА»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
НОВОГО ВРЕМЕНИ (О СВОЕОБРАЗИИ
КОМИЗМА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА)

В работе делается попытка переосмыслить теорию «карнавала» М. М. Бахтина и приложить некоторые категории баhtинской поэтики к произведениям реалистической сатиры Нового времени. Особое внимание уделяется своеобразию «смеховой двумирности» и сатирическому образу тела в прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина, делается вывод о содержательных доминантах «смехового» в творчестве русского сатирика.

M. Bahtin's theory of "carnival culture" is interpreted in the article, some categories of bahtinian poetics are used in studying realistic satire of New Ages. The specifics of comic fictional world and satirical image of body in M. Saltykov-Schedrin's prose are regarded, dominating meanings in his comical poetics are found out.

Ключевые слова: карнавал, сатира, смеховая двумирность.

Keywords: karnival, satire, comic fictional world.

Теория комизма остается одной из наименее разработанных областей искусствознания. Оформление, под влиянием работ М. М. Бахтина, нового объекта гуманитарных исследований – «смеховой культуры» – значительно усложняет понимание ряда традиционных проблем эстетики, в частности предопределяет необходимость различения категорий «смеховое» и «комическое». Сопоставление исследовательских концепций М. М. Бахтина и Д. С. Лихачева (универсального, всенародного, амбивалентного смеха средневековой площади и смеховых антимиров, «изначочных миров» древнерусской книжной культуры) позволяет выявить инвариантное содержание категории «смехового». Общей чертой в описанных национально-культурных вариантах смеховой традиции является *мирообразующая* функция смеха: формы комизма становятся способом организации целостного образа мира: «Перевертыивается не одна какая-либо вещь, а все человеческие отношения, все предметы реального мира» [1]. М. Бахтин подчеркивает, что обрядово-зрелищные формы, «организованные на начале смеха», «строили по ту сторону всего официально-го второй мир и вторую жизнь» [2]. «Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» [3]. Специфическая

«двумирность» смеховой культуры может послужить признаком ее выделения из общего массива проявлений комизма в культурных текстах.

Следует отметить, что «двумирность» как структурная основа смеховой культуры обнаруживается в ряде сатирических произведений Нового времени, которые М. Бахтин настойчиво противопоставляет формам народного комизма. С точки зрения исследователя, к карнавализованным произведениям совершенно неприменимо «узкое, в духе нового времени, понимание сатиры, как отрицания частных явлений, а не как отрицания всего строя жизни (включая и господствующую правду)» [4].

Представляется, что указанный признак также не проводит строгой границы между сатирой Нового времени и литературой «гротескного реализма» (вершиной которой становится в концепции М. Бахтина роман Ф. Рабле). По мнению ряда историков русской литературы, сатира Нового времени постоянно расширяла объект сатирического обличения (движение от «частных явлений» к самому «строю жизни»); логическим завершением этого процесса в русской литературе становится творчество Салтыкова-Щедрина: «В его творчестве основные тенденции в развитии сатирической литературы достигли своей вершины, своего апогея» [5]. Обличение пороков как основная художественная задача сатиры достигает в щедринской прозе наиболее универсального уровня: «...пороки разлиты во всем обществе, во всех его сословиях и классах» [6]. Щедринский смех, разумеется, отрицает, прежде всего, строй социальной жизни, в то время как в теории М. Бахтина подчеркивается «космический» характер карнавального развенчания.

На наш взгляд, относительная близость художественных целей (всеохватность смехового отрицания) предопределяет наличие в щедринской прозе специфических художественных форм, обнаруживающих типологическое сходство с образностью смеховой культуры. Особое эстетическое задание проникает эти формы, сообщают им индивидуально-авторское, «щедринское» звучание. Постановка вопроса о своеобразии «смехового» в сатире Салтыкова-Щедрина требует преодоления логики непроницаемых, «идеализированных» концептов баhtинской теории (жесткая оппозиция «карнавал – сатира»).

Прежде всего, обратимся к «двумирной» структуре художественной реальности в прозе Щедрина и рассмотрим в качестве примера эпизод из романа «Современная идиллия» – «Злополучный пискарь, или Драма в Кашинском окружном суде». Социальная сатира предстает здесь в тесной связке с элементами фантастики: в зале заседаний окружного суда идет процесс против пискарей, самовольно покинувших русло реки Кашишки. В ка-

РОГОТНЕВ Илья Юрьевич – аспирант кафедры русской литературы ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»
© Роготнев И. Ю., 2009

честве подсудимого привлечен единственный обнаруженный в ходе следствия пискарь Иван Хворов. Встреча в суде людей и рыб весьма характерна для щедринской прозы: в роли «антимира», «изнаночной» реальности в художественной прозе сатирика нередко выступает мир речных обитателей. В качестве одного из свидетелей вызвана лягушка, «та самая, которая когда-то

...на лугу увидевши вола,
Задумала сама в дородстве с ним сравнять-
ся...» [7]

Появление среди прочих представителей «животного» мира заимствованного литературного персонажа (из басни И. А. Крылова) также характерно для поэтики Щедрина: герои русской литературы нередко получают на страницах щедринской прозы «вторую жизнь». В одной сцене здесь объединены социальная реальность, «животный мир» и мир литературных персонажей. Такого рода спутанность отношений – основа «антимиров» культуры. В сатире Салтыкова-Щедрина мы достаточно часто встречаем случаи взаимопроникновения действительности и литературы, живой Истории и реальности слов, *письма и тела*. Показателен в этом отношении образ старика Очищенного («Современная идиллия»), на лице которого время от времени появляются фрагменты печатного текста.

В эпизоде «Злополучный пискарь» интересен сам способ сочетания и взаимодействия разнородных пластов художественного мира сатирика. На наш взгляд, представители «животного антимира» являются своего рода дублерами, пародийными заместителями людей. Образы щуки и лягушки явно соотносимы с образами прокурора и судьи. Блестящее найден сатириком способ указать, чьим «заместителем» является «злополучный пискарь»: за Ивана Хворова, немого и больного, вызывается говорить на суде жандарм Тарара, явно представляющий нижние уровни социальной иерархии:

Иван Иваныч. <...> Отвечайте, подсудимый! признаете ли вы себя виновным?

Тарара. У чом, вашескородие?

Иван Иваныч (дразнится). У чом?! У усем!!

Тарара. Виноват, вашескородие. [8]

Однако дистанция между животным и социальным «мирами» в художественном мире сатирика весьма относительна. Животный план лишь отчасти служит «маргинальной иллюстрацией» к «серезному церемониалу» суда: социальная реальность «срастается» со своим комическим дублером – миром пародийных заместителей.

Показательна и специфическая «театрализованность» сцены (лишь подчеркнутая драматургической формой). Автор сообщает, что прокурор «занимал в кашинской судебной труппе амплуа premier amougueux [первого любовника]» [9]. Особую роль играет «зрительный зал» – публика, присутствие которой усиливает комический («площадной») характер сцены:

Иван Иваныч. Что же теперича делать?

Голос из публики. Самое лучшее – выпить и закусить. (Общий смех). [10]

Остановимся на тех художественных эффектах, которых достигает автор, создавая мир «спутанных отношений» (смеховой антимир). К образам Щедрина неприменима эмблематическая трактовка: их нельзя трактовать как «закодированные» объекты действительности. Конструктивное значение щедринской «двумирности» заключается в *ближении* мира социальных отношений с антимиром, но не в представлении современной действительности в эмблематических образах. В этом плане антимир Щедрина имеет отчасти «автономный» статус: он представляет «анти-историю», «историю наоборот», «обратной» логике подвергается само социальное бытие. С другой стороны, в этом мире актуализируются, в основном, конкретные социально-политические смыслы: автор сближает с «неправильной реальностью» лишь часть действительности.

В прозе Щедрина «выворачивается наизнанку» мир русской культуры Нового времени, художественный мир великого сатирика является своеобразным «теневым отражением» петербургского периода русской истории. В качестве иллюстрации данного тезиса рассмотрим один из хрестоматийных щедринских образов, смысл которого, на наш взгляд, не до конца раскрыт существующими интерпретациями.

Образ Угрюм-Бурчеева, перестроившего город Глупов в Непреклонск, соотносим не только с Аракчеевым или Николаем, но и с Петром I. Насколько нам известно, эта аналогия в литературоведении до сих пор подробно не прослеживалась, хотя и была отмечена некоторыми исследователями: «В Непреклонске угадывается “строгий, стройный вид” (А. С. Пушкин) столицы Российской империи» [11]. Исследователь более подробно анализирует «антиутопическое» содержание образа города, однако прямым образом Непреклонска могли послужить проекты социальных и культурных преобразований, воплощавшиеся в российской действительности. Угрюм-Бурчеев, как и Петр, выполняет роль основателя города:

– Здесь! – крикнул он ровным, беззвучным голосом.

Строился новый город на новом месте [12].

Аналогию образа Угрюм-Бурчеева с исторической личностью Петра I подтверждает и то, что щедринский персонаж мечтает о флоте: «Едва увидел он массу воды, как в голове его уже утвердилась мысль, что у него будет собственное море. <...> Есть море – значит, есть и флоты: во-первых, разумеется, военный, потом торговый. Военный то и дело бомбардирует; торговый – перевозит драгоценные грузы» [13]. Неслучайно новый градостроитель вступает в конфликт с рекой (водной стихией): этот «петербургский» мотив уже разработан в «Медном всаднике» Пушкина. Возникающая аналогия связана с установкой автора на отражение универсальных закономерностей русской истории и, возможно, не вполне осознавалась писателем. Последняя глава «Истории одного города» органично вписывается в контекст Петербургского текста русской литературы: «... зло состояло в нарушении законов природы, здравого смысла, человеческой жизни, говоря в общем, – справедливости, какой она выступает на природном и социальном уровне <...>. И сам Петербург в этом отношении подобен черному заговору “на зло”, в котором тема зла и дух зла – сквозные» [14].

В целом, не вызывает сомнений глубокое содержательное различие в функционировании форм смеющей культуры в системах «карнавала» и щедринской сатиры. Различие это обнаруживается при непосредственном сопоставлении определяющих, «узловых» образов смеющей культуры Средневековья и их вариантов в сатирическом произведении Нового времени. Показательны в этом отношении своеобразные «мутации» гротескного тела, как они представляются при сравнении романа Ф. Рабле и произведений Салтыкова-Щедрина. Такое сопоставление носит в значительной мере произвольный характер (в известной степени внеисторический, механический), но может, на наш взгляд, послужить выявлению смысловой доминанты смеющегося образа в поэтике русского сатирика.

С точки зрения М. Бахтина, тело в смеющей культуре обладает одновременно повышенной плотностью и необычайной гибкостью, внутренней неупорядоченностью: «В сущности, в гротескном образе, если взять его в пределе, вовсе нет индивидуального тела: ведь этот образ состоит из провалов и выпукостей, являющихся уже другим зачатым телом; это – проходной двор вечно обновляющейся жизни, неисчерпаемый сосуд смерти и зачатия» [15]. Щедринский мир обладает качественно иной телесностью. Во-первых, тело у Щедрина стремится к однородности и однообразию. Мы постоянно встречаем в его мире двойников, «парные тела»: Колупаев и Рazuваев, Удав и Дыба, Кшепицюльский и Пшекшицюльский, два генерала, рассказчик и Глумов.

Щедринский мир наполнен целыми рядами одинаковых людей (удвоение тела переходит в «умножение»): ташкентцы, помпадуры, Молчалины и др. Одно из сквозных эзоповских выражений щедринской прозы – «привести к общему знаменателю» – выражает эту логику «выравнивания». Во-вторых, связь между телами (нередко стремящимися к тождественности) все же разорвана, единое родовое тело «разъединено». Это определяет щедринский образ семьи: отношения между членами семейства – это отношения не столько кровно-родственные, сколько экономические (в «Господах Головлевых» родовая связь устраняется радикально – семья физически вымирает).

И в то же время щедринский образ не вписывается в бахтинское определение тела для искусства Нового времени – «совершенно готовое, завершенное, строго ограниченное, замкнутое, показанное извне, несмешанное и индивидуально-выразительное тело» [16]. У Щедрина, в его гротесковых произведениях, мы встречаем не «твердое», монолитное тело, а тело *исчезающее*. Беседа зайца и лисы («Здравомысленный заяц»), травестирующая философские диалоги в духе Достоевского (ряд мотивов сказки явно перекликается с поэмой о Великом инквизиторе), происходит параллельно пожиранию одного персонажа другим: «Лисица зевнула, легонько куснула зайца за ляжку (он, однако, сделал вид, что не заметил), повалилась на бок, откинула голову и зажмурилась» [17]. Пожирамое тело зайца, по сути, концентрированно выражает щедринскую концепцию телесности: *жизнь предстает как медленное умирание*. Лишенные телесной устойчивости, персонажи Щедрина нередко умирают неподготовленной, *немотивированной смертью* (еврей Мошка и пискарь в «Современной идиллии», «карась-идеалист», чижик и Топтыгин З-й в «Медведе на воеводстве»). Смерть в приведенных примерах как бы «вмешивается» в ситуацию, она не подготовлена логикой фабулы.

Образ полумертвого-полуживого тела переходит и в реалистически-достоверные, «социально-психологические» произведения писателя. В этом ряду можно назвать персонажей «Господ Головлевых», составляющих целую галерею «полуживых» тел: медленно умирающий Степка-балбес, Павел Головлев, находящийся в предсмертном бреду, Владимир Михайлович Головлев – «в минуту, когда начинается этот рассказ, это был уже дряхлый старик, который почти не оставлял постели, а ежели изредка и выходил из спальной, то единствено для того, чтобы просунуть голову в полурастворенную дверь жениной комнаты, крикнуть “Черт!” – и опять скрываться» [18]. Ярким завершением длинного ряда «полуживых» образов является «покойничек» Николай Савель-

цев из очерка «Тетенька Анфиса Порфириевна» («Пошехонская старина»).

Итак, щедринский образ ориентирован на исчезающее, распадающееся тело. Вспомним также тело старика Очищенного, *переходящее в письмо*. Распадающаяся телесность находит яркое отражение в разнородном (живом и неживом) теле Органчика или майора Прыща («*фаршированная голова*»).

Рассмотрим также телесную жизнь щедринских образов, отправление ими телесных функций. Огромное значение для художественного мира Рабле имеет, прежде всего, тема еды, поглощения, пищеварения. Образы пищи, как показывает М. Бахтин, имеют миросозерцательное значение в гротескном реализме, а также соотнесены с темой мысли, познания: пиршественные образы в романе Рабле «связаны со словом, с мудрой беседой, с веселой истиной» [19]. Этого содержания в мире Щедрина пиршественные образы лишаются, точнее, этот смысл «выворачивается наизнанку». Прием пищи у Щедрина связан, как правило, с демонстративной бессмыслицей, отсутствием мысли: сатирик часто обращается к изображению застолья как «мудрой беседы» наизнанку, пира, лишенного «веселой истины».

«Разинутый рот (глотка и зубы) – один из центральных узловых образов народно-праздничной системы» [20]. В сатирике Салтыкова-Щедрина мы встречаемся с «разинутым ртом» (точнее, «пастью») в сценах немотивированных смертей: «Щука разинула рот от удивления. Машинально потянула она воду и, вовсе не желая проглотить карася, проглотила его» [21]. Достаточно подробно выписан образ «разинутой пасти» в эпизоде «Злополучный пискарь». Примечательно, что пасть здесь не заглатывает жертву, но все равно служит причиной смерти, привязана к теме исчезающего тела: «Щука (разевает пасть, чтобы лжесвидетельствовать, но при виде ее разинутой пасти подсудимым овладевает ужас. Он неистово плецется в тарелке и даже подпрыгивает, с видимым намерением перескочить через край. У щуки навертываются на глазах слезы от умиления, причем пасть ее инстинктивно то разевается, то захлопывается. Однако же мало-малу движения пискаря делаются менее и менее порывистыми; он уже не скачет, а только содрогается)» [22]. Обратим внимание на ритмическое «единение» разинутой пасти и умирающего тела: «он неистово плецется в тарелке и даже подпрыгивает» – «пасть ее инстинктивно то разевается, то захлопывается» – «он уже не скачет, а только содрогается». Своебразная «пляска смерти» подчеркивает почти «ритуальную» связь разинутой пасти и умирающего тела.

В заключение нашего анализа телесности в мире Салтыкова-Щедрина рассмотрим сексуаль-

ную жизнь тела в сатирическом образе: в этой области писатель проявляет определенную художническую смелость. Тело щедринского образа не живет полноценной телесной жизнью, оно вообще имеет тенденцию к освобождению от пола: «...Салтыков-Щедрин показывает деградацию мужского-отцовского и женского-материнского. <...> Мужья и отцы семейств в этих произведениях напоминают старух. <...> Как главы семейств они не существуют, выродились, несмотря на наличие потомства. <...> Зато женское-материнское резко выдвигается на первый план и властвует, присвоив себе функции мужского-отцовского» [23]. Прежде всего, укажем на частотный мотив безнравственной (внебрачной) связи: женщина нередко выступает в мире Щедрина в роли содержанки, «экономки», «помпадурши», «штучки» и т. п. В «приглушенном», полузаметном плане щедринской прозы мы можем обнаружить и ряд мотивов, связанных с сексуальными извращениями. Обращают на себя внимание странные, «выморочные» отношения между скопцом Паромоновым и его *содержанкой* Файнушкой, которая сама содержит любовников (в «содержанты» к Файнушке поступает и Глумов). Своеобразный эротический подтекст (скрытый за «эзоповским» изображением, фантастичностью и двусмысленностью происходящего) присутствует в одной из сцен «Истории одного города» (в данном эпизоде представлены и другие указанные нами мотивы, раскрывающие щедринскую концепцию тела: немотивированная смерть, исчезающее тело, поглощающая пасть): «Произошло несколько сцен почти неприличных. Предводитель юлил, кружился и наконец, очнувшись однажды с Прыщом глаз на глаз, решился.

– Кусочек! – стонал он перед градоначальником, зорко следя за выражением глаз облюбованной им жертвы.

<...> Глаза его сверкали, брюхо сладостно было. Он задыхался, стонал, называл градоначальника «душкой», «милкой» и другими несвойственными этому сану именами; лизал его, нюхал и т. д.» [24]. Следующая глава романа («Поклонение мамоне и покаяние») подробно развивает тему *деформации пола*, которая манифестируется в образе виконта Дю Шаро, оказавшегося переодетой девицей.

Во всех указанных вариантах сексуальная жизнь тела оказывается *бесплодной*, лишенной производящего начала, связи с новой жизнью. Показательно, что мальчик, рожденный Евпраксиею от Порфирия Головлева («Господа Головлевы»), отдан в воспитательный дом, выведен за границы романного пространства.

Во всех проанализированных нами моментах телесности у Щедрина проявляются темы смерти, исчезновения, безвозвратного поглощения,

бесплодия. Тело сатирического образа изначально несет *смерть в себе*, является *могилой самого себя*. Жизнеутверждающая телесность раблезианского образа теряет свой положительный полюс, но сохраняет его внутреннюю неупорядоченность, раздвоенность. «Двутелое тело» гротескного образа трансформируется в двустороннее тело-могилу, материализованную метафору «живой труп». Разумеется, речь идет лишь о некоторых тенденциях щедринской образности, но выбранные нами примеры показывают наиболее специфическое, «щедринское» в сатирической концепции тела.

«Смеховое» в щедринской прозе проявляется не только на уровне целого (художественный мир и его законы), мы совершенно не затронули многообразные «частные» сближения поэтики писателя и народной смеховой культуры: сатира Салтыкова-Щедрина наполнена формами фольклорного комизма, функционирующими в новом эстетическом контексте. Укажем на те из них, которые до сих пор не отмечались литературоведами: сюжет бытовой сказки о мороке обнаруживается в хрестоматийном «Диком помещике»; образ старика Очищенного напоминает фигуру «балаганного деда» (и его крестьянского «предка» – «масленичного деда»); вся тема Файнушки (один из ключевых образов «Современной идиллии») проникнута пародийным снижением свадебной ритуалистики – в особенности мотива «выкупа невесты»; не разработан вопрос о близости щедринского сюжета сюжетике балаганного представления, а также сама проблема балаганного пространства-времени в очерковых циклах и романах Салтыкова-Щедрина; интересны варианты комического образа «злой жены» в произведениях сатирика; один из сложнейших героев Щедрина (сквозной для ряда произведений) Глумов имеет черты мифологического Трикстера.

Затронутые моменты требуют обстоятельно-го анализа, однако некоторые содержательные особенности в использовании форм народного комизма можно определить и на стадии предварительного обзора. Прежде всего, «смеховые» образы щедринской сатиры объединяются общей темой «конца истории» – исчерпанности цикла исторического развития, «тупика» социальной

жизни. Во-вторых, фольклорный образ наполняется политическими, «культурологическими», историософскими идеями, отрываясь от «архаических» истоков. Наконец, многие образы переосмыкаются в контексте щедринского «конфликта с литературой», противоречий между книгой и действительностью. В этом плане фольклорный материал служит опорой для развенчания «литературности» самой социальной жизни, оппозицией книжным стереотипам общественного сознания.

Примечания

1. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 19.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 10.
3. Там же. С. 12.
4. Там же. С. 341.
5. Николаев Д. П. Смех Щедрина: очерки сатирической поэтики. М.: Сов. писатель, 1988. С. 4.
6. Там же. С. 43.
7. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. В 20 т. М., 1965–1977. Т. 15. Кн. 1. С. 231.
8. Там же. С. 237.
9. Там же. С. 231.
10. Там же. С. 236.
11. Головина Т. Н. «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина: Литературные параллели: учеб. пособие. Иваново, 1997. С. 38.
12. Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 8. С. 415.
13. Там же. С. 414.
14. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифоэтического: Избранное. М., 1995. С. 300.
15. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 352–353.
16. Там же. С. 355.
17. Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 16. Кн. 1. С. 157.
18. Там же. Т. 13. С. 11.
19. Бахтин М. М. Указ. соч. С. 310.
20. Там же. С. 360.
21. Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 16. Кн. 1. С. 88.
22. Там же. Т. 15. Кн. 1. С. 243.
23. Павлова И. Б. Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи. М., 1999. С. 113.
24. Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 8. С. 369.

УДК 821.161.1

A. A. Арутамова

**«ОЧАРОВАННАЯ ДАЛЬ»,
ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ В АМЕРИКУ
(РЕЦЕПЦИЯ США В РУССКОЙ ОЧЕРКОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.)**

В статье на широком материале очерковой и путевой литературы последней трети XIX в. рассматривается специфика рецепции США русской культурой. Отмечаются особенности изображения Америки русскими авторами этого времени в сравнении с путевой литературой середины XIX в. Особое внимание уделяется проблемам аккультурации в американский социум носителей русской культуры, функционирования стереотипов, связанных с восприятием США.

Article deals with Russian travel sketches of the third part of the XIX c. The author considers the peculiarities of reception of the USA in Russian culture of the XIXc. It is paid attention to ways of description of America by Russian authors in compare with travel literature of the middle of XIX c. Also the problems of acculturation of Russian people into American society, functioning of stereotypes, concerning with reception of the USA, are focused on.

Ключевые слова: путешествие, русская литература, США, очерк, рецепция.

Keywords: travel, Russian literature, the USA, sketch, reception.

Вопрос о специфике изображения США в русской очерковой литературе последней трети XIX в. может быть предметом совершенно самостоятельного исследования – столь разнообразна она по проблематике, жанровому содержанию, тематически. Причина такого разнообразия – неуклонное возрастание в русской культуре XIX столетия интереса к США. Этому росту способствовало множество факторов: развитие средств связи, непосредственное присутствие за океаном накануне нового столетия корреспондентов русских газет, крупнейшие события, среди которых – Чикагская всемирная выставка 1893 г. Именно в это время США посетили известные русские писатели, музыканты, ученые, общественные деятели (В. Г. Короленко, Г. А. Мачтет, П. И. Чайковский, Д. И. Менделеев, В. В. Верещагин, С. М. Степняк-Кравчинский и др.), оставившие дневниковые записи, путевые заметки, очерки. В это же время в США оказывались деятели народнического движения – кто во временной, кто в постоянной эмиграции, русские «туристы» (в конце столетия это слово прочно вошло в русский культурный обиход), предста-

АРУТАМОВА Анна Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской литературы Пермского государственного университета
© Арутамова А. А., 2009

вители русских деловых кругов, профессиональные публицисты. Новую страницу в русско-американском культурном диалоге открыла и эмиграция из России, как славянская, так и еврейская, трудовая эмиграция/иммиграция, что также нашло отражение на страницах русских журналов и газет.

В это время появляется значительное число «специализированных» очерков, крупным планом представляющих определенные стороны американской социальной жизни (как, например, «Очерки американской действительности» Е. Правдиной, «Брак и развод в Северо-Американских Соединенных штатах. Социологический очерк» и «Среди мормонов. Записки туриста» Е. Матросова, «Религиозная жизнь в Северной Америке» Е. К. С. и мн. др.). Эти тексты содержат зачастую полярные взгляды на США, но их авторы следуют сходным принципам изображения американской действительности. В конце века в очерковой литературе взгляд на США становится более сфокусированным, в силу чего претендующим на глубину и анализм. При этом авторы, подобно своим предшественникам первой половины – середины XIX в. (П. П. Свиньин «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», А. Б. Лакиер «Путешествие по Северо-Американским Соединенным Штатам»), считают необходимым подчеркнуть, что США все еще остаются страной, плохо знакомой русским, и отмечают, что пытаются восполнить хотя бы отчасти этот пробел.

Следует отметить и иную тенденцию: значительный рост числа текстов очевидцев, побывавших в США в период 1870–1890-х гг. Появляется целый ряд очерков, путевых записей, дневников, представляющих собой рефлексию по поводу приобретенного нового пережитого опыта, что отразилось даже на структуре их заглавий. Типичными становятся названия «Год в Америке», «Письма из/об Америке», «Записки об Америке», в которых зафиксировано сочетание опыта достаточно длительного пребывания авторов текстов в США с попыткой осмыслить собственный опыт знакомства с иной культурой или вживления в нее.

Это приводит к некоторому изменению точки зрения в тексте, поскольку из наблюдателя незнакомой жизни повествователь превращается в ее участника (русский рабочий трудится на плантации, дворянин начинает свое знакомство с США с работы на лесопилке, студентка-медик познает американский мир благодаря учебе в американском колледже и работе в госпитале). Варианты судеб могут быть разными, но объединяет их одно: опыт вживления в новый социум. Так появляются путевые впечатления П. Огородникова «От Нью-Йорка до Сан-Франциско и об-

ратно в Россию» (1869), Н. Е. Славинского «Письма об Америке и русских переселенцах» (1873), М. М. Владимира «Русский среди американцев...» (1877), В. В. Святловского «Из американской жизни (Путевые впечатления)» (1893), И. П. Сысоева «Путешествие в Америку, или В стране "Help your self"» (1910).

В произведениях, написанных в последнюю треть XIX в., существенно усложняется представление о человеке, актуализируется идея диалога с предшествующими эпохами и культурами. Усиливается интерес к специфике другой культуры и ее носителям. Особенность нового взгляда – в попытках показать инокульттуру как можно подробнее, вжиться в нее, насколько это возможно для носителя другого образа мира и другого типа сознания. Такие тексты характеризует установка на личный, частный, индивидуальный опыт знакомства с Америкой. Иногда это подчеркивается автором: «Составлял заметки для себя и не думал о печати» [1]. Предметом авторской рефлексии становится воздействие американской культуры на носителя русской культуры.

К середине XIX в. уже сложился миф об этой стране. Географическая удаленность, трудность достижения берегов США породили восприятие США как земли обетованной или – в других вариантах – как инопространства. Доминировало представление о свободе, «вольном воздухе» и изобилии в «чудной стране», «прекрасном далеке» (М. М. Владимира). Можно говорить о своего рода «очарованности Америкой» (формулировка Н. Э. Сола) русского сознания первой половины и середины XIX в. Эта очарованность послужила дополнительным стимулом к познанию заокеанского мира, знакомству с ним не только посредством освоения книжной американской культуры, но и воочию. Этот процесс, столь активно начавшийся в середине столетия, продолжал нарастать и во второй его половине – начале XX в. (в предреволюционный период), заполняя свободную до той поры культурную нишу. Если «европейские» путешествия были в изобилии и в разных жанровых модификациях представлены в русской литературе уже первой половины XIX в., то в «американских» чувствовался явный недостаток, восполнить который русская культура в полной мере начала во второй половине столетия. По сравнению с 1850–1860-ми гг. поток текстов, написанных непосредственными наблюдателями американской жизни, становится все более массовым, так что целый ряд устойчивых характеристик США переходит из одного «путешествия» в другое.

В очерковой литературе последней трети XIX – начала XX в. находят также свое дальнейшее развитие тенденции, заявившие о себе в путевой «американской» литературе предшествующих десятилетий: разрушение сложившегося

идеального образа этой страны, его демифологизация. Предметом осмыслиения авторов очерков является разрыв между реальными американским образом жизни, американским характером и представлениями русских о них.

Отсюда – многообразие авторского описания в рассматриваемых очерках и письмах. Г. А. Мачтет, В. В. Святловский, А. Курбский, М. М. Владимира, Н. Е. Славинский, подобно авторам путешествий середины XIX в. (А. Б. Лакиер «Путешествие по Северо-Американским Соединенным Штатам», В. К. Бодиско «Из Америки» и др.), стремятся представить русскому читателю Америку как можно более подробно и не-предвзято, показать как положительные, так и отрицательные явления американской жизни. Страна изображена как по «горизонтали» (пространственная панорама), так и по «вертикали». Авторы очерков обращают внимание на функционирование политических, экономических, социальных институтов страны, общественную жизнь, бытовой уклад, традиции, вплоть до описаний этнографического характера (например, свадьбы у мормонов в очерках М. М. Владимира), черты типичного американца.

Америка в очерках последней трети XIX в. предстает как мир техногенной цивилизации, в основе которой – принцип изменения окружающего мира, естественной природы. Такой угол зрения совпадает во многом со взглядом, представленным в русской художественной литературе конца XIX – начала XX вв. (в произведениях К. М. Станюковича «Похождения одного матроса: подлинная история из далекого прошлого», В. Г. Тана-Богораза «Американские рассказы», В. Г. Короленко «Без языка» и др.). Авторы-очерксты останавливают свое внимание на интенсивности технического прогресса, высоких темпах освоения природных ресурсов страны, развития индустрии, достижениях цивилизации. Установка представителей русской интеллигенции на западный путь развития России, на ускорение развития страны обусловила позитивную, а часто и восторженную оценку технических достижений, уровня комфорtnости жизни американцев (М. М. Владимира, А. Курбский, Н. Е. Славинский и др.). В подобных достижениях цивилизации русские авторы приветствуют мощь человеческого разума, соперничающего с природой. Так, Н. Е. Славинский замечает, описывая Ниагарский водопад: «Здесь, на небольшом пространстве сосредоточены величайшее явление природы – водопад, по колоссальности и красоте не имеющий соперника, и замечательнейшее в мире произведение рук человеческих – тончайший, грандиознейший висячий мост, в своем роде единственный в мире. Величие Творца и сила человека выступили здесь поразительно» [2].

В тексты очерков входят детальные, точные описания технологических процессов. Отсюда и постоянное вкрапление множества статистических данных, сравнительных таблиц, касающихся самых разных сфер жизни. Точность и конкретность являются приметами этого этапа в рецепции Америки, ориентированного на предельно объективную передачу достоверной информации о другой стране и культуре. Вместе с тем стремление к объективности не мешает авторам неоднократно в публицистической форме призывать носителей русской культуры осваивать лучшее из «чужого», делая его «своим». В оппозиции *свое – чужое* на уровне технологическом, равно как и социально-политическом, «чужое» приобретает повышенный статус, статус нормы, получает высокую оценку. Так, принимается цепь ряд демократических установлений социальных и политических институтов страны. Америка предстает как страна подлинно свободного слова и равных возможностей для всех, уважения к человеку, религиозной терпимости.

В очерках Америка предстает как новый, недавно возникший и бурлящий молодой мир, во многом уже потерявший связь с прародиной – Европой. В текстах появляется оппозиция *Америка – Европа*, включающая такие субоппозиции, как молодое – старое, новаторство – патриархальность, динамичность развития – неподвижность, стагнация; цивилизация – культура. Практически все авторы последней трети XIX в. обращают внимание на предельно убыстренный, калейдоскопический ритм жизни американской цивилизации, бурный рост городов, превращающихся в мегаполисы, чрезвычайно интенсивное освоение пространства от Востока до Запада. Ключевыми словами-понятиями, описывающими Америку, становятся «новый», «парадокс», «энергичность», «деньги», «свобода». Отсутствие исторических корней, уходящей в глубь веков социальной иерархии позволяет американцам, по мнению русских очеркистов, действительно осуществлять принцип «открытых возможностей для всех».

Не случайно в тексты мощно входят урбанистические мотивы. Г. А. Мачтет, М. М. Владимиров, П. Огородников, Е. П. Ковалевский, В. В. Святловский и другие литераторы и публицисты создают образ большого города – Нью-Йорка, Сан-Франциско, Чикаго, схема создания которого повторяется в разных произведениях. Как правило, излагается краткая история его возникновения, далее следует описание городского ландшафта, социальной инфраструктуры, включаются жанровые сценки и зарисовки. Города США характеризуются необыкновенной быстрой роста, развитой инфраструктурой, многонаселенностью. Одновременно – в соответствии с гуман-

истическими устремлениями русской культуры – подчеркивается, вызывая отрицательную оценку, отчужденность человека в большом городе, его затерянность в равнодушной толпе.

Соотношение «своего» и «чужого» находит иное проявление на уровне контактов носителей разных культур. В процессе приспособления к инокультуре выявляется весь спектр различий национального русского и американского образов мира. «...Столкновение с незнакомой культурой, как правило, сопровождается эффектом “обманутого ожидания”; непредсказуемость чужой культуры – одна из главных трудностей межкультурного общения» [3]. Эффект «обманутого ожидания» русских переселенцев и самих путешественников становится предметом рефлексии авторского сознания. В основе сюжета произведений П. Тверского, Г. А. Мачтета, А. Курбского, М. М. Владимира, П. Огородникова – ситуация «оказалось» – «оказалось». Американская действительность оказалась совсем иной, нежели представлялась русскому сознанию, «воспитанному на Брет-Гарте». «Испытания этого “прекрасного далека” были горьки, очень горьки» [4]. «Суета и движение поразительны; человека, не привыкшего ни к чему подобному в Европе, сначала все это может даже ошеломить... Как-то нерешительно, боязливо вступаете вы в этот новый город нового мира, чувствуя себя неловко, точно не на своем месте» [5]. Подчеркиваются и особенности американского характера, уже хорошо известные русскому читателю: представление о собственной исключительности, деловитость, индивидуализм, презрение к бедности, стремление к успеху.

Носители русской ментальности сталкиваются с новыми для себя представлениями о действительности, социальными и культурными установками, трудностями социальной адаптации. «...Работать тяжело, жить ужасно дорого, да и трудно достать работу» [6]. Выявившиеся различия порождают, особенно в начале пути по этой стране, ощущение чуждости Америки русскому сознанию, акцентируемое в очерках М. М. Владимира, П. Тверского, П. Огородникова и других авторов. У русских вызывает удивление ориентированность американцев на принцип *help your self*, индивидуализм, сугубую практичность, утилитарное отношение к миру (И. П. Сысоев). Отметим, что трудность вживления в американский мир и специфика восприятия Америки связаны с рядом социальных причин и незнанием языка, владение которым является одним из главных условий безболезненной адаптации к новой культуре и миру, преодоления позиции «чужого».

В рассматриваемой литературе об Америке отчетливо фиксируется разность культурных язы-

ков, ставится проблема адекватного прочтения разных культурных кодов носителями русской культуры. Неоднократно приводятся случаи непонимания русскими американских реалий, традиций и обычаев и наоборот. В очерковой литературе второй половины – конца XIX в. рецепция инокультуры осуществляется также посредством определения новых реалий через знакомые, характерные для русской ментальности понятия. Отсюда появление таких выражений, как «село Миддлтаун», дом фермера называется избой, в русский текст вводятся американизированные выражения. Выявляется следующая тенденция: чем дольше срок пребывания автора в Америке, тем глубже проникновение в поле американской культуры, тем больше английских понятий и выражений, фразеологизмов включается в текст очерка.

Материал произведений последней трети XIX в. позволяет увидеть, как происходит влияние инокультуры на носителя русской ментальности, какова специфика механизма аккультурации, ассимиляции переселенцев, их «обамериканизации». Наиболее ярко результаты этого процесса показаны в творчестве П. Тверского, Н. Е. Славинского. Авторы «Писем об Америке» и «Писем из Америки» отмечают интенсивность и неизбежность ассимиляции эмигрантов в американскую культуру. Очевидно, можно сказать, что в очерках русских публицистов на примере отдельных судеб переселенцев, тех или иных национальных общин иллюстрируется теория «плавильного котла». Так, даже при создании благоприятных условий для сохранения культурной обособленности многие европейские эмигранты стремятся стать настоящими «янки», не выделяясь из общей массы, поскольку только в этом случае можно надеяться на достижение «житейского успеха». Иллюстрацией неизбежного нарушения культурной обособленности становится изображение изменений в общине мормонов, вызванное вторжением в нее цивилизации (Н. Е. Славинский), разрушение обособленного мира индейцев. Проблема эта носит не только политический, но культурный характер. Так, А. Курбский отмечает, что оторвавшиеся от родной почвы индейцы, как правило, становятся мигрантами.

«Обамериканизация» затрагивает и русских переселенцев. Так, меняется позиция Тверского, прожившего в США двенадцать лет, в отношении оценок явлений американской жизни: они становятся менее критичными. Фигура повествователя американизируется, в его сознании появляются сугубо американские черты (ср. высказывание «теперь я стою около миллиона долларов»). В то же время «русские» особенности его личности и психологии начинают вступать в кон-

фликт с «американским» pragmatичным стилем жизни, мешать деловому успеху (например, «привычка делать все самому», недостаточно четкая, по его признанию, организация труда).

В. Н. Топоров рассматривает несколько возможных вариантов отношения к «чужому». Оно может быть положительно-приемлемым, настороженно-ожидающим, требующим проверки, или отрицательным [7]. В рассматриваемой очерковой литературе в рецепции Америки, на наш взгляд, осуществляется, скорее, второй вариант функционирования оппозиции *свое – чужое*. Налицо две противоположные позиции авторов рассматриваемых произведений: декларирование идеи культурного универсализма (например, в очерках Тверского) и представление о невозможности снятия оппозиции *свое – чужое*, органичного и полного проникновения в другую культуру первого поколения прибывших в США европейцев (М. М. Владимиров).

Более близкое знакомство с миром Америки позволяет увидеть и теневые стороны американского образа жизни. Для русской интеллигенции оказывается неприемлемым целый ряд черт в американском национальном характере (приоритет быстрого успеха, торгашеский дух), в социально-экономическом устройстве (например, суд Линча или предвыборное политиканство, потогонная система на заводах и фабриках). Таким образом, в очерковых произведениях последней трети – конца XIX в. образ Америки наполняется конкретным, и часто неоднозначным, содержанием, еще в большей степени, нежели в середине столетия, детализируется, теряет свою однородность.

Одним из ведущих принципов повествования в очерках Н. Е. Славинского, В. В. Святловского, особенно П. Тверского становится движение авторской мысли от конкретного факта к обобщению. Это позволяет уловить некоторые культурные мегатенденции, связанные с особенностями контактов Востока и Запада (нарастание волны китайской эмиграции, будущее усиление позиций США в мире, усиление влияния американской культуры на европейскую и др.), что было особенно важно для русской культуры в преддверии нового века и в его начале.

Таким образом, специфика рассматриваемых очерков – в актуализации проблемы межкультурных связей русских и американцев как на уровне тематики и проблематики произведений – посредством прямых деклараций о необходимости расширения культурных контактов (П. Тверской, Н. Е. Славинский), преодоления сложившихся у русских и американцев стереотипов в восприятии друг друга (М. М. Владимиров, В. В. Святловский, Г. А. Мачтет и др.), так и на уровне поэтики. Сами авторы рассматривали свои

очерки во многом как средство развеять устоявшиеся и ложные представления о Новом Свете и способствовать усилиению процесса межкультурных взаимодействий России и Америки.

Примечания

1. Славинский Н. Е. Письма об Америке // Отечественные записки. 1872. № 1. С. 97.
2. Славинский Н. Е. Письма об Америке // Отечественные записки. 1872. № 2. С. 583.
3. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С. 149.
4. Владимиروف М. М. Русский среди американцев: мои личные впечатления как токаря, чернорабочего, плотника и путешественника. СПб., 1877. Ю. И. Марковина, Ю. А. Сорокин. Новосибирск, 1989. VI.
5. Мачтет Г. А. Избранное. М., 1958. С. 63.
6. Курбский А. Русский рабочий у американского плантатора // Вестник Европы. 1873. Т. 3. № 6. С. 712.
7. Топоров В. Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток – Запад: исследования, переводы, публикации. М., 1989. С. 12–13.

УДК 821.161.1

O. B. Васильева

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕГО ТВОРЧЕСТВА Н. С. ЛЕСКОВА

Мотивный комплекс художественной прозы Лескова начала 1860-х гг. обусловливает своеобразие содержания, жанровой формы, поэтики, системы образов произведений. Выделены архетипические и социально-исторические мотивы. Автор воплотил в своих произведениях христианскую концепцию мира и человека, поэтому религиозный мотив спасения является ведущим.

The motif complex of the N. S. Leskov artistic prose of the beginning of the 1860s causes originality of the content, genre form, poetic, system of images of works. There are archetypical and social-historical motifs. The author realizes in his works the Christian conception of the world and person, therefore the religious motif of the saving is leading.

Ключевые слова: мотивный комплекс, архетипические и социально-исторические мотивы, мотивы оборотничества, огня, греха, страдания, покаяния, молитвы, спасения.

Keywords: the motif complex, archetypical and social-historical motifs, motifs of werewolf, fire, sin, suffering, confession, prayer, saving.

В современном литературоведении возрос интерес к такому текстуальному явлению, как мотив, мотивный комплекс. Под мотивом будет пониматься структурно-смысловая единица текста, несущая в

ВАСИЛЬЕВА Ольга Васильевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, преподаватель кафедры философии Марийского государственного университета
© Васильева О. В., 2009

себе повествовательную нагрузку, повторяющаяся в тексте, имеющая определенную вербальную закрепленность, включающая межтекстуальный и культурно-эстетический компоненты.

Мотивные взаимосвязи в произведениях литературы намечаются в раннем творчестве, затем они зачастую переосмысливаются в связи с изменениями в мировоззрении писателя или поэта. Н. С. Лесков пришел в литературу уже зрелым человеком, со сложившимися взглядами и убеждениями, поэтому мотивный комплекс его творчества не столько изменялся, сколько дополнялся и расширялся. Эпицентром творчества Лескова в начале 1860-х гг. становится изображение народного сознания и быта, характера и психологии, которые определяются мифологией, фольклором, религией. Поэтому выделение архетипических мотивов [1] целесообразно и закономерно.

Одной из центральных «вечных» тем является тема добра и зла, которая первоначальное освещение получила в мифе через отношения противопоставления: верх/низ, внутренний/внешний, теплый/холодный, светлый/темный и т. д. Оппозиции подобного рода поднимаются до соотношений космического хронотопа: небо/земля, север/юг, день/ночь, зима/лето, солнце/луна [2]. Подобным образом с помощью построения художественного пространства как вертикальной оппозиции светлого верха и темного низа мотив добра и зла выражается и в ранних произведениях Лескова, где верх символизирует идеальные, вечные ценности. Низ, напротив, – пороки, обыденность, бытовое мышление. Данная символика присутствует в пейзажах, в описании внешности, бытовых зарисовках. Герой повести «Житие одной бабы» народный лекарь Сила Иванович «мог бы дать Насте совсем отдельное помещение, но он не поместил ее *внизу*, с большими, а взял *к себе наверх*» [3]. В повести «Воительница» Домна Платоновна – вполне «земная» женщина. Ей свойственны практическая смекалка, трудолюбие, самостоятельность, но в то же время она ограниченно понимает моральные законы и душевное состояние человека. «Заземленность» кружевницы передается через портрет: «...росту невысокого, и даже очень невысокого, а скорее совсем низенькая. <...> Домна Платоновна, как говорят, впопперек себя шире, и чем вверх не доросла, тем вширь берет» [4]. Домна Платоновна считает, что «женщине нельзя выпутаться из беды иначе, как на счет своего собственного падения» [5].

Контрастность между низом и верхом не всегда носит абсолютный характер. Это уже не мифологическое противопоставление, а собственно авторское видение: «Снег перестал сыпаться, метель улеглась, и *светлый месяц*, стоя высоко на небе, ярко освещал *белые*, холмистые поля

гостомельской котловины» [6]. Оппозиция светлый верх/темный низ стирается, и утверждается между ними световая гармония. Или, напротив, низ освещен, верх темный: «...по небу тяжело ползла черная бесконечная туча, казавшаяся еще чернее от горящей сосны» [7]. Описание грозы из повести «Овцебык» символично и повторяет внутреннее состояние героя, его одиночество, разъединенность с людьми: «...на том берегу, словно колоссальная свечка, теплилась старая сухостойная сосна, давно одиноко торчавшая на голом песчаном холме» [8]. В данном случае сопоставляются не низ и верх, а человек и природа. Мотив одиночества, соотносимый с образом героя повести, с его трагической судьбой, вызывает в памяти читателя онтологические вопросы жизни и смерти.

С мотивом добра и зла непосредственно связан мотив оборотничества, символически указывающий на темные начала в натуре человека. Мифологический герой изменяет свой облик, превращаясь в зверя. В литературном произведении мотив оборотничества видоизменился: перевоплощение человека будет не внешним, а внутренним. Способом указания на внутренние метаморфозы героя является в раннем творчестве Лескова параллель между человеком и животным. На стилистическом уровне она проявляется через сравнения. Так, в повести «Житие одной бабы» злые герои Костик, жена Степана сопоставляются с волком, собакой: «Костик и держался от семьи, словно волк какой, все стороною, особничком» [9]. Согласно русской демонологии, волк, с одной стороны, связан с богом-громоверхом, а с другой – отождествляется с дьяволом. По народным поверьям, волк – это вор и лютый разбойник. Мотивы разбойника, воровства, злобности, акцентированные в содержании образа Костики: «От Костики ей никакого почтения не было: разбойник разбойником вышел» [10]; «Бога ты, Костя, не боишься!» [11]; «злющий-презлющий» [12] – расширяют семантику мотива оборотничества.

Данный мотив соотносим также с образом главной герини повести. Состояние сумасшествия, полное отчуждение героини от людей сближает ее с животным миром: «Пастухи рассказывали, что видели, как она рубашкою ловила на узеньких пережабинах Гостомли мелкую рыбешку <...>; а другие уверяли, что Настя ела эту рыбу сырую, даже живую. Совсем она зверенком стала, и все стали бояться ходить в одиночку, – “чтоб Настя-бесноватая не нагнала”» [13]. Народная молва наделяла Настю чертами и действиями все более необыкновенными, отделяющими ее от людей.

Так в художественном произведении семантика мотива оборотничества реализуется на уров-

не символизации, служит способом выражения духовного мира героя.

Эпиграф к повести «Овцебык» взят «из зоологии»: «Питается травою, а при недостатке ее и лишаями» [14]. Заголовочный комплекс настраивает читателя на восприятие главного героя в сравнении с животным миром. Натуралистическое описание портрета Василия Петровича и его кличка «Овцебык» зоологизируют образ главного героя: «...его наружность необыкновенно напоминала овцебыка, которого можно видеть в иллюстрированном руководстве к зоологии Юлиана Семашки» [15]. Такое сравнение не случайно. С одной стороны, овца ассоциируется с христианской жертвенностью, желанием «пострадать за людей». С другой, бык – это животное из языческой мифологии, символизирующее буйство, агрессивность, разрушение. Автор объединил в своем герое Василии Петровиче два противоположных начала: жертвенность и агрессивность, соответствующие двум различным традициям: христианской и языческой. Его отличает «евангельская беззаботливость о себе» и постоянная готовность жертвовать «для каждого своих присных и знаемых» [16], но в то же время идеологически он поддерживает революционный метод преобразований, а значит, разрушение, насилие.

Мотив оборотничества Лесков часто реализует через форму сна. Стремясь передать сложность реальности, писатель воссоздает ситуацию сна, когда возникают бессознательные образы, передающие сложные психические процессы. Кроме того, сон позволяет использовать ирреальные образы без ущерба реалистичности произведения. Так, в арабеске «Kochanko тоja! Na so pam goztowa?» фантастические образы символизируют общество, осудившее Ядвигу и бросившее ее на произвол судьбы: «Сон страшный приснился ей в эту минуту. Чудовищ ужасных кагал беспокойный вертелся пред нею <...>. Душ их она не могла рассмотреть, но видно ей было сквозь черные платья, что каждое пугало носило в левом боку надутый воловий пузырь, а в том пузыре крошечный чертик вертелся...» [17]. Мотив бесовства преобладает в изображении сна и непосредственно реализуется в мотиве оборотничества.

Архетипическим мотивом является мотив огня, который в творчестве Лескова всегда имеет символическое и метафорическое значение. Центральное место в его формировании занимают образы «огненного змея» и «огненной реки». В первом крупном произведении Лескова «Житие одной бабы» образ огненного змея символизирует греческую любовь Нasti и Степана. В народном сознании огненный змей наделен демонической силой пробуждать любовь: «А Настя ни словечка не отвечает; брови сдвинула и все смот-

рела, смотрела в огонь, да как крикнет не своим голосом <...> Змей, змей огненный, ай! ай! За сердце... за сердце меня взял... ох! – тихо докончила Настя и покатилась на лавку» [18]. В народном понимании образ огненного змея олицетворяет сильную и страстную любовь, равную болезни. В данном случае мотив огня тесно связан с мотивом грешной любви. Во второй редакции «Жития...» образ «огненного змея» соединяется с образом «огненной реки», который затем появляется в повести «Воительница». «Люди! подлые вы люди! сбили меня; насулили мне здесь горы золотые, а не сказали про реки огненные» [19].

Ассоциативный ряд, связанный с образом огненной реки, довольно ограничен. В древнегреческой мифологии существовала река забвения Лета, которая разделяла мир живых и царство мертвых. В христианской космологии река разделяла рай и ад, напоминала грешникам о содеянном, была знаком смерти. В повести «Воительница» образ «огненной реки», с одной стороны, символизирует страдание героини, с другой – река разделила жизнь Леканиды Петровны до падения и после, когда возвращение к безгреховной жизни для нее уже невозможно. В христианской символике следствием грехопадения является «огненная геенна».

Вместе с тем огонь в мифологической традиции ассоциируется не только с губительной силой, но и с животворящей. Признак жизни во время невольного замужества Нasti – внутренний огонь ее глаз («Житие...»). Бессмысленность существования, смерть символизируются угасанием огня. Домна Платоновна, безответно полюбив племянника кумы, «распалась и угасла в час один» [20]. И смерть воспринимается следствием нарушения заповеди Христа «не прелюбодействуй»: «Огненным Пречищением пресекается перед смертью душа моя» [21].

В религиозном контексте одним из вариантов мотива огня в произведениях Лескова является сияние («Ланпад горит перед образами таково тихо, сияние от икон на нее идет» [22]). С архетипическим мотивом огня взаимодействуют мотивы грозы, молнии, страха, которые в контексте передают эмоционально-психологическое состояние героя.

Н. С. Лесков воплотил в своем творчестве христианское понимание мира и человека и создал модель мира, в котором основой являются нормы православной этики и эстетики. В повести «Житие одной бабы» христианские мотивы актуализируются уже в заглавии произведения. Согрешив (любовь к женатому мужчине, измена мужу), главная героиня Настя Прокудина рассказывает и стремится искупить свою вину служением Богу в монастыре. Сюжетная линия жизни

Насти заканчивается ее ранней смертью, но в подтексте повести «прочитывается» ее духовное воскрешение. Так в произведении мотив спасения переплетается с мотивами искушения, искупления, покаяния, греха, вины, страдания. Мотив возрождения реализуется с помощью темы детства, точнее, в мотиве-ситуации сна ребенка, где возникает образ Богородицы и рая: «Мне снилось, будто на этом лугу много-много золотых жучков <...> Как я заплакала, смотрю, около меня стоит красивая такая... не барыня, а так, Настя, женщина простая, только хорошая такая. Добрая, вся в белом, длинном-длинном платьице, а на голове веночек из белых цветочков <...> А тут ко мне навстречу много-много детей набежало: все хорошенкие такие да смешные, Настя: голенькие и с крыльшками» [23]. Кроме того, в повести мотив спасения соотносится с мотивом молитвы.

Герои лесковских произведений молятся в раскаянии, в страхе, в просьбе о заступничестве или, напротив, смерти. Молитва может быть прочитированной по святым источникам или быть спонтанной. Так, Сила Иванович Крылушкин поет молитвы «Святый Боже», «Господи, помилуй» Бортнянского, «Милосердия двери отверзи нам», «В бездне греховней валяся, неисследную милосердия призываю бездну». Домна Платоновна в ситуации молитвы обращает к Богу своеобразный «поток сознания», моля его о своей смерти: «Боже мой! – говорит, глядя на бедный больничный образочек. – Боженька! миленький! да поди же к тебе моя молитва прямо столбушком: вынь ты из меня душу, из старой дуры, да укроти мое сердце негодное» [24].

В комплекс архетипических мотивов входят мифологические, фольклорные, религиозные мотивы, выполняющие сюжетообразующую, характерологическую, семантическую функции. Ведущим мотивом в комплексе является религиозный мотив спасения.

Наряду с архетипическими мотивами в ранних лесковских произведениях сформировался комплекс социально-исторических мотивов. Они выявляют то, что волновало автора как человека своей эпохи. Характерно, что социально-исторические мотивы в равной мере присутствуют в публицистике и художественной прозе писателя.

Мотив служения обществу – один из основополагающих в социально-историческом мотивном комплексе. Герои Лескова стремятся привнести в общество добро, любовь, уважение. Служение обществу они осуществляют, в первую очередь, через труд, профессию, общественные обязанности. Служить обществу, в понимании Лескова, – прежде всего значит вести народ к Христу: «Пусть каждый честный человек ведет народ, по мере сил своих, к этому идеалу, и сам идет по

тому же пути с разумом во лбу и незлобием в сердце» [25] («О признаках благодетельного кризиса в весьма неопасном, но довольно странном умопомешательстве одной из наших молодых партий – “идольские требы теории”»). Поэтому комплекс «современных» мотивов вписывается Лесковым в христианскую тематику произведений. Примером искреннего служения обществу является Сила Иванович Крылушкин: «В лечении он был искусен, и больных к нему навозили с разных сторон, из сел и из городов. <...> От всяких болезней лечил Сила Иванович и всегда успешно» [26]. Героя Лескова отличает бескорыстие и самоотверженность, с которыми он отдаётся практическому делу во благо других людей.

Отношения героев произведений Лескова и общества не всегда гармоничны. Это могут быть отношения непонимания, которое, например, встретил герой «Овцебыка», несмотря на готовность жертвовать собой ради народа («Овцебык»). Костик из повести «Житие одной бабы» потребительски относится к народу и воспринимает общество как источник удовлетворения собственных потребностей. Костик поддерживал отношения с теми, кто мог принести ему выгоду, пользу: «Любил знататься с теми, с кем можно дела какие-нибудь делать. Спроста он ничего не делал» [27]. В этом случае мотиву жертвенного служения обществу противопоставлен мотив выгоды. Костик «торгует разными крестьянскими припасами и водкой. <...> Мужички редкий не должен Костику и кланяются очень низко» [28]. Мотив выгоды связан с мотивами обмана, воровства, пьянства. Мотив пьянства – один из постоянных в социально-историческом мотивном комплексе ранних произведений Лескова. Умер от опоя приходский пономарь в рассказе «Засуха», героями рассказа «В тарантасе» занимает вопрос, «с чего взялся в людях и блуд, и воровство, и пьянство, и всякие грехи» [29]. «Винный вопрос» занимал Лескова, так как это один из острых вопросов «для всех времен и для всех народов» [30]. Это проблема и экономическая, и моральная. Строя винокуренные заводы, разбогател «муж кармана» Александр Иванович Свиридов («Овцебык»). Винный завод также хотел построить Стюарт Яковлевич Ден («Язвительный»). Писатель понимает, что новый класс капиталистов не захочет «расстаться с тепленьким местечком и независимым положением из-за какой-нибудь отвлеченной идеи, ради принципа» [31] («По винному вопросу»).

Мотив служения обществу взаимодействует с мотивом цивилизации, рассуждения о которой неоднократно встречаются в публицистике Лескова. Чаще всего писатель употребляет данную дефиницию как синоним культуры. «Оцивилизо-

вывание» предполагает смену системы ценностей, где на первый план выступает практицизм, pragmatism, utilitarianism. Для русского национального характера подобные качества не характерны, что вызывает конфликт между западной цивилизацией и русской самобытностью. Мотив цивилизации особое значение приобретет в романах Лескова, где усиливается философская линия. Цивилизация воспринимается негативно, как символ безнравственности, выгодничества, материальности.

Мотив цивилизации не только выражает социальные взгляды автора, но также выполняет характерологическую функцию в тексте. Герой одноименного рассказа Кувырков «из западных провинций <...> захватил с собою в Петербург свое высокомерное обхождение с младшими, самоуничижение перед старшими» [32]. В образе Кувыркова объединяются мотивы цивилизации и сумасшествия, которым сопутствуют мотивы неожиданности, правды/ложи, ума/глупости, пустяка/пустоты, метаморфозы.

Актуальны в раннем творчестве Лескова «бытовые» мотивы. Мотив нищеты в тексте может быть заявлен открыто или передан через портрет или интерьер. Наряду с мотивом нищеты, совпадая, расходясь в значении или дополняясь, функционирует мотив беды/бедности. Бедный в значении «неимущий» является синонимом прилагательного «нищий». Во втором значении бедный – «несчастный, жалкий» – сливается с мотивом несчастья.

В комплекс «бытовых» мотивов входит такой элемент, как «деньги», отражающий социально-правовые отношения. В произведениях Лескова утверждается христианское отношение к деньгам, осуждается накопительство, приобретательство. Герой-праведник «Жития...» Крылушкин «жил доходом с своего большого плодовитого сада, который сдавал обыкновенно рублей за двести или за триста в год. Этого было достаточно Крылушкину, до крайности ограничившему свои потребности» [33].

Итак, мотивный анализ творческого наследия Н. С. Лескова выявляет семантическую множественность его ранних произведений и в то же время дает представление целостной мировоззренческой позиции автора. В раннем творчестве писателя мотивы подразделяются на архетипические и социально-исторические. К первым относятся мифологические (мотивы оборотничества, огня), религиозные (мотивы искушения, греха, страдания, искупления, молитвы, возрождения). Ко вторым – мотивы служения обществу, цивилизации, сумасшествия, мира, «бытовые» (нищеты, бедности, тесноты, денег). Религиозный мотив спасения – ведущий в мотивном комплексе раннего творчества Лескова. «Сквозными» явля-

ются вечные мотивы добра и зла, жизни и смерти. В текстах данные структурно-семантические элементы выполняют сюжетообразующую, смысловую, интертекстуальную, хронотопическую, этико-эстетическую функции.

Примечания

1. Под архетипическими мотивами мы понимаем структурно-семантические элементы мифологии, фольклора, религии, представленные в литературном произведении.

2. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 2000. С. 230.

3. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: ТЕРРА, 1998. Т. 2. С. 157.

4. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. С. 321.

5. Там же. С. 361.

6. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. С. 141.

7. Там же. С. 44–45.

8. Там же. С. 65.

9. Там же. С. 70.

10. Там же. С. 68.

11. Там же. С. 71.

12. Там же. С. 72.

13. Там же. С. 178.

14. Там же. С. 27.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же. С. 221.

18. Там же. С. 152.

19. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. С. 351.

20. Там же. С. 386.

21. Там же.

22. Там же. С. 350.

23. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. С. 85–86.

24. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. С. 386.

25. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. С. 688.

26. Там же. С. 108.

27. Там же. С. 107.

28. Там же. С. 212.

29. Там же. С. 140–141.

30. Там же. С. 283.

31. Там же. С. 287.

32. Там же. С. 89.

33. Там же. С. 156.

УДК 821.161.1

Т. А. Шестакова

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ОБОЙДЕННЫЕ» Н. С. ЛЕСКОВА)

В статье анализируется одна из сюжетных ситуаций романа «Обойденные» Н. С. Лескова, содержанием которой является исполнение и слушание музыки. Рассматриваются ее границы, элементарный состав, взаимодействие точек зрения автора и персонажей, функции и место ситуации в сюжете произведения.

In this article one of the plot situations in N. S. Leskov's novel "Deprived". The situation deals with performing and listening to music. Under review are its limits, elementary constituents, interaction of the author's and character's viewpoints as well as the function and the place of the situation in the plot of the novel.

Ключевые слова: музыкальная ситуация, эстетическая ситуация, Н. С. Лесков, исполнение и слушание музыки.

Keywords: music, aesthetics situation, N. S. Leskov, performing and listening to music.

Музыкальная ситуация является призмой, через которую преломляется авторский взгляд на место, роль и значение музыки в мире и в жизни человека, и вместе с тем часто проявляется авторское видение структуры мира и личности, раскрывается творческая индивидуальность писателя [1]. Она относится к типу эстетических ситуаций. Об «эстетической ситуации» в произведениях Н. С. Лескова писала Л. М. Петрова [2], однако данное понятие толкуется ею широко: это и восприятие музыки, и любование красотой природы, и любовь, в том числе любовь к жизни, и «восторг перед красотой и тайной созданного Творцом мира» [3]. Очевидно, что для автора статьи главным критерием отнесения ситуации к разряду эстетической является наличие у персонажа эстетически окрашенного переживания, причем независимо от объекта восприятия. «Эстетическая ситуация» в произведениях Лескова интересует Л. М. Петрову главным образом с точки зрения ее функций, чаще всего – семантической; отсюда – доминирование интерпретирующего подхода к ее рассмотрению. В то же время исследователем установлены характеристологическая, психологическая функции описания эстетических переживаний, в том числе во

ШЕСТАКОВА Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета

© Шестакова Т. А., 2009

время исполнения и слушания музыки («Житие одной бабы»), и раскрыт их характер: «В момент эстетических переживаний у человека проявляется утонченность ощущений, способность проникнуться движением души, переживаниями другого человека и ответить на них. Возникает момент сопереживания, духовного единения людей, при котором чувства каким-то образом передаются другому» [4]. В статье также указано на источник зарождения эстетических чувств у лесковских героев-праведников – они «часто имеют основу в религиозной настроенности персонажа» [5]. Здесь же высказано суждение (возможно, спорное) по поводу соотношения эстетического и нравственного в рассматриваемых произведениях Н. С. Лескова: «...нравственное и эстетическое принадлежат разным сторонам жизни и потому выступают как взаимоисключающие начала» [6]. Другие аспекты анализа эстетической ситуации (структура, элементарный состав и т. д.) не привлекли внимание исследователя.

С точки зрения функции рассмотрено пение персонажа в романе Н. С. Лескова «Некуда» [7]. Однако пропетая музыкально-литературная цитата из оперы «Руслан и Людмила» – лишь вкрапление в повествовательный текст, не развернутое в сюжетную ситуацию.

Нас интересует развернутая, относительно самостоятельная и законченная эстетическая ситуация, содержанием которой является создание, исполнение, восприятие произведения искусства, а именно – музыкальная ситуация.

В романе Н. С. Лескова «Обойденные» обнаруживаются две развернутые музыкальные ситуации (далее – МС). Первая – в части II главе 8-й «Любовь до слез горючих» [8], вторая – в части III главе 9-й «Птицы певчие». Рассмотрим вторую из них.

Место МС в главе, ее границы

МС составляет всего 1/6 от общего объема главы, однако заглавие «Птицы певчие» выдвигает ее на первый план и указывает тем самым на ее весьма важную роль в развитии сюжета. Небольшая по объему МС – кульминация, высшая точка эмоционального напряжения в главе и острый психологический момент в сюжете романа, предполагающий и подготавливающий движение истории души главного героя в ином направлении.

Вход в ситуацию и ее начало: «Вера Сергеевна после обеда открыла рояль, сыграла несколько мест из «Нормы» и прекрасно спела «Ты для меня душа и сила»» (курсив автора. – Т. Ш.) [9].

Конец и выход из ситуации: «– Charmant! Charmant! – произнес чей-то незнакомый голос, и с террасы в залу вступила высокая старушка, со строгим, немного желчным лицом, в очках и с седыми букалями. За нею шел молодой господин, совершеннейший петербургский comme il faut настоящего времени» (С. 223).

Вход в ситуацию («Вера Сергеевна после обеда открыла рояль») и выход («Charmant! Charmant!») маркируют ее типичность и этикетность. В то же время народно-поэтический стиль заглавия «Птицы певчие» не только соответствует большей части репертуара, но и характеризует свободу, естественность в поведении главных участников ситуации, искренность и самозабвение в пении.

Элементы МС

Тип МС – салонное музенирование в доме русских аристократов – обусловил выбор инструментов, репертуар, категории и роли участников.

Инструменты и способы музенирования: рояль, голос; игра на рояле и пение, в том числе дуэтом, типичны для домашнего музенирования, в частности во время званого обеда или ужина (ср., например, МС в «Княжне Мери» М. Ю. Лермонтова, в «Обломове» И. А. Гончарова и др.).

Персонажи – участники ситуации.

Исполнители: Вера Сергеевна Онучина и Долинский.

Слушатели: Серафима Григорьевна Онучина (мать Веры Сергеевны), княгиня Стугина, Вера Сергеевна и Долинский.

В второй МС соотношение и взаимодействие разных категорий ее участников сложнее, чем в первой.

Прежде всего, Вера Сергеевна и Долинский являются исполнителями и слушателями. Причем Долинский осуществляет переход из одной категории участников ситуации в другую два раза, постепенно. Вера Сергеевна с самого начала относится к обеим категориям: играя на рояле и исполняя романсы, она следит за собственным пением, интересуется производимым впечатлением, а затем, вслушиваясь в пение Долинского, одобряет его.

Кроме того, персонажи включаются в ту или иную категорию (как и в МС) не одновременно. Так, княгиня Стугина вступает в залу при звуках последнего романса, следовательно, ее пребывание в МС минутное, «вход» в ситуацию совпал с «выходом» из нее. Отставая от матери на шаг, князь Сергей Стугин, реакция которого на музыку отсутствует, – уже участник новой ситуации, точнее, он находится на границе двух ситуаций и маркирует переход из одной в другую.

Исполняемое (репертуар, последовательность, точки зрения).

Репертуар:

1) инструментальная музыка (сыграла несколько мест из «Нормы»), скорее всего, фрагменты из клавира оперы;

2) итальянская ария; пять русских романсов, написанных виднейшими композиторами I половины XIX в., создателями этого жанра

А. А. Алябьевым, А. Е. Варламовым, А. Л. Гурилевым, один из романсов приписывается брату известного композитора П. П. Булахова, оперному певцу [10].

Это типичный для салонного музенирования в домах русских дворян репертуар: популярные итальянские арии, в том числе из «Нормы» Винченцо Беллини (ср., например, отражение этого в литературе – «Casta Diva» в исполнении Ольги Ильинской [«Обломов» А. И. Гончарова]) и русские романсы [11].

Показателен выбор авторов романсов. Современниками названных композиторов были великие М. И. Глинка и А. С. Даргомыжский, но не их произведения включил Н. С. Лесков в свой роман. Действие «Обойденных» разворачивается во II половине XIX в. (60-е гг.), когда появились романсы таких крупных композиторов, как Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, М. П. Мусоргский. Однако и не к их творчеству обратился Н. С. Лесков.

Выбор романсов и авторов может быть объяснен несколькими причинами.

Во-первых, «кругом» музыкальных интересов, предпочтениями Н. С. Лескова, любителя народной песни. Все включенные в МС романсы, за исключением «По небу полуночи», несмотря на их ритмическое разнообразие, принадлежность к нескольким жанровым разновидностям (песня, вальс, баркарола), по стилю и образности близки к русской народной песне (романс-вальс «Вьется ласточка сизокрылая» имеет подзаголовок «песня») [12]. «По небу полуночи» тематически близок духовным песнопениям, занимавшим в домашних концертах семьи Н. С. Лескова видное место. Это предпочтение характеризует Н. С. Лескова не только как исполнителя и слушателя музыки, но и как писателя. Чаще всего он включает в литературные произведения именно песни; не раз обнаруживается и сочетание в одном произведении народных песен, романсов с духовной (церковной) музыкой (см., например: «Житие одной бабы», «Овцебык», «Леди Макбет Мценского уезда», «Соборяне»).

Во-вторых, нельзя не учитывать характер романсов А. А. Алябьева, А. Е. Варламова и А. Л. Гурилева, так как репертуар МС обусловлен внутренними законами художественного мира романа.

Отбор музыкального материала совершает и персонаж-исполнитель, Вера Сергеевна. Так называемые бытовые романсы авторов I половины XIX в. предназначались именно для домашнего, любительского, а не профессионального исполнения [13]. Они были доступны в вокальном отношении многим и – главное – требовали больше сердечности, нежели блестящих вокальных данных и серьезного обучения. «Одно из важ-

нейших достоинств русских романсов первой половины XIX в. состоит в том, что их исполнение в эпоху мощного развития инструментальной и вокальной виртуозности (если иметь в виду итальянское пение) по своему характеру содержания исключало любование внешними техническими приемами, так как сосредоточивалось на раскрытии художественных глубин произведения» [14]. Б. В. Асафьев назвал мелодии А. А. Алябьева «почтой родственных, сочувствующих друг другу душ» [15]. Произведения А. А. Алябьева, П. П. Булахова, А. Е. Варламова и А. Л. Гурилева были наиболее популярными в разных слоях русского общества. Романсы композиторов II половины XIX в. были рассчитаны в большей степени на концертное, профессиональное исполнение, когда к певцу предъявлялись более строгие требования, особенно с вокальной точки зрения [16].

Перед Верой Сергеевной стоят две задачи: 1) блеснуть своим музыкальным талантом, вокальным мастерством; 2) исцелить Долинского, разделить с ним и, наконец, снять его душевную боль. Для достижения первой задачи лучшим средством является итальянская оперная музыка, где можно продемонстрировать виртуозное владение бельканто. Для решения второй – русский бытовой романс, дающий наибольшую возможность раскрыть свою душу и проникнуть в глубину чужой, эмпатически сливаться с нею. Второй задачей обусловлены выбор Верой Сергеевной конкретных произведений и последовательность их исполнения.

Вера Сергеевна обнаруживает себя не только прекрасной певицей, но и тонким психологом. В смене музыкальных номеров, в том числе романсов, есть определенная «терапевтическая» логика: сливаться с трагическим настроением Долинского, захватить его скорбящую душу и вывести из мрака отчаяния и смерти к свету любви и новой жизни.

Первый романс «Ты для меня душа и сила...» («Колыбельная») звучит контрастом эмоциональному состоянию Долинского, заставляет его вспомнить о Доре и испытать острую душевную боль.

Следующий романс «Ах, покиньте меня» полностью соответствует настроению героя, стихи как будто вербализуют его мысли – показательна здесь ремарка рассказчика: «Вера Сергеевна словно подслушала думы Долинского...» (С. 222).

«Вьется ласточка сизокрылая» исполняется в тон настроению Долинского, причем согласно его желанию послушать что-либо «в этом роде». Более того, словесный текст романса изменен. Помимо незначительной перестановки слов, опущен его светлый фрагмент («Ждет касаточку / Белогрудую / В теплом гнездышке / Ее пароч-

ка») [17], а эпитет «белогрудая» («Душа – пташечка») заменен эпитетом «сизокрылая», то есть цветообозначением темным, траурным. И хотя Вера Сергеевна осторожно пытается сгладить трагизм вопросом «Нравится?», она тем не менее выходит за рамки этикета, превращая пение романса в «панихиду» (такова реакция Серафимы Григорьевны: «Терпеть я не могу этих твоих панихид» (С. 222)).

Далее, «искоса» взглянув на «своего вдруг омрачившегося гостя» (С. 222) и «как бы ничего не замечая» (С. 223), Вера Сергеевна поет романс «По небу полуночи», который благодаря просветленному характеру мелодии А. Е. Варламова и стихам М. Ю. Лермонтова является тематическим и эмоциональным переходом от мотивов смерти и похорон к мотиву новой жизни. Он служит и весьма тонким средством утешения: отнюдь не радостный, не диссонирующий с настроением Долинского, сулящий «печаль и слезы», но все-таки умиротворяющий. Вера Сергеевна, выбирая этот романс, как бы проецирует его содержание на любовную историю Долинского и Доры, разумеется, в собственном ее видении. Блаженство «под кущами райских садов» – прошлое, любовь Доры и Долинского (какой она могла показаться со стороны Вере Сергеевне); «мир печали и слез» – настоящее Долинского, потерявшего Дору, но сохранившего воспоминание о ней и смутную тоску по блаженству любви. Вместе с тем личная судьба, конкретная жизненная ситуация проецируется на судьбу человека вообще и на общемировую закономерность. Тем самым осуществляется трансформация психического состояния Долинского.

Сочувствие настоящему и уважение к прошлому – в этом сказался такт Веры Сергеевны. В настойчивом, но деликатном вовлечении Долинского в пение – ее интуиция и ум: «выпевая» свою боль, он освобождается от нее, его мысли и чувства вслед за озвучиваемым текстом и мелодией романса обращаются от «сырой земли» к «небу».

Целительная сила русского романса заключена не только в стихах, но и в мелодии: «отнюдь не уныние определяет характер грусти в русском романсе; его грусть редко безысходна, в ней почти всегда присутствует элемент элегичности, сообщающий самой глубокой печали оттенок надежды, чаще всего проявляющий себя даже не в словах, а в музыке произведения». Композитор порой словно противится безнадежности содержащегося в словах настроения и находит такие краски, которые, не противореча «глубокой грусти» поэтического первоисточника, могут быть трактованы в духе светлой печали. Такой стихийный оптимизм, а точнее, неугасающую надежду на счастливую ли любовь, на излечение ли от смертельной тоски, на торжество ли справедли-

вости мы встречаем почти во всех, даже самых горьких русских романсах» [18].

Исполнение итальянской арии – эмоциональная передышка, так как она не трогает душу. Свидетельством этому служит характер изображаемой реакции на нее: восприятие персонажей-слушателей не фиксируется, а в речи рассказчика отмечается «артистичность» певицы (оценка, говорящая, скорее, не об искренности, а о хорошем изображении чувств), «трудность» арии и используется глагол «выполнила», который пре-вращает пение в успешное решение трудной задачи и напоминает о желании Веры Сергеевны продемонстрировать свои достоинства.

И, наконец, романс «Ты не пой, душа девица» – новая тема и новые эмоции. Во время его исполнения происходит переадресация чувств. Теперь это любовь к родине, грусть от разлуки с нею и утешение в «песне родины святой», которые захватывают Долинского настолько, что он «не выдержал и без зова пристал к голосу певицы» (С. 22). Это свидетельствует об освобождении (пусть временном) от власти мертвой Доры и о гармонизации (хотя и непрочной) его внутреннего мира.

Есть в устроенном Верой Сергеевной концерте и эстетическая логика. Все музыкальные номера как бы образуют единое музыкальное произведение – оперу. Увертюрой служат сыгранные на рояле отрывки из «Нормы». Основная, вокальная часть состоит из тематически связанных с « увертюрой» и сюжетно обусловливающих друг друга «арий» и «дуетов»; вокальные номера разделяются между собой краткими репликами и диалогами – аналогом речитатива в опере. Завершается эта «драма в музыке» торжественным финалом, воодушевляющим исполнителей и слушателей.

В целом для всего этого фрагмента характерен минимум авторского повествования, комментарий рассказчика почти сведен к ремаркам, так что текст МС сближается с либретто.

Разумеется, «концерт» организован не только точкой зрения персонажа. Он, как и вся МС, моделируется точкой зрения автора – создателя художественного мира произведения. Логика Веры Сергеевны накладывается на логику автора-рассказчика, и их взаимодействие образует сложный смысл данной ситуации и романа в целом.

Авторская логика обусловила не только отбор и следование музыкальных реминисценций, но и способы введения в литературный текст этих элементов интермедиальной связи, характер цитирования, сочетание высказываний и взаимодействие точек зрения всех участников ситуации.

Прежде всего, это логика сюжетная, связанная с раскрытием характеров, в первую очередь,

Долинского. Особую значимость приобретает включение в репертуар Веры Сергеевны и в МС романса «Ты для меня душа и сила». Он исполняется Верой Сергеевной и слушается Долинским дважды, благодаря чему возникает перекличка двух ситуаций – рассматриваемой музыкальной и ситуации любовного свидания в 11-й главе II части («Ум свое, а черт свое»).

При этом наблюдается серия несовпадений. Во-первых, несовпадение, даже контраст, обстоятельств и условий, в которых исполняется и воспринимается музыка.

Впервые Долинский слышит этот романс во время прогулки с Дорой, сразу после их объяснения в любви. В ночном пейзаже слиты в единое гармоничное целое люди, природа и музыка: «На земле была тихая ночь; в бальзамическом воздухе носилось какое-то животворящее влияние и круглые звезды мириадами смотрели с темно-синего неба. С надбережного дерева неслышно снялись две какие-то большие птицы, исчезли на мгновение в черной тени скалы и рядом потянули над тихо колеблющимся заливом, а в открытое окно из ярко освещенной виллы бояр Онуциных неслись стройные звуки согласного дуэта» (С. 185).

Основу покоя и гармонии составляют тихие и согласные действия пар: идущие рядом влюбленные, снявшиеся одновременно и летящие рядом две птицы, пение двух голосов. В завершающем описание плеоназме («стройные звуки согласного дуэта») усилено впечатление всеобщей гармонии. В то же время создан контраст между состоянием окружающего мира и настроением Долинского («он шагал уныло и нерешительно» (С. 184)) и в очередной раз обнаруживается его нерешительность как главная черта характера.

Второе исполнение и слушание этого романса происходит не в столь романтическое время суток и не в романтической обстановке. Эта МС не спонтанная, а этикетно обусловленная и хорошо продуманная. Кроме того, пары разбиты: Дора умерла, Вера Сергеевна поет одна, что усиливает впечатление одиночества, дисгармонии в мире. Правда, пара птиц отзывается в заглавии «Птицы певчие» и в поведении персонажей: Вера Сергеевна и Долинский все-таки образуют дуэт, исполняя другие романсы, и пение дуэтом оказывает целительное воздействие на душу героя.

Во-вторых, несовпадение обнаруживается в степени осведомленности и в интенциях персонажа и автора-рассказчика. Если Вера Сергеевна не знает о том, что Долинский уже слышал этот романс, то автор «знает». Следовательно, его намерение – усилить трагизм, показать глубину скорби героя.

В чередовании и своеобразном концертном состязании русских и итальянских номеров тоже

просматривается определенная авторская логика. Русская музыка противопоставляется итальянской как родная – чужой, задушевная – виртуозной, «трудной», как воздействующая на душу русского человека – не трогающей его сердце. Отсюда неопределенность в наименовании произведений итальянской музыки: «несколько мест» из «Нормы», «какая-то» итальянская ария. На месте «какой-то» могла оказаться любая ария, так как автору важно было показать чуждость ее русскому сердцу (неопределенность в названии и отсутствие цитаты могут быть связаны и с предполагаемым исполнением на итальянском языке). Неслучайно реакция слушателей на нее не отмечена, а оценка принадлежит только рассказчику.

Что касается русских романсов, то в тексте либо даны выделенные курсивом их названия («Ты для меня душа и сила», «По небу полуночи»), либо процитировано их содержание, так как они непосредственно связаны с жизнью души героев. Все романсы сопровождаются оценочными репликами персонажей. Наибольшее количество откликов вызвали самый мрачный роман «Вьется ласточка сизокрылая» (двух участников ситуации) и самый светлый «Ты не пой, душа девица» (два отклика участников и один рассказчика). Содержание последнего непосредственно отражает борьбу итальянского и русского начал, причем эта борьба подчеркнута конфлиktом между словесным текстом, утверждающим превосходство родной русской песни, и баркарольным ритмом романса, свойственным песне итальянской. Однако интересно не только содержание романса, но и его сочетание с итальянской арией и нарушение точности цитирования. Между арией и романом нет паузы: «Она артистично выполнила какую-то трудную итальянскую арию и, взяв непосредственно затем новый, сразу щиплющий за сердце аккорд, запела...» (С. 223). Тем самым два произведения полемически сопряжены, как бы образуют две реплики в музыкальном диалоге-споре. С этим обстоятельством связана замена первых слов романса «Что поешь» (то есть *почему* или *зачем*) на «Ты не пой», замена вопроса на запрет петь чужую песнь. Таким образом, «Ты не пой, душа девица» представляет собой кульминацию и развязку не только борьбы между темными и светлыми эмоциями, между мотивами смерти и жизни, но и борьбы итальянского и русского начал. В текст романа введен лишь один куплет, завершающийся цитатой из другого известного романса А. А. Алябьева: «Соловей, мой соловей». Она и ставит точку в споре Веры Сергеевны и Долинского (он уже «без зова пристал»), в борьбе эмоций и мотивов, в состязании культур. Таким образом, рассматриваемая МС содержит еще одну,

подспудную мысль романа о сложных взаимоотношениях русского и иностранного, которая заложена в зачине произведения: «Этот русский роман начался в Париже...» (С. 3). Нравственную и психологическую, эмоциональную опору человеку дает родина; русский человек и за границей остается русским, поэтому только родная «песнь» способна исцелить его душу. Неслучайно при описании восприятия Долинским последнего романа Н. С. Лесков использует, как и в заглавии, народно-поэтическую лексику: певица тронула слушателя «за ретивое». Именно в этот момент Вера Сергеевна и Долинский становятся «птицами певчими» [19].

Количество, соотношение и расположение реплик персонажей и ремарок рассказчика отличаются явной симметричностью и пропорциональностью. Наибольшее количество комментариев принадлежит рассказчику (пять), что объясняется его статусом и высшей степенью осведомленности, и Долинскому (четыре), как главному герою романа и объекту, на который направлено действие в данной ситуации. По одному комментарию – у всех остальных слушателей.

Две главные «партии» принадлежат Вере Сергеевне и Долинскому, персонажам вовлекающему и вовлекаемому в действие. Два «голоса» эпизодических лиц, старых княгинь Онучиной и Ступиной – это две краткие эмоционально-оценочные реплики; первая (негативная) завершает центральный и самый скорбный музыкальный номер, вторая (позитивная) – последний и самый светлый, завершая одновременно всю МС.

Нарастание количества реакций на музыку идет постепенно: от нуля к трем, то есть к максимуму откликов. В эмоциональном отношении –canoобразно: на первый номер – нейтральная реакция, второй вызывает грусть, третий – нарастание грусти, четвертый – скорбь, пятый – небольшое просветление, на шестой – снова нейтральная реакция, седьмой вызывает воодушевление и восхищение, хотя и высказанное согласно этикету на французском языке.

Симметричность, плавное иcanoобразное движение эмоций и оценок придают композиции фрагмента музыкальный характер [20]. Полифункциональная мотивированность каждого элемента интермедиальной связи (музыкальных реминисценций), продуманная стройность композиции, мастерское «владение» разными точками зрения в сочетании с богатым эмоциональным наполнением создают впечатление не искусственности, а искусности в моделировании данной МС.

Место МС в романе

События 9-й главы III части разворачиваются после смерти Доры. В 7-й главе («Письмо из-за могилы») в предсмертном письме Доры дается характеристика Долинского: он – «живая слабость»

(С. 213); в 8-й («Сладкие начала злого недуга») регистрируется начало его психического расстройства. 9-я глава как будто нарушает логику истории души Долинского, показывая его возвращение к жизни, восстановление гармонии. Ее заглавие настраивает читателя на ожидание оптимистического исхода событий, а концовка указывает на начало благоприятных перемен в душевном состоянии героя: «Он возвратился домой в таком веселом расположении духа, в каком не чувствовал себя еще ни разу с самой смерти Доры» (С. 230). Однако это так называемое *отказное движение* [21], шаг назад для разбега перед прыжком в пропасть одиночества, мистицизма и распада личности, откуда возврата уже не будет. В следующей, 10-й главе («Не куется, а плющится») показана резкая перемена в настроении Долинского, его окончательное уединение и отказ от возрождения, усугубление его душевной болезни.

Благодаря обману читательского ожидания, в котором большую роль сыграла МС, становится особенно очевидным, насколько слаб Долинский, и подтверждаются слова Доры о том, что у него «воля давно пришибена» (С. 213). Вместе с тем психологически убедительным оказывается дальнейшее развитие сюжета.

Две развернутые МС в романе Н. С. Лескова «Обойденные» связаны между собой тематически и наличием одного общего участника – Долинского. Их тема – любовь. Отношение главных участников к любви раскрывается через исполнение и слушание ими музыки. Различные национальные и религиозные типы, индивидуальные характеры раскрываются в «музыкальном поведении» персонажей. При этом активную роль играют женщины – Жервеза и Вера Сергеевна Онучина, персонажи ведущие и вовлекающие других в ситуацию слушания и исполнения. Роль вовлекаемых и вовлеченных принадлежит Доре (в I МС) и Долинскому (во II МС).

В двух МС раскрывается характер главного героя. В обеих ситуациях он пассивен, подвержен воздействию более сильных натур. Его «возвращение» к Доре в III части не свидетельство его победы над искушением, над чарами Веры Сергеевны, а поражение. Это еще одно проявление его слабости. Быть с Верой Сергеевной значило возвращение к жизни с необходимостью активного действия, выбора, то есть душевный труд и преодоление себя; оставаться с Дорой – духовную немощь, нежелание сопротивляться душевному недугу, бессознательное стремление к смерти.

Примечания

1. Шестакова Т. А. Ситуация слушания музыки в романе Е. И. Замятиной «Мы» // Вестник: науч.-практ. ежегодник МГПИ им. Н. К. Крупской. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н. К. Крупской, 2007. Вып. IV. С. 81–93.

2. Петрова Л. М. «Эстетическая ситуация» у Лескова и Тургенева (к вопросу типологического родства) // Юбилейная междунар. конф. по гуманитарным наукам, посвящ. 70-летию Орловского гос. ун-та: м-лы. Орел: Орл. гос. ун-т, 2001. Вып. I: Н. С. Лесков. С. 173–178.
3. Там же. С. 177.
4. Там же. С. 176.
5. Там же. С. 177.
6. Там же.
7. Куранда Е. А. Об одной «пушкинской цитате» в повествовательной структуре Н. С. Лескова // Проблемы современного пушкиноведения. Псков: Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова, 1999. С. 158–162.
8. Подробный анализ этой МС см.: Шестакова Т. А. Музыкальная ситуация в литературном произведении (по роману Н. С. Лескова «Обойденные») // Текст. Произведение. Читатель: м-лы Всерос. науч. конф., 11–13 октября 2007 г. Казань: РИЦ «Школа», 2008. С. 84–88.
9. Лесков Н. С. Обойденные // Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 3. С. 221. Далее цитирую это же издание с указанием страниц после цитаты в круглых скобках.
10. См. примечания А. Шелаевой в: Лесков Н. С. Указ. соч. С. 455.
11. Асафьев Б. В. Русская музыка. XIX и начало XX в. Л.: Музыка, 1979. 341 с. Овчинников М. А. Творцы русского романса. М.: Музыка, 1991. Вып. 2. 415 с.
12. Об источниках русского романса и его разновидностях см.: Асафьев Б. В. Композиторы первой половины XIX в. (Русская музыка). М.: Сов. композитор, 1959. 40 с. Васина-Гроссман В. А. Русский классический романс XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 352 с.
13. Овчинников М. А. Указ. соч.
14. Там же. С. 9.
15. Цит. по: Доброхотов Б. Романсы А. А. Алябьева // Алябьев А. А. Романсы и песни: Полное собрание: для голоса в сопровождении фортепиано / сост. Б. Доброхотов. М.: Музыка, 1974. Т. 1. С. 5.
16. Кроме того, «вторая половина века не выдвинула ни одного автора бытового романса, равного по значению Алябьеву, Варламову или Гурилеву. Из творческого наследия Булаховых, К. Вильбоа, А. Дюбюка остались в исполнительской практике лишь единичные произведения <...> композиторы бытового романса перепевали излюбленные мотивы своих предшественников в упрощенном виде» (Васина-Гроссман В. А. Указ. соч. С. 140–141).
17. Гурилев А. Вьется ласточка сизокрылая. Песня // Романсы и песни: для голоса и фортепиано / сост. Е. Степневская. М.: Музыка, 1982. Т. 1. С. 137–138.
18. Овчинников М. А. Указ. соч. С. 5–6.
19. Любопытно, что, вступая с Н. Г. Чернышевским в полемику по самым разным, в том числе эстетическим проблемам, Н. С. Лесков оказался близок ему в оценке русской песни, в противопоставлении музыки итальянской и русской, профессиональной и непрофессиональной, в том числе как «искусственной» и «естественной». «Естественное пение как излияние чувства, – писал Чернышевский, – будучи произведением природы, а не искусства, заботящегося о красоте, имеет, однако, высокую красоту; потому является в человеке желание петь нарочно, подражать естественному пению. Каково от-
- ношение этого искусственного пения к естественному? Оно гораздо обдуманнее, оно рассчитано, украшено всем, чем только может украсить его гений человека: какое сравнение между ариею итальянской оперы и простым, бедным, мотивом монотонной народной песни! Но вся ученость гармонии, все изящество развития, все богатство украшений гениальной арии, вся гибкость, все несравненное богатство голоса, ее исполняющего, не заменят недостатка искреннего чувства, которым проникнут бедный мотив народной песни и неблестящий, мало обработанный голос человека, который поет не из желания блеснуть и выказать свой голос и искусство, а из потребности излить свое чувство» (цит. по: Васина-Гроссман В. А. Указ. соч. С. 138).
20. «Музыкальный» характер повествованию в рамках МС придает особая фоническая и ритмическая организация прозаических фрагментов, в частности метризация прозы, что осталось за рамками данной статьи. По справедливому замечанию Ю. Б. Орлицкого, использование силлабо-тонического метра в романе «Обойденные» заслуживает «отдельного разговора» (Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. С. 84), равно как и указанные выше аспекты ритмизации данного текста.
21. Толкование понятия «отказное движение» см.: Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст: сб. ст. М.: АО ИГ «Прогресс», 1996. С. 60–62.

УДК 821.161.1

А. С. Серопян

**КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ» В РОМАНЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматривается культурологический аспект концепта «Время», как одной из самых существенных сторон художественной изобразительности в романах Достоевского. Впервые в структуре романов Достоевского анализируются закономерности появления, функционирования и изменчивости сакрофоров, связанных с богослужебным календарем.

In the article the culturological aspect of the “Time” concept From Dostoyevsky’s novels is considered. The natural laws of the origin, functioning and changes of sacrofores, related to the mass calendar, are analyzed at the first time.

Ключевые слова: культура, концепт, время, носители священного, богослужебный круг, литургия, традиция, народная самобытность.

Keywords: culture, concept, time, the bearers of sacred, the worship servise circle, the liturgy, tradition, national character.

Время в романах Достоевского интересует нас не просто как явление русской культуры, осмыс-

СЕРОПЯН Аветис Сережаевич – соискатель кафедры культурыологии и литературы ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет»
© Серопян А. С., 2009

ленное писателем, но как феномен объективированного духовного. В качестве транслятора его рассматривается традиция православного богослужения. В развитую культуру непременно встроено отношение человека к самому себе и ко всему остальному: активное понимание человеком себя и мира, в том числе божественного. Советский период примечателен тем, что многие притаившиеся или дремавшие мифологемы русской культуры были востребованы и доведены до предела апокалиптического. На смену сакрофорам – носителям священного, по определению Л. Э. Ванда и А. С. Муратовой, приходят реликты [1]. Мы живем в эпоху интенсивных перевоплощений, когда в игровой стихии ролевой образ жизни социологи считают нормой. Это и предчувствовал Ф. М. Достоевский, воспринявший русскую культуру не в виде немощных реликтов, а в ее подлинной цельности, в Миротворном круге, ее создашем.

Проблема превращения сакрофоров в реликты в русской культуре и русской истории – одна из самых острых, а потому требующая тщательного исследования. Мы, отталкиваясь от концепта «Время», попытаемся провести исследование, актуальность которого заключается в обращенности к принципиальным проблемам культурологического знания, а именно: к интегративной сфере взаимообогащения науки о русской литературе и философии культуры, к феноменологии художественного образа в его взаимосвязях с первообразом в контексте исторического процесса. Актуальность исследования усиливается той знаковой феноменологичностью творчества Достоевского, в которой русская духовность как сущее определяет культово-мировой статус Художника.

Художественное время – одна из самых существенных сторон художественной изобразительности в романах Достоевского – почти век является предметом исследований [2], главным образом, потому, что ощущение времени у героев Достоевского крайне субъективно. Мгновение может «остановиться», а длительный период «промелькнуть». По концепции М. Бахтина, в романе проявляется «неготовое настоящее», «становящаяся современность», «незавершенная действительность», возникает со-бытие героев [3]. В каждом романе у Достоевского субъективное восприятие времени – это одна из форм изображения действительности. Он воздерживается от статических описаний. Так, например, в «Подростке» Достоевский пишет о прошлом, но с точки зрения очень близкого настоящего: прошлое очень живо, оно нервно взвинчено, оно продолжает тревожить настоящее исповедующегося Аркадия. Тем самым проблема решается в зависимости от того, в какой конец разомкнутого перед его лицом кольца времени смотрит чело-

век: пред-идущее прошлое и пред-стоящее будущее в равной мере – передnim.

Идея круговорота времени, ведущего в вечность, воплощенная новгородскими монахами в Миротворном круге – церковном юлианском календаре, иначе – Великом индиктионе (период в 532 года, после чего воспроизводятся даты пасхалий), в разной степени проявлялась в древней культуре: у римлян был праздник богини-прорицательницы Карменты и её спутниц, Антеворты и Постворты, из которых первая вещала будущее, а вторая – прошедшее. По другим ассоциациям, это – римская богиня, помогавшая при деторождении и предсказывавшая судьбу новорожденного. Ее помощницы, Антеворта и Постворт, получили свои имена от названий двух положений ребенка при родах [4]. Старинным способом писания у греков был бустрофедон (букв. «как пашут волами»), состоявший в том, что строки, «подобно волам на пашне (почему и взято это название), шли попеременно то справа налево, то слева направо» [5]. С этим нужно сопоставить происхождение прозы и поэзии. Слово «проза» восходит через французское prose к латинскому proversa (позднее оно сократилось до prorsa), что значит *обращенная вперед*, то есть непрерывно развивающаяся речь. «Стих» восходит к греческому stihos – *ряд, линия, строка*, а слово «стrophe» – к греческому глаголу strofe – *возвращаю, возвращаюсь*.

Обратим внимание на антонимическое «Миротворному кругу» словосочетание, которое вводит в оборот рассказчик «Записок из мертвого дома»: «*Вариаций в одном и том же роде преступлений – бесчисленное множество. Что характер, то вариация. Но положим, что примириить, сгладить эту разницу невозможно, что это своего рода неразрешимая задача – квадратура круга, положим так!*» (4, 43) [6]. Квадратура круга – против Миротворного круга. Герои Достоевского очень часто занимают место в углу – месте между двумя сходящимися стенами: Раскольников – «лежа по целым суткам в углу» (6, 6), Шатов «шел опять в свой угол» (10, 440), Аркадий «сел молча в угол, как можно более в угол» (13, 260), отец Ферапонт проживал «в углу стены» (14, 151). Но доминанта «угол» обладает амбивалентной символикой и указывает на освященное пространство – в углу размещаются образы: в комнате старухи-процентщицы (6, 9), в гостиной Варвары Петровны (10, 127), в спальне старца Зосимы (14, 71), в домике Смердякова (15, 50). В углу у образов умирает Илюша Снегирев (14, 485). Люди, рожденные для жизни в Миротворном круге, ются в углах, который сродни заклятому узлу («наузу», ц.-слав. – A. C.). «*Сколько угрюмых лиц простоянодорья, торопливо возвращавшегося в углы свои с работы и промыслов! У всякого своя угрюмая забо-*

та на лице и ни одной-то, может быть, общей, всесоединяющей мысли в этой толпе! Крафт прав: все врознь» (13, 82).

Сакрофоры («носители священного») придают устойчивость и связность жизненному миру, освящая его и освещая смыслом, свидетельствуя о способности жизненного мира преображаться под воздействием иномирия, проникаться божественными энергиями; христианский сакрофор – это «небо на земле». Сакрофором в «Преступлении и наказании» является Казанский собор, центр той части города, в которой проходит действие, Евангелие, образа. В «Идиоте» сакрофор – крест. «Мертвый Христос», от которого «вера может пропасть» – это состояние богооставленности, это состояние не на пороге, а за ним. В «Бесах» предстают поруганные сакрофоры – «вечные книги с вложенными мерзкими карточками», оскверненная икона. В романе «Подросток» сакрофором является колокол «у Николы, в красной церкви напротив Тушара» (13, 270). В последнем романе сакрофор – старец Зосима. Сакрофор – это место встречи здешнего и постороннего. Священное – в центре культуры, и оно же пограничье. Между этим и тамошним миром пребывают царь и пророк; на границе стоит икона; проводник, знающий тайные приграничные тропы, – святой.

В «Подростке» Тришатов умиляется воображаемой сценой в готическом соборе, диккенсовскими картинками и вспоминает сестру, жившую в деревне, которая уже продана (13, 353). Ничего не говоря о церкви в этой деревне, роняет весьма насыщенную фразу: «Мы читали роман, и солнце закатывалось» [звучит как признание: «Французские-то книжки добру не научат...» (1, 221)]. Доминанта «солнце» проясняется Тришатовым далее: «Солнце, как мысль Божия, а собор, как мысль человеческая».

Вечер мыслился как время молитвы. Зашло солнце, и сейчас наступит тьма, но для христиан нет тьмы, Христос заменяет солнце. В. Топоров спрашивает, что «среди пространственно-временных элементов особое место у Достоевского занимает час заката солнца» [7]. Н. А. Тарасова показывает, что и знак солнца в записных тетрадях писателя 1875–1876 гг. «сопутствует размышлением Достоевского о христианском идеале и становится своеобразным отражением “символа веры” писателя» [8].

Первый роман «пятикнижия» начинается «в начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер» – начало дневного круга, действие романа охватывает две недели, и в первой не наполнены событиями три дня беспамятства Раскольникова, во второй – два «пустых» дня не описанных автором «раздумий» Раскольникова. Причиной беспамятства Раскольникова – то обстоя-

тельство, что он «не помнит дней». Он вышел из Миротворного круга, за полтора месяца до начала романа действия заложив у старухи-процентщицы серебряные часы отца и кольцо с тремя камушками. О часах точно замечает Т. А. Ка satкина: «Прежде чем совершить убийство, герой должен расстаться с часами... Часы – знак ответственности за мир» [9]. Нам кажется весьма важным сочетание: часы и кольцо. Раскольников использует сакрофоры для залога, обрывая связь с установочно-инстинктивным ядром, что придает культурно обусловленной необходимости максимальную энергию. Часы и кольцо – миротворный пасхальный круг. Герой расстается с ним, выходя за его пределы, как Каин. Каин поднял руку на течение жизни, убив Авеля, и тем самым впервые в истории попытался изменить данную меру времени – время жизни. Во внешнем мире не было причины его поступка, например угрозы жизни, и лишь внутренняя мотивация, нарушение присущего его душе течения процессов послужило истории, сохранившей нарицательный характер поступка Каина – «оказанный». Раскольников берет на себя право устроить мир, нарушив миротворный круг, сам выйдя из него и вычеркнув из него двух людей. Это не физическое время, претендующее на абсолют, появилось с человеком, а время как мера жизни, в соответствии с которой человек проживал отпущенную ему жизнь. А если она укорачивалась, то только плотски: «И сказал Господь [Бог]: не вечно Духу моему быть пренебрегаемым людьми [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет» (Быт. 6:3). Таким образом, четко сказано, что пренебрежение Духом и душою сокращает дни человека, а значит, вся полнота дней определяется состоянием души, о которой судят по внешним проявлениям, по плоти. В самом начале романа Раскольникову «предчувствовалась какая-то вечность на “аршине пространства”. В вечефний час это ощущение обыкновенно еще сильней начинало его мучить.

– Вот с этакими-то глупейшими, чисто физическими немощами, зависящими от какого-нибудь заката солнца, и удержись сделать глупость!» (6, 327).

Вечерня начинается с предназначительного 103-го псалма, после исполнения которого Царские врата затворяются – случилась всемирная катастрофа, которую мы называем грехопадением... Далее – сугубая ектения, молитвы которой начинаются с вышнего мира, «превосходящего всяк ум», затем спускаются к более близким нам кругам, к миру, к церквам, служителям, властям, граду и стране, к нуждающимся в молитве, и в конце концов к нам самим.

Е. А. Осокина аргументированно показывает, что «круговая композиция романа “Братья Ка-

рамазовы” символизирует вечное предстояние, в котором день равен веку» [10]. Мы полагаем, можно говорить о круговой композиции всего «пятикнижия». В первом романе ключевой является глава со сценой евангельской чтения о воскрешении Лазаря, в последнем – «Кана Галилейская». Вначале – последнее чудо Христа, в конце – первое. Пред-идущее и пред-стоящее находятся на окружности круга, и весь суточный круг богослужения – воспоминание о земной жизни Христа. Но ни одно таинство не может считаться завершенным, если оно не запечатлено участием в евхаристии – причащением Святых Христовых Тайн. Кто покаялся, спешит к Чаше, и кто хочет причаститься, тот спешит покаяться. Умирая, исповедуются и причащаются Мармеладов, Верховенский-старший, старец Зосима. Отпевание происходит после обедни в «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых» – таким образом, все таинства связаны с евхаристией точно так же, как все органы в человеческом теле связаны с сердцем: сердце остановилось – и все рассыпается. И евхаристия, безусловно, это таинство таинств, созидающее Церковь, поскольку Церковь – это Тело Христово, литургия несет в себе полноту жизни Церкви.

Этой полноты нет в романе «Идиот». Здесь изображено мертвое тело Христа. На этой перманентной встрече двух миров – языческого и христианского – не может быть евхаристии, таинство не установлено. Здесь «никогда дней не знают» (8, 70). Весьма характерная фраза, создающая в имени Лизаветы Прокофьевны аллюзию на императрицу Елизавету. Лебедев в разговоре с Мышкиным о генерале Иволгине упоминает «цафские и табельные дни». Название табельных дней произошло от круга обращения луны. «Древле при начале каждого года в некоторых местах означали буквами на выставленных всенародно таблицах (*tabella*), или табелях, число лет, протекших от начала текущего круга луны, по коему определялось: в какие дни имеют быть новомесячия и другие числа текущего года» [11]. Царские дни были учреждены указом Синода в ноябре 1742 г. о поправках в новый календарь на 1743 г: «По присланному календарю и по учиненной в нем на полях отметке, не только во днях рождения и тезоименитства Его императорского высочества по течению месяцев, но и в *росписании господских праздников* исправить» [12]. В 1745–1746 гг. в «Санкт-Петербургский календарь», который издавался при Академии наук и был изданием светским, были внесены изменения: церковные праздники были внесены в табельные, императрица Елизавета была уверена в том, что петровские победы должны праздноваться не как гражданские, а «именно как церковные праздники, а потому входить в состав

церковной табели, а не росписи гражданского календаря» [13]. Приходится говорить не столько о «десекуляризации» календаря в целом, сколько о «сакрализации» петровских «викторий» (а с ними и заключения мира со Швецией самой Елизаветой – это единственное до конца 1750-х гг. «историческое деяние» императрицы имело характер *только церковного праздника*, который отмечался теперь ежегодным крестным ходом). Подмена небесного земным утаивает сущность Времени и приводит в романе к стоянию: языческая статуя Венеры в доме Настасьи Филипповны (8, 134) или истукан, на которого был похож (8, 170) и – христианское чудо воскресения. На именинах Настасьи Филипповны Тоцкий, чье имя Афанасий означает «бессмертный», восседает как олимпийский бог, но это – кашеево бессмертие. Потустороннее играет с нами в откровенность до какого-то порога, потом его тайны бескомпромиссно уходят в себя, оставляя нам то, что нам доступно: чужое, опасное, незнамое нужно сделать хотя бы отчасти своим, менее опасным, как-то известным.

Для Мышкина горы Швейцарии стали своими, но без его взгляда «*все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия*» (8, 510). Аглая ушла во власть католического пастора, ее соперница осталась для читателя лежащей на постели. Воскресение Настасьи Филипповны возможно, потому что составляет предмет, бессмертие Тоцкого с его именем Афанасий – мнимо. Искусство, основанное на античном идеале красоты, неплодотворно, потому что не новотворит – у Аделаиды не получается ни одной картины, хотя все ее окружение занято поиском для нее сюжетов. Начинается роман в среду, в день празднования иконы Божией Матери «Знамение». Постный день начинается в доме Епанчиных с обильного завтрака, похожего почти на обед, за которым «*кроме чаю, кофею, сырьи, меду, масла, особых аладий, излюбленных самою генеральшей, котлет, подавался даже крепкий, горячий бульон*» (8, 32). Генеральша, прощаясь с понравившимся ей князем, замечает: «*Я верую, что вас именно для меня Бог привел в Петербург из Швейцарии*» (8, 70). Эти слова она произносит, услышав число («*Двадцать седьмое? Это хорошо по некоторому расчету*»), так что Лизавета Прокофьевна не могла не вспомнить слов службы этого дня: «Божий представитель послан есмь, Божественный поведати Тебе совет» – «*Может быть, будут у вас и другие дела, но главное для меня. Бог именно так рассчитал*». Или, как поется на Благовещение, «*Соприсносущное Слово пребезначального Отца, не разлучившися горных, ныне предста дольним, ради крайняго благоутробия, милость при-*

ем, еже на ны пополновения и Адамову нищету воприем, вообразися в чуждее» [14].

В эпилоге Лизавета Прокофьевна сетует: «Хлеба нигде хорошо испечь не умеют» (8, 510). Здесь – указание на евангельское преломление хлеба (т. е. преломления Христом самого себя: «Я есмь хлеб, сшедший с небес» – Евангелие от Иоанна 6:41), знак общего дела литургии, единства в истине, любви и самопожертвования. Христово преломление есть слияние в акте абсолютного синтеза «друг для друга» «крайних противоположностей» – цельности и разъединенности, богочеловечности и человекобожия, идеала и реальности и т. д. При этом отказ от «Я» становится условием обретения абсолютного «Я», страдание – необходимой предпосылкой счастья, а «расчленение» себя – единственным путем к сохранению полноты собственного бытия, врученного «целиком всем и каждому». Структура такой сущности заключается в том, чтобы в делении и расчлененности самой себя самоутверждающаяся в качестве высшего единства. Причем это существенное единство – не абстракция, а живой опыт религиозной личности. Бог, по мысли Достоевского, как «полный синтез всего бытия», противостоит человеку, идущему «от многообразия к Синтезу, от фактов к обобщению их и познанию» (20, 174). Вот почему в finale романа «вместо диалектики наступила жизнь». Это – жизнь воскрешенная, дарованная Лазарю.

К этому Раскольников шел, вырвавшись из квадратуры круга и войдя в Миротворный круг, пройдя по кругу тайнств и обрядов. Сначала он слушает Евангелие, затем стоит всю службу в церкви, просит молитв, на катарге гоеет вместе со всей казармой. Так православный обряд, намоленный веками, ведет к Царству Божьему или приуготовляет к пути. Иногда это обрядовое многоверстное вышагивание трудно, долго, утомительно, требует душевных и телесных усилий, внутренней борьбы, даже подвига. В обряд вовлечены священные предметы, действия и размышления; обряд рождает молитву и сопровождается ею. В то время как Раскольников, как следует из романа, водим «духом немым и глухим», он просит молитв – у матери, у сестры, у Поленьки. Регулярная домашняя, вообще, традиционная молитва и храмовое богослужение тоже обряд. Семейный роман «Подросток» заканчивается семейным говением. Говение – это участие в церковном богослужении, покаянная исповедь, предполагающая внутренние усилия прозреть грех в себе и забыть о наших претензиях к другим людям – все это тоже облечено в обрядовые формы. Таков обряд – дорога к Богу, пройденная святыми. Версилов сходит с этой дороги – Раскольников проходит до конца.

Победа себя в таинстве исповеди и последующее причастие делают причастником Христа и

ставят на путь обожения. Для сознательного восприятия Литургии надо, конечно, прежде всего, ее понимать и осознавать, надо в ней разумно участвовать. Показателен диалог в «Подростке» Аркадия с матерью: «Помню еще около дома огромные деревья, липы кажется, потом иногда сильный свет солнца в отворенных окнах, палисадник с цветами, дорожку, а вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чащу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно...

– Господи! Это всё так и было, – сплеснула мать руками, – и голубочка того как есть помню. Ты перед самой чашей встременулся и кричиши: «Голубок, голубок!» (13, 92). Этот эпизод Аркадий вспоминал очень часто, и это воспоминание побуждает его говеть в конце поста, готовясь к причастию.

В книге «Миф о вечном возвращении» Мирча Элиаде утверждает, что «человек на архаической стадии развития осознавал себя реально существующим лишь тогда, когда переставал быть самим собой (с позиций современного наблюдателя) и довольствовался тем, что воспроизвождал или повторял поступки другого» [15]. Речь тут идет о воспроизведении первичного сакрального образца, а «другой» – это божество или близкий ему. Христианин причащается так же, как это делали (и потому что это делали) апостолы на Тайной Вечере. Добровольно и достойно приобщаясь Тела и Крови Христа, человек действительно оставляет свою самость, свою волю, дав в себе место Христу. Это означает обретение подлинного реального – вечного существования, так как оно возможно только во Христе. Повседневность же сокращает как время обитания, так и пространство – персонажам не хватает воздуха: «Какая-нибудь глупость, какая-нибудь самая мелкая неосторожность, и я могу всего себя выдать! Гм... жаль, что здесь воздуху нет, – прибавил он, – духота... Голова еще больше кружится... и ум тоже...

Он чувствовал во всем себе страшный беспорядок. Он сам боялся не совладеть с собой» (6, 75).

Обретение подлинного реального, потребность во Христе отражена в Символе веры, где говорится, что ради нас, людей, ради нашего спасения Христос сошел с небес и, воплотившись от Святого Духа и Девы Марии, вочеловечился. Человек стремится к воплощению задуманного; смиренно или нетерпеливо ждет воплощения надвигающегося будущего; воплощаются пророчества; доброе или злое, творимое на земле, воплощается в воздаяние; зачатая искорка жизни воплощается в живое существо; искусство занимается всевозможными воплощениями, выстраивая

особую «изобразительную реальность». Развоплощенное естество умершего опускается в царство теней – в греческий аид или иудейский шеол.

Гольбейновский «Мертвый Христос», от которого вера может пропасть, – это развоплощенный Христос, как и сам «князь-Христос» Мышкин, несостоявшийся жених Аглаи и Анастасии Филипповны. Обе умирают: одна – духовно, перейдя во власть католического пастора, т. е. превратившись даже и не в «нуль» по теории Мышкина, в отрицательную величину, другая – плотию. Но плоть может воскреснуть, особенно с таким именем – Анастасия (*греч.* воскресенье. – А. С.).

«Двойник» Достоевского, двойники его героя – это воплощение и развоплощение, их прошлое и настоящее. Мир претерпевает две противоположные трансформации: становясь прошлым, он теряет свой прежний облик, – этот облик развоплощается, дематериализуется; когда же прошлое становится настоящим, мы оказываемся свидетелями воплощения, причем формы его могут быть различны. Итак, существуют воплощенность и развоплощенность, напоминающие материальность и нематериальность. «Но есть и нечто третье, отличное от того и другого, – то, что когда-то называли духом, духовным. Ф. И. Тютчев писал: «Не плоть, а дух растлился в наши дни». Именно духовное начало способно быть негаснущей искрой воплощенного и развоплощенного. «Бесы» – апофеоз развоплощения. Духовное способно пребывать в любой реальности, связывать несоединимое ни логически, ни физически; соединять совершенно уникальное (то есть не имеющее никаких точек соприкосновения друг с другом). Духовное является таковым постольку, поскольку оно свободно, не подвластно правилам, законам, Святой Дух «дышил, где хочет» (Ин. III; 8). Пророческое слово Достоевского, написавшего: «Слово и в самом деле плоть бысть», не менее реально, нежели обычная реальность настоящего; наверное, даже более реально, а потому – бывает и так – не воспринимается теми, кто лишен веры (вера, по ап. Павлу, есть «обличение невидимого» – Евр. 11,1). Пророческое слово воплощается без промедления, как зачатие Девой Марии Спасителя по слову архангела Гавриила, но до поры это может оставаться тайной, так что «второе воплощение» явно происходит спустя какое-то время.

Выделим в богослужебном времени три круга. Первый круг – дневной круг богослужения, его можно называть суточным. Второй круг – седмичный, первый день седмицы и одновременно ее вершина – это воскресенье, или, говоря церковным языком, неделя – День Господень,

День Солнца, преимущественный для совершенния евхаристии, литургическая тема этого дня ясна: Воскресение Христово. Третий круг – годовой. И здесь действие в произведениях Достоевского происходит в «точках», где «совершается кризис, радикальная смена, неожиданный перелом судьбы» [16]: так, этот перелом в «Преступлении и наказании» связан с чтением «о воскресении Лазаря», а Лазарева суббота разделяет в годовом круге период Постной и период Цветной Триоди. Как седмичный, так и годовой богослужебный круг не имеют своих отдельных служб, а материалы их лишь вставляются в определенные места служб суточного круга, поэтому суточный круг интересует нас в большей степени.

Многообразная тематика романов «пяти книжия» Достоевского целиком охватывается тематикой служб дневного круга. Эти службы, объединенные одной литургической (богослужебной) темой, представлены, на наш взгляд, в романах «пяти книжия» Достоевского в порядке их следования. Вечерня, утреня и первый час, а вместе всенощное бдение – это мотив романа «Преступление и наказание», заканчивающегося картиной моровой язвы, это мотив 5-го псалма, с которого начинается первый час: «Суди им, Боже, да отпадут...», 89-го псалма, в котором изображается вечность и неизменность Господа Бога и краткость и изменчивость нашей жизни, подобно утру: «Они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней», наконец, 100-го псалма – мотив ожидаемого «знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью»: «Пою и разумею в пути непорочне, когда приидеш ко мне».

Тема третьего и шестого часа раскрывается в «Идиоте» – и не только в аллюзиях, примеров которых можно привести множество, но в том, что происходит во время пения часов. Происходит проскомидия (*греч.* приношение. – А. С.), первая часть литургии. Хлеб, требуемый для Святого Таинства, должен быть чистый, пшеничный, замешанный простой водой и квасным. На проскомидии употребляются пять хлебцев, именуемых просфорами. По внешнему виду просфора должна быть кругловидной и двухсоставной, в единственное ознаменование двух естеств в Иисусе Христе – Божеского и человеческого, с изображением на ней креста в знак того, что эта просфора назначена для священного употребления, по сторонам креста она имеет надпись: ИС. ХС. = Иисус Христос. НИ. КА. = Победитель (побеждает). Мышкин предстает в черновиках как «князь-Христос», так что образно первая надпись есть, но нет второй, ибо Христос в этом романе – мертвый гольбейновский Христос. Просфора со знаком креста употребляется для изъятия Агнца на проскомидии. Для несения креста

предназначен был князь Мышкин, но изымается частица из другого персонажа – агнцеподобной Барашковой Настасьи Филипповны, воскресение которой – реально, потому что оно – предмет веры, «обличение невидимых». Нарушено последование – литургия не может состояться, нарушено последование, хлеб для приношения оказался негоден: «Хлеба нигде испечь хорошо не умеют».

Мотив полунощницы – это сначала «Бесы» с женихом-князем Ставрогиным. Все ключевые сцены романа приходятся на ночное время. У псалмопевца Давида есть слова о полуночной молитве (Пс. 118:62): «Полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоей». Время молитвы превращается во время поругания ее. Лямшин представляет разных жидков, исповедь глухой бабы или родины ребенка. И если Степан Трофимович «исповедывался и причастился весьма охотно», то исповедь Ставрогина, который перед тем как идти к Тихону, «не спал и всю ночь просидел на диване, часто устремляя не-подвижный взор в одну точку в углу у комода. Всю ночь у него горела лампа», – осталась неисполненным намерением.

После «Бесов» Достоевский создает роман-исповедь. Содержание полунощницы в этом романе передают слова 6-го псалма: «Измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу». «В последние дни я думал день и ночь; и вдруг всё становится ясно как день!» – говорит Аркадий. Совершенно этот мотив очевиден в сцене, когда Аркадий достает из подушки синенький платочек матери: «Мамочка, где ты теперь, гости ты моя далекая?.. Мамочка, где ты теперь, слышишь ли ты меня?», далее – беспамятство и долгое лежание «соломинки в постели» – так называет себя Аркадий. В finale Версилов напевает «Се жених», и важно, что этот тропарь в первые три дня Страстной седмицы поется особым напевом. Последняя служба Страстной – это полунощница перед самой пасхальной заутреней, на которой возглашается «Христос воскресе», а роман завершается наступлением для Аркадия «новой жизни».

Остается девятый час, отправляемый перед самым началом вечерней – на нем читаются тропарь и кондак истекающего дня. После прочтения письма Раскольников мысленно обращается к сестре: «Знаю и то, о чем ты всю ночь продумала, ходя по комнате, и о чем молилась перед Казанской Божией Матерью, которая у мамаши в спальне стоит. На Голгофу-то тяжело всходить...» (6, 35). «Преступление и наказание» начинается июльским вечером, 7 июля – день почтания Влахернской иконы Божией Матери, в канун празднования Казанской иконы. Тема истекающего дня звучит в письме матери. Вла-

хернская икона Божией Матери обретена в Иерусалиме императрицей Евдокией (имя сестры героя романа: Евдокия = Авдотья. – А. С.), во времена святителя Ювеналия, Патриарха Иерусалимского и преподобного Евфимия Великого, а была послана в Константинополь, где императрица Пульхерия (имя матери героя романа. – А. С.) поставила ее в церкви Влахернской, там же хранилась честная риза Богородицы (празднование 2 июля). 7-го же июля празднуется память Евдокии (в инокинях Евфросинии) Московской, великой княгини, супруги – следует заметить! – Димитрия Донского (в романе Дмитрием зовут Разумихина). Нельзя не согласиться с Т. М. Родиной в том, что рассказчик Достоевского – лицо, «обогащенное знанием всего, что произошло, как и собственным пониманием событий, уже закончившихся» [17]. Мы имеем дело с безукоризненным знанием Достоевским православного богослужения.

Что касается литургии, то она не является службой суточного круга, она – центр суточного круга, а центр, как известно, не является точкой окружности. К тому же литургия не составляет необходимой принадлежности суточного круга: существуют дни, когда, согласно церковному уставу, литургию совершать не положено – будничные дни Великого Поста и некоторые другие. Более того, литургия не имеет своего строго определенного места в ряду прочих служб. Чаще всего она совершается после 6-го часа, но перед 9-м, а иногда может соединяться с вечерней (в Рождественские и Крещенские сочельники и в некоторые другие дни). Роман «Братья Карамазовы», в котором предлитургийное объединение часов и утрени «кажется упорядоченным и понятным» [18], венчается отпеванием Илюши после обедни и последовавшим единением Алеши и мальчиков в литургическом «общем деле» у Илюшечкиного камня. Этот роман, вобравший в себя все формы суточных служб, венчается литургией. Что касается вина, то в романах почти повсеместно на столах – вино плохого качества. Трапезное вино появляется в главе «Кана Галилейская» – брак с Женихом, ожидаемым в «Идиоте», состоялся. Следовательно, состоялась литургия.

В праздничных церковных текстах нередко употребляются слова «днесъ» и «ныне», что наставляет говорить «не о воспоминании, а о воспроизведении бывшего в день праздника события» [19]. Таким образом в церковном календаре прошлое вновь воплощается (воспроизводится) в настоящем, как это происходит и в дохристианских замкнутых циклах. В сакральное время праздника прошлое воспроизводится не в обычных вещественных формах настоящего, а иначе. Реальность воспроизводимого отличается от реально-

сти настоящего примерно так же, как изображение святого на древней иконе отличается от восприятия живого человека; или как воскресшая плоть Христа отличалась от плоти Спасителя до Его земной смерти. Таким образом, можно сказать, что воплощение прошлого события в православном празднике носит отчасти мистический характер: вещественная форма соединяется с присутствием иномирного; если последнее улетучивается и торжествует вещественность, праздник превращается в застолье, безделье и даже срам. Вместо ожидаемой трапезы у игумена в романе «Братья Карамазовы» возникает скандал, поминки Мармеладова превращаются в попойку.

Когда в XVII в. в иконописание проник изрядный натурализм, икона стала терять свою прежнюю мистическую тональность, а попытка восстановить ее посредством перегруженности знаковой символикой только засушила ее смысл. Поэтому Достоевский предпочитал «образа неискусного, но верного преданиям письма» [20].

Эпоха перемен – это эпоха интенсивных перевоплощений. Поэтому все, что способно с удовольствием и легкостью перевоплощаться, громоздится в наше время на подиумы, притягивает к себе взоры, возбуждает подражание. Современная культура в ее самых разнообразных формах расценивает перевоплощения все реже с негативной стороны. Большая часть XX в. была для России более всего эпохой исповедания мнимостей. Ложь, самообман и пренебрежение к человеческой жизни утвердились как норма существования. Ролевой образ жизни социологи считают нормой. В игровой стихии некоторые современные мыслители видят сущность человека нашей эпохи, и не только нашей [21]. Людей с хрупким сердцем такая малярийная атмосфера эпохи перемен убивает – в прямом смысле, иных – делает бессмысленными убийцами. А для человека, ищущего во всем мистические символы высшего Промысла, эпоха перевоплощений есть верный знак надвигающегося всеобщего Конца – последнего Перевоплощения нашего мира в огненный шар, после чего, наконец, воплотится слово Божие о «новом небе и новой земле». Пред-идущее человеческой истории, по историософии Достоевского, – это воплотившийся Бог-Слово, пред-стоящий – Он же во Втором Пришествии, Судия. Настоящее – молчащий Христос из поэмы Ивана Карамазова, но никак не гольбейновский мертвый Христос.

Подведем итог. Когда-то культура Руси была подобна самодельному, незамысловато раскрашенному, но и внушительному сосуду, в котором хранилось вино христианского вероучения. И по мере того как сосуд ветшал и повреждался, как отбивались от него черепки, оскудевало содержимое – вытекало древнее вино. Ведь вера

живет не только в библейских текстах, Евангелии, – это еще и устные предания, религиозно-культурный опыт, иконопись, архитектура, обычаи и традиции, способ понимания мира и человека, живая и неуловимая теплота молитвы, наконец, это люди, которых уже давно нет. Идеальное время Миротворного круга, в котором день равен веку, способно *преображен*ть внеидеальное пространство. В нем пред-идущее и пред-стоящее слиты и «душа повторяет в себе прежние звуки, прежнюю райскую в груди Бога жизнь» [22]. Обретенная Достоевским форма романа стала высшим пределом в русской литературе. «После «Братьев Карамазовых», – по точному выражению Осокиной, – в литературе начинается эпоха модерна» [23], а все лучшие произведения XX в. были обращены к наследию Достоевского и, несомненно, будут обращены и в веке XXI. «Высшая реальность» Достоевского, священное в его романах ставят сверхъестественный предел, и в этом есть такая бездонность, такой мрак или ослепительный свет, что лишь многообразие попыток и подходов способно что-то в нем открыть. Таким многообразием обладала Древняя Русь. Постижение Достоевского, постижение священного христианской Руси – пусть частичное, выборочное – что-то еще приоткроет в понимании последующих эпох, вплоть до сегодняшнего дня. Как никто другой, Достоевский в «высшей реальности» своего «пятикнижия» показал, что замкнутость христианского летосчисления (наличие начала и конца) и фиксация важнейших событий между началом и концом по сути лишает Время подлинной власти и сколько-нибудь значительного сакрального статуса. Время тут несвободно, оно почти полностью сковано летосчислением, разве что непослушно на каких-то малых его отрезках. Только воспринимая образы и ситуации Достоевского в их сложной временной архитектонике воплощенного в романах «пятикнижия» Миротворного круга, мы получим от них художественное впечатление, адекватное в своей содержательности авторскому замыслу.

Примечания

1. «Прежняя культура продолжает долгую жизнь в новой в виде реликтов – каких-то старосветских физиономий, обломков обычаяв, иногда «голоса совести», бессознательного беспокойства, непонятных страхов и запретов, маний, с которыми трудно справляться» (Ванд Л. Э., Муравьева А. С. Генеалогия культуры и веры: зримое и тайное. М.: Рудомино, 2000. С. 12).

2. «Меня интересует использование у Достоевского некоторых древнерусских принципов изображения времени» (Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С. 149); «Емкость времени возрастает чрезвычайно» (Родина Т. М. Достоевский. Повествование и драма. М.: Наука, 1984. 248 с.); «Статическая концепция времени начинает

действовать тогда, когда герои Достоевского сливаются с мирозданием “неготовое настоящее”, “становящаяся современность”, “незавершенная действительность”» (Галкин А. Пространство и время в произведениях Достоевского // Вопросы литературы. 1996. № 1. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/1996/1/>).

3. Бахтин М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994. С. 30.

4. «Кармента, в римской мифологии родовспомогательница. Её помощницы (или сестры): Антеворта и Поствортра (получили свои имена от названий положений ребёнка при родах)» (Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 278).

5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефроня. Подъ ред. проф. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и засл. проф. Ф. Ф. Петрушевского. С.-Петербургъ, 1890–1907.

6. Здесь и далее курсивом выделены цитаты из произведений Ф. М. Достоевского, которые приводятся по изданию: *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах*. Л., Наука, 1972–1990. Арабскими цифрами в скобках указываются номер соответствующего тома и, через запятую, страницы.

7. Топоров В. Миф. Ритуал. Образ. Исследования в области мифоэтического. М.: Изд. группа «Прогресс-Культура», 1995. С. 201.

8. Таракова Н. А. Условные знаки Достоевского // «Достоевский и мировая культура». № 20. СПб.; М.: Серебряный век, 2001. С. 385.

9. Касаткина Т. А. О творящей природе слова: Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 322.

10. Осокина Е. «Роман» и «служба» как литературная форма. «Братья Карамазовы» Достоевского // Достоевский и современность: м-лы XIX Междунар. Старорусских чтений. Великий Новгород, 2005. С. 163.

11. Протоиерей Григорий Дебольский. Дни богослужения Православной Кафолической Восточной Церкви. Мин.: Харвест, 2002. С. 17.

12. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. V. СПб., 1889. С. 437.

13. Погосян Е. «Десекуляризация» официального календаря в правление Елизаветы Петровны. Режим доступа: http://www.ualberta.ca/~pogosjan/public/public2006_calendar.html.

14. Минея – Март. Ч. 2. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1984. С. 385.

15. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: «Алетейя», 1998. С. 76.

16. Бахтин М. Указ. соч.

17. Родина Т. М. Указ. соч. С. 211.

18. Осокина Е. Указ. соч. С. 162.

19. Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 151.

20. Кони А. Ф. Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Сер. литературных мемуаров. Т. 2. М.: Худож. литература, 1990. С. 243.

21. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.

22. Гоголь Н. В. Женщина // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1967. С. 10–11.

23. Осокина Е. Указ. соч. С. 164.

УДК 821.511.151

P. A. Кудрявцева

КОНЦЕПТ «ДОЛГ» В МАРИЙСКОМ РАССКАЗЕ КОНЦА ХХ в.

В статье рассматриваются смысловая структура концепта «долг» и основные тенденции в его препрентации в марийском рассказе 1985–1990-х гг.

In this article considered are its semantic structure of the concepts “the debt” and the main trends in his representation in mari story of the 1985–1990 s.

Ключевые слова: марийская литература конца XX века, рассказ, концепт.

Keywords: mari literature end XX centurys, story, concept.

Социально-мировоззренческая действительность последнего пятнадцатилетия ХХ в., называемого исследователями эпохами «перестройки (1985–1991) и современных реформ (1991–1998)» [1], актуализировала в марийской литературе философские лейтмотивы, основанные на глубоком социальном анализе жизни, новом осмыслинии времени – прошлого и настоящего. Эти лейтмотивы «вырастали» в ней до концептов, которые, как принято считать, «составляют ядро творчества», «отражают культурно-национальные представления человека» [2], являя собой набор «излюбленных слов-образов, слов-мотивов, которые, повторяясь, обогащаются, меняются, в которые вкладывается собственный смысл, лишь отчасти соответствующий словарному» [3].

В отличие от русской литературы, которая кардинально меняет в конце прошлого века свою «функцию», «из дидактической и назидательной <...> становится рассказывающей, повествующей о конкретных проблемах и откровенно развлекающей читателя» [4], марийская проза, создавая нравственно-психологический портрет современного человека, сохраняет ориентацию на нравственную основу художественного мира русской и мировой классики, а в части изображения «последних могикан» прежнего мира, старой деревни сохраняет традицию «конкретной идеализации изображаемого» [5], к которой всегда тяготели писатели – «деревенщики» по рождению и художественному материалу (достаточно вспомнить «Привычное дело» и «Лад» В. Белова). В той или иной мере «деревенщиками» являются и все марийские рассказчики – как прежние, так и современные, что, безусловно, накладывает

КУДРЯВЦЕВА Раисия Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета

© Кудрявцева Р. А., 2009

свою печать и на структуру концептосферы марийского рассказа конца XX в. Необходимость ее анализа продиктована не только полным отсутствием исследовательских работ по теме, но и открывающейся возможностью изучения многослойной картины мира, создаваемой художниками, способов презентации индивидуальных, общенациональных, универсальных знаний и представлений.

Писатель, «выделяя тот или иной «фрагмент мира», «концептуализирует мир, наполняя личностными смыслами сущностные реалии Бытия» [6] и превращая обычное слово в троп (символ). Этот фрагмент, отражая специфику «деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [7], неизбежно начинает восприниматься и как фрагмент языковой картины мира.

Основу концептуального мира марийского рассказа составляют следующие концепты: «деревня», «река», «хлеб», «дом», «дети» (слова-образы); «разрушение», «наказание», «память» (слова-мотивы); «время», «долг», «счастье» (слова-понятия). Центральным концептообразующим понятием в нем становится долг. Слово «долг» как имя концепта обозначает, во-первых, «обязанность перед кем-, чем-либо», во-вторых, «то, что взято или отдано заимообразно» [8].

В зависимости от «общей эстетической тональности» [9], определяемой пафосом произведения, и «идейно-эмоциональной ориентации главного персонажа» [10] в марийском рассказе конца XX в. можно выделить две тенденции в решении концепта «долг» – эпико-драматическую и романтико-утверждающую.

С эпико-драматической линией соотносится целый ряд рассказов, объединенных концептуальными понятиями «долг перед родителями» и «долг перед народом, его традициями». С первым концептуальным смыслом связаны, к примеру, рассказы «Дети мои» («Игем-шамыч») В. Бердинского, «Весна придет, снег растает» («Шошо толеш, лум шула»), «Шочмо кече» («День рождения»), «Последний автобус» («Пытартыш автобус») Г. Алексеева, «Осиротевшая мать» («Туллык ава») А. Александрова-Арсака, «Сердце матери» («Ава шүм») В. Абукаева-Эмгака, со вторым – «Кольцо» («Колча») В. Бердинского, «Водяная мельница» («Вўдвакш») Г. Гордеева и др.

«Не утратив органической связи с жизнью народа», эти рассказы, подобно русской «деревенской» прозе 1970 – начала 1990-х гг., «отражают необратимые изменения в жизни села и города, преобразование самого народного сознания, смену духовных ориентиров» [11]: отказ от народного опыта – земледельческого, бытового, этического, нравственного, мировоззренческого; рационализация жизни, огрубление души, разнудзданное раскрепощение сознания под влияни-

ем неудержимых социальных процессов современности. Несколько запоздало, если сравнивать с русской прозой, но очень остро в марийском рассказе конца XX в. прозвучали мотивы забвения родителей, памяти о прошлом.

Проблема забытого детьми долга перед родителями, по-разному включаясь в текст произведения (пронизывает все повествование, либо составляет суть отдельных его ситуаций и эпизодов), получает многообразное событийно-смысловое решение. Так, в рассказе «Дети мои» В. Бердинского тяжелобольного старика Кргория, кроме загруженной заботами жены, сопровождают дома и преданно сторожат в больнице только его собаки, которых он называет «дети мои», по-человечески, ибо именно, они, как ни странно, а не его родные дети, оказались внимательнее к его бедам. Осиротевшую мать в одноименном рассказе А. Александрова-Арсака хоронят ее деревенские соседи, так и не найдя адресов и писем ее детей. Рассказ начинается с утреннего пения птицы и народно-мифологического объяснения его как зовущего к себе голоса погибшего на войне мужа. Основу сюжета составляют воспоминания матери о муже, детях, ситуации, связанные с ее жизненными страданиями и основательной, согласно марийским традициям, подготовкой к смерти – в одиночестве, с мыслями о том, чтобы не сильно обременять будущими хлопотами своих соседей (не забывает об этом она и в последние секунды своей жизни: «...обе руки успела положить на живот, так и застыла» [12]). В рассказе В. Абукаева «Сердце матери» на первом плане – образ трагически несчастной пожилой женщины, каждый день медленно, с трудом спускающейся с третьего этажа в надежде увидеть в своем почтовом ящике письмо или открытку от кого-нибудь из своих пятерых детей, забывших о ней. Володя, глазами и через переживания которого представлен этот образ, под Новый год встретив ее на лестничной площадке, повергнут в нравственную коллизию: ему хочется написать письмо якобы от ее сына, в желании доставить хоть какую-то радость он готов идти на ложь, в то же время он понимает, что материнское сердце невозможно обмануть и нельзя этого делать («Обманешь, ранишь на всю жизнь» [13]). Рассказ Г. Алексеева «Последний автобус» построен как драматическое общение двух пожилых женщин, которые внимательно следят в праздник за останавливающимися в их деревне автобусами и безуспешно ожидают одна внучку, другая сына: «А я опять жду. Ведь еще есть последний автобус» [14] – именно этими словами героя, личного повествователя, автор заканчивает свой рассказ, словно напоминая о долге каждого человека перед своими родителями.

В контексте актуализации концептуально важной мысли о *долге человека перед народом, перед его многовековым опытом* символом народных традиций, памяти о них становится в рассказах родительский дом с его привычными атрибутами. Среди этих атрибутов наиболее распространенными в марийской литературе современности являются зыбка (шепка), шест (лүшкевара), кольцо (колча, онго) и матица (авагашта) родного дома. Данные образы-символы часто встречаются и в поэзии. Пример – элегическое стихотворение Г. Ояра «Лүшкевара», 1992 г. В нем – грустное размышление о современной жизни, о том, как новое сметает старое: сносят родительский дом, уходят «в мусор» устаревшие вместе с ним, ставшие ненужными в новом красивом доме вещи, предметы. В концовке стихотворения – сожаление, тоска, ностальгия: «На новую матицу не подвесят, / Как прежде, березовый шест...» [15]. Произведение обрамлено картинами из современности, а в центральной ее части – контрастные им по идеино-эмоциональной перспективе воспоминания о прошлом (счастливом детстве лирического героя). Светлые настроения детства передаются с помощью различных тропов («зеленого времени», «росли мы, крутясь клубком...»), в том числе и тех, что сопровождают центральный образ стихотворения, вынесенный в название стихотворения (шест, к которому прикреплялась зыбка): «А опора нашего “уа-уа!” времени, / Он тоже был, как мамина рука»; «Меняя в зыбке каждого из нас, / Нежно покачивал». Шест – это символ миропорядка, иерархии деревенской жизни, крестьянской семьи, основы жизни, народного ума и силы, нравственно-этического стрежня; в связи с этим особое значение приобретает следующая поэтическая фраза: «Крепкой оказалась матица...». При создании образа нового дома Ояр сознательно использует наречный эпитет «ковыран», то есть «легко, легкомысленно», указывая, таким образом, на его непрочность, замену твердости легкостью и эфемерностью. Есть в стихотворении и более глубокое обобщение: раскачивающий детскую колыбельку шест, матица прежнего родного дома являются олицетворением начала жизни человека и народа, начала жизни вообще. Множество многоточий, сопровождающих ключевые выражения-мысли лирического героя, усиливает драматическую тональность стихотворения, мотивы уходящего деревенского мира, сожаления и глубокой грусти.

Аналогичные мысли и эмоционально-интонационные решения мы находим и в рассказе В. Бердинского «Кольцо», написанном еще в 1982 г. Главный событийный план связан в нем с образом Аркаша, рассказывающего своему гостю, школьному другу Микале, так же, как и он, жи-

вущему почти в городских условиях, в поселковой благоустроенной квартире, историю о кольце, на которое подвешивалась зыбка и за которое зацепилась его электропила, когда разбирал, распиливал матицу деревенского родительского дома. Огорченный, он выбросил злополучную вещь на улицу, а когда вдруг вспомнил, что это то самое кольцо, на котором держалась его детская зыбка, забыв о работе, еде, сне, почти бессознательно, словно его подгоняла какая-то неведомая сила, месил уличную грязь, рылся в мусоре, пытаясь найти дорогую для себя вещь, которую, как оказалось позже, вместе с шестом и зыбкой бережно прибрала его старая мать как память о детях, их детстве, традициях семейного воспитания. Выслушав ее трогательно-взволнованный рассказ о том, как он родился в старом доме, как отец смастерил и подвесил в нем зыбку, как в отсутствие матери, которая почти сразу же после рождения сына вынуждена была пойти на работу, падал из зыбки, Аркаш с благословения матери решил, вопреки запретам жены, повесить кольцо в своей поселковой квартире, на самом видном месте. Таким образом, он выполнял долг перед традициями, своими родителями, трудным историческим опытом народа. В конце рассказа кольцо, как и шест в стихотворении Ояра, – это символ памяти о прошлом и о начале жизни («Кольцо начала жизни»). Жизнь человека, размышляет гостивший у Аркаша Микале, похожа на кольцо, она не должна прерываться.

Наряду с вышеуказанным рядом образов, олицетворяющих опыт народа (хозяйственный, нравственно-этический, мировоззренческий), в рассказах конца XX – начала XXI вв. встречаются и другие образы-символы, например мельница («Водяная мельница» Г. Гордеева, «Мельница у дороги» Ю. Артамонова); кузница («апшаткудо») в рассказе В. Смирнова-Эсмэнэя «Илюш, как собираешься жить?». Характер проявления концепта в данных рассказах (драматический или жизнеутверждающий) зависит от эмоциональной составляющей угла зрения их главных персонажей. Так, в рассказах Г. Гордеева и Ю. Артамонова главные персонажи пытаются спасти опыт народа, сами являясь его воплощением, последними его хранителями, принадлежа к нему по возрасту (старики), быту и мировоззрению. Писатель передает драматизм их переживаний, столкновения с суровыми реалиями новой жизни, безжалостноправляющейся с народными традициями.

В рассказах В. Бердинского и В. Смирнова-Эсмэнэя герои, каждый по-своему, пытаются «вдохнуть» в старые традиции новую жизнь, сохранить их в памяти. Молодой герой В. Смирнова-Эсмэнэя Илюш, вопреки уже утвердившейся в молодеж-

ной среде тенденции (после армии покидать родную деревню в поисках счастья и денег), решает продолжить дело своего отца-кузнеца, прокладывает дорогу к заброшенной деревенской кузнице, восстанавливает ее для себя и своих односельчан, словно следуя наказу бабушки: «Теперь пригодись людям», – исполняет свой долг перед народом, его традициями. Налаживание общественно важного дела, сделанная собственными руками и подаренная любимой как залог их будущего счастья подкова, строительство своего дома показаны в произведении как признаки оживающей деревни. В метафорической концовке рассказа выражена вера автора в силу человека, способного на основе народного опыта, традиций обустроить свою жизнь и жизнь деревни: «На жестяной крыше дома – петух-вертушка, поворачиваясь от тихого ветерка, светилась серебром-латунью. Совсем как живая. Чуть-чуть похлопывая крыльями, своим пением наполняла деревенскую улицу: «На деревню дует ветер надежды, вдохновляющий на добро, неизнанность, труд»» [16]. Не так часто встречается в современных рассказах такой оптимистический, жизнеутверждающий пафос, в основном в них – неразрешимое противоречие, выраженное оппозицией «народный опыт/современная жизнь». Рассказ Смирнова-Эсмэнэя – это одно из немногих произведений, связанных с романтико-утверждающей тенденцией решения рассматриваемого концепта, выражавших тоску писателей по идеалу, органической связи современной жизни деревни с вековыми традициями народа.

Подобная тенденция более свойственна рассказам, в которых на первый план выходит *долг перед жизнью*. В качестве примера назовем рассказ Г. Алексеева «Долг» («Парым»), опубликованный в сборнике «Заря надежды» («Үшаным ўжара конда», 1993). В первой редакции он назывался «Раненая береза» («Сусыр куэ», 1985) [17]. Автором внесены изменения в именование персонажей: Семон Васли заменен Миклаем, возможно, это имя, соотносящееся с библейским значением русского имени Николай («победитель»), более подходило центральному герою, побеждающему обстоятельства и себя, это, в свою очередь, повлекло за собой смену имени- обращения «Николайч» на «Семеныч», чтобы снять созвучие с именем главного персонажа. Кроме того, концовка рассказа дополнится несколькими существенными в концептуально-смысловом плане выражениями, например замечанием о том, что ожила раненая грозой береза. Следствием изменения названия произведения (в заглавии – ключевое понятие «долг»), собственного имени главного персонажа и расширения концевого описания стало усиление концептуально-философского смысла рассказа.

Почти во всех рассказах Алексеева есть близкий автору фабульный персонаж (как правило, не центральный), являющийся прямым «рупором» его идей или воплощающий некую нравственную позицию своим поведением. В «Долге» – это Семеныч, с которым объединила Миклая больничная палата. Устами этого героя автор доказывает, что жизнь отдельного человека – это служение стране, народу, жизни. Кроме жизни материальной есть жизнь духовная, которая также должна быть обязательной составляющей человеческого бытия.

Так обозначается в произведении антитеза «до» (до пробуждения Миклая после сложной операции) и «после». «До» – это типичный образ жизни холостого мужчины, выросшего без родительской ласки, в школе-интернате, приехавшего из деревни на заработки в город, живущего в общежитии в условиях минимально налаженного быта, одурманенного тяжелой работой грузчика и ежедневной пьянкой, не оглядывавшегося на себя, не обремененного какими-либо размышлениями. Автор не рисует драмы своего героя, просто очерчивает предысторию основных событий – бездумное существование маргинального героя. Не попади после очередного ночного пьяного угаря под машину (завязка сюжета), все шло бы привычным чередом. Чудом выжив, Миклай начинает ценить жизнь, отходит от бытового сознания, мелких чувств (злобы, например). Обостряется его взгляд на природу и красоту, развиваются воля к сопротивлению негативным реалиям бытовой жизни, свобода мысли и поведения, облагораживаются его чувства, отчего подобрела и смягчилась даже грозная медсестра.

Человеку даны в жизни не только страдания и беды, но и радость и вдохновение. Жизнь дает возможность Миклаю выполнить вторую половину долга перед нею – творчество (он начинает рисовать), возможно, еще и любовь («Картина непременно должна быть такой: красно-алым цветом восходящее солнце, старая раненая береза, рядом с ней стройная, красивая Лида...» [18]). Несчастьем жизнь лишь напомнила Миклаю, убеждает его Семеныч, об оставшемся долге перед нею. Намеченный в начале рассказа психологический параллелизм (покалеченный герой и израненная грозой береза, за которой молча наблюдает он из больничного окна и видит свое отражение: «Оказывается, эти страдающие звуки издавала старая береза: мучилась в сильную бурю, сражаясь с ветром. И потом он много раз лежал и слушал ее голос. Большой частью слышалась печально-страдающая мелодия...» [19]) к концу повествования приобретает философскую окраску. Береза, размывшая герой, словно выполняла долг перед породившей ее жизнью: возвышаясь над молодыми деревьями, взяла на себя

страшный грозовой удар, оберегает их и сейчас, заслоняя собой от ветра, метели и палящего солнца («А может, она специально здесь уродилась, чтобы защищать молодое поколение от свирепого ветра, затенять их от жарких лучей» [20]). Именно образ этой старой березы, теперь уже ожившей к новой жизни, появляется на картине, нарисованной Миклаем, он видится ему и наяву: «И Миклай, преодолев свое удивление, стеснение, приподняв голову, внимательно посмотрел на лист бумаги. Старая береза, с кудрявыми ветвями, толстыми и грубыми корнями. Одна ее сторона оголилась. Высохла. По старому ее телу сверху вниз просматривается черная линия. А другая сторона сверкает зеленым цветом – вся в почках...» [21]; «Словно он (Миклай. – Р. К.) сейчас видел перед собой какую-то светлую зарю. Словно утреннее солнце гнало прочь ночную темь – кто не любит эту пору?! А эта заря – в честь него, поднималось его солнце» [22]; «В эту ночь и его раненая старая береза по-другому издавала звуки: радуясь весне, новому солнцу, развязься вместе со своими друзьями, шептала им что-то. Она тоже ожила» [23]. Выделенные нами курсивом фрагменты текста отсутствовали в первом варианте рассказа, включение их во вторую редакцию усиливало авторскую мысль о пробуждении героя к новой жизни, переходе его на новую ступень выполнения долга перед жизнью – в сферу романтически-возвышенного, творческого, духовного.

Авторская мысль о важности осознания человеком своего долга перед жизнью обостряется введением в рассказ мировоззренческой альтернативы, воплощенной в образе Ондри, бессмысленно коротающего время в больничной палате и коридорах. Он сторонник эгоистической, физической жизни, исключающей ответственность перед ней и людьми, творчество, вдохновение и любовь: «От жизни надо брать все. Я для себя живу» [24]. Неприятие такой позиции автором подчеркивается внешними и психологическими деталями: Ондри никак не тронули рассуждения Семеныча о долге каждого человека перед жизнью, в отличие от Миклай, которого они повергли в бессонницу, он «как приткнул голову к подушке, так сразу начал храпеть» (здесь и далее курсив мой. – Р. К.); понаблюдав за Миклаем, углубившимся в художество, поиздевавшись над ним, не найдя поддержки у окружающих, «махнув рукой, вышел из палаты», пошел, как заметил Семеныч, к санитарке Паняж («там веселее»), которая приглянулась ему тем, что доставала выпивку.

Долг перед совестью – еще один концептуальный смысл понятия «долг», который нашел отражение в марийском рассказе конца XX в. Он выражен с помощью введения в текст реф-

лексирующего героя в роли главного персонажа. От его «идейно-эмоциональной ориентации», разнообразной даже в рамках творчества одного и того же автора, и зависит та тенденция в решении концепта «долг», к которой привержен писатель.

Так, в рассказе В. Бердинского «На косогоре жизни» («Илыш тайылыште») показаны муки совести девушки Нины, оскорбившей любящего и преданного ей человека. Васлий Кутергин, задержавшись на работе из-за городских ревизоров, опоздал на назначенное им свидание; искренне переживая за случившееся, желая исправиться, весь взмыленный, в осенней грязи, он пришел к девушке, но в ответ получил ее изучающий взгляд снизу вверх, сухо произнесенный вопрос «Что скажешь?» и действие, означающее недовольство и равнодушие, переданное с помощью «внутреннего жеста» («отвернувшись, пошла внутрь дома» [25]). В рассказе два умело выстроенных психологических потока: один связан с внутренними переживаниями Васлия, оказавшегося после этого случая в больнице с тяжелой сердечной болезнью, другой – Нины, осознавшей свою вину перед добрым и ответственным человеком, извинившейся перед ним и искренне поклявшейся ему в любви и верности, таким образом, исполнившей долг перед совестью. В конце произведения оба потока сливаются («чуткость к друг другу двух сердец» [26]); короткий эпilog с определяющим его мотивом счастья наглядно демонстрирует причастность рассказа к романтико-утверждающей тенденции в раскрытии концепта «долг» («Земная пара цветков пустила корни – родился сын. Сейчас он <...> резво бежал навстречу улыбающемуся солнцу» [27]).

В другом рассказе В. Бердинского «Последнее письмо» – драма раздвоенного человека, которая открывается в процессе «создания» письма смертельно больного Ольоша, диктуемого им медсестре. Последнее письмо – это исповедь героя перед совестью, исполнение долга перед ней – признание в любви, которую он пронес через всю свою жизнь. Рассказ построен как жестокая саморефлексия героя. Он осуждает себя за то, что не отстоял свою любовь к девушке, которая, поддавшись сиюминутным чувствам, вышла замуж не за него, а за парня с обворожительной внешностью и красивой речью; за то, что не вмешался в ее жизнь (с окриками мужа, без любви и счастья); за то, что обрек на несчастье себя и свою собственную семью («После твоего замужества и я завел семью. Очень быстро. Но не нашел счастья. Моя жена ни разу мне не говорила “люблю”» [28]). Ольош просит любимую женщину прийти на похороны и поцеловать его безжизненное лицо, чтобы искупить их общую вину перед любовью и совестью.

Итак, в марийском рассказе конца XX в. можно выделить две тенденции в решении концепта «долг» – эпико-драматическую (явно доминирующую) и романтико-утверждающую. С ними сопряжены в произведениях «различные концептуальные смыслы» (В. А. Маслова): долг перед родителями; долг перед опытом народа, его традициями; долг перед жизнью; долг перед совестью.

Примечания

1. См.: Роговер Е. С. Русская литература XX в. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.; М.: САГА: ФОРУМ, 2004. С. 377.
2. Маслова В. А. Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 5.
3. Там же. С. 6.
4. Русская проза конца XX в. / под ред. Т. М. Колядич. М.: Изд. центр «Академия», 2005. С. 4.
5. Там же. С. 17.
6. Маслова В. А. Указ. соч. С. 35.
7. Там же. С. 39.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Русяз., 1981. С. 422.
9. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 182.
10. Там же. С. 72.
11. Русская проза конца ХХ в. С. 16.
12. Александров А. А. Йымыр кыл: Повесть дөн ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. С. 83. Перевод на рус. яз. мой. – Р. К.
13. Абукаев-Эмгак В. А. Нигунам от пёртылтö: Повесть дөн ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. С. 222. Перевод на рус. яз. мой. – Р. К.
14. Алексеев Г. В. Ўшаным ўжара конда: Повесть да ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1993. С. 72. Здесь и далее перевод на рус. яз. мой – Р. К.
15. Ояр Г. Нуналтыш: Почеламут-влак, поэма. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1993. С. 71. Подстрочный перевод на рус. яз. мой. – Р. К.
16. Смирнов-Эсмэнэй В. Йылмыдыме «Йыва»: Ойлымаш да повесть-влак. Йошкар-Ола, 2006. С. 114. Перевод на рус. яз. мой. – Р. К.
17. Первая редакция рассказа была опубликована в газ. «Марий коммуна» в 1985 г. (16, 17 августа), а затем, в 1989 г., в сборнике Г. Алексеева «Молодость в погонах» («Погонан рвезылык»).
18. Алексеев Г. В. Ўшаным ўжара конда... С. 68.
19. Там же. С. 64.
20. Там же. С. 61.
21. Там же. С. 67.
22. Там же. С. 68.
23. Там же.
24. Там же. С. 66.
25. Бердинский В. Н. Мардеж шүшка: Ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. С. 120. Здесь и далее перевод на рус. яз. мой. – Р. К.
26. Там же. С. 130.
27. Там же.
28. Там же. С. 182.

УДК 821.161.1

И. А. Казанцева

ТРАДИЦИИ ДУХОВНОГО РЕАЛИЗМА В ПРОЗЕ В. Н. КРУПИНА

Статья посвящена выявлению традиций осмысливания духовного бытия человека в творчестве В. Крупина. Усвоение догматической стороны православия и участие в жизни Церкви – принципиальная основа творчества современного писателя. В творчестве позднего В. Крупина следование традиции духовного реализма И. Шмелева, Б. Зайцева проявилось в проблематике, принципах поэтики, основанных на православной онтологии и антропологии, жанровых доминантах, организации времени и пространства.

The article is devoted to the works by Krupin. The author demonstrated that the modern writer adopted and reflected an dogmatic side of orthodoxy in his creative. Under the influence ecclesiastical realism by Shmelev and Zajstev, Krupin paid considerable attention to orthodox aspects of problems and poetics.

Ключевые слова: православие, художественный метод, антропология, православная аксиология, онтология, поэтика, художественные средства.

Keywords: orthodoxy, an artistic method, anthropology, orthodox values, ontology, poetics, artistic means.

Возрождение истоков духовных традиций, в основе которых лежит православие, в литературе конца ХХ – начала ХХI в. дало импульс развитию направления, получившего определение «духовного реализма». Изучение этого явления восходит к исследованиям XIX в. и связано с именами В. Зеньковского, К. Мочульского и др. В творчестве современного писателя В. Крупина, на наш взгляд, проявились лучшие литературные традиции ХХ в., отражающие духовную реальность. Целью данной статьи было выявление традиций в осмысливании духовного бытия человека на материале ряда произведений И. Шмелева, Б. Зайцева и В. Крупина. Как отмечает А. Любомудров: «Духовному реализму присуща своя ценностная шкала, выстраиваемая по вертикали: между низом – сферой действия темных сил, порождаемых ими состояний греховности и отпадения от Бога, и верхом – Божественными энергиями и состояниями праведности (или святости)» [1]. Путь к православному мироощущению, воплощенный в методе, наиболее адекватно отражен в жанре хожения, к которому восходят анализируемые ниже произведения И. Шмелева и В. Крупина. К тому времени, когда И. Шмелев

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской литературы ХХ–ХХI веков Тверского государственного университета

© Казанцева И. А., 2009

сознательно исповедует христианские ценности, он отмечает: «Самый тот путь, принятый нами от купели, – нести в мир Правду, всех и вся примиряющую, Божиим святить мир» [2]. Таково же понимание правды у В. Крупина: «Теперь, уже насовсем, литература для меня средство и цель приведения заблудших (и себя самого) к свету Христову» [3].

Повествователей «Богомолья» И. Шмелева и «Великорецкой купели» В. Крупина объединяет ощущение греховности. В первом случае впечатления юного героя корректируются оценками взрослого писателя. Во втором случае умудренный собственным путем в православие герой описывает жизнь имевшего прототип в реальности вятчанина, пострадавшего за веру. Имя персонажа перекликается с именем Николая Чудотворца, к месту обретения иконы которого ведет крестные ходы Николай Иванович. Отличие связано с тем, что у И. Шмелева – саморефлексия героя, а у В. Крупина – показ героя извне. Один из центральных эпизодов «Богомолья» – рассказ Горкина Ване о своем грехе – вине в гибели подмастерья. Для Николая Ивановича пример Преподобного Сергия Радонежского, благословившего на справедливую брань за веру и Отечество монахов-схимников, – живой укор всю жизнь за отказ воевать за Отечество. Грех и покаяние, таким образом, краеугольные камни мировосприятия главных героев произведений И. Шмелева и В. Крупина, причем категории распространяются не только на личную судьбу, но и на историю. Д. С. Лихачев, характеризуя истоки толстовского взгляда на историю, выраженные в суждении «не в силе Бог, но в правде», пишет: «В основе этой мысли Толстого лежит этический взгляд на историю, и этот взгляд вполне “древнерусский”. Это видение истории в аспекте той высшей правды, которая в ней заключена, – своеобразный средневековый “этический оптимизм”» [4]. Осознание греховности для Николая Ивановича и Горкина напрямую связано с апелляцией к святыням прошлого как к высшей правде. Образы святых и события, отдаленные во времени, в сознании верующих воспринимаются как факт их сегодняшней жизни. Происходящее герои воспринимают не как случайность, а как Божий Промысел. Это проявление эонотопоса [5] в литературе XX в. Ощущение реальности существования Бога часто передано через яркую художественную деталь, факты биографии героев, прямые высказывания персонажей. Так, история с тележкой Аксенова, судьба сбрасывавшего церковный колокол Григория – все видится в перспективе высшей правды. Николай Иванович на вопрос следователя о вере в Бога отвечает: «Все более укрепляюсь в вере. И в каждом дне вижу Промысел Господа» [6]. Оба писа-

теля указывают на различие чуда как знака бытия Господа в мире и чуда как греховной прелести (рассказ «божественного старичка» об исцелении больных из купели у Троицы, случай с красавицей-молодкой на пути к Троице, пророчество прозорливого старца Варнавы). Герой В. Крупина указывает: «Были и такие воспоминания, в которых хотелось видеть знак, промысел, пророчество» [7]. «Хотелось видеть» – призыв к христианскому трезвению в восприятии чудес, характерному для героев В. Крупина. Показательно, что доверие к подлинности горнего мира объединяет повествователей, но средства создания персонажей, олицетворяющих веру и безверие, у писателей отличаются. Факт этот отражен в разноликости хода богомольцев. У В. Крупина в отличие от И. Шмелева нет масштабности хода. Жизнь человека перестала естественно соотноситься с датами христианского календаря. Преодолению трагизма способствует символическое воплощение надежды на возрождение традиций в образе внучки Кати Липатниковой. В повести И. Шмелева путь к Троице-Сергиевой Лавре показан как важнейший эпизод в формировании юного автора. У В. Крупина крестный ход в год тысячелетия крещения России вписан в летопись ходов, которые много лет совершал Николай Иванович. Вероятно, можно говорить, во-первых, о крестном пути всей страны, и о крестном пути как об индивидуальной судьбе верующего человека. Видение каждого крестного хода в ретроспективе и перспективе объединяет повести. Обращение к традиции реализовано в апелляции к памяти рода, источник которой – православная вера. Психологически достоверно И. Шмелев показывает, как «память смертная» позволяет верующему человеку воспринимать смерть светло. «В этом скользящем свете, в на певе грустном, в ушедшем куда-то дедушке, который видел то же, что теперь вижу я, – чутся смутной мыслью, что все уходит... Я изгибаю голову, слежу за скользящим светом... – вижу из щели небо, голубую его полоску между стеной и домом... и меня заливает радостью» [8]. Святитель Игнатий Брянчанинов «В слове о смерти» пишет: «Смерть, собственно, состоит в разлучении души от Божественной благодати и в совокуплении с грехом... Жизнь души – соединение ее с Богом, как жизнь тела – соединение его с душою. Душа, разлучившись с Богом преступлением заповеди, умерла; но послушанием заповеди опять соединяется с Богом и оживотворяется этим соединением» [9]. Не случайны ситуативные переклички в восприятии смерти между Горкиным, Иваном, Чудиновым – в этом проявляется следование писателей традициям древнерусской литературы и святоотеческой мысли.

Особенности духовного реализма, реализованные в жанре древнерусского хожения, проявились в организующей роли мотива пути, осознаваемого в христианском контексте. Писатели отразили православную картину мира, ориентированную на вертикаль, на вершине которой – Христос. Путь мыслится, прежде всего, как спасение в Боге, все сюжетные события подчинены приближению к святыне. Акцентируется принятие Божьего Промысла, этическая сфера героев ориентирована на православную аксиологию. В этих чертах современный писатель В. Крупин предстает как наследник лучших традиций духовного реализма. Свообразие метода проявилось в опосредованной передаче этапов приближения к «образу и подобию Божьему» героям в отличие от непосредственного показа у И. Шмелева. Память – важнейшая составляющая ценностной шкалы духовного реализма. Можно выделить несколько аспектов проблемы: 1) память как иллюстрация вечности духовных ценностей, реализованная в участии в церковных таинствах, церковной жизни героев И. Шмелева и В. Крупина; 2) историческая память поднимается на духовный уровень через апелляцию к библейским героям, деталям, образам русских святых; 3) память рода является важнейшей составляющей воспитания. Она восходит к истокам православной духовности, подчинена ей.

Специфика наследования традиции выявляется при сопоставлении повести В. Крупина с его очерком «Крестный ход», в основе которого – паломничество к той же святыне. Сходство в том, что в произведениях запечатлен обобщенный национальный характер, особенности православия. Очерк обладает просветительской функцией. В нем, в развернутом виде, представлены размышления автора и информация об особенностях православной веры, о характере и специфике молитв, о русской соборности. Дневниковая форма позволяет показать «общерусское паломничество», национальный характер, выраженный в православной вере. Позиция писателя отражает его православное мировидение, художник не является себя на первом плане, хотя форма дневника допускает именно самовыражение. В. Крупин смиленно говорит о своей греховности и стремится избежать назидательности. Важно, что автор заявляет и на протяжении всего очерка выдерживает взятое на себя обязательство «не изучать», но показывать. В этом проявилось следование древнерусской традиции и специфика метода духовного реализма. О. П. Белова проделала значительную работу по сопоставлению публистики и художественного творчества В. Крупина. Не можем согласиться со следующими выводами исследователя: «Можно отметить тенденцию: чем открытие и яснее выражается в

творчестве В. Крупина идея Православия, тем публицистичнее становится его творчество» [10]. Вызывает сомнение высказанная в ходе сопоставления произведений В. Крупина и В. Распутина приверженность первого автора к схемам, определение ряда тем (смерти, например) как «околорелигиозных».

Трудно согласиться с тем, что православная основа творчества позднего В. Крупина мыслится как приверженность *идее* (курсив мой. – И. К.) Православия. Для писателя важно усвоение догматической стороны православия, но воцерковленность – непременное условие жизни и творчества В. Крупина. Развитие традиций духовного реализма подтверждает это на материале повести «Великорецкая купель», а его книга «Русские Святые» доказывает «врастание» в православную традицию на уровне поэтики и являет собой пример творчества современного писателя, воплощающего традиции духовного реализма в XXI в. Показывая влияние на историю молитвенников за Россию, В. Крупин обращается к образам особо чтимых русских святых. В создании образа преподобного Сергия у В. Крупина были великие предшественники – Б. Зайцев и И. Шмелев.

Б. Зайцеву в повести «Преподобный Сергий Радонежский» важно запечатлеть, что в Сергии воплощено «глубокое созвучие народу, великая типичность – сочетание в одном рассеянных черт русских» [11]. Он отбирает и компонует материал о жизни святого в соответствии со своими задачами. Природа русской святости противопоставляется западной. Если Франциск Ассизский отрицал мирское, суетное, несущественное, куда включал не только отношение к родным, но и труд, то Сергий был «святым плотником». Эта сквозная метафора указывает на непосредственную связь с Богом и с земным трудом. Писатель делает предположение о том, что «Сергий, очевидно, выделяет деятельность духовную, водительную, от житейских отношений» [12]. Таким образом, реализуется уже заявленная склонность Сергия к «тихому деланию», стремление к самоумалению. Последовательно изображая истоки характера русского святого, Б. Зайцев показывает сначала близкий круг, отношение к родным, затем игуменство, государственную деятельность. Для взрослого И. Шмелева детское восприятие чуда, воплощенное в «Богомолье», остается в рассказе «Куликово поле», но средства художественного воплощения реальности чуда иные. В рассказе психологически достоверно в форме следствия разворачивается «дело» о чуде. Среднев, потомок воина дружины Димитрия Донского, продает свое имение (находящееся, согласно преданию, на самом Куликовом поле) и переезжает в Сергиев Посад, поближе к лавре Препо-

доброго Сергея. Промыслительной оказывается встреча с двумя учеными. По мысли одного из них, Василия Степановича, помешательство Сергея Ивановича связано с неправильным пониманием им исторического этюда своего учителя «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства». Те строки, на которые есть аллюзии в тексте В. Крупина, у И. Шмелева комментирует профессор («Ворота Лавры затворятся и лампады погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот (нравственный. – И. К.) запас без остатка, не пополняя его» [13]). Во второй части повествования в реальности чуда Средневековья убеждает то, что день явления Преподобного совпал со встречей Васи Сухова со старцем на Куликовом поле. Время в произведениях является «иконой вечности» [14].

Энотопос, свойственный православному пониманию времени и пространства, как и «древнерусский» взгляд на историю, характерный для духовного реализма, отличает и В. Крупина. В повести «Великорецкая купель» образ преподобного возникает в контексте преображения главного героя. В цикле «Русские Святые» В. Крупин воплощает личное соприкосновение со святыми и уроки этой встречи, что составляет специфику повествования. В композиционном плане это выливается в наличие экспозиций, которые обычно посвящены личным ощущениям от встречи со святыми. Так, начиная повествование о преподобном Сергии Радонежском, В. Крупин пишет: «Чтобы представить себе, что такое Святость, молитвенность, вера православная, надо обязательно приехать в лавру преподобного Сергия – в Сергиев Посад... Среди тревог жизни, среди повседневной суеты как защемит вдруг сердце, как потянет к преподобному! К нему, к великому печальнику за нас, за землю Русскую, к нему хочется принести свои горести, сомнения, беды, ему излить свое сердце, укрепить свою душу и вернуться к своим делам, зная, что есть в России спасительное место, благодаря которому живет наша Отчизна» [15]. В соответствии с житийной традицией, В. Крупин описывает детство отрока Варфоломея, чудесные события до его рождения и первых лет жизни, одно из которых – встреча и напутствие святителя Николая. Следствием иконичности времени и пространства становится связь современности с молитвенным прошлым. В. Крупин расширяет рамки повествования соотносимыми с житийным упоминанием о посмертных чудесах примерами заступничества святого за Россию (в смутное время XVII в. защитил монастырь от польско-литовских войск, заставил императора Наполеона спасаться бегством из Москвы в 1812 г. и др.). Заглавием итоговой части «Светильник над землей русской» В. Крупин продолжает диалог во времени

с В. Ключевским. Писатель развивает образ неугасимости света веры преподобного Сергия, предложенный цареградским епископом в передаче Епифания. Метафора света сквозная в характеристике преподобного у всех трех писателей. Художественные средства, используемые Б. Зайцевым, убеждают, что приглушенный свет икон Рублева соотносится с символикой образа преподобного в повести. Определение «тихий» становится ключевым у всех писателей, воплощающим устойчивую житийную традицию в передаче образа святого. В своем повествовании В. Крупин отдает предпочтение тем эпизодам из жизни героя, что иллюстрируют молитвенное заступничество за Отечество. Прием выделения курсивом и вынесение ключевых фрагментов в отдельные абзацы используется автором во всей книге. В данном жизнеописании выделены лирическое отступление автора-паломника, переживающего блаженные минуты в тишине Троице-Сергиевой Лавры, воскрешение преподобным Сергием мальчика, указание роли святого в духовной жизни России и др. История для всех писателей – это история святости. Подтверждая это, И. Шмелев устами своего героя цитирует статью В. Ключевского, В. Крупин косвенно апеллирует к образам историка. Сопоставимо влияние преподобного на личность. У И. Шмелева рассказчик-«маловер», напоминающий раннего автора, у В. Крупина – он сам и читатель, идущий по пути воцерковления. По жанру отчетливо проявляется сходство произведений Б. Зайцева и В. Крупина. У современного автора житие – часть цикла жизнеописаний русских святых, имеющая самостоятельное значение и реализующая замысел всей книги (показать влияние святого не только на ход истории, национальную культуру, но и на духовное становление частного человека). Все писатели разными художественными средствами акцентируют внимание на национальном своеобразии святого (Б. Зайцев сопоставляет его с Франциском Ассизским, И. Шмелев использует интертекстуальные связи, В. Крупин указывает на православную природу поступков преподобного). Через композиционное решение и выбор точки зрения Б. Зайцев апеллирует к общенациональному в патриотическом чувстве, И. Шмелев – к личному «возрождению», у В. Крупина оба начала равноценны. Промыслительность у И. Шмелева подчеркнута сцеплением всех сюжетных событий, в итоге приведших к «великому знамению обетования» [16]. У Б. Зайцева и В. Крупина экспозиция и связь согласуются в прославлении святого, хранящего Россию. В создании героя все используют сквозные образы света (светоч, лампада, светильник, вечерний свет). Энотопос иллюстрирует единение земного и небесного, возмож-

ность по Божьему Промыслу наступления мига «будто время пропало». Характерные указания на символичность даты битвы на Куликовом поле (Рождество Богородицы, первое событие евангельской истории) организуют время всех произведений. Как видим, усвоение догматической стороны православия и участие в жизни Церкви – принципиальная основа творчества В. Крупина. Следование традиции духовного реализма проявилось в духовной проблематике творчества позднего В. Крупина. Принципы поэтики основываются на православной онтологии и антропологии, жанровые доминанты тяготеют к древнерусской литературе (хожение, житие), в организации пространственно-временного континуума автор ориентируется на энотопос. Все сказанное показывает плодотворность традиции, обогащенной творческой индивидуальностью писателя.

Примечания

1. Любому́дро́в А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. Зайцев, И. Шмелев. СПб., 2003. С. 234.
2. Шмелев И. С. Собр. соч.: в 8 т. М., 1998–2000. Т. 7. С. 514.
3. Крупин В. Н. Слава Богу за все: Путевые раздумья // Наш современник. 1995. № 1. С. 90.
4. Лихачев Д. С. Избр. работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 312.
5. Лепахин В. В. Икона и иконичность. СПб., 2002.
6. Крупин В. Н. Собр. соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 532.
7. Там же. С. 499.
8. Шмелев И. С. Лето Господне. Богомолье. М., 1990. С. 428.
9. Игнатий (Брянчанинов), епископ. Слово о смерти. Мн., 2004. С. 126–127.
10. Белова О. П. Своеобразие художественно-публицистической манеры В. Н. Крупина: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2004. С. 239.
11. Зайцев Б. К. Собр.: в 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 14.
12. Там же. С. 31.
13. Шмелев И. С. Повести и рассказы. М., 2007. С. 69.
14. Лепахин В. В. Указ. соч.
15. Крупин В. Н. Русские Святые. М., 2006. С. 13.
16. Шмелев И. С. Повести и рассказы.

УДК 821.161.1

А. А. Моисеев

«ЧУЖИЕ» СКИТАЛЬЦЫ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»)

Тема русского скитальчества рассматривается в работе через швейцарский пласт романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Автор статьи, анализируя систему персонажей произведения, указывает на корни такого явления в русском общественном сознании, как «чужой» скиталец, и исследует причины его возникновения. Особое значение придается анализу способов выражения писателем амбивалентного романного образа Швейцарии на страницах «Бесов».

The theme of Russian wandering is regarded in this work through the Swiss layer of the Dostoyevsky's novel "Demons". The author of the article, considering the system of the characters of the novel, points to the roots of such phenomenon in Russian public consciousness as a strange wanderer and investigates the reasons of its origin. A special importance is given to the analysis of the author's ways of expressing the novel's ambivalent image of Switzerland at the pages of "Demons".

Ключевые слова: роман Ф. М. Достоевского «Бесы», система персонажей, русское скитальчество, понятие «чужой» скиталец, амбивалентный образ Швейцарии, швейцарский пласт романа.

Keywords: F. M. Dostoyevsky's novel «Demons», system of the characters, Russian wandering, a "strange" wanderer and investigates, ambivalent image of Switzerland, the Swiss layer of the Dostoyevsky's novel.

Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1870–1871 гг.) с момента его выхода в свет привлекал внимание читателей и критиков своей острой злободневностью. Одна из центральных проблем романа – русское скитальчество – сохранила свою актуальность. К ее исследованию обращались М. Бахтин, Л. Гроссман, А. Долинин, В. Туниманов и др. [1] Отдельные аспекты проблемы рассматриваются в работах Ю. Давыдова, К. Степаняна, Л. Саракиной, Г. Пономарева, М. Ермаковой и др. [2] Один из аспектов проблемы скитальчества связан с образом Швейцарии, которому в художественном мире Достоевского, особенно в романах «Идиот» и «Бесы», посвятили свои исследования Т. Касаткина, Г. Ермилова, К. Степанян [3].

Данная статья рассматривает русское скитальчество через швейцарский пласт романа Достоевского «Бесы».

МОИСЕЕВ Алексей Алексеевич – аспирант II курса кафедры всемирной литературы Нижегородского государственного педагогического университета
© Моисеев А. А., 2009

Влияние, которое оказывала Швейцария на Российскую империю, было значительным: с середины XVII в. в Россию стали отправляться военные, врачи, ювелирные мастера, архитекторы, виноделы из Швейцарии. Так, архитектор Доменико Трезини построил в Санкт-Петербурге Петропавловскую крепость и Петропавловский собор, Летний дворец Петра, здание Двенадцати коллегий. Уроженец Берна Никлаус Людвиг фон Штюрлер возглавлял гвардейский полк, воевал с наполеоновской армией. Перед первой мировой войной в нашей стране проживало 15 тыс. выходцев из Швейцарии [4].

Швейцария – стабильная в социальном отношении страна. Швейцарцам традиционно свойственна скромность. Уровень их жизни – один из самых высоких в мире. Этим Швейцария на протяжении столетий вдохновляла и манила русских. Большое количество русских дворян лечилось на швейцарских курортах, и возвращались на родину некоторые из них, прониквшись идеями свободной демократии благополучной европейской страны.

Интерес к Швейцарии, как некоему центру европейского образа жизни, всегда был велик у русских писателей.

Первоначально Швейцария в русской литературе изображалась как некое идеальное пространство, например у Н. М. Карамзина в «Письмах русского путешественника» (1791–1792): «Счастливые швейцарцы! Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному Богу?» [5].

В первые десятилетия XIX в. в русской литературе появляется романтическая трансформация образа Швейцарии. Она была сделана В. А. Жуковским при переводе байроновского «Шильонского узника». Как отмечает Н. Е. Мединис, русский романтик намеренно отстраняется в своем вольном переводе поэмы от байроновского пафоса борьбы за свободу, добавляет в повествование описание природы, географии Швейцарии, т. е. делает акцент на том, что интересовало его самого в этой стране [6].

В середине XIX столетия обозначились новые аспекты восприятия этой страны. В документально-публицистическом романе А. И. Герцена «Былое и думы» (опубл. 1855–1919) изображение Швейцарии изменяется: с авторской точки зрения, она представлена как негармоничное единство идиллической природы и городского патриархального уклада, что сопоставляется с характерными чертами современной жизни Запада в целом.

Хорошие отношения с соседними государствами у Швейцарии стали в это время нарушаться:

социалисты искали здесь убежища, но Союзный совет (аппарат центральной власти) разрешил им оставаться в стране лишь до тех пор, пока они ограничивались теоретическим изложением своих идей. Они подлежали высылке, если compromетировали себя революционной пропагандой. Таким же образом швейцарские власти поступили и с С. Г. Нечаевым – прямым прототипом Петра Верховенского – известным анархистом-революционером, главой тайного политического общества «Народная расправа», чья провокационная деятельность была переосмыслена и частично положена Достоевским в основу сюжета романа «Бесы». Бежавший в Швейцарию после убийства студента Академии И. И. Иванова, заподозренного членами «Народной расправы» в предательстве, поддерживаемый там самим М. Бакуниным, Нечаев был в 1872 г. арестован полицией и отправлен в Россию для судебного разбирательства [7].

Социалисты, появившиеся в Швейцарии в середине XIX в., постепенно начали формулировать свои требования в кантонах. На протяжении столетий Швейцария была поделена на множество кантона и организована таким образом, что любое меньшинство имело права в стране, известной своей «прямой» демократией. В 1848 г., когда на смену союзу кантона пришла собственно Швейцарская Конфедерация и была принята ее первая конституция, каждый кантон так и остался суверенным: Ури, Швиц, Унтервальден, Фрибур, Люцерн, Цуг, Шаффхаузен, Аппенцелль, Санкт-Галлен, Граубюнден, Гларус, Тичино, Вале, Во, Женева.

В 1878–1890 гг. в Швейцарии издавались германские социал-демократические газеты, устраивались тайные и открытые съезды – и это способствовало быстрому распространению социалистических идей в Швейцарии. В то же время в ряде стран Европы создаются социалистические партии («Всеобщий германский рабочий союз», Социал-демократическая рабочая партия Германии, «Народная Воля» и др.). На основе социалистической программы в 1864 г. было организовано «Международное товарищество рабочих» – I Интернационал, также упоминающийся в романе «Бесы»: «У нас вот говорят теперь, когда уже всё прошло, что Петром Степановичем управляла Интернационалка, а Петр Степанович Юлией Михайловной, а та уже регулировала по его команде всякую сволочь» [8].

Первый конгресс Интернационала состоялся в Женеве 3–8 сентября 1866 г. Второй (сентябрь 1867 г.) и четвертый (сентябрь 1869 г.) съезды также прошли в Швейцарии. Примечательно, что в «Бесах» Петр Верховенский распространяет слухи о своей связи с вождями швейцарской русской эмиграции, с Интернационалом, чтобы

приобрести и закрепить больший авторитет у членов революционной пятерки, находящейся под его руководством.

Собственные впечатления от пребывания в этой стране, субъективное восприятие западного образа жизни не могли не отразиться в художественном пласте романа Достоевского. В июне 1862 г. писатель впервые выехал за границу и побывал в Германии, Франции, Швейцарии, Италии. Несколько раз он встречался с Герценом и Огарёвым, чьи западнические идеи вызывали в нем протест. В 1867 г. в Женеве, где в то время находился писатель, проходил международный «Конгресс мира и свободы». Речи западных идеологов-радикалов о «безбожественном, материальном начале жизни на земле» произвели отрицательное впечатление на Достоевского. Он писал в письме А. Н. Майкову за январь 1868 г. из Швейцарии: «О, если б Вы знали, как глупо, тупо, ничтожно и дико это племя! Мало проехать, путешествуя. Нет, поживите-ка! Но не могу Вам теперь описать даже вкратце моих впечатлений; слишком много накопилось. <...> Буржуазная жизнь в этой подлой республике развита до nec-plus-ultra. <...> Нравы дикие; о, если б Вы знали, что они считают хорошим и что дурным» [9].

Описания Швейцарии самой по себе в «Бесах» нет: читатель узнает о ней только со слов повествователя-хроникара Антона Лаврентьевича Г-ва. Страна «увидена» не автором непосредственно, а отдельно взятым героем повествования и обозначена как пространство, где пребывают действующие лица (или где им предстоит побывать). Швейцария окружена в романе неким ореолом таинственности. Достоевский интерпретирует революционное «бесовство», легшее в сюжетную канву повествования, в философско-психологическом ключе, через движение судеб героев романа, динамику их характеров. При этом швейцарский пласт оказывается чрезвычайно значимым.

Именно Швейцария обернулась в романе «Бесы» местом, откуда возвращаются на родину с «новыми идеями», либо бегут туда, или, по крайней мере, бывали там. Это относится к «чужим» скитальцам: Степану Трофимовичу Верховенскому, Варваре Петровне Ставрогиной, ее сыну Николаю Ставрогину, Дарье Шатовой, Петру Верховенскому, Ивану Шатову.

Можно утверждать, что практически все герои произведения являются носителями болезни – так называемого «бесовства». Бесовство, как его понимал автор, это противоестественное губительное начало в человеческом сознании, воспроизводимое во всех сферах его деятельности, сродни одержимости злым духом. С другой точки зрения, эта «одержимость» может быть рассмотрена как острое влияние «чужих», нанос-

ных и разрушительных, идей на умы русской интеллигенции.

В «Бесах» использованы и подвергаются авторской критике актуальные в то время в Западной Европе и России анархические идеи Бакунина, Ткачева, Нечаева, их статьи, прокламации, уставы об уничтожении религии, семейного уклада жизни, Бога, государства. Это находит подтверждение в художественном образе беса-теоретика Шигалева, обобщенном, собирательном типе современного нигилиста. Его можно отнести к «чужим», заезжим скитальцам на основании того факта, что в романе никому точно не известно, откуда и с какой целью он вдруг появился в городе: «Этот Шигалев должно быть уже месяца два как гостили у нас в городе; не знаю, откуда приехал; я слышал про него только, что он напечатал в одном прогрессивном петербургском журнале какую-то статью. Виргинский познакомил меня с ним случайно, на улице» (С. 127).

Шигалев пренебрегает популярными в XIX в. идеями утопистов Фурье, Кабе, Сен-Симона, от наивности взгляда которых на мир и природу человека, по его мнению, необходимо отказаться: «Посвятив мою энергию на изучение вопроса о социальном устройстве будущего общества <...> я пришел к убеждению, что все созидатели социальных систем, с древнейших времен до нашего 187... г., были мечтатели, сказочники, глупцы, противоречившие себе <...> Платон, Руссо, Фурье, колонны из алюминия, всё это годится разве для воробьев, а не для общества человеческого» (С. 366). Взамен их «устаревших», по его мнению, идей «он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя впрочем и будут работать» (С. 367).

В эпилоге по написанной Верховенским-младшим прокламации наизусть цитирует его идеи переустройства мира член пятерки «наших» Лямин: «На вопрос: для чего было сделано столько убийств, скандалов и мерзостей? – он с горячо торопливостью ответил, что для систематического потрясения основ, для систематического разложения общества и всех начал; для того, чтобы всех обескуражить и изо всего сделать кашу, и расшатавшееся таким образом общество, болезненное и раскисшее, циническое и неверующее, но с бесконечною жаждой какой-нибудь руководящей мысли и самоохранения – вдруг взять в свои руки, подняв знамя бунта и опира-

ясь на целую сеть пятерок, тем временем действовавших, вербовавших и изыскивавших практически все приемы и все слабые места, за которые можно ухватиться» (С. 597).

Кроме того, Лямшин имеет и собственные кровенные мысли о «переделке мира», произвольно вырвавшиеся у него однажды на собрании «наших»: «— А я бы вместо рая, — вскричал Лямшин, — взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому» (С. 368).

«Чужой» скиталец для России — явление, как это ни парадоксально, национальное. В основе его поведения — отсутствие высшей руководящей идеи и зависимость от обстоятельств и случайности. Заключения о «высокомерии» этого культурного типа многократно повторяются в «Записных тетрадях» Достоевского и отражаются в его поздней публицистике, подкрепляясь обращением как к героям русской (Алеко, Онегин, Печорин и др.) и западноевропейской (прежде всего, герои Байрона) литературы, так и к реальным лицам (Белинский, Грановский, Герцен и др.).

Противопоставление концептов «свой/чужой» очень важно при определении явления «чужого», ибо взаимовосприятие представителей разных культур происходит и как противопоставление «своего» и «чужого», и как сближение, взаимопроникновение. Следует отметить, что признак «чужой» в народной культуре обладает амбивалентностью: «чужой» может быть и плохим, и хорошим, но в любом случае он должен быть иным.

Например, фольклорно-мифологическая трактовка образа «чужого» на Руси динамично развивалась между двумя полюсами — отторжения (всякий его представитель воспринимался как существо опасное и даже иногда потустороннее, демоническое) и терпимости к «чужим», пришедшем из-за границы, носителям собственной культуры. Инородцев и нечистую силу объединяет пристрастие ко всякого рода деятельности по созданию «нечистых» объектов (вины, табака, игральных карт, жестяной посуды и т. п.).

Кроме того, согласно устойчивому представлению, основанному на отождествлении конфессиональной и этнической принадлежности, переход в другую веру грозит потерей этничности.

«Чужие» скитальцы романа «Бесы» связаны автором со швейцарским пластом.

Степан Трофимович Верховенский, будучи сторонником и выразителем «прогрессивных» западнических идей в романе, «бурно», как ему кажется, провел свою молодость: много бывал за границей «с лекциями», всю жизнь считал себя «гонимым», «ссыльным» за вольнодумство, а так-

же «чужим» в России, «некоторое время принадлежал к знаменитой плеяде иных прославленных деятелей нашего прошедшего поколения, и, одно время, — впрочем, всего только одну самую маленькую минуточку, — его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не на ряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» (С. 8). В поэтическом «творчестве» Степана Трофимовича автором пародируется творчество немецких романтиков (в особенности Г. Гейне) с присущими им художественной манере настроениями разочарованности в устройстве мира, грусти и тоски.

Николай Ставрогин — идеиний центр романа. Все персонажи соотнесены с ним в разной степени, но никто не знает, что он за человек, что им движет. В главе «Принц Гарри. Сватовство» Варвара Петровна Ставрогина говорит Степану Трофимовичу, что в Швейцарии слышала дурную молву про своего сына, Николая Ставрогина, но так и не смогла понять, в чем ее смысл, а на протяжении повествования странное поведение Ставрогина становится объектом новых толков: его считают то «шпионом», то загадочным лицом с «какими-то поручениями», то «членом-учредителем из-за границы», появившимся в России перед революционным переворотом (С. 194–195). В связи с образом Николая Ставрогина романная Швейцария обрастает сплетнями, тайнами, «дурной молвой».

Он — основной «чужой» скиталец в романе, который — «путешествовал три года с лишком, так что в городе почти о нем позабыли. <...> Известно было, чрез Степана Трофимовича, что он изъездил всю Европу, был даже в Египте и заезжал в Иерусалим; потом примазался где-то к какой-то ученой экспедиции в Исландию и действительно, побывал в Исландии. Передавали тоже, что он одну зиму слушал лекции в одном немецком университете» (С. 50–51).

Особое состояние главного героя подмечает в романе Кириллов: «Ставрогин если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует» (С. 550). Это есть не что иное, как логическое продолжение извращения учения Христа, атеизм и слепая вера в прогресс и цивилизацию — идеи, которые высказывались на «Конгрессе мира и свободы» в Женеве в 1867 г.

Ставрогин стремится укрыться в Швейцарии, в скалистом ущелье кантона Ури вместе с Дарьей Шатовой: «Прошлого года я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури. Там я уже купил маленький дом. У меня еще есть двенадцать тысяч рублей; мы поедем и будем там житьечно. Место очень скучное, ущелье; горы теснят зрение и мысль. Очень мрачное» (С. 601).

Кантон Ури, входивший в число трех первых, объединившихся и положивших начало Швейцарской Конфедерации, в данном случае – своеобразная метафора, символ «идиллического» места, где можно скрыться от людей ищущему одиночества скитальцу. Переполненный глубокой внутренней неудовлетворенностью, так и не нашедший своего места ни за границей, ни на родине, Ставрогин в конце концов сводит счеты с надоевшим бесприютным существованием.

Примечательно, что словосочетание «бежать в Швейцарию» в романе Достоевского употребляется не раз: помимо Ставрогина, прячется в Швейцарии от преследования властей и Петруша Верховенский, гонимый смутьян, причем в данном контексте его «бегство» окружено неким «поэтическим» ореолом.

О том, как жил и чем занимался он за границей до своего появления на сцене, становится известно из рассказа его отца Степана Трофимовича: «Сначала, кончив курс в университете, лет шесть тому назад, он слонялся в Петербурге без дела. Вдруг получилось у нас известие, что он участвовал в составлении какой-то подметной прокламации и притянут к делу. Потом, что он очутился вдруг за границей, в Швейцарии, в Женеве, – бежал, чего доброго <...> И вот теперь, пробыв за границей года четыре, вдруг появляется опять в своем отечестве и извещает о скором своем прибытии» (С. 72).

Петруша Верховенский – настоящий самозванец, претендующий на роль подлинного царя, его можно назвать «главным бесом» среди остальных. Он делает ставку на все иностранное и «новое», недаром его идеи всецело импортированы в Россию из Европы. Петра Верховенского, на взгляд отца, «plenяет не реализм, а чувствительная, идеальная сторона социализма, так сказать, религиозный оттенок его, поэзия его... с чужого голоса, разумеется» (С. 72).

Из Шатова Верховенскому-младшему не удалось сделать желанной «строительной жертвы», поскольку сразу же после его убийства кружок «наших» распался, и ему ничего не оставалось делать, кроме как бежать в Петербург, а потом, что не исключено, дальше – за границу, может быть именно в Швейцарию, искать убежища, как это проделывал в действительности его прототип С. Г. Нечаев.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что романский образ Швейцарии у Ф. М. Достоевского неоднозначен, амбивалентен: в «Бесах» эта страна выражается собственно через образы главных героев (Степана Трофимовича, Петра Верхо-

венского, Николая Ставрогина и др.), она окружена сетью тайн, слухов, догадок. Представление Хроникера, от лица которого ведется все повествование, его личностное восприятие происходящих событий и их возможных причин, указывает на субъективность взгляда, за которым все-таки просматривается позиция автора. Анализ системы главных образов «Бесов» помогает понять, как «чужие» скитальцы (Степан Трофимович Верховенский, Николай Ставрогин, Петр Верховенский) связаны в романе со швейцарским пластом и как Швейцария (в качестве модели западного образа жизни и пространства, в котором находят «приют» «социалисты») воспринималась писателем и нашла свое художественное воплощение на страницах его произведений.

Примечания

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979; Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М., 1925; Долинин А. С. Достоевский и другие. Л., 1989; Туниманов В. А. Рассказчик в «Бесах» Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике. Л.: Наука, 1972.

2. Давыдов Ю. Н. Нравственное возрождение и судьбы (Достоевский – Ницше). М., 1989; Степанян К. А. Категория существования в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура. СПб., 2001. № 16; Сараскина Л. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990; Достоевский Ф. Одоление демонов. М., 1996; Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006; Пономарева Г. Б. Достоевский: Я занимаюсь этой тайной. М.: Академкнига, 2001; Ермакова М. Я. Двойничество в «Бесах» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976.

3. Касаткина Т. Пушкинская цитата в романах Достоевского // Пушкин и теоретико-литературная мысль. М., 1999; Ермилова Г. Г. Событие падения в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Вопросы онтологической поэтики: поэтическая литература: исслед. и м-лы. Иваново, 1998; Степанян К. А. Указ. соч.

4. История Швейцарии. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>.

5. Кафамзин Н. Письма русского путешественника. М., 1983. С. 145.

6. Меднис Н. Е. Швейцария в художественной системе Достоевского (к проблеме формирования в русской литературе швейцарского интерпретационного кода) // Academic Electronic Journal in Slavic Studies (TSQ). № 1. 2004. Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/11/mednis11.shtml>.

7. Лурье Ф. М. Нечаев: Создатель разрушения. М., 2001. С. 262.

8. Достоевский Ф. М. Бесы. М.: АСТ, 2001. С. 417. Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием номеров страниц.

9. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. СПб.: Наука, 1996. С. 338.

УДК 821.161.1

M. P. Казиев

ГАРМОНИЯ И ДРАМАТИЗМ ЖИЗНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ К. ХОДОВА

В статье рассматриваются особенности творческого метода осетинского поэта Камала Ходова. Особое внимание уделяется анализу того, как К. Ходов поэтически преображает в своём творчестве картины реальной повседневной жизни осетинского народа, поднимаясь до высот художественного обобщения.

In the article are considered the particularities of the creative method of Ossetic poet Kamal Hodov. The special attention is paid to the analysis of the way in which K. Hodov poetically transforms in his works the picture of real everyday life of Ossets, rising to the height of the artistic generalization.

Ключевые слова: осетинская поэзия, народность, реализм, идиостиль поэта.

Keywords: Ossetic poetry, national character, realism, poet's individual style.

В творчестве известного осетинского поэта Камала Ходова внимание читателя привлекает и содержание, и форма, и поэтика. Основные черты его поэтического искусства – оригинальность образов, эмоциональность, своеобразие формы.

Камал Ходов в осетинской поэзии решает важную задачу – открыть настежь поэтическую душу человека второй половины XX в.

Хотя год его рождения совпал с началом Великой Отечественной войны и отец его не успел «до жить до седин», он никогда не делал из жизни трагедию – наоборот, он осмеливается из трагичной сути жизни творить художественный образ.

Анахарис, скифский царевич, не зря «высказывал удивление тому, что у греков выходят на состязание художники, а суд о них произносят нехудожники» [1]. Камал Ходов никому не оставляет шансов судить о жизни вместо него и вопреки его опыту.

Это не потому, что до его прихода в осетинской поэзии не было талантливых художников. Гриш Плиев, Гафез, Александр Царукаев, Нафи Джусойты, Георгий Бестауты... были «живыми классиками» осетинской поэзии. Но осетинская литература нуждалась в открытом, вольном дыхании Камала Ходова. В трудные военные годы «где-то детский смех канул навсегда», но уже тогда он бредил другим:

*Эхо водопадов
Слышал я в зной,*

*Сердцем уходил
На свет впереди...
Словно песня гор рождалась со мной,
Набиная силу в моей груди [2].*
(«Не успел отец»)

Несмотря на то что его поколение дало осетинской поэзии таких ярких поэтов, как Ахсар Кодзати, Васо Малиев, Шамиль Джикаев, у Камала – свой яркий путь и в жизни, и в поэзии.

Камал Ходов проторил свою жизненную и творческую дорогу, чтобы «жить в своем народе». Как отметил известный осетинский писатель и литературовед Нафи Джусойты: «Из стихотворений Камала Ходова меня особенно трогают, словно прикосновение голубиного оперения к сердечной сuti, те, которые порождены его личными биографическими впечатлениями». Далее он упоминает стихотворение «Вспоминаю деда...». В нем поэт говорит о папахе, ноговицах, о доспехах, но с горестью замечает: «Не могу припомнить твою улыбку...» [3]. Одна маленькая деталь – лирический герой помнит облик своего дедушки, но не помнит его улыбку. Сколько в этой детали человеческого горя!

Поэзия Ходова многоголосая. Его творчеству доступны все формы поэзии. Глубоким лиризмом отличается его верлибр «Разговор с матерью»:

*Ты прости мне,
Если случится так,
Что забуду, как вслед
Бежал по пятам...
И любовь, что когда-то
Прятал, чудак,
От тебя,
В дороге людям раздал.
Ты прости мне...
Ты не можешь знать,
Но впервые в жизни
Шепчу: прости...
От колен твоих –
Начало пути,
И конец его
Рядом с тобою, мать.*
(«Разговор с матерью»)

Известный русский поэт Юрий Кузнецов, – его часто называют и последним классиком русской поэзии, – о другом осетинском поэте сказал: «А. Кодзати в совершенстве владеет такой трудной формой поэтического мышления, как верлибр» [4]. Эти слова прямо можно отнести и к творчеству Ходова.

Владение формами поэзии помогает поэту перевоплощать местные проблемы в болевые точки общества в целом. Камал Ходов отлично зна-

ет то, о чем и о ком говорит, рисует все с любовью и с оригинальным видением предмета изображения. Мы тоже переживаем вместе с ним. «Когда не возвращается корабль», над ним рыдают одинокие волны; овдовевшие жены надевают траур; воротилы и клерки «начинают дрожать в страхе за место». Но, к сожалению, это еще не все. Самое трагичное находит поэтическое звучание в финале произведения:

*А далеко, на земле,
Под ветром
Вздыхает лес на родине корабля.
И по щекам потемневших пней
Ползут
Солоноватые
Капли.*
(«Когда не возвращается корабль»)

Поэзия Ходова ценна тем, что автор не утомляет читателей рассуждениями, не воспитывает их проповедями, он «заставляет» читателя сопреживать.

Мать, у которой погиб сын, даже плакать уже не могла, «долго глядела на дверь. Только слезы лились». Утешали ее: «Жизнь беспощадна. Поверь. Осознай и смирись». Но смертельно раненное сердце не принимает утешения:

*И до срока пришла ее осень, пыля
Вдоль опавшей листвы...
Все, что падает с неба,
Выносит земля,
Но не сердце, увы!..*
(«Все, что падает с неба, выносит земля...»)

В стихотворении «Ночь в Стыркоме» небо загромыхало. Даже мир к земле приник. Село «свернулось вмig калачиком, как мокрая дворняга». Ходов нашел нужные краски, чтобы показать суровую красоту одной из деревень Осетии: «Издалека – натужный волчий зов... Сквозь ярый ливень молния сверкнула. Вновь силует разгневанного туфа Там, на скале... И свет в глущи лесов».

Знакомясь с творчеством поэта, восхищаешься точной топографией. И что самое главное – мы тоже чувствуем «знакомого леса прохладу» его родного села Батако и видим, как оно «затихло в объятиях ночи», и слышим, как «Хрипкий лай Сытых собак Умолк» («Затихло в объятиях ночи...»); нам тоже становится «...целый мир – ущелье Бида» («Не успел отец...»); чувствуем «На турбазе “Зарамаг”», что хмурые дни скоро растворятся в мерном дожде, «С рокотом темным уносится к морю Адай. Словно старуха, в тропу упираясь клюкой, Черная ива стоит над ревущей рекой...»

Все это говорит о таланте поэта. Он умеет простые жизненные ситуации и обыденные вещи превращать в поэзию. И благодаря его поэтическому таланту читатели влюбляются в его родину.

Камал Ходов – настоящий интернационалист («У памятника Пушкину», «Сердце поэта», «Я вижу...»). Человек учится у породившего его народа и «малой, личной родины». «Трудно представить себе и такого интернационалиста, который бы желал, чтобы его родной народ покидал отчизну, веками насиженные места, и расходился по всему белому свету» [5], – отметил Нафи Джусойты, говоря о жизни и творчестве классика осетинской литературы Елбасдуко Бритаева. И Ходов станет устами основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова утверждать:

*Пустъ свечою сгорю во тъме,
Лишиъ бы песней земной
Ложъ и лъстивых продажный дух
Начисто истребить...
Может, разум наш и душа
Отринут фальшивъ и кофысты,
Даже надежда наша и та
Изолгалась насквозь.*

*Словно горох, рассыпан народ...
Или нить порвалась?..
К фарну [6] предков дороги нет,
Уастырджи,
Наставъ!*

(«Молитва поэта»)

Мельничное колесо без воды не вертится. Поэт хорошо знает, что так говорить его заставляет горькая судьба народа: «От долгой песни в сердце след горяч. В ней прошлое – Как черная дорога...» И видит в образе «черной дороги» эту судьбу. Потому задает родине вопрос, навеянный горестным прошлым: «Скажи мне, чем Ты прогневила бога, Осетия?» Последовал ответ почти безысходного трагизма: «И песнь твоя – Как плач» («Слушая народную песню»).

Лирический герой поэта к бедам своей Родины всегда причастен душой и в решающей битве за Родину всегда сумеет стать стрелой «на тугой тетиве» ее «беспощадного лука». Благодаря открытым признаниям поэта в любви к Родине, она становится нам ближе, невыразимо дороже. Для подлинного сына Родины и голые камни родного края являются бриллиантами. Поэт отлично знает, что пуля всего лишь кусочек свинца, «Когда ружье без курка, Не стало рыбы – Что за река? Пустыня – Без орла небеса» («Одному стихотворцу»), и слово поэта не стоит и медного гроша, если он «оды пел, как солому жевал...». Для Камала Ходова поэзия – «словно матери пред-

смертоное слово», «как преданность Родине тяжела и легка».

Камал Ходов знает свой долг перед народом. О том, как выполняет этот долг, лучше самого поэта не сказать: «Люди! Я готов претерпеть И Вынести все! Кроме вашего равнодушия. Изо дня в день Заря отражается в моих окнах. Изо дня в день В ваших глазах отражается моя надежда. Люди! Я неразличим среди вас. Но – плоть от плоти вас, И моя надежда Высока, как горы Осетии» («Слово к людям»).

Родина всегда прекрасна, но особенное очарование её образу придает оригинальный стиль поэта. Его лирический герой обостренно чуток к малейшим изменениям в природе. У Камала Ходова природа – самостоятельный мир, живой и родной человеку, способный «красою вечною сиять». И в этом мире «Тайный снег оставляет на сердце след. В океане тумана на свет» держит свой путь поэт («Давняя любовь»).

Камалу Ходову глубоко понятна и близка его мировоззрению мысль Жан-Жака Руссо: «Одна только книга открыта всем очам, эта книга природы... Она говорит всем людям и языком, понятным для всех умов» [7]. Эту книгу Ходов читает по-своему.

Поэтический мир Ходова в осетинской поэзии выделяется своей образностью, и динамичным ритмом близок любящей душе. В его пейзажной лирике природа и человек – единое целое. Что-

бы убедиться в этом, достаточно прочесть в одном ряду «Затихло в объятиях ночи...», «После зимы», «Ранняя весна», «Дождь», «Три верлибра о зиме», «Осень» и др.

Опыт жизни учит Камала Ходова видеть в природе как гармонию, так и дисгармонию. Его пейзажи в ряде случаев полны драматизма жизни. Он умеет приблизить природу в живом обличии к человеку. В стихотворении «Перед чистой страницей» видим, как «Издали с невнятным громыханьем Ползет свинцовой полосой Гроза...», чувствуем, что «С далеких гор несет она с собой Дыхание потоков и покосов» и верим поэту – гроза над выжженной равниной вдруг «расхохочется светлоголосо».

Повседневные жизненные ситуации, преображеные в памятливом воображении поэта в настоящие художественные произведения, ярко свидетельствуют о подлинной талантливости Камала Ходова.

Примечания

1. Козаев А. И. Анахарис. Цхинвал, 1982. С. 122.
2. Ходов К. Своим чередом. М., 1988. С. 5. Все стихотворения переведены Владимиром Еременко.
3. Джусойты Н. Чувство – пламя песни // Хурзарин. 2001. 20 июня.
4. Кодзати А. Яблоко Нартов. М., 1974. С. 66.
5. Джусойты Н. Елбасдуко Бритаев. Цхинвал, 1963. С. 27.
6. Фарн – достоинство, слава.
7. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. М., 1981. С. 369.

Зарубежная литература. Темы, основные мотивы, жанры. Проблемы перевода и интерпретации текста

Современный зарубежный роман. Традиции готической литературы. Мировоззренческие аспекты анализа текста

УДК 821.112.2

Г. В. Кучумова

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЙ РОМАН 1980–1995 гг.: НОВЫЕ ФОРМУЛЫ ВУАЙЕРИЗМА

Феномен нового времени – вуайеризм – получает свое теоретическое осмысление в работах французских философов Ж. Батая, Ж. Бодрийара, П. Вирилио. Они отмечают, что вторжение современных mass-media в приватное пространство человека осуществляется открыто и бесцеремонно за счет размытания границ между общественным и личным пространством и объявление этих границ прозрачными. В художественном дискурсе современного немецкоязычного романа феномен вуайеризма осмысляется в аспекте дефицита Другого.

The modern times phenomenon of voyeurism gets its theoretical interpretation in the works by such French philosophers as Georges Bataille and Jean Baudrillard. They note that modern mass-media intrude into man's privacy most openly and unceremoniously, demolishing the bounds between the social and private spaces and declaring these bounds to be transparent. In the discourse of the novels written by German-speaking authors in the period between 1980 to 1995 the phenomenon of voyeurism is viewed as the deficit of Another.

Ключевые слова: немецкоязычный роман, формулы вуайеризма, ситуация постмодернизма.

Keywords: German language novel, forms of voyeurism, post-modernism.

Данная статья ставит целью выявить в художественном пространстве немецкоязычного романа конца XX в. новые формулы вуайеризма и рассмотреть одну из ключевых фигур немецкоязычного романного дискурса – фигуру вуайериста.

В романном дискурсе европейских литератур 1980–1995 гг. фигура вуайериста наряду с другими социальными ролевыми моделями – гедониста, «нового» архивиста, коллекционера, «нового» денди – занимает одно из центральных

КУЧУМОВА Галина Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент по кафедре немецкой филологии Самарского государственного университета
© Кучумова Г. В., 2009

мест. В фигуре современного вуайериста персонифицированы потребительские и массмедиийные стратегии постиндустриального общества: новый формат восприятия, доминирование визуальной информации над вербальной, осуществление тотального контроля над всем, легитимное нарушение границы между приватным и общественным, ненасытность взгляда.

Культурологическая справка отсылает нас к классическому определению вуайеризма. Вуайеризм (франц. voir — видеть) есть влечение к подглядыванию за половым актом или обнаженными телами представителей избранного пола, а также повышенный интерес к порнографической продукции. Благодаря психоанализу Фрейда понятие вуайеризм повсеместно закрепляется в западноевропейской культуре, а с начала 1980-х гг. оно становится господствующим в дискурсе ХХ в.

В социокультурном контексте второй половины ХХ в. понятие вуайеризма изменяет свое первоначальное значение по причине широкого распространения электронных технических средств для подглядывания и роста аудитории электронной сети как среды, способствующей неподконтрольному распространению визуальной информации. В широком смысле слова вуайеризм характеризуется современными исследователями как наблюдение [1].

Феномен нового времени получает осмысление в работах французских философов Ж. Батая «История глаза», Ж. Бодрийара «Соблазн», П. Вирилио «Информационная бомба», теоретические построения которых воспроизводят схему построения дискурса превосходства и контроля средствами массовой информации личной сферы каждого человека. Они отмечают, что вторжение современных массмедиа в приватное пространство человека осуществляется, с одной стороны, более открыто и бесцеремонно, с другой стороны, и более изощренно за счет размытания границ между общественным и личным пространством и объявление этих границ прозрачными (Ж. Бодрийар «Прозрачность зла»).

Психологической основой вуайеризма выступает односторонняя коммуникация, доминирующую-

щая в обществе тотального потребления и идеологического господства в нем средств массовой коммуникации. В акте односторонней коммуникации Другой выступает как объект, вещь, которую можно потреблять для получения удовольствия. Таким образом, в ситуации подсматривающего фиксируется «жесткая», непрозрачная в одну сторону граница между Я и Другим. Более редким вариантом является подслушивание (аудитивный вуайеризм). Здесь задействован дистанцированный канал восприятия – слуховой, он же и более рафинированный (в значении – сакральный). В акте подсматривания/подслушивания человек выстраивает «жесткую» границу между Я и Другим, с тем чтобы ее же затем и нарушить. В этом случае Я наделяется повышенной активностью, которая выражается в насилиственном нарушении выстроенной границы, как вторжение в чужое, приватное пространство Другого без его согласия. Ситуация подсматривания/подслушивания предполагает анонимность наблюдателя, то есть защищает его маску. Само Я в активной позиции формирует дискурс превосходства, дискурса власти над Другим. Удаленность созерцаемого или слышимого объекта, попадающего в зону отчуждающего пользования, создает возможность его психологической эксплуатации, своего рода перцептивного насилия.

Эмоциональным фоном самого действия насилиственного вторжения в чужое пространство выступает как чувство страха быть застигнутым, так и чувство удовольствия. По Фрейду, смешанное чувство “Angstlust” является очень продуктивным, так как обеспечивает психологический доступ к сути явлений.

В художественном дискурсе немецкоязычного романа 1980–1995 гг. проигрываются разные формы проявления вуайеризма. Аудитивная форма вуайеризма актуализируется в дискурсе современного феминизма. Австрийская писательница Эльфриде Елинек в романе «Перед закрытой дверью» (“Die Ausgesperrten”, 1980) в шифрах «жесткого» реализма описывает жизнь четырех подростков из социально неблагополучных семей. От скуки и монотонности жизни, от невнимания родителей они сгруппировались в банду. Их влечет «криминальная романтика». Они хотят обрести власть над людьми, чтобы наслаждаться их страхом и унижением. Вместо этого они сами попадают в зону насилия со стороны взрослых. Пружиной действия романовых событий становится фигура вуайериста, «идейного вождя» банды Райнера. Ненависть подростка к родителям провоцируется самими же родителями. Отец Райнера, одаренный фотограф обнаженных натур, тиранил свою супругу, которая не испытывала материнской привязанности к своим детям и не заботится о хозяйстве. Отец Рай-

нера ежедневно привлекает сына к «разговорам по душам». Так подросток становится пассивным слушателем откровенных излияний отца об извращенных сексуальных отношениях с собственной женой. Злоба к родителям, сексуальные отношения которых напоминают Райнера «спаренных тараканов», достигает своего предела. Елинек описывает в finale своего романа жестокое убийство подростком всех членов своей семьи. Писательница выносит суровый приговор современному обществу, социальная система которого базируется на принципе «тотальной прозрачности». Предельно секуляризованное общество срывает покров с «тайны полов», что порождает не только «войну полов», но и войну поколений, ненависть и злобу, неоправданную жестокость по отношению к другим.

О невозможности проявления истинных чувств – любовных, дружеских, материнских – в обществе тотального потребления с болью и сарказмом говорит Елинек в другом своем романе. В романе «Пианистка» (“Die Klavierspielerin”, 1983) мы найдем классическую фигуру вуайериста, получающего сексуальное удовольствие от подсматривания за другими. Описывая сложные, любовно-агрессивные отношения между матерью и дочерью, между мужчиной и женщиной, писательница с горечью отмечает, что современный человек не способен давать и получать истинные наслаждения от жизни во всей ее полноте. Тело современного человека, предельно отчужденное от человека и обреченное на одностороннюю коммуникацию, никогда не знает истинных наслаждений. Героиня романа Эрика вынуждена довольствоваться лишь суррогатными формами наслаждения [2], получаемыми не от тела, а от самого акта подсматривания. Днем Эрика преподает музыку в Венской консерватории, а по вечерам ходит на порнографические фильмы или ведет постоянные наблюдения через окуляры бинокля за работой проституток.

Ненасытным взглядом наделяется герой другого романа Елинек «Похоть», (“Lust”, 1989). Директор бумажной фабрики Герман, из-за боязни заразиться смертельной болезнью в публичном доме, превращает тело собственной жены Гертры в полигон испытаний своих неуемных сексуальных фантазий и желаний. Романые «события», эпизоды Елинек выстраивает в формате перечисления сексуальных актов (всего в романе их 47) как картинок из порнографического журнала. Для удовлетворения своих потребностей «домашний монстр» Герман повсюду настигает свою супругу. Драма Гертры заключается в полном отсутствии приватного пространства (“Die Frau hat keinen Ort”). Она лишена даже самой возможности создавать собственное пространство для жизнедеятельности, выстраивать свои отно-

шения с супругом и сыном. «Всевидящее око» директора, его непристойный взгляд держит Герту под постоянным контролем. Своим взглядом он пожирает ее, рисуя в своем воображении аппетитные блюда. Здесь выявляются дополнительные коннотации вуайеризма как одной из форм проявления ритуального каннибализма. В «шифрах» натурализма, в гротесковой форме Елинек передает привилегированное положение мужчины в современном обществе потребления («фаллоцентризм», по Лакану). В поле всевидящего мужского взгляда женщина превращается в предмет его похоти, в сексуальную игрушку, в предмет потребления.

Фигура современного вуайериста проигрываеться и в ироническом контексте романа немецкого писателя Кристиана Крахта “Faserland” (1995). Автор помещает своего героя в непростую ситуацию испытания. Пошлые светские туловища, пьяные и наркотические оргии как некое социальное и духовное блудилище – на них герой чувствует свою «раздетость» и незащищенность. Так, однажды он становится невольным свидетелем сцены групповой оргии и чуть ли не соучастником одной «содомской» вечеринки, напоминающей ему ведьминский шабаш. Случайно он оказывается на скандально известном острове Миконос, где на nudistском гей-пляже сразу же попадает под «обстрел» множества жадных взглядов обнаженных мужчин среднего возраста. В своем романе Крахт с горькой иронией говорит о последствиях сексуальной революции в Европе, о политической толерантности и «площадах» мультикультурализма. Современный человек получил право на личное пространство и на официально принятые в культуре способы канализации своих сексуальных желаний – стриптиз, представления варьете, порнопродукция, гей-клубы, nudistские пляжи и т. п. [3] Результатом же этих свобод стали сексуальные и наркотические оргии, откровенный разврат и духовная пустота целого поколения молодых.

Необычный образ рафинированного подслушивателя создает Марсель Байер в романе «Летучие собаки» (“Flughunde”, 1995). Здесь автор выводит персонаж загадочного господина Германа Карнау. Высокий профессионал своего дела, акустик, звукооператор господин Карнау становится уникальным и единственным свидетелем драмы, разыгравшейся в бункере фюрера 1 мая 1945 г. Драма в бункере, не раз описанная в исторической литературе и публицистике, получает у немецкого автора неожиданную интерпретацию. События второй мировой войны в нацистской Германии – на полях сражения, в закрытых научных лабораториях, в личной жизни семейства Геббельса – помещаются в «акустическую рамку» («телефония фашизма») [4].

В начале своей «акустической карьеры» господин Карнау занимается подслушиванием официально. Он записывает выступления политиков и вождей Рейха, их речи на парадах и обращения к народу, голоса и звуки внешнего мира. Однако постепенно акустические приборы обретают над Карнау почти мистическую власть. Благодаря более совершенной звукозаписывающей технике он получает возможность вторгаться и в самое сокровенное пространство другого человека. Процедура тайного подслушивания увлекает его, доставляет ему истинное наслаждение. Позиция вненаходимости и непогрешимости, задаваемая акустической техникой, позволяет ему теперь осуществлять почти неограниченную власть над другими, тайно проникать во внутреннее пространство других. Его дерзкий план – составить полный атлас голосов и оттенков человеческого голоса – определяет его этическую установку, когда «все дозволено». Как зверь, он идет по следу; как охотник, он терпеливо сидит в акустической засаде. Он жадно картографирует весь спектр проявлений человеческого голоса. С микрофоном в руке он проникает в любое пространство человеческого существования – в пространство животной радости (записи из фронтового борделя), в пространство боли (медицинские эксперименты над пленными, избиения во время допросов), даже в пространство смерти (предсмертные стоны и хрипы солдат на полях сражения). В романе автор недвусмысленно говорит о всемогущей власти современных средств информации и их всепроникающей силе.

Масштабной фигурой вуайериста выступают сами средства массовой информации. Они – подглядыватели, подслушиватели и наблюдатели – в одном лице. Бесцеремонно вторгаясь не только в приватное пространство человека, но и в его сокровенно-личное пространство Смерти, они всегда заинтересованы в больших Спектаклях, оказывающих на публику шокирующее действие. Реальные события в реальном времени подаются, записываются, транслируются через глазок телекамеры (Поль Вирило).

Массмедиевые стратегии по созданию грандиозных Спектаклей отражает в своем романе «Венский бал» (“Opernball”, 1995) [5] австрийский писатель Йозеф Хазлингер. Герой его романа, известный тележурналист, в прямом эфире видит смерть собственного сына. Во время ежегодного светского бала в Венской опере происходит крупный террористический акт. Концертный зал заполняется ядовитым газом, все присутствующие погибают – и всё это в прямом эфире транслируется на многие страны. В числе погибших и оператор по имени Фред – сын известного телерепортера крупного европейского телеканала. Этот роман, написанный в стиле телерепортажа с места событий, читается

сегодня как пророчество катастроф в прямом эфире: события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и захват-штурм «Норд-Оста» 2004 г.

Отец погибшего оператора занят расследованием. Он идет по следу, реконструирует по телевидению страшные события и факты гибели сына. В его распоряжении репортаж страшных событий в реальном времени. Современная техника сохранила весь видео- и звуковой ряд с изображениями и голосами преступников и жертв, «протоколы страшных минут». Постепенно, все глубже погружаясь в расследование обстоятельств, приведших к смерти сына, отец Фреда приходит к ошеломляющим выводам. К ужасному преступлению могут быть причастны весьма влиятельные массмедиийные фигуры общеевропейских телеканалов, которые, поддавшись соблазну увеличить рейтинги и одержать победу в конкурентной борьбе, разыгрывают этот Спектакль в прямом эфире. Версию журналиста подтверждает единственный выживший террорист (в тот вечер он был оставлен дома, чтобы поддерживать связь). Концовка романа не вполне прозрачна (что делает его особенно реалистичным): преступники так и остаются за кадром. Ясно только, что за действиями террористов стоит некая таинственная структура, так и не названная в романе.

В романе «Венский бал» Йозеф Хазлингер смоделировал ситуацию бесконтрольного и всесильного института Массмедиа, неограниченная власть и возможности которого позволяют управлять не только одним государством, но и всем человечеством. Сила этого нового Института власти, откровенно фашистского толка, заключается в уничтожении границ. Новый тип общества и культуры – откровенно тоталитарный – диктует человеку стремление сделать свою жизнь прозрачной для других. Через техноструктуры человек впускает в свое частное пространство «виртуальное сообщество», которое замещает его реальное общение с живыми людьми. Это радикально преобразует восприятие мира и Другого, всю среду человеческого бытия.

Примечания

1. *Ästhetik des Voyeur*. Hrsg. von Lydia Hartl, Yasmin Hoffmann, Walburga Hülk, Volker Roloff – Ästhetik des Voyeur. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2003. 185 s.

2. *Hartwig, I.* Schwere Arbeit am Monument des Sexus. Über Elfriede Jelinek "Lust" // Hartwig I. Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur. Herausgeber Heinz Ludwig Arnold. XI. 2007, № 117. S. 74–84.

3. Молок Н. Ю. Качели Фрагонара. Вуайеризм и реформа видения в эпоху Просвещения // Молок Н. Ю. Из истории классического искусства Запада. М., 2003. С. 166–173; Ostermann E. Metaphysik des Faschismus. Zu Marcel Beyers Roman "Flughunde" // Ostermann E. Literatur für Leser 24 (2001). Heft 1. S. 1–13.

4. Segeberg H. Literatur im Medienalter. Literatur, Technik und Medien seit 1914. // Harro Segeberg. Darmstadt. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. S. 322.

УДК 821.111

М. Ю. Черномазова

ГОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЦИКЛЕ «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ РАССКАЗЫ» Ч. ДИККЕНСА

При написании данной статьи была поставлена следующая цель: опираясь на текст «Рождественских рассказов» Ч. Диккенса, дать представление о том, какое отражение в данных произведениях нашли традиции готической литературы. В работе осуществлена попытка доказать, что использование готических традиций – не литературоведческое вычленение, а элемент поэтики Ч. Диккенса, необходимый ему для решения собственной художественной задачи. Сочетание реалистического изображения с ярко подчёркнутыми фантастическими готическими элементами отличает эти рассказы. Таким образом, цикл «Рождественские рассказы» представляет собой уникальный синтез реального, мистического и библейского.

The author analyses Ch. Dickens' "The Christmas Books" from the point of view of gothic traditions reflected in it. These traditions are viewed upon as an essential element of the writer's poetics. The gothic is considered in the article as combined with realistic representation and the cycle of "The Christmas Books" as a unique synthesis of realistic, mystical, and biblical elements.

Ключевые слова: готические традиции, Ч. Диккенс, рождественские рассказы, сказочная фантастика.

Keywords: gothic traditions, C. Dickens, Christmas tales, fairy-tale fantasy.

В творчестве Ч. Диккенса, многообразном и неповторимом, особую роль играют произведения, созданные им в жанре рождественского рассказа. Впервые писатель создаёт подобное произведение за полгода до своего отъезда в Италию. Это был небольшой рассказ «Рождественская песнь в прозе» (1843). Затем появляются «Колокола» (1844), «Сверчок за очагом» (1845), «Битва жизни» (1846), «Одержимый, или Сделка с Призраком» (1848). Вместе они составили цикл «Рождественские рассказы». Цикл рождественских рассказов построен «по принципу прямого сочетания реалистического повествования и сказочной фантастики» [1]. В каждом из названных произведений присутствуют готические мотивы. Они часто переплетаются с мотивами сказочно-фантастической литературы, в рассказах довольно ярко выражен мистический элемент, связанный со сверхъестественным.

Первое из цикла рассказов произведение «Рождественская песнь в прозе» схоже со сказочной историей из «Записок Пиквикского клуба». Там рассказывается история о могильщике,

ЧЕРНОМАЗОВА Мария Юрьевна – аспирант кафедры всемирной литературы МПГУ
© Черномазова М. Ю., 2009

которого унесли эльфы. Он раскаивается под влиянием тех видений из прошлого, которые они ему показывают. Эта история является своеобразным прототипом «Рождественской песни». Однако героем рождественской истории оказывается не просто мрачный, нелюдимый человек, а определённый социальный тип. Скрудж угрюм, подозрителен. Его душа холодна и черства, и даже в канун Рождества в нём не пробуждается человеческого тепла и любви к ближнему. В своём ожесточении на всех, в своей нелюдимости и одиночестве Скрудж теряет нормальный человеческий облик.

Жанр святочного рассказа оказался очень удобной повествовательной формой. Диккенс создаёт произведение, овеянное атмосферой кануна Рождества. Это время, когда Добро торжествует. Именно в атмосферу Рождества помещает Диккенс своего персонажа, чтобы показать, что даже такой человек, как Скрудж, способен измениться, возродиться. Такое возрождение происходит после того, как Скруджа посещает призрак его умершего компаньона Марли, который говорит Скруджу, что тот ещё может изменить свою жизнь, впустив в неё добро и милосердие.

«Ужасное», сверхъестественное, нашедшее своё воплощение в произведениях готической литературы, выражено в рассказе посредством введения привидений, духов, чьё вмешательство в жизнь Скруджа должно привнести в неё Добро. Вот эпизод, в котором перед Скруджем появляется призрак Марли: «Скрудж, вставив ключ в замочную скважину, внезапно увидел перед собой не колотушку, а лицо Марли <...> Оно не утопало в непроницаемом мраке, как все остальные предметы во дворе, а напротив того – излучало призрачный свет, совсем как гнилой омар в тёмном погребе. Оно не выражало ни ярости, ни гнева, а взирало на Скруджа совершенно так же, как смотрел на него покойный Марли при жизни, сдвинув свои бесцветные очки на бледный, как у мертвеца, лоб. Только волосы как-то странно шевелились, словно на них веяло жаром из горячей печи, а широко раскрытые глаза смотрели совершенно неподвижно, и это в сочетании с трупным цветом лица внушало ужас» [2]. Такие метаморфозы с колотушкой отсылают нас к «Золотому горшку» Гофмана, к романтическим традициям, а само описание призрака явно тяготеет к традициям готической литературы.

Сkitание, блуждание призрака Марли – кара за его земную жизнь. Марли – двойник Скруджа. За своё бессердечие он наказан и обречён на вечные скитания по земле. Призрак Марли сообщает Скруджу, что его должны посетить три Духа (Дух Прошлых Святок, Нынешних и Будущих Святок), которые покажут ему его счастливое прошлое, печальное настоящее и страшное

будущее. Фантастике, мистике, которая была интересна романтикам, а в творчестве предромантиков играла ключевую роль, Диккенс отводит в своём творчестве особое место, используя эти «готические» элементы для решения собственной художественной задачи.

В духе сказочного повествования выдержано описание Призраков, явившихся Скруджу. Таково описание Духа Прошлых Святок: «Скрудж увидел перед собой очень странное существо, похожее на ребёнка, но ещё более на старишку, видимого словно в какую-то сверхъестественную подзорную трубу, которая отдала его на такое расстояние, что он уменьшился до размеров ребёнка. Его длинные, рассыпавшиеся по плечам волосы были белы, как волосы старца, однако на лице не видно было ни морщинки и на щеках играл нежный румянец» [3]. Не менее сказочно выглядит и Дух Нынешних Святок, добрый великан, напоминающий сказочного героя: «Дух был одет в простой темно-зелёный балахон, или мантию, отороченную белым мехом <...> Ступни, видневшиеся из-под пышных складок мантии, были босы, и на голове у Призрака тоже не было никакого убора, кроме венчика из остролиста, на котором сверкали кое-где льдинки» [4]. В своей работе «Рождественские сказки» французский писатель и публицист Ален справедливо замечает: «Сверхъестественное у Диккенса – Дух, существо, увлекающее человека в полёт над миром. Метафора поистине великолепна, ибо картины прошлого, настоящего и будущего рождены фантазией Духа <...> В этом творении главная фигура – воплощение святок, Дух, кропящий маслом из своего светильника жилища и праздничные кушанья. Явление пришельца порождает многочисленные символы, и все они возвышены» [5].

Сказка и фантастика (тяготеющая в большей степени к мистике, наследующая именно традиции готической литературы) сосуществуют в художественной системе Диккенса. Примечательно, что в творчестве предромантиков страшные истории, ужасы, фантастика «разрабатывались как игра ощущениями» [6]. Главной целью для писателей этого направления являлось создание жуткой атмосферы сверхъестественного, которая придаёт ужасам пугающую жизненность. Основной функциональной характеристикой готического романа было шокировать, вызвать сильное эмоциональное потрясение. Для Диккенса назначение готики заключалось в ином. Использование готических элементов связано непосредственно с расстановкой нравственных акцентов.

Вспомним описание Духов Прошлых и Нынешних Святок. Сказочное повествование привлечено здесь для утверждения мысли о красоте, могуществе Добра. Но в совершенно ином плане говорит писатель о Духе Будущих Святок. Явле-

ние его Скруджу становится кульминационным моментом повести, окончательно производящим перелом в сознании персонажа. Именно после посещения с Призраком кладбища, когда Скрудж увидел на надгробной плите своё имя, он осознал весь ужас того, что его ждёт. Скрудж спрашивает Призрака о том, что виднеется из-под края его одежды. Он принимает это за птичью лапу. Но когда Дух «откинул край мантии, глазам Скруджа предстали двое детей – несчастные, заморенные, уродливые, жалкие и вместе с тем страшные <...> Это были мальчик и девочка. Тощие, мертвенно-бледные, в лохмотьях, они глядели исподлобья, как волчата, в то же время распластываясь у ног Духа в унизительной покорности. Нежная юность должна была бы цвести на этих щеках, играя свежим румянцем, но чья-то дряхлая, морщинистая рука, подобно руке времени, исказила кожу, обвисшую как тряпка.

“Имя мальчика – Невежество. Имя девочки – Нищета, – говорит Призрак. – Остерегайся обоих и всего, что им сродни, но пусть всего берегись мальчишки, ибо на лбу у него начертано “Гибель” и гибель он несёт с собой, если эта надпись не будет стёрта”» [7].

Мрачный, зловещий колорит этого эпизода никак, казалось бы, не согласуется со сказочным, добрым описанием, которое ему предшествует. Диккенс использует готические элементы для решения собственной художественной задачи. Страшное, мистическое необходимо здесь писателю для того, чтобы углубить конфликт, показать яркость контраста между добром и злом. Основная идея и мораль этого рождественского рассказа в том, что никогда не поздно исправиться, воскресить в своей душе все доброе.

В ином ключе были созданы Ч. Диккенсом «Колокола». Здесь сказочно-фантастическое уступает место мистически-религиозному. «Трезвон колоколов вызывает к жизни фантастические видения, которыми упивается Трухти. Этих видений не было бы без колоколов, которые заставляют нас забыть о суетном мире и создают богатую основу, расцвечиваемую фантазиями...» [8]. События рассказа начинают разворачиваться на фантастическом фоне: «Вверху на колокольне старой церкви, много выше огней и глухих шумов города и много ниже летящих облаков, бросающихся на него свою тень, – вот где уныло и жутко в зимнюю ночь; и там вверху, на колокольне одной старой церкви, жили колокола, о которых я поведу рассказ» [9].

Лейтмотивом рассказов «Рождественская песнь» и «Колокола» становится духовное возрождение человека, которое происходит под влиянием тех видений, которые показывают ему Духи. И если Скрудж «просыпается добряком, то Тоби просыпается гордым человеком, ни за

что не согласным поступиться хотя бы самой маленькой долей своего человеческого достоинства и права на счастье» [10]. Не только это объединяет два произведения, но и счастливый финал, в котором Добро торжествует, персонаж приходит к гармонии с самим собой. Но «Колокола» отличает большая трагичность. В целом для повести характерен мрачный колорит и напряжённость сюжета.

В «Колоколах» Духи не просто предстают перед заворожённым героем, а, наоборот, Тоби сам идёт к ним, потому что слышит, как они, «призрачные, тёмные, немые», зовут его. Ночью он один взбирается на колокольню. Придя в себя после потери сознания, Тоби видит совершенно фантастические вещи, происходящие вокруг него: «Он видел, что башня, куда его занесли завороженные ноги, киша кишит крошечными призраками, эльфами, химерами колоколов. Он видел, как они непрерывно сыпаются из колоколов – вылетают из них, высекиваются, падают» [11].

Видение этих призраков было своеобразной прелюдией к появлению перед Тоби Духов церковных колоколов. Появление их столь же торжественно, как и в «Рождественской песне», но описание отличается большей мистической окраской и абстрактностью изображения: «...старый Тоби заметил в каждом колоколе бородатую фигуру такой же, как колокол, формы и такую же высокую. Таинственные, грозные фигуры! Они ни на чём не стояли, но повисли в ночном воздухе, и головы их, скрытые капюшонами, тонули во мраке под крышей. <...> Снова и снова неизъяснимый ужас, притаившийся на этой уединённой вышке, где властвовала дикая, жуткая ночь, касался его как ледяная рука мертвеца» [12]. Обвинения Духов Колоколов звучат в адрес Тоби, как заклинание: «<...> Кто услышит в нашем звоне пренебрежение к надеждам и радостям, горестям и печалим многострадальной толпы; <...> Кому слышится, будто мы вторим слепым червям земли, упразднителям тех, кто придавлен и сломлен, тот грешит против нас. И в этом грехе ты повинен» [13]. Тоби слышит детский голос, голос его дочери Мэг: «Дух твоей дочери, – сказал Колокол, – оплакивает мёртвых и общается с мёртвыми – мёртвыми надеждами, мёртвыми мечтами, мёртвыми грёзами юности; но она жива» [14]. Спутником Тоби оказывается призрак дней прошедших и грядущих, что явно отсылает к сюжету «Рождественской песни». Далее перед Тоби предстаёт страшная в своей реальности картина жизни его дочери, которая ждала бы её, если бы она поступилась своими принципами, чувствами, изменила бы себе, послушав «совета» оддермена.

Сочетание реалистического изображения с ярко подчёркнутыми фантастическими и даже

мистическими элементами отличает этот рассказ. В «Колоколах» Диккенсставил перед собой иные задачи. Перед нами не просто миф о семейном очаге и уюте, который играет самую существенную роль в произведениях Диккенса, являясь неотъемлемой частью поэтики писателя. Диккенс использует в рассказе скрытые библейские цитаты, в том числе из Откровения Иоанна Богослова, которые требуют расшифровки и привносят мысль о возрождении, очищении и новой жизни. Таким образом Диккенс начинает главу о том, как Тоби, потеряв сознание на колокольне, постепенно приходит в себя, и окружающий мир начинает приобретать для него реальные и в то же время фантастические очертания: «Темны тяжёлые тучи и мутны глубокие воды, когда море сознания, пробуждаясь после долгого штиля, отдаёт мёртвых, бывших в нём (курсив наш. – М. Ч.)» [15]. Эта фраза отсылает нас к строкам из Апокалипсиса: «И увидел я мёртвых, малых и великих, стоящих перед Богом. Тогда отдало море мёртвых, бывших в нём, и смерть и ад отдали мёртвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» (20,12 – 20,13). Умерев во сне, в своих видениях, и пробудившись от них для новой жизни, Тоби словно проходит обряд причащения и отпущения грехов.

Таким образом, рассказ «Колокола» представляет собой уникальный синтез реального, мистического и библейского.

«Сверчок за очагом» – в большей степени сказочно-фантастическое произведение Диккенса. Стиль рассказа близок к сказочному. Это обусловлено и символическим образом Сверчка (гения домашнего очага), и характерным началом второй песни (по типу «жили-были»). Исследователь творчества Ч. Диккенса И. М. Катарский пишет о том, что «“Рождественские рассказы” носят определённо сказочный характер. Только средства сказки дают возможность писателю показать мечту осуществившейся, изобразить полное торжество справедливости» [16]. В духе сказочного злодея выдержан образ фабриканта игрушек Теклтона: «Он приходил в восторг от страшных масок, от противных лохматых красноглазых чертей, высекающих из коробочек, от бумажных змеев с рожами вампиров, от демонических акробатов, не желающих лежать спокойно и вечно проделывающих огромные прыжки, до смерти пугая детей. Всё, что напоминало кошмар, доставляло ему наслаждение. Дошло до того, что он однажды просадил уйму денег, фабрикуя, себе в убыток, жуткие диапозитивы для волшебного фонаря, на которых нечистая сила была изображена в виде сверхъестественных крабов с человеческими лицами» [17]. Как в любой сказке, силам зла противостоят силы света, олицетворением которых

в рассказе становятся Сверчок и феи (духи домашнего очага), которые появляются перед Джоном Пирибинглом в момент гнева ревности к неизвестному, остановившемуся в его доме: «Но вдруг тлеющие угли вспыхнули, залили весь очаг ярким светом, и застрекотал сверчок! <...> Он отшатнулся от двери, как лунатик, разбуженный во время страшного сновидения, и отложил ружьё в сторону. Закрыв лицо руками, он снова сел у огня, и слёзы принесли ему облегчение. Но вот сверчок вышел из-за очага и представил перед Джоном в образе сказочного призрака <...> Из кирпичей очага, из дымохода, из часов, трубы, чайника и колыбели; с пола, со стен, с потолка и лестницы; из повозки во дворе, из буфета в доме и всей хозяйственной утвари; из каждой вещи и каждого места <...> толпой появились феи» [18].

Сказочная фантастика рассказа призвана подчеркнуть идею произведения: гуманность и душевная красота одних, воздействуя на чёрствость и эгоизм других, приводят к всеобщему счастью и взаимному пониманию.

«Битва жизни» лишена сказочного колорита. Доминирующим здесь становится мотив тайны, ожидания, которые держат читателя в напряжении до самого финала рассказа. Здесь Диккенс отчётливо близок к традициям повествования А. Рэдклиф. «Существенным достижением в творчестве Рэдклиф, – пишет Н. А. Соловьёва, – было умелое освещение отдельных сцен, способствующее нагнетанию драматизма в повествовании. Напряжение достигает крайнего предела, подчиняет себе характер и становится главным мотивом повествования» [19].

Так же, как и в романах А. Рэдклиф, в рассказе «Битва жизни» тайна, окружающая исчезновение Мэрьон, раскрывается в finale. И так же, как и А. Рэдклиф, Ч. Диккенс прибегает к приёму обманутого ожидания. На протяжении всего повествования читатель уверен, что Мэрьон сбежала из родного дома, а печальный, почти траурный вид Майкла Уордна позволяет думать, что она умерла.

Можно говорить о том, что отсутствие сказочных элементов и фантастики компенсируется в этом рождественском рассказе нагнетанием атмосферы таинственности. После выхода «Битвы жизни» Диккенса упрекали в излишней мелодраматичности и сентиментальности. Разгадка тайны не соответствует нашим ожиданиям. Быть может, это происходит оттого, что мы скорее готовы поверить в преступление, чем представить себе ту душевную борьбу, которая привела Мэрьон к самопожертвованию. Рассказ «Битва жизни» (как и «Сверчок за очагом») проникнут идеей самопожертвования и жизненного смирения.

«Одержимый, или Сделка с Призраком» подводит итог размышлению, высказанным на стра-

ницах рождественских рассказов, и становится своего рода апофеозом Добра, Истины, Любви. Свет и Тьма, Добро и Зло, Милосердие и Жестокость, Любовь и Равнодушие сталкиваются в мире, созданном на страницах рассказа.

Начало произведения явно отсылает нас к «Фаусту» В. Гёте. Редлоу – учёный-химик, профессор, которого посещает Призрак. Т. И. Сильман пишет, что рассказ «Одержимый» (другой перевод названия – «Духовидец») «по своему сюжету примыкает к “готической” традиции экспериментально-философских романов» [20]. Исследовательница говорит о том, что рассказ Диккенса был задуман как философское произведение. Но и все другие рождественские рассказы (каждый в контексте заданной в нем темы) раскрывают ту или иную философскую проблему Бытия и Человека в нём.

Практически вся первая глава рассказа «Одержимый» нагнетает атмосферу ужаса, уныния и одиночества. Описание внешности Редлоу, его жилища – всё окрашено в мрачные, готические тона: «Увидав его впалые щёки, его блестящие глаза, глубоко ушедшие в орбиты, всю его фигуру в чёрном, его тронутые сединой волосы, падающие на лоб и виски подобно спутанным водорослям, кто не сказал бы, что это человек одержимый? <...> Жилище его – в заброшенном крыле старинного колледжа – так угрюмо и так напоминает склеп...» [21]. Несколько раз повторенная фраза «Мрачные тени сгостились позади него...» подготавливает к появлению из темноты чего-то неведомого: «Мрачные тени сгостились позади него <...> И постепенно они стали напоминать <...> некое пугающее подобие его самого. Безжизненные и холодные, свинцово-серого цвета руки, в лице ни кровинки – но те же черты, те же блестящие глаза и седина в волосах, и даже мрачный наряд <...> таким возникло оно, без движения и без звука обретя устрашающую видимость бытия» [22].

Редлоу и Призрак заключают сделку, согласно которой учёный получает в дар способность забывать тяжёлое прошлое. Мотив сделки отсылает нас к роману Ч. Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец». Восприняв поначалу этот дар как величайшее счастье, Редлоу вскоре понимает, что это одновременно и его проклятие. Все, с кем он соприкасается, заражаются этой «способностью», становятся чёрствыми, эгоистичными и равнодушными к людям и их чувствам.

Выше уже говорилось о способности Диккенса удивительно гармонично сочетать различные художественные планы. Так, в «Колоколах» писатель объединяет фантастическое описание с библейским мифологическим подтекстом. То же мы можем наблюдать и в последнем из рождественских рассказов. В образе Милли воплотилось светлое ангельское начало, она приносит с собой любовь и добро. Умение любить, умение прощать, ценить каждый прожитый день и всегда, во всех ситуациях оставаться Человеком – это для Ч. Диккенса является главной жизненной ценностью.

В каждом произведении из цикла «Рождественских рассказов» включение готических элементов преследует всякий раз разную цель в зависимости от того, какую мысль хочет донести до своего читателя автор. Готика выполняет следующую задачу: она призвана показать, как меняется человек, его мысли, поступки под воздействием на него потусторонних, сверхъестественных сил.

Примечания

1. Ивашева В. В. Творчество Диккенса. М., 1954. С. 472.
2. Диккенс Ч. Рождественские рассказы // Диккенс Ч. Собр. соч.: в 30 т. М., 1959. Т. 12. С. 17.
3. Там же. С. 31.
4. Там же. С. 50.
5. Берковский Н. Я. Статьи и лекции по зарубежной литературе. СПб., 2002. С. 130.
6. Сильман Т. И. Диккенс. Очерки творчества. Л., 1970. С. 375.
7. Диккенс Ч. Указ. соч. С. 74.
8. Ален (Эмиль Огюст-Шартье). Рождественские сказки // Тайна Чарльза Диккенса (Библиографические разыскания) / сост. Е. Ю. Гениева. М., 1990. С. 266.
9. Диккенс Ч. Указ. соч. С. 104.
10. Сильман Т. И. Указ. соч. С. 198.
11. Диккенс Ч. Указ. соч. С. 151.
12. Там же. С. 152–153.
13. Там же. С. 154–155.
14. Там же. С. 156.
15. Там же. С. 150.
16. Катафский И. М. Диккенс (Критико-биографический очерк). М., 1960. С. 117.
17. Диккенс Ч. Указ. соч. С. 216.
18. Там же. С. 262–264.
19. Соловьёва Н. А. У истоков английского романтизма. М., 1988. С. 97.
20. Сильман Т. И. Указ. соч. С. 205.
21. Диккенс Ч. Указ. соч. С. 393–394.
22. Там же. С. 412.

Т. Н. Шмелева

ОБРАЗ МУЛАТКИ В НОВЕЛЛАХ КЕЙТ ШОПЕН «ДИТИ ДЕЗИРЕ» И «ПРЕКРАСНАЯ ЗОРАИДА»

Анализируются особенности интерпретации образа «трагической мулатки» в ранних новеллах Кейт Шопен «Дитя Дезире» и «Прекрасная Зораида».

The article deals with the peculiarities of interpretation of «tragic mulatto» in Kate Chopin's early short stories "Desire's Baby" and "La Belle Zoraide".

Ключевые слова: интерпретация, образ «трагической мулатки», «Дитя Дезире», «Прекрасная Зораида».

Keywords: interpretation, «tragic mulatto», «Desire's Baby», «La Belle Zoraide».

Новеллы американской писательницы Кейт Шопен (1850–1904) «Дитя Дезире» (*Desire's Baby*, 1892) и «Прекрасная Зораида» (*La Belle Zoraide*, 1893) из ее первого сборника «Люди дельты» (*Bayou Folk*, 1894) являются тем редким исключением, когда она обращается к событиям прошлого, к жизни плантаторского Юга. Культуру и идеологию довоенного Юга отличала строгая иерархия, согласно которой белые доминировали над афроамериканцами, мужчины – над женщинами. Новеллы Шопен рассказывают о судьбах заглавных героинь в исторической ситуации тех лет, и критики единодушно относят их к категории «трагических мулаток» (*«tragic mulatto»* – один из стереотипов изображения афроамериканцев) [1].

«Дитя Дезире» – одна из самых популярных новелл сборника «Люди Дельты». В американской литературной критике в качестве центральной проблемы этой новеллы рассматривают проблему чистоты крови. У этого есть объективное основание: Шопен была первой из американских писателей, кто обратился к этой теме. Характер повествования близок притче. Богатая бездетная чета Вальмонд нашла белокурую девочку-подкидыша. Они были необычайно рады этому, назвали ее *Desire* («желанная») и воспитали как родную дочь. Девушка выросла «красивой, доброй, ласковой и искренней, Вальмонды ее обожали» (*“beautiful and gentle, affectionate and sincere, – the idol of Valmonde”*) [2]. Дезире выходит замуж за соседа Армана Обиньи, наследника богатого плантаторского рода. У их ребенка вскоре после

рождения проявляются негроидные черты, что является несмыываемым позором для властного рабовладельца Армана. С этого момента его отношение к Дезире меняется. Он холоден, груб и жесток со своей молодой красавицей женой, которая тяжело приходит в себя после родов. Ни-чего не понимающая Дезире догадывается о причинах происходящего, только заметив черты сходства у своего ребенка и маленького слуги-квартерона, сына рабыни Ля Бланш, к которой часто наведывается Арман. Потребовав от мужа объяснений, Дезире слышит свой приговор: «Это значит... что ребенок не белый, это значит, что ты не белая» (*“It means ... that the child is not white; it means that you are not white”*) [3]. Напрасно Дезире говорит о своих серых глазах и белоснежной коже. На это Арман холодно отвечает, что ее кожа «такая же белая, как у Ля Бланш». Дезире забирает ребенка и уходит из дома, где ей больше нет места. Она исчезает в болотистых зарослях залива. Арман стремится уничтожить все, что напоминает ему о жене и ребенке. Если раньше его бурное чувство к Дезире сравнивалось с жарким огнем прерий (*“a prairie fire”*), то теперь он разводит костер во дворе (*“a great bonfire”*), в который летит колыбелька младенца, платье и вышивки Дезире. Прием повествовательной симметрии подчеркивает внутреннюю трансформацию героя, зыбкость счастья и человеческих чувств. Избавляясь от вещей Дезире, Арман на дне одного из ящиков письменного стола находит письмо своей покойной матери. Последнее предложение новеллы, как это часто бывает у Шопен, меняет смысловую перспективу. Из письма Арман узнает, что его мать «принадлежит к расе, заклейменной печатью рабства» (*“belongs to the race that is cursed with the brand of slavery”*) [4]. Финал произведения приобретает черты морального поучения. Трудно не согласиться с замечанием американской исследовательницы Э. Пил, что Дезире выполняет в новелле «функцию зеркала», оказавшись рядом с которым герой осознает свою внутреннюю сущность [5].

Без сомнения, расовая проблематика является основной в новелле. Тем не менее, представляется, что немалое значение в развитии конфликта имеет гендерная составляющая. Главная героиня Дезире является собой идеал настоящей «феминности». Как верно замечает американская исследовательница Б. Юэлл, Дезире «чрезвычайно пассивна» (*“essentially passive”*) [6]. Действительно, вся логика событий подтверждает это наблюдение. Все происходит помимо воли Дезире. Ее находит чета Вальмонд, в нее влюбляется Арман, его настроение наполняет ее то радостью, то страхом (*“When he frowned she trembled, but loved him. When he smiled, she asked no greater blessing of God”*) [7]. Даже само ее имя выражает

чужую интенцию. Физическая хрупкость и добный нрав также являются ее отличительными чертами.

Особый смысл имеет речь Дезире. Здесь следует вспомнить Эдвина Арденера, который, опираясь на идеи Мишеля Фуко, предложил теорию «молчащих групп». Согласно этой теории, женщины (одна из «многих молчащих групп») либо хранят молчание, либо говорят, но при этом остаются «немыми», так как их мировидение не может быть осознано в доминирующей маскулинной культуре. Это порождает смысловые лакуны в художественном тексте и придает особую важность нелингвистическим знакам социокультурного характера при анализе [8].

Так, Дезире волновало жестокое обращение Армана с рабами. Под влиянием любви к молодой жене Арман стал более мягок с ними. Обрадованная Дезире спешит поделиться этим со своей приемной матерью мадам Вальмонд, однако говорит об этом шепотом. Когда муж меняет свое отношение к ней, становится холодным и даже жестоким, Дезире боится заговорить с ним («she dared not ask him to explain» [9]). В момент решительного объяснения с Арманом Дезире уязвлена равнодушием и пренебрежением с его стороны. Интенсивность ее душевных переживаний передают не ее слова, а манера поведения («tottered», «panted», «cried despairingly», «nerved her with unwonted courage», «laughed hysterically», «asked in tones sharp with agonized suspense»). Молчание героини получает образное выражение в новелле. Страдающая Дезире напоминает «статую: молчаливая, бледная, неподвижная» («stone image: silent, white, motionless» [10]). Знаковым также представляется сравнение Дезире с Ля Бланш, сделанное Арманом. Он сравнивает их цвет кожи, однако подтекст данного эпизода глубже. В действительности статус официальной жены никак не влияет на участь Дезире. Она также бесправна перед мужем-тираном, как и его рабыни.

«Прекрасная Зораида» впервые появилась в журнале «Вог» осенью 1893 г. История Зораиды предстает в форме вставной новеллы, которую рассказывает старая негритянка Манна-Лулу своей госпоже. Светлокожая красавица квартеронка Зораида была камеристкой своей хозяйки, никогда не знала тяжелой работы и даже имела слугу-негритенка. Увидев на площади чернокожего красавца Мезора, танцующего бамбулу, Зораида влюбляется в него. «Стройный как кипарис, с гордым как у короля видом», Мезор пообещал «эбеновой колонне», «величественные движения его великолепного тела» завораживают зрителей («as straight as a cypress-tree and as proud looking as a king», «a column of ebony», «the stately movements of his splendid body» [11]). По мнению

М. М. Кореневой, в данной новелле Шопен «исподволь подрывала господствующие эстетические нормы, задолго предвосхищая лозунг “Черное прекрасно” <...>»¹ Будь эти строки созданы семь-восемь десятилетий спустя, можно было бы сказать, что они вдохновлены «черной эстетикой» [12]. Примечательно, что описание Мезора дано с точки зрения Зораиды, а первотолчком ее чувства становится наполненный пьянящей чувственностью танец. Зораида признается в своей любви к Мезору хозяйке. Однако это признание приводит госпожу в ярость. У нее были другие планы относительно своей самой красивой рабыни, предмета ее гордости. Зораиде и Мезору запретили видеться. Но, как замечает Манна-Лулу своей госпоже: «Вы знаете, какие они негры... Нет такой хозяйки или хозяина, короля или священника, которые могли бы помешать им любить друг друга, если они того хотят. И эти двое нашли способ и средство» («You know how the negroes are... There is no mistress, no master, no king nor priest who can hinder them from loving when they will. And these two found ways and means») [13]. Слова няньки-негритянки подчеркивают общее для рабов отношение к такой ситуации, отличное от понимания господ. За не послушание Зораиду жестоко наказывают. Сначала продают Мезора, затем, когда она приходит в себя после родов, ей сообщают, что ее ребенок умер. Поступками хозяйки движет простой каприз. Она надеялась, что «избавив Зораиду от ребенка, она, таким образом, вернет себе молодую горничную, свободную, счастливую и красивую как прежде» («in thus depriving Zoraide of her child, to have her young waiting-maid again at her side free, happy, and beautiful as of old») [14]. Однако все происходит иначе. Зораида сходит с ума. Свернув старое тряпье наподобие куклы, она баюкает его, называя своей крошкой («piti»). Когда раскаявшаяся хозяйка возвращает ей ребенка, Зораида уже не в силах ничего понять, она только крепче прижимает к груди свой сверток. В своих иллюзиях Зораида стремится к той жизни, которой ее лишили. Мир фантазий оказывается для героини единственным прибежищем от эгоистичного безумия расизма, который ее окружает.

Важной представляется особая роль паралингвистических компонентов в создании женского образа. Женщина в силу своего зависимого положения внутри патриархальных стереотипов культуры лишена собственного голоса. Только когда ситуация выходит за привычные рамки, она получает возможность самовыражения. Однако самовыражение – это сложная духовная работа, связанная с преодолением внутри своего сознания навязанных культурных стереотипов. Поэтому, оказавшись в ситуации, требующей са-

мовыражения, героиня Шопен не может обозначить свою позицию. Она молчит, а все свои эмоции передает интонациями и мимикой. Искренне любя Юг, Шопен, тем не менее, обходится без идеализации, когда обращается к его прошлому. Так, в обеих новеллах звучит беспощадный приговор рабству и расовым предрассудкам. Показательно, что мужчина – господин и собственник не только своих рабов, но и своих дочерей. Такое положение означает диктат его воли, беззащитность перед его гневом. Трагедия как Зораиды, так и Дезире кроется в том, что хотя они и принадлежат разным слоям общества, они одинаково бесправны. В новелле «Прекрасная Зораида» ощущается новое качество прозы писательницы, она делает непривычный для американской литературы акцент на женской сексуальности. Именно неконтролируемое разумом влечение заставляет Зораиду нарушить запрет своей хозяйки. Примечательно, что сексуальность как составная часть женской идентичности впервые рассматривается писательницей только в отношении мулатки. Хотя чувственные переживания героини в значительной степени могут быть оправданы южным темпераментом, сам факт ощущения ею своей сексуальной природы усложняет сложившиеся представления о женщине.

Примечания

1. Например, *Ewell B. C. Kate Chopin. N. Y.: Ungar, 1986; Peel E. Semiotic Subversion in Desire Baby // American Literature. Durham, 1990. Vol. 62. № 2. P. 223–237.*
2. *Chopin K. Bayou Folk and A Night in Acadie. N. Y.: Penguin Books, 1999. P. 81.*
3. *Ibid. P. 84.*
4. *Ibid. P. 86.*
5. *Peel E. Op. cit. P. 228.*
6. *Ewell B. C. Op. cit. P. 70.*
7. *Chopin K. Op. cit. P. 83.*
8. *Анцыферова О. Ю. Извивы феминистского литературоведения // Женщина в российском обществе. 2005. № 3–4. С. 84.*
9. *Chopin K. Op. cit. P. 83.*
10. *Ibid. P. 85.*
11. *Ibid. P. 153–154.*
12. *Коренева М. М. Кейт Шопен // История литературы США: в 4 т. М., 2003. Т. 4. С. 731.*
13. *Chopin K. Op. cit. P. 154.*
14. *Ibid. P. 156.*

УДК 821.111

В. А. Бячкова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ КАК ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ В РОМАНЕ «МИСС МАКЕНЗИ» Э. ТРОЛЛОПА

В статье анализируется использование литературных аллюзий в романе «Мисс Макензи» Э. Троллопа. Автора статьи интересует попытка писателя с помощью литературных аллюзий повлиять на восприятие романа «формальным адресатом», сформировать читательское мнение о персонажах и сюжете романа, поднятой в романе проблеме.

The article examines the use of the literary allusions in "Miss Mackenzie" by A. Trollope. The author of the article is interested in the attempts of the writer to influence the "formal addressee's" perception of the novel with the help of literary allusions, to form reader's opinion of the novel's plot, ideas and characters.

Ключевые слова: автор, читатель, литературная аллюзия, литературный образ, диалог, формальный адресат, герой, ирония.

Keywords: author, reader, literary allusion, literary image, dialogue, formal addressee, character, irony.

Анализ литературной аллюзии получил особенно широкое распространение в эпоху постмодернизма, вместе с развитием понятий интертекстуальности и цитатности художественного произведения. Аллюзия в эпоху постмодернизма непосредственно связана с «восприятием человеческой культуры как единого интертекста, который служит в свою очередь как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста» [1]. Хотя как повествовательный прием аллюзия появилась гораздо раньше, не являясь «изобретением» художников XX в. Отсылка к уже известному произведению, позволяющая акцентировать связи между новым и хорошо знакомым, всегда была эффективным средством диалога автора и читателя: с ее помощью автор, очерчивая общую с читателем область литературного знания, «провоцировал» у него «эффект узнавания», с помощью которого читатель психологически был готов «принять» идеи, воплощенные автором в новом произведении. Одновременно автор мог и не воссоздавать черты хорошо знакомого читателю образа полностью, а продемонстрировать, как «классический» образ может «поворачиваться» той или иной своей «гранью», актуализированной временем, особенностью эпохи, авторским видением и теми задачами, которые ставил в произведении автор.

Роман в Англии XIX в., как известно, представлял собой весьма значимое общественное и

БЯЧКОВА Варвара Андреевна – преподаватель кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного университета
© Бячкова В. А., 2009

культурное явление. С одной стороны, он был одним из наиболее доступных видов искусства. С другой стороны, литературное произведение в викторианскую эпоху стало распространенной формой проведения досуга и средством «невербального общения» между людьми (в том числе писателем и читателем). Английский роман XIX в. отличался особо подчеркнутой «адресностью», «направленностью» на читателя, нередко – прямой апелляцией к его опыту и здравому смыслу. Поэтому использование литературных аллюзий было достаточно распространенным явлением в английской литературе времени: вспомним романы Ч. Диккенса, У.-М. Теккерея, У. Коллинза, Дж. Мередита, Дж. Элиот и др. Викторианские писатели чаще всего обращались к образам и авторам «хрестоматийным», например к Шекспиру, и к «классическим» – древнеримским и древнегреческим – писателям. Мы постараемся показать, каким образом использование литературной аллюзии способствовало укреплению диалога автора и читателя, столь важного в этико-эстетической парадигме английского романа середины XIX в., обратившись к творчеству Энтони Троллопа.

Для анализа выбран роман «Мисс Макензи» (*“Miss Mackenzie”*, 1865), о котором Троллоп говорил как о неудавшемся эксперименте. «Роман “Мисс Макензи” был написан из желания доказать, что вполне возможен роман без любви» [2], – отмечал писатель в «Автобиографии». Он понимал «неординарность» своего замысла. Любовь – тот сюжетный компонент, без которого роман вообще сложно представить. Неслучайно Троллоп говорил: «Писатель должен быть весьма компетентен в вопросе взаимоотношений молодых мужчины и женщины» [3] и способен правдоподобно воспроизвести любовную ситуацию. Однако в романе «Мисс Макензи» Троллоп планировал написать о другом. В центре повествования должна была быть не личная жизнь внешне непривлекательной и немолодой женщины, а ее неспособность обрести независимость даже при достижении финансового благополучия. С этой проблемой сталкиваются многие героини Троллопа. Изображение «паутины» обязательств перед родными, друзьями, обществом, борьба с неблагодарностью и злоупотреблением чужими щедростью, честностью, великодушием представляется писателю одной из важнейших задач, поскольку отражает трудноразрешимую проблему эпохи – проблему внешней и внутренней свободы человека. Ее разновидностью был так называемый «женский вопрос», поскольку в викторианскую эпоху женщина, по большому счету, всецело зависела от мужчины (отца, брата, мужа). Возможностей для социальной самореализации было очень мало, а тех, которые «одобрялись»

бы обществом, – еще меньше. Считалось, что женщина могла найти применение своим способностям и знаниям только в браке – в ведении хозяйства, воспитании детей, помочи мужу в выполнении им его «социальных ролей». Э. Троллоп, как в жизни, так и на страницах своих произведений, в целом разделял подобные взгляды. В «Мисс Макензи» он писал: «Я считаю, что желание выйти замуж естественно для женщины, скажем, от 25 до 35 лет... Жизнь женщины будет несовершенной и неполной, пока она не свяжет ее с жизнью мужа» [4]. Однако писателя определенно беспокоила подобная ограниченность женской судьбы. Представляется, что нежелание Троллопа привести Маргарет Макензи к традиционному финалу – свадьбе – вызвано его попыткой показать, что культивируемой консервативными викторианцами идеи женщины только как жены, «домашнего ангела» и хранительницы очага возможна альтернатива. Однако, по всей вероятности, писатель не смог ее однозначно нарисовать. Эта тема – предмет особого разговора, пока же обратимся непосредственно к литературным аллюзиям в романе.

Изменив первоначальную концепцию произведения, Троллоп отказался и от первоначального названия произведения – «История современной Гризельды». Но этот вечный образ самоотверженной женщины в самом произведении сохранился. Как известно, образ Гризельды, символ беспредельной кротости и терпения, восходит в английской литературе к «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера. Создавая историю Гризельды, Чосер не был оригинален: существовала похожая новелла Х дня в «Декамероне» Дж. Боккаччо, изданном до появления книги Чосера. Однако именно предложенный Чосером образ получил широкое распространение в английской литературе последующих поколений. Образ Гризельды однозначно положительный, и все же уже Чосер говорит о его некоторой «некоторой неактуальности»: легенду о Гризельде он завершает авторским послесловием, в котором не без сожаления напоминает читательницам о том, что беспредельные терпение и самопожертвование Гризельды в современном мире уже не пример для подражания.

У Троллопа в «Мисс Макензи» происходит примерно то же самое. Маргарет Макензи – достаточно «нестандартная» героиня викторианского романа (в этом отношении роман у Троллопа действительно получился экспериментальным). Вопреки викторианским меркам, героиня романа – женщина уже не первой молодости (ей тридцать пять лет). Ее молодость прошла у постели больных отца и брата, ее представления о жизни несколько наивны и неполны: «...в тридцать пять лет мисс Макензи все еще была молодой жен-

щиной», – пишет Троллоп (курсив мой. – В. Б.) [5]. Хотя судьба дает Маргарет шанс «наверстать упущенное» в юности: после смерти брата героя обретает независимость и достаточно солидное состояние. Однако Маргарет не спешит этим шансом воспользоваться. Своим главным долгом она считает заботу о родных и друзьях, а потому становится опекуном и воспитательницей старшей племянницы. Героиня ведет себя как женщина, у которой нет желания выстраивать собственное будущее, ведь всему свое время, а ее время, как ей кажется, уже упущено. Вот, например, она получает в подарок от родственницы платье для благотворительного базара. Миссис Клара Макензи настаивает: «Получать подарки от родных – привилегия молодой женщины». Однако из скромности и даже самоуничижения Маргарет пытается отказаться от подарка, считая, что он не подходит ей ни по возрасту, ни по положению [6].

Героиню Троллопа нельзя упрекнуть в несоответствии викторианским канонам «идеальной» женщины: тихая, скромная, добрая, послушная и преданная, она никогда не пренебрегает долгом родственницы, друга, возлюбленной, просто воспитанной женщины из хорошей семьи (т. е. «леди»). Безусловно, прав С. Уолл, который утверждает, что поначалу может показаться, что «мисс Макензи мало похожа на “конвенциональную” героиню, но сходство есть, и оно больше, чем кажется» [7]. Действительно, Маргарет Макензи обладает «традиционными» для викторианской героини достоинствами. «Гризельдой» ее называет не только сам автор, но и другие персонажи романа, особенно после того, как Маргарет, узнав о том, что доставшееся ей состояние на самом деле принадлежит другой ветви семьи, не раздумывая, отдает деньги их законным владельцам: «Гризельды со всем могут справиться» [8], – восхищенно говорит о Маргарет Макензи «сквозной» персонаж нескольких произведений Э. Троллопа леди Гленкора Паллизер. Автор спешит также подтвердить, насколько героине свойственно сочетание слабости и силы, достойное настоящей Гризельды. С одной стороны, Маргарет готова подчиняться желаниям любимого ею человека. Например, на вопрос о дате их свадьбы она говорит, что «будет готова к тому дню, к которому он велит ей быть готовой» [9]. Но, с другой стороны, такое «послушание» сочетается в Маргарет с мужеством и храбростью: «Настоящей Гризельде вряд ли свойственна трусость» [10]. Именно они помогают героине справиться с интригами, лицемерием, неблагодарностью окружающих.

Как видим, при всей очевидной ироничности авторского отношения к «Гризельде наших дней», сопоставление образа Маргарет с классическим

примером самопожертвования, самоотречения и сверхдобротели становится способом критики нравственных основ общества. А это тоже из области воздействия на читателя.

Одновременно читатель видит, что в характере Маргарет есть черты, отнюдь не свойственные «образцовой» Гризельде, терпеливо сносящей несчастья, в том числе и несправедливые. Героиня вполне может постоять за себя, особенно когда уверена в собственной правоте. В одной из сцен романа она возмущена тем, что жена литеатрального священника бесцеремонно вмешивается в ее дела. Писатель отмечает, что лицо Маргарет во время разговора с миссис Стамфорд было «красно, как пламя» [11]. Когда же происходит не менее бурное объяснение с будущей свекровью (лишившись состояния, Маргарет перестала быть для леди Болл желанной невесткой), героиня повышает голос, «почти кричит», а «в глазах ее блеснула вспышка гнева, потому что она не во всех отношениях была Гризельдой старых времен» [12].

Обыгryвая литературную аллюзию, автор предлагает читателю образ новой, современной героини. Благодаря смешению положительного пафоса и иронии читатель верит в правдоподобие этого образа, он видит, что героиня не идеальна, но ее внутренняя сила и жизнестойкость вызывают симпатию, как вызывают симпатии читателя другие героини, созданные современниками Троллопа, наделенные такой же силой духа, проявляющейся в их словах и поступках: Джейн Эир Ш. Бронте, Мэгги Талливер и Ромолла Дж. Элиот и др.

Приведем еще один пример использования литературной аллюзии в романе. Мы уже упоминали о том, что писателю «не удалось» обойтись без любовной линии в произведении: «любовь оказалась тем, чего хотела героиня» [13]. Но словно «компенсируя» свою «неудачу», Троллоп выбирает для любовной линии достаточно «нестандартное» воплощение. Нужно еще раз подчеркнуть, что один из излюбленных приемов Э. Троллопа – ирония. В «Мисс Макензи» предметом иронии становится именно любовная сюжетная линия, а способом ее выражения – литературная аллюзия, наверное, на самых популярных в английской литературе влюбленных – Ромео и Джульетту. У «нестандартной» героини и возлюбленный должен быть «нестандартным». Действительно, Джону Боллу меньше всего подходит амплуа «героя-любовника». Это пятидесятый вдовец с одиннадцатью детьми, проживший не очень простую жизнь, что не могло не сказаться на его внешности и здоровье. Описав его первое объяснение с Маргарет, автор саркастически замечает: «Как могла она сейчас выйти из комнаты? Такая Джульетта не могла оставаться

там всю ночь, глядя в глаза своего старого Ромео» [14]. Героев Шекспира автор вспоминает и позже, вкладывая в уста Клары фразу, характеризующую непростые отношения между семьями Макензи и Боллов: «Монтекки и Капулетти не собираются продолжать это вечно» [15].

Ирония Троллопа – дань национальной литературной традиции, зародившейся во времена Дж. Чосера, а затем укрепившейся в романах Г. Филдинга и Л. Стерна, Дж. Остен, М. Олифант, Дж. Мередита и др. Писатель заботился о том, чтобы его читатель за счет иронии дистанцировался от романной действительности и не терял связи с действительностью реальной. Читатель должен был «узнавать» в произведении реальную жизнь, а не наоборот, т. е. важно было напоминать читателю о том, что в произведении воспроизведена только «модель» реальной действительности. Но эта модель – предельно правдоподобна, она, как и реальная жизнь, далека от жестких рамок клише и штампов. Именно ирония помогает автору еще раз подчеркнуть актуальность и правдоподобие персонажей. С помощью иронического «обыгрывания» литературной аллюзии читателю напоминают, как разнообразна жизнь, как далека она от заданности и раз и навсегда устоявшихся правил.

Ирония не умаляет актуальности произведения, не отвлекает читателя от идей, которые автор хотел бы донести до него. «Хотя ирония и добродушный тон повествователя помогают скрыть от обычного читателя необходимость читать между строк, „Мисс Макензи“ остается притчей о неудовлетворительных возможностях самовыражения женщины и маленьких радостях, за которые она должна быть благодарна», – пишет один из современных исследователей творчества Троллопа Дж. Нардин [16]. Так, возвращаясь к Джону Болу как «Ромео», нужно сказать, что авторская ирония помогает читателю и «всезнающему повествователю» дать правильную оценку этому персонажу. Посмеявшись, «всезнающий повествователь» вспоминает о других поклонниках героини, которые эгоистичны и расчетливы, а их интерес к ней сводится лишь к желанию заполучить ее состояние. Он задает вопрос: «Несмотря ни на что, не был ли Джон Болл лучшим из них, хотя на голове его не было волос, а лицо его несло отпечаток мрачной, грустной тревоги, всегда переполнявшей его?» [17]. Автор напоминает читателю о том, что сэр Джон действительно любит Маргарет, а затем уже сам герой благородством и преданностью «располагает» к себе читателя. Он, например, не оставляет попыток завоевать любовь обожаемой женщины даже после того, как она становится бесприданницей, для чего готов пойти против воли своей семьи.

Авторская ирония, таким образом, контрастируя с постепенно раскрывающимся в своей положительности образом героя, подчеркивает достоинства сэра Джона и помогает читателю «убедиться», что героиня сделала действительно правильный выбор. Пусть даже в finale романа мы и читаем: «Сэр Джон Болл не был особенно элегантен, но от джентльмена, который женится в пятьдесят лет, никто и не ждет особой элегантности» [18].

Как видим, литературные аллюзии способствуют тому, что читатель лучше чувствует актуальность поднятых в романе проблем и полнее воспринимает «реалистичность» персонажей. Авторская ирония помогает читателю увидеть, чем похожи герои Троллопа на знакомых «классических» героях английской литературы, а чем от них отличаются. При помощи определенным образом поданных аллюзий Троллоп подчеркивает, насколько его персонажи достойны внимания, понимания, сочувствия. Читатель учится ценить их достоинства, учится «узнавать» героев романа в людях вокруг себя и размышлять над проблемами не только романа, но и реальной жизни.

Примечания

1. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интранда, 1996. С. 224–225.
2. Trollope A. An Autobiography. L.: Penguin Books, 1996. P. 122.
3. Там же. С. 144.
4. Trollope A. Miss Mackenzie. Oxford: Oxford University Press, 1968. P. 136.
5. Там же. С. 26.
6. Там же. С. 358.
7. Wall S. Trollope and Character. L.; Boston: Faber and Faber, 1988. P. 241.
8. Trollope A. Указ. соч. С. 356.
9. Там же. С. 400.
10. Там же. С. 385.
11. Там же. С. 152.
12. Там же. С. 294.
13. Там же. С. 242.
14. Там же. С. 88.
15. Там же. С. 342.
16. Nardin J. He Knew She Was Right. The Independent Woman in the Novels of A. Trollope. Carbondale, Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1989. P. 151.
17. Trollope A. Указ. соч. С. 146.
18. Там же. С. 401.

М. Н. Павлова

«ИСТОРИЯ С ВОЗДУШНЫМ ШАРОМ»: НАУЧНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ ЭДГАРА ПО

Рассматриваются приёмы создания Эдгаром По научной мистификации на примере рассказа-розыгрыша «История с воздушным шаром». Произведение представляет собой образец правдоподобного научного стиля в сочетании с сенсационностью газетной заметки.

The article is aimed at tracing the methods of creating scientific hoaxes by Edgar Poe as exemplified in *The Balloon-Hoax*. The story combines verisimilar scientific style with that of a newspaper extra.

Ключевые слова: Эдгар По, американский романтизм, взаимодействие литературы и науки, мистификация, рассказ-розыгрыш.

Keywords: Edgar Poe, American Romanticism, the interrelation of literature and science, mystification, hoax.

Склонность Эдгара По (1809–1849) к созданию литературных мистификаций широко известна. По мнению исследовательницы творчества Э. По Э. Ф. Осиповой, элементы мистификации присутствуют в большинстве произведений писателя, вплоть до знаменитой психологической новеллы «Падение дома Ашеров» (1839) [1].

Согласно одной из современных концепций, мистификации, или «розыгрыши» (*hoaxes*, от английского *hocus-pocus* – «мошенничество, наивательство, обман») Эдгара По являются результатом использования так называемого «дискурса торга» (*discourse of commerce*) в литературном произведении (Т. Уэйлен [2], Т. Д. Венедиктова [3]). По наблюдению американского учёного Теренса Уэйлена, Эдгар По «мастерски переходил с торгового дискурса на эстетический и обратно» [4]. Отечественная исследовательница Т. Д. Венедиктова выявляет истоки литературных розыгрышей в культурной традиции США, возводя их к «небылице» (*tall tale*) – американскому фольклорному жанру, определяемому как «фантастический рассказ, который, опираясь на реализм детали, временно обретает вид достоверности» [5]. Кроме того, рассказ-розыгрыш имеет немало общего с рекламой, интенсивно распространявшейся в Америке в XVIII–XIX вв., а также с газетными «утками», изобретёнными в 1765 г. Бенджамином Франклином [6]. Цель рассказа-розыгрыша – обмануть читателя, убедить его в правдивости повествования при помощи реалистичных деталей и правдоподобного стиля.

ПАВЛОВА Марина Николаевна – аспирант, ассистент кафедры зарубежной литературы Ивановского государственного университета
© Павлова М. Н., 2009

Эдгар По в той или иной степени прибегает к технике мистификации читателя во многих своих произведениях. Рассказ-розыгрыш, повествующий, подобно народным «небылицам», о неком сенсационном событии, как нельзя более соответствует позиции, выраженной Эдгаром По в письме к издателю Томасу Уайту от 30 апреля 1835 г.: «Чтобы твои произведения оценили, необходимо, чтобы их прочли» [7]. Собственно «розыгрышей», рассчитанных на то, чтобы читатель принял сфабрикованные истории за подлинные, в творчестве Э. По можно насчитать шесть. Это повести «Необыкновенное приключение неизвестного Ганса Пфаала» (*The Unparalleled Adventure of One Hans Pfaall*, 1835), «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» (*Narrative of Arthur Gordon Pym*, 1837–1838), «Дневник Джюлиуса Родмена» (*The Journal of Julius Rodman*, 1839–1840) и рассказы «История с воздушным шаром» (*The Balloon-Hoax*, 1844), «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» (*The Facts in the Case of M. Valdemar*, 1845), «Фон Кемпелен и его открытие» (*Von Kempelen and His Discovery*, 1849). Тематически все эти произведения объединяет то, что в их основе лежат истории о вымышленных научных открытиях, экспериментах или научно-исследовательских экспедициях. Поэтому условно эти повести и рассказы можно назвать «научными мистификациями». Большинство из этих произведений сам Эдгар По открыто называет «розыгрышами». Он употребляет обозначение *hoax* применительно к «Гансу Пфаалю» (в заметках к рассказу [8]), к новелле «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» (в письме к другу Джорджу Эвелету от 11 марта 1847 г. [9]) и к «Истории с воздушным шаром» (в письме в редакцию газеты *Columbia Spy* от 21 мая 1844 г. Э. По даёт рассказу название *Balloon-Hoax* [10]). Рассказ «Фон Кемпелен и его открытие» Э. По обозначает словом *quiz*, устаревшее значение которого – «шутка, розыгрыш, мистификация» (в письме к Эверту О. Дайкинку от 8 марта 1849 г. [11]).

Единственным произведением Э. По, где слово *hoax* фигурирует непосредственно в названии, является «История с воздушным шаром» (*The Balloon-Hoax*). Этот редко обсуждаемый рассказ особенно показателен с точки зрения эффекта правдоподобия. Проследим на его примере технику создания Эдгаром По научной мистификации.

«История с воздушным шаром» впервые появилась 13 апреля 1844 г. в разделе «экстренные новости» нью-йоркской газеты *Sun* [12] под заголовком: «Поразительная новость, переданная срочно через Норфолк! Перелёт через Атлантический океан за три дня! Небывалый успех летательного аппарата мистера Монка Мейсона!..

Все подробности перелёта!» [13] (*Astounding news by express, via Norfolk! The Atlantic Crossed in Three Days! Signal Triumph of Mr. Monck Mason's Flying Machine! Arrival at Sullivan's Island, near Charlestown, S. C., of Mr. Mason, Mr. Robert Holland, Mr. Henson, Mr. Garrison Ainsworth, and four others, in the Steering Balloon, Victoria, after a Passage of Seventy-five Hours from Land to Land! Full Particulars of the Voyage!* [14]). Приведённый заголовок является яркий пример газетного стиля, призванного привлечь и удержать внимание массовой, неоднородной читательской аудитории: содержание нижеследующей публикации ясно из первых же фраз заголовка; за счёт опускания глагола-связки *to be* и использования назывных предложений осуществляется компрессия информации; помимо этого, высокая информативность достигается при помощи большого количества имён собственных (топонимов и антропонимов) и числительных [15].

Опубликованная в качестве рассказа в посмертном издании произведений По 1850 г., «История с воздушным шаром» содержит следующий комментарий Э. По: «*Jeu d'esprit* (“шутка”)... отлично выполнила свою задачу: доставила любопытным неудобоваримую пищу на несколько часов... Погоня за “единственной газетой, располагающей подробностями”, превзошла всякое вероятие» (486). Детальное описание обстоятельств, сопутствовавших выходу мистификации, было дано Эдгаром По в письме в редакцию газеты *Columbia Spy* от 21 мая 1844 г., опубликованном 25 мая: «Субботним утром, когда новость была объявлена, толпа на площади вокруг редакции *Sin* буквально осаждала здание; вход был заблокирован — невозможно было войти в редакцию или выйти из неё от восхода и примерно до двух часов пополудни... Мне не случалось наблюдать подобного ажиотажа вокруг какого-либо издания. Лишь только первые газеты появились на улицах, их раскупили, соглашаясь на любую цену... Весь день я тщетно пытался раздобыть себе экземпляр. Было весьма забавно, однако, слышать комментарии тех, кто прочёл “экстренное сообщение”» [16].

В отличие от заголовка, сам текст рассказа тяготеет к научному стилю, особенности которого в XIX в. сводились к объективности и достоверности излагаемого [17]. Эдгар По основывает «Историю с воздушным шаром» на сведениях о последних достижениях в области воздухоплавания. Сочинённый писателем бортовой журнал написан от имени реальных лиц: известного английского воздухоплавателя Монка Майсона (1803–1889) и английского писателя Харрисона Эйнсворта (1805–1882) [18], имена которых, без сомнения, были на слуху у нью-йоркских читателей. Что касается описания конструкции

аэростата, пересёкшего Атлантику, то сам Э. По следующим образом оценивает достигаемый им эффект правдоподобия: «Если... “Виктория” и не совершила такого перелёта, нет никаких причин, почему она не могла бы его совершить» (486).

Итак, в «Истории с воздушным шаром» существует синтез документального и художественного. Э. По делает героями своего рассказа реальных лиц, а также использует ряд достоверных фактов из области аэростатики. Вымышленным является управляемый воздушный шар «Виктория», совершённый на нём трансатлантический перелёт и повествующий об этом перелёте бортовой журнале.

Для создания своей научной мистификации Э. По избирает тематику, живо интересовавшую американцев. Свидетельством тому служат следующие ироничные комментарии, данные писателем ещё в 1835 г. в балтиморских газетах *Baltimore Republican* и *Baltimore Gazette*, соответственно: «Воздухоплавание... в последнее время достигло нелепого размаха, не принося какого-либо дохода организаторам или выгоды обществу»; «Мания по поводу воздушных шаров... заставила многих наших соотечественников пытать счастье в неисследованных областях воздушного пространства» [19]. Это означает, что читательская аудитория была подготовлена к восприятию всех деталей технического описания аэростата и в какой-то мере ожидала сенсационных свершений в этой области. В прессе появлялось много новостей и заметок на эту тему. В частности, в 1840 г. журнал *Burton's Gentleman's Magazine*, редактором которого в то время состоял Э. По, включал «Раздел о науках и искусствах», содержащий обзорение последних технических разработок и научных открытий. Есть все основания согласиться с мнением биографа А. Г. Куинна о том, что его вёл сам Эдгар По [20], поскольку раздел прекратил своё существование с уходом Э. По из редакции журнала в июле 1840 г. В мартовском и майском номерах журнала за 1840 г. присутствуют две заметки об аэростатике, тематически и стилистически тесно перекликающиеся с рассказом «История с воздушным шаром». В первой из заметок [21] сообщается об усовершенствованиях аэростатов, осуществлённых английским воздухоплавателем Чарльзом Грином (1785–1870), которые позволяли совершать более длительные перелёты. Открывается заметка сообщением о публикации Ч. Грина, в которой тот утверждает возможность совершения трансатлантического перелёта на воздушном шаре. Автор заметки в *Burton's* лишь выражает недоумение, почему подобный перелёт до сих пор не был осуществлён.

Вторая заметка об аэростатике из майского выпуска журнала *Burton's*, предположительно

написанная Эдгаром По, посвящена ещё одному усовершенствованию воздушных шаров – так называемому гайдропу (*guide-rope*) – устройству в виде длинного каната для регулирования высоты полёта, действие которого подробно описывается в «Истории с воздушным шаром». Автор обзора в *Burton's* резонно опровергает утверждения французского воздухоплавателя Гарнерена о возможности контролировать горизонтальное направление движения аэростата с помощью гайдропа, поскольку учёные ставили эту задачу «в один ряд с квадратурой круга и вечным двигателем» [22]. Автор заметки приводит отрывок из статьи всё того же мистера Грина, где речь идёт об использовании гайдропа для регулирования *высоты* полёта воздушного шара. Обозреватель находит данные Ч. Грина достоверными, поскольку они основаны на многочисленных экспериментах. Завершается заметка ещё одним утверждением о том, что мистер Грин «с полной уверенностью говорит о возможности пересечь Атлантику из Америки в Европу. И мы не сомневаемся, что вскоре он осуществит свой замысел» [23].

Несмотря на констатируемую в заметках из «Раздела о науках и искусствах» невозможность контролировать горизонтальное направление полёта аэростата, придуманный Эдгаром По аппарат снабжён рулём, что значительно расширяет возможности сюжетосложения. Герои рассказа получают возможность совершить трансатлантический перелёт именно благодаря наличию руля у воздушного шара «Виктория». Указанная техническая подробность не снижает правдоподобия рассказа, поскольку аэростаты в середине XIX в. активно совершенствовались, и одна из основных задач конструкторов состояла в создании управляемого воздушного шара. Первоначальным намерением экипажа «Виктории» из восьми воздухоплавателей во главе с мистером Монком Мейсоном вновь было Э. По был перелёт через Ла-Манш из местечка Пенструталь на севере Уэльса. Однако буря относит воздушный шар в сторону Атлантики, отклоняя его от первоначального курса. Уверенные в надёжности своего аппарата, члены экипажа решают воспользоваться представившейся возможностью и при помощи руля меняют курс в сторону североамериканского континента. Всё дальнейшее путешествие проходит успешно, без каких-либо сложностей, вплоть до приземления в американском городе Чарлстоне. Стеснённый рамками имитируемого документального репортажа в форме бортового журнала, Э. По умело применяет сюжетный ход с непреднамеренным изменением курса аэростата для придания повествованию напряжённости.

Паратекстуальные и графические средства, использованные Эдгаром По в первой публикации «Истории с воздушным шаром», также спо-

собствовали успеху мистификации. Длинный заголовок был призван отразить небывалую сенсационность сообщения (*Astounding news by express, via Norfolk!... Full Particulars of the Voyage!*). Содержащий множество восклицательных знаков и разбитый на строки неравной длины, он был эффективно структурирован графически. Слова были набраны шрифтами различного размера с использованием полужирного текста и курсива [24]. Кроме того, в целях создания эффекта документальности Э. По снабдил рассказ гравюрой с изображением чертежа вымыщенного аэростата.

Помимо опоры на документальные источники при техническом описании аэростата, для создания эффекта правдоподобия Э. По прибегает к соответственному стилистическому варьированию, сочиняя записи в бортовом журнале попаременно от лица двух членов экипажа «Виктории»: Монка Мейсона и Харрисона Эйнсворта. В случае мистера Мейсона, воздухоплавателя, это обстоятельная, нейтральная фиксация фактов: «Нынче утром ветер с десяти упал до восьми-девяти узлов и несет нас со скоростью тридцати морских миль в час или более» (492); «Перед рассветом мы были встревожены странными звуками и сотрясением внутри шара... Причиной этого явилось расширение газа вследствие повышения температуры воздуха и вызванное этим растрескивание ледяной корки, которая образовалась за ночь на поверхности сетки» (494). Комментарии мистера Эйнсворта, писателя, несут эмоциональную окраску и не лишены художественной образности: «Минувшие девять часов, бесспорно, были самыми волнующими в моей жизни. Я не представляю себе ничего более возывающего душу, чем неведомые опасности и новизна подобного предприятия. Дай бог, чтобы оно удалось! Я молюсь об удаче не просто ради безопасности собственной незначительной особы, но ради победы человеческого разума – и какой победы! <...> Огромный светящийся океан извивается и бьется, не издавая жалоб. Гигантские валы похожи на множество огромных немых демонов, мечущихся в бессильной ярости. В такую ночь, какова для меня нынешняя, человек живет – она равна целому столетию повседневности, – нет, я не променял бы этого восторга даже на столетие будничного существования» (492). Являясь специалистом в области аэростатики, Мейсон знаком с подробностями устройства воздушного шара; поэтому он неоднократно сообщает, что путешествие проходило без каких-либо опасностей. Эйнсворт, не будучи специалистом, испытывает некоторое волнение, судя по вышеприведённой его записи. В целях правдоподобия Э. По искусно отразил как личностные особенности двух авторов бортового жур-

нала (исследователя и писателя), так и степень их опыта в области воздухоплавания.

Итак, рассказ-розыгрыш «История с воздушным шаром» представляет собой блестящий пример создания научной мистификации при помощи целого арсенала средств на тематическом, сюжетном, стилистическом и паратекстуальном уровнях.

Примечания

1. Осипова Э. Ф. Загадки Эдгара По: исследования и комментарии. СПб., 2004. С. 32–35.
2. Whalen T. Edgar Allan Poe and the Masses: the Political Economy of Literature in Antebellum America. Princeton, 1999.
3. Венедиктова Т. Д. «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М., 2003.
4. Whalen T. Edgar Allan Poe and the Masses: the Political Economy of Literature in Antebellum America. Princeton, 1999. Р. 48.
5. Yates N. W. William Porter and the *Spirit of the Times*. Baton rouge, 1957. Р. 153. Цит. по: Венедиктова Т. Д. «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М., 2003. С. 44.
6. Венедиктова Т. Д. Указ. соч. С. 48–60.
7. Poe E. A. to Thomas W. White – 30 April, 1835 / ed. J. W. Ostrom // The Letters of Edgar Allan Poe. In 2 vols. Vol. I. Cambridge, Massachusetts, 1948. P. 58.
8. Poe E. A. Note to Hans Pfaall // The Works of the Late Edgar Poe: in 4 vols. Vol. I. N. Y., 1850. P. 46.
9. Poe E. A. to George W. Eveleth – 11 March, 1847 / ed. J. W. Ostrom // The Letters of Edgar Allan Poe. In 2 vols. Vol. II. Cambridge, Massachusetts, 1948. P. 349.
10. Quinn A. H. Edgar Allan Poe: a critical biography. N. Y., 1941. P. 410.
11. Poe E. A. to Evert A. Duyckinck – 8 March, 1849 / ed. J. W. Ostrom // The Letters of Edgar Allan Poe. In 2 vols. Vol. II. Cambridge, Massachusetts, 1948. P. 433.
12. Quinn A. H. Op. cit. P. 410.
13. По Э. А. История с воздушным шаром // Полное собрание рассказов. М., 1970. С. 486. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.
14. Poe E. A. The Balloon-Hoax // The Works of the Late Edgar Poe: in 4 vols. Vol. I. N. Y., 1850. P. 88.
15. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002. С. 282–288.
16. Quinn A. H. Op. cit. P. 410.
17. Fulford T., Lee D., Kitson P. Literature, Science and Exploration in the Romantic Era. Cambridge, 2004. P. 2.
18. Николюкин А. Н. Примечания // По Э. А. Полное собрание рассказов. М., 1970. С. 770.
19. Цит. по: Whalen T. Op. cit. P. 152.
20. Quinn A. H. Op. cit. P. 295–296.
21. Poe E. A. A Chapter on Science and Art (1st installment) // Burton's Gentleman's Magazine. Vol. VI. № 5. March. 1840. P. 149.
22. Poe E. A. A Chapter on Science and Art (3rd installment) // Burton's Gentleman's Magazine. Vol. VI. № 7. May. 1840. P. 247.
23. Ibid.
24. Hayes K. Poe and the Printed Word. Cambridge, 2000. P. XI.

УДК 821.133.1

А. Л. Вышкин

МАРКЕРЫ ВРЕМЕНИ В РОМАНАХ А. ДЮМА «КОРОЛЕВА МАРГО», «ГРАФИНЯ МОНСОРО», «СОРОК ПЯТЬ»

Статья посвящена сопоставительному анализу маркеров времени в романах А. Дюма «Королева Марго», «Графиня Монсоро», «Сорок пять». Особое внимание уделяется функциям и особенностям присутствия слов, связанных с семантикой времени, в названиях и первых фразах глав, а также роли обозначений времени для создания игровой атмосферы произведения.

The paper contains comparative analysis of time markers in the novels “Queen Margot”, “Countess Monsoreau”, “Forty five” by Duma. It focuses on the functions and specific features of words denoting time which are used in the names of the chapters and the opening sentences. The roles of time signals in creating atmosphere of play is analysed.

Ключевые слова: Дюма, время в романе, игра.

Keywords: Dumas, time in novel, play.

Романы А. Дюма «Королева Марго», «Графиня Монсоро», «Сорок пять» образуют трилогию, связанную с переломным периодом французской истории – религиозными войнами, смений династии, началом формирования сильного централизованного государства. Важной чертой поэтики этого цикла романов является сочетание черт исторического и приключенческого романа, что дает основание исследователям использовать применительно к ним определение «авантюрно-исторический роман» [1]. Не рассматривая сейчас специально вопрос о соотношении поэтики приключенческого и исторического романа [2], заметим, что для обеих этих жанровых форм принципиально важным оказывается специфическое отношение ко времени, которое играет существенную и сущностную роль на всех уровнях организации текста. Такое значение времени в романах Дюма предопределяет целесообразность изучения маркеров времени, расположенных внутри текста. Этому вопросу и посвящена данная статья, предполагающая сопоставительный анализ маркеров времени во всех трех романах. К таким маркерам мы относим эксплицитные упоминания даты и времени суток, а также обозначения часов как физического объекта. За переделами внимания, таким образом, оказываются составляющие неотъемлемую принадлежность поэтики приключенческого романа марке-

Вышкин Александр Львович – аспирант, соискатель кафедры романской филологии Института иностранных языков Самарского государственного педагогического университета, декан факультета основного общего образования
© Вышкин А. Л., 2009

ры авантюрного времени («вдруг», «в этот момент», «в тот же миг»), подробно рассмотренные М. М. Бахтиным [3], а также важные для исторического романа сопоставления изображаемой эпохи с современной Дюма действительностью, демонстрирующие дистанцию между временем нарратора и событийным временем, поскольку эти два аспекта временной организации романов, безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения.

Все три романа начинаются с обозначения времени и места, причем если обозначение даты оказывается важным для временной локализации описываемых событий, что соответствует интенции исторического романа, то пространственная характеристика, отнесение действия к какому-то конкретному месту явно вступает в противоречие с парадигмой приключенческого романа, предполагающей активное перемещение героя в пространстве. Однако это противоречие – кажущееся, поскольку описываемое место в дальнейшем не становится местом действия романа, практически все события которого происходят в других, совершенно разных местах.

При том, что во всех трех романах в первом предложении называется точная дата, между способами ее номинации видны существенные отличия. Только в романе «Королева Марго» дата указана полностью, тогда как в романе «Графиня Монсоро» указывается только день недели без числа, а в романе «Сорок пять» – наоборот, только число, без упоминания дня недели. Общим для обозначения времени в первой фразе во всех трех романах оказывается и указание, имплицитное или эксплицитное («Сорок пять»), на необычность, исключительность происходящих либо предстоящих событий.

Как отмечает М. Мишина, «Указание на день, и особенно час происходящих событий в завязке произведения, иногда позволяет предугадать необычайность грядущих событий, как бы приоткрывает завесу будущих приключений» [4]. Однако, на наш взгляд, функции и значение присутствия маркера времени в первой фразе романа оказываются еще более значительными. Чтобы показать это, проанализируем начала всех трех романов.

«КОРОЛЕВА МАРГО»

Le lundi, dix-huitième jour du mois d'août 1572, il y avait grande fête au Louvre [5].

В этом предложении, составляющем отдельный абзац, помимо подчеркнуто точного обозначения времени присутствует и очень важное слово «праздник», причем, в отличие от аналогичного указания на праздник в начале романа «Графиня Монсоро», здесь оно составляет рему, т. е. праздничность, необыкновенность, исключительность происходящего подчеркивается. Созданию атмосферы исключительности способствует и сле-

дующий абзац, в котором также содержатся сразу несколько обозначений времени:

Les fenêtres de la vieille demeure royale, ordinairement si sombres, étaient ardemment éclairées; les places et les rues attenantes, habituellement si solitaires, dès que neuf heures sonnaient à Saint-Germain-l'Auxerrois, étaient, quoiqu'il fût minuit, encombrées de populaire.

Однако в следующих двух абзацах содержатся важные оговорки, которые как раз и призывают заинтриговать читателя и, намекая на исключительность, значительность и драматичность предстоящих событий, имплицитно лишают значимости точность указания даты:

Il y avait, malgré la fête royale, et même peut-être à cause de la fête royale, quelque chose de menaçant dans ce peuple, car il ne se doutait pas que cette solennité, à laquelle il assistait comme spectateur, n'était que le prélude d'une autre remise à huitaine, et à laquelle il serait convié et s'ébattrait de tout son cœur.

«ГРАФИНИЯ МОНСОРО»

Le dimanche gras de l'année 1578, après la fête du populaire, et tandis que s'éteignaient dans les rues les rumeurs de la joyeuse journée, commençait une fête splendide dans le magnifique hôtel que venait de se faire bâtir, de l'autre côté de l'eau et presque en face du Louvre, cette illustre famille de Montmorency qui, alliée à la royauté de France, marchait l'égale des familles principales. Cette fête particulière, qui succédait à la fête publique, avait pour but de célébrer les noces de François d'Epinay de Saint-Luc, grand ami du roi Henri III et l'un de ses favoris les plus intimes, avec Jeanne de Cossé-Brissac, fille du maréchal de France de ce nom.

В этом абзаце содержится сразу несколько маркеров времени, выполняющих многочисленные функции. Во-первых, это указание даты – Le dimanche gras de l'année 1578 (В последнее воскресенье масленицы 1578 г.) Обозначение года, вполне характерное для исторического романа, служит, в первую очередь, для того, чтобы сразу, с первых же строк перенести читателя в далекую эпоху. Однако точная дата в этом предложении не произносится, хотя ее можно достаточно легко восстановить. Число и месяц происходящих событий Дюма обозначает описательно. Таким образом, уже во временном позиционировании текста возникает своего рода неопределенность, сочетание точности и неточности, что придает тексту некоторую недосказанность, загадочность.

По-видимому, подобное сочетание определенности и неопределенности, придающее всему повествованию атмосферу таинственности, можно связать с общей характерной для романтизма тенденцией, стремлением «заинтриговать» читателя, сделать сам процесс чтения захватываю-

щим, увлекательным, в частности с тем приданием концу каждой главы загадочности, которое характерно для романа-фельетона. Это же стремление к «неполной точности», не абсолютной достоверности объясняет и отказ от упоминания точной даты события при указании времени этого события.

Вместо обозначения точной даты Дюма вводит упоминание праздника, *Le dimanche gras*, которое призвано придать всему произведению статус некоторой исключительности, праздничности, необыденности, то есть подготовить читателя к тому, что в дальнейшем речь пойдет о необычных событиях, действиях, поступках и обстоятельствах. Позиционирование описываемых событий сразу же после упоминания праздника, используемого для косвенного обозначения даты, подкрепляется, во-первых, словом «*noces*» («свадьба, свадебные торжества») в заглавии главы, во-вторых, настойчивым упоминанием слова *fête*, которое встречается в этом абзаце четыре раза: первый раз – для указания времени действия, второй раз – для обозначения происходящего мероприятия, а потом – и для маркирования самой связи между событиями и праздничностью (*Cette fête particulière, qui succédait à la fête publique*).

«СОРОК ПЯТЬ»

Le 26 octobre de l'an 1585, les barrières de la porte Saint-Antoine se trouvaient encore, contre toutes les habitudes, fermées à dix heures et demie du matin.

В отличие от двух других романов, необычность ситуации выражена здесь эксплицитно. Следует обратить также внимание на то, что если в началах первых двух романов содержатся отсылки к топосу праздника, то здесь упоминается даже не событие как таковое, а именно ситуация, причем ситуация, никак не связанная с фабульной стороной романа и почти не связанная с основными сюжетными линиями. Однако сама эта ситуация – запертые ворота – все же очень важна для создания обстановки таинственности, необычности, загадочности происходящего и коррелирует с частым обращением Дюма к мотиву преграды. Важной функцией подобных объектов становится именно создание определенной границы между обыденностью и художественным миром произведения.

Таким образом, можно утверждать, что маркеры времени, содержащиеся в начале каждого романа, способствуют созданию обстановки таинственности, загадочности, свойственной хронотопу приключенческого романа, а также выполняют важную функцию формирования игровой атмосферы, присущей романам Дюма.

В названиях глав слова, принадлежащие к семантическому полю «время», встречаются отно-

сительно редко, причем их частотность во всех трех романах примерно одинакова, однако сам характер использования лексики разный.

В романе «Королева Марго» в названиях двух глав присутствует подчеркнуто и даже избыточно точное указание времени и даты, включая год: IV *La soirée du 24 août 1572* и VII *La nuit du 24 août 1572*, еще два названия содержат слово «ночь»: XIV *Seconde nuit de noces* и IV *La nuit des rois*.

В романе «Графиня Монсоро» в названиях глав даты не упоминаются ни разу, и лишь один раз словосочетание «на следующий день» маркирует связь с событиями, описанными в предыдущей главе: *Chapitre VII Comment, sans que personne sût la cause de cette conversion, le roi Henri se trouva converti du jour au lendemain*. В трех других названиях присутствуют слова, безусловно, обладающие семантикой времени, но не являющиеся собственно маркерами времени. Это само слово *temps* в названии главы XVII, а также противоположные по смыслу слова *toujours* и *parfois* во II и III главах; соседство этих названий усиливает игровой характер противопоставления.

В романе «Сорок пять» слова с семантикой времени используются в названиях всего трех глав, причем ни один из этих случаев не связан с указанием на историческое время либо на историческую значимость момента, а также с обращением к авантюрному хронотопу (обратим, в частности, внимание на использование *Imparfait*, крайне редкое в названиях глав трилогии): *Troisième Journée de voyage; Ce qui se passait au Louvre vers le même temps où Chicot entrait dans la ville de Nérac; Comment aimait une grande dame en l'an de grâce 1586*.

Если время не обозначается прямо или отсутствует слово, принадлежащее к семантическому полю «время», в названии главы значимость времени может акцентироваться за счет обыгрывания грамматических временных форм. Например, так происходит в названиях двух глав в романе «Графиня Монсоро»: *Chapitre LXXXII Comment M. le duc d'Anjou signa, et comment, après avoir signé, il parla* и *Chapitre VIII Comment le roi eut peur d'avoir eu peur, et comment Chicot eut peur d'avoir peur*.

В названии этой главы используются параллельные конструкции, отличающиеся только формами инфинитива (*avoir eu peur/avoir peur*); игровой момент, свойственный как названию, так и всей главе (как, впрочем, и многим главам, где основным действующим лицом становится Шико), усиливается за счет многократного повторения в разных формах глагола *avoir peur*: в длинной фразе, за исключением этого глагола, остаются только два значимых слова – *le roi* и *Chicot*, и,

таким образом, акцентируется имплицитное противопоставление двух образов, Генриха III и Шико. Это противопоставление существует не только в этой главе, оно проходит через весь роман. Об этом говорит хотя бы название главы XLV Chicot est de plus en plus roi de France (Шико все больше и больше становится королем Франции), заканчивающейся очень любопытной и показательной сценой, в которой король, поинуваясь настойчивой (и показанной весьма комично) жестикуляции Шико, неожиданно для окружающих меняет свое решение, что дает Шико повод эксплицитно (хоть и очень тихо) заявить: «Настоящий король Франции – это я!».

Противопоставление или, во всяком случае, сопоставление образов Генриха III и Шико, имеющее непосредственное отношение к карнавальному мотиву увенчания/развенчания карнавального короля и, соответственно, к сюжету «король/раб» (В. Иванов), отчетливо реализуется в главе 1 романа «Графиня Монсоро», где Шико облачается в тот же наряд, что и Генрих, и пародирует его, и в главе 49 «Шико I».

Куда активнее обозначения времени используются не в названиях, а в первых фразах глав, причем частотность их употребления во всех романах трилогии остается примерно одинаковой: маркеры времени встречаются в начале 36 из 66 глав романа «Королева Марго», в романе «Графиня Монсоро» – 69 раз из 98 глав, «Сорок пять» – 55 раз из 91. По-видимому, столь частое употребление маркеров времени в начале главы можно связать со спецификой жанровой формы романа-фельетона, предполагающей не только необходимость заинтриговать читателя, заставляя его с нетерпением ожидать следующего выпуска журнала (знаменитая формула «продолжение следует»), но и возможность воспринимать каждую новую «порцию» текста как самостоятельную композиционную единицу: начало каждого нового выпуска (т. е. почти каждой главы) фактически выполняет или, как минимум, обладает способностью выполнять функции экспозиции.

Маркером времени становится и упоминание часов, а также других предметов, выполняющих

функцию часов как указателя времени, таких, как колокола; в этом случае обращение к маркерам времени также способствует созданию игровой (карнавальной) атмосферы за счет акцентирования необычности происходящего, нарушения привычного, обыденного хода вещей:

Cependant l'heure ordinaire du coucher approchait, et l'on pouvait facilement voir que le roi retardait cette heure autant que possible. Enfin l'horloge du Louvre résonna dix fois («Графиня Монсоро», Chapitre VIII Comment le roi eut peur d'avoir eu peur, et comment Chicot eut peur d'avoir peur).

Подведем некоторые итоги. Маркеры времени занимают важное место во всех трех романах трилогии. Однако по своему характеру они способствуют не созданию авантюрного хронотопа, а напротив, скорее его проблематизации и пародированию. Аналогично, указания на время, в том числе и сопоставление изображаемой эпохи с реальностью XIX в., а также отсылки к иным эпохам устанавливают границу между «событием, о котором рассказывается» и «событием самого рассказывания» (М. М. Бахтин), создается дополнительная дистанция между повествователем и героями, между повествователем и читателем, актуализируется сам процесс наррации, т. е. приобретается игровой характер. Именно создание игровой атмосферы и становится важнейшей функцией маркеров времени в романах Александра Дюма.

Примечания

1. См., например: Мишина М. М. Художественное своеобразие романов А. Дюма с исторической тематикой: дис. ... канд. филол. наук. 10.01.05. М., 1993. 190 с.

2. Подробно об этом см., в частности: Durand-Léguern I. Roman d'aventures et roman historique // Poétique du roman d'aventures. Sous la direction d'Alain-Michel Boyer et Daniel Couégnas. Ed. Cécile Defaut, 2004. P. 97–108.

3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. литература, 1975. С. 234–407.

4. Мишина М. М. Указ. соч.

5. Романы Дюма цитируются по изданиям: Dumas A. La Reine Margot. Gallimard, Coll. Folio classique, 1994; Dumas A. La Dame de Monsoreau. T. 1–2. GF-Flammarion, 1995; Dumas A. Les Quarante-cinq. Robert Laffont, 1992.

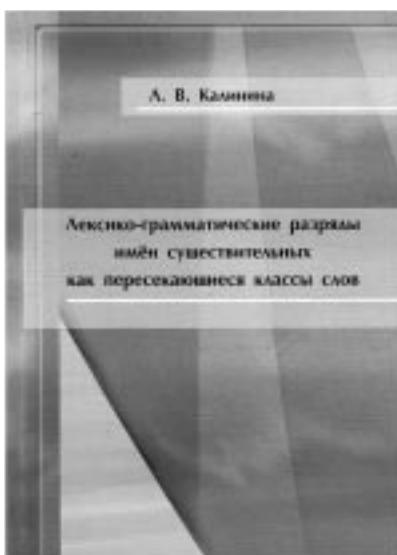
НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ

В сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции «Лингвистика и её место в междисциплинарном научном пространстве» (Киров, 2008) вошли работы отечественных и зарубежных авторов. В статьях, включенных в сборник, рассматриваются актуальные проблемы лингвистики и смежных с ней областей знаний: значение и смысл языковых единиц; межкультурная коммуникация и теория перевода; разные подходы к описанию концепта как основной единицы ментальности; национально-культурная специфика языковых единиц; языковая личность; семантика и функционирование единиц разных уровней в рамках дискурса. Не остались без внимания и вопросы отражения современных достижений филологической науки в вузовском и школьном преподавании.

Межвузовский сборник научных трудов «Семантика. Функционирование. Текст» (Киров, 2008) включает статьи авторов из разных городов России, а также работы зарубежных коллег из Польши и Украины. В сборнике рассматривается широкий круг вопросов, связанных с анализом слова в художественном тексте, с проблемами категоризации и концептуализации языковых единиц; обсуждаются проблемы лексикографии, источниковедения, истории языка и диалектологии; представлен раздел о языке как средстве коммуникативного взаимодействия людей.

В монографии Л. В. Калининой «Лексико-грамматические разряды имен существительных как пересекающиеся классы слов» (Киров, 2009) рассматриваются лексико-грамматические разряды конкретных, абстрактных, вещественных и собирательных имен существительных как пересекающиеся классы слов. Обширный языковой материал анализируется на основе системно-функционального и когнитивного подходов. Лексико-грамматические разряды субстантивных имен характеризуются как средство категоризации объектов действительности. Выявляются закономерности лексико-грамматических пересечений в сфере имен существительных, устанавливаются центральные и периферийные направления внутричастеречного взаимодействия, описываются конкретные модели лексико-грамматических пересечений.

Сегодня уже имеется достаточно много научных работ, посвященных изучению активных языковых процессов. Однако весьма ощутима нехватка учебной литературы, систематизирующей результаты научных исследований и раскрывающей содержание основных разделов курса. Кроме того, практически отсутствуют издания, включающие материалы для работы на семинарских занятиях. Учебное пособие О. В. Редькиной, вышедшее в издательстве ВятГУ в 2008 году, отчасти восполняет этот пробел: в нем представлен теоретический материал по теме «Активные процессы в словообразовании современного русского языка», дополняющий основной учебник (Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001), и предложена система заданий для выполнения на практических занятиях и для самостоятельной работы студентов.

В монографии О. В. Байковой «Современное состояние немецких говоров Кировской области и особенности их вокализма» (Киров, 2008) характеризуются структура и особенности функционирования говоров немецких поселенцев Кировской области. Цель исследования – дать системное описание гласных монофтонгов и дифтонгов как систематизирующих элементов звукового строя немецких говоров.

Книга Т. В. Петрусь «Неповторимое слово А. Грина. Филологические этюды» (Киров, 2007) включает цикл статей автора, опубликованных в разные годы. В них исследуется язык произведений А. Грина. Автор рассматривает художественные функции языковых средств, различные приемы создания языковой об разности. Образно-языковой мир А. Грина характеризуется как система, в которой отражается эстетическая и стилистическая индивидуальность писателя.

В пособии Л. П. Сычуговой «Обучение орфографии: теория и практика» (Киров, 2007) раскрываются методологические, лингвистические, лингвокогнитивные основы формирования навыков орфографического письма. В работе рассматриваются новые теории и технологии обучения орфографии, представлены конкретные рекомендации по реализации новых методических концепций.

В монографии А. А. Злобина «Слово *свобода* в языковой картине мира А. И. Солженицына» (Киров, 2008) рассматриваются особенности семантики и функционирования слова *свобода* в языковой картине мира А. И. Солженицына. Описывается семантика слова *свобода* в различных синтаксических позициях, характеризуются производные от него лексические единицы. Дается сопоставительный анализ концептов *свобода* и *воля*.

**ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В РЕЦЕНЗИРУЕМОМ НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Срок публикации – по мере поступления материалов.

Для публикации статьи в реферируемом журнале необходимо

1) представить в редакцию

- а) отзыв-рекомендацию научного руководителя;
- б) заключение кафедры, на которой проходило выполнение научной работы;
- в) текст статьи в печатном варианте и в электронном виде с приложением сведений об авторе (см. ниже);

2) возместить стоимость издательских услуг, исходя из действующего тарифа (включая тариф НДС). В сумму платежа входит получение автором 1 экз. журнала.

Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к научным журнальным статьям. К публикации принимаются научные статьи объемом от 0,5 до 1 печатного листа, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.

**ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА**

Общие требования

Распечатка на бумаге А4 в 2 экземплярах, дискета с текстом статьи в формате Word или RTF (файл обозначается фамилией автора).

Параметры страницы

Поля: левое – 25 мм, правое, нижнее и верхнее – по 20 мм.

Интервал: 1,5.

Гарнитура: Times New Roman.

Размер кегля: основной текст – 14 пт; сноски и примечания, формулы – 12 пт.

Запрет висячих строк.

Оформление статьи

Текст начинается с указания фамилии, имени и отчества автора статьи (на русском и английском языках). Далее следует название статьи (на русском и английском языках), до десяти ключевых слов на русском и английском языках. После названия (для аспирантских работ) указывается: работа представлена кафедрой (название кафедры и вуза). Статья сопровождается индексом УДК (универсальная десятичная классификация).

Аннотация статьи. Аннотация пишется на русском и английском языках – не более 400 знаков каждая, включая пробелы (помещается непосредственно перед текстом).

Ссылки на литературу в тексте статьи даются в квадратных скобках.

Напр.: Этот вопрос уже рассматривался лингвистами [1].

Литература указывается в конце статьи под заголовком ПРИМЕЧАНИЯ. Далее под номерами указывается литература *в порядке цитирования ее в тексте статьи*. Автор, источник, место и год издания, страница оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 Библиографическая ссылка. Ср., напр.:

Примечания

1. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998.

2. Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 314–370.

3. Кутепов В. И., Виноградова А. Г. Искусство Средних веков / под общ. ред. В. И. Романова. Ростов н/Д, 2006. С. 144–251.

4. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. А. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайновых сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

Рисунки

Формат bmp, tif

Диаграммы

Формат Excel

Таблицы

Формат Word

Математические и физические формулы

Редактор MS Equation

Сведения об авторе (на отдельном листе)

1. Фамилия, имя, отчество (полностью)
 2. Специальность
 3. Ученая степень, звание, должность по кафедре
 4. Полное название кафедры, вуза
 5. Научный руководитель (ФИО, научная степень, ученое звание, должность)
 6. Адрес с почтовым индексом, контактный телефон, e-mail
- Аспиранты очного обучения указывают ведущую кафедру и полное название вуза.
 - Аспиранты заочного обучения и соискатели указывают место работы и должность.
 - Докторанты и преподаватели вузов указывают ученую степень, звание, должность по кафедре, полное название кафедры и вуза.

Все документы необходимо отправлять в одном письме по адресу
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
редколлегия журнала «Вестник ВятГУ»,
направление «Филология».

Редколлегия рецензируемого научного журнала
оставляет за собой право отклонять представленные материалы,
если они не соответствуют установленным требованиям.
Авторам присланные материалы и корректуры не возвращаются.

**Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Филология и искусствоведение
Научный журнал № 1(2)**

Подписано в печать 25.02.2009 г.
Формат 60x84 1/8 . Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 1000. Заказ № 1144.

Издательский центр ВятГГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674